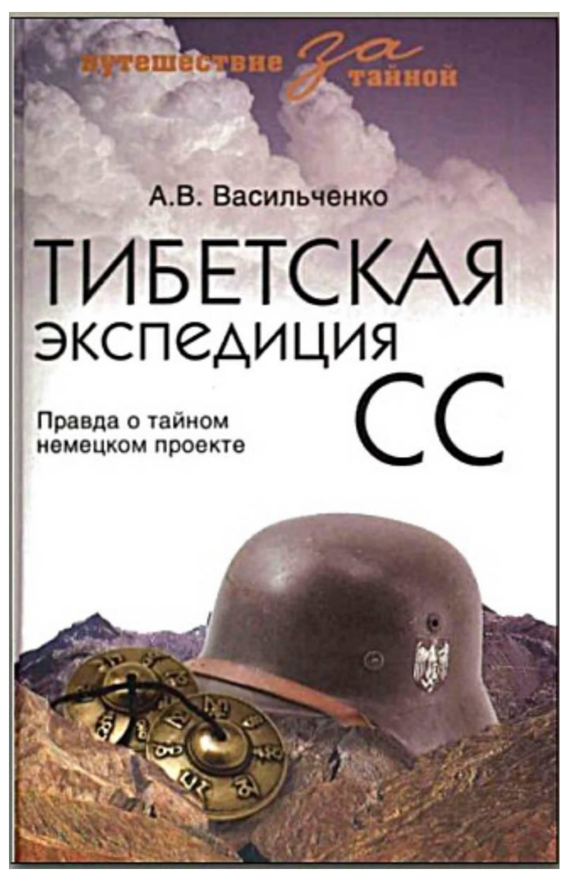
Васильченко Андрей

Тибетская экспедиция СС.

Правда о тайном немецком проекте

А. Кондратьев

Немецкий путь в Гималаи

Эта книга целиком посвящена Тибету. Вернее, той стороне тибетской традиции, которая представляла интерес для экспедиции Эрнста Шефера, стратегически подготовленной Генрихом Гиммлером и отправленной в Тибет в 1938 году при поддержке общества «Аненэрбе». Этот эпизод глобальной метаполитической игры может быть рассмотрен сквозь призму истории. Именно так и поступил автор книги Андрей Васильченко, открывая картину взаимоотношений, влияний и биографий, связанных с подготовкой и проведением экспедиции Эрнста Шефера.

Первая часть книги представляет собой историческое исследование самого А. Васильченко, вторая — не менее исторический отчет о поездке, принадлежащий перу Э. Шефера и с небольшим» сокращениями вошедший в настоящее издание.

Остается непроясненным один лишь момент — какова была «мистика» в этих «арийско-исторических исследованиях»? Ведь паломничество в страну Востока — это не просто «экспедиция» и научно-исследовательский ажиотаж, подчинивший себе паломника, — это бес, уводящий его от сути. Зная сущность такого беса, мы, конечно, могли бы сказать, что логически мотивированное путешествие к мистической теме отношения не имеет, ведь, как четко сказал Людвиг Клагес, «логика — это упорядоченная Тьма, а мистика — это ритмический Свет».[1]

Ритмика экспедиции Шефера станет ясной лишь после некоторого погружения в тот забытый сейчас мир оккультных теорий, от которого зажигали свои светильники Юла и сам Шефер и другие участники экспедиции — прямо там, на одной из гималайских вершин. Свет озарил вершину. «Пламя вверх, — пели немцы, — и глубокая Ночь ясных звезд зависла над нами, как белые мосты». «Flamme empor… und Hohe Nacht der klaren Sterne, die wie weite Brueckensteh'n…»[2]

Но прежде чем мы расскажем об оккультной среде, воспитавшей идею контакта с Тибетом, нужно сразу предупредить читателя, что картина «Тибета на самом деле» и «Тибета в воображении немецких ариософов» — это две принципиально разные картины, как минимум потому, что различен подход к мистике на Востоке и на Западе. «На Западе мистик — это набожный человек, как допускается, высшего типа, но по сути это всегда верующий и поклоняющийся Богу.

Наоборот, тибетский мистик, с точки зрения западных людей, вполне возможно, будет выглядеть как атеист. Однако если мы назовем его так, мы должны остерегаться связывать с этим термином те чувства и представления, которые он вызывает в западных странах».[3] Поэтому требовать от участников одной из первых тибетских экспедиций полного понимания того, что они увидели, — это излишне претенциозно.

Вот лишь один пример такого предвзятого понимания. По итогам экспедиции Шефера был снят фильм «Таинственный Тибет», о котором будет далее рассказано в книге А. Васильченко. Чуть ли не в самом начале этого фильма нам показывают образ Махакалы, поясняя, что это — чуть ли не демон мрака, и отсюда берутся черепа на его изображении. «Им, дикий, гордый и непобедимый Махакала, пожирающий трупы на своем праздничном пиршестве и пьющий моря крови, — будет писать о Махакале сам Шефер, приписывая подобные обращения тибетским ламам. — Махакала разрежет на куски многоводную реку твоей жизни и истребит на Божественном пире твое тело. Он — опьяненный молнией и демон, разрушающий демонов. Хайль, Махакале, Духу всех мертвых».[4] «Махакала — это черный кровожадный Бог, которого люди Сиккима, небольшого города в Гималаях, почитают как Господа всех существ и духов», — будет рассказывать своим читателям нацистская газета «Народный обозреватель». «Kiki Huhu — Хайль Махакале, Духу всех мертвых! Боги танцуют в Гималаях!»[5]

На самом же деле Махакала в тибетской традиции — это вовсе не «Дух мертвых», и тем более — «всех мертвых», как хотелось бы авторам этих популярных очерков. Махакала — это защитник, не более того! И подобных расхождений между реальной тибетской традицией (несомненно, очень древней, сохранившей остатки индуизма и митраизма, рунической письменности и еще много чего другого) и тем образом этой традиции, который сложился у европейских эзотериков и духовидцев, — этих расхождений очень много, по большому же счету те знания, которые хранятся в Тибете, остаются Европой непознанными вплоть до сих пор, несмотря на бурное развитие с 1950-х годов науки тибетологии.

Немецкая Книга мертвых

Интерес к теме мертвых, превратившийся в Третьем рейхе в своего рода культ (присяга перед знаменем, обагренным кровью шестнадцати юношей — жертв мюнхенского путча, построение колоссальных некрополей, да и вообще какое-то некротическое беспокойство на

темубессмертной арийской расы»), — этот таинственный интерес к мертвецам вырос в целую серию странных книг, странных прежде всего необычной пропорцией «живого» и «мертвого».

Подобно пятилетним детям, древние германцы вообще не знали смерти — постулировал, например, Отто Хефлер,[6] — мертвые являлись живым, радовались с ними вместе, совершали братчины и безумные неистовства, следуя в свите «Дикой Охоты» за своим предводителем, первоумершим, не знающим смерти Вотаном, которого в тайных союзах именовали «Мертвый Ирмштер».[7]

Ради единства живых и мертвых было основано общество «Аненэрбе», в название которого вкралась одна недомолвка: «Наследие предков» — это ведь «Наследие мертвых предков», однако про них не говорилось, что они мертвы, — они живы в тех же германских братчинах, в ритуалах Черного Солнца, в едином для всех немецком языке и в таинстве Дикой Охоты. Капли крови, пролитые некогда за Германию — не важно, было ли то на злополучной площади Мюнхена или в самом Тевтобургском лесу — из этих капель пролитой крови вырастает новая Империя, в основе которой — Ahnen-Erbe, Ahnen-Vermaechtnis…

Благословенная страна дедов-прадедов («Рай, находившийся в Атлантиде» — по Карлу Цечу[8]) носила название «Атталантис». Там почитался Бог-Всеотец, а страна эта уже в самом своем названии содержала рассказ о Нем. «Атталантис, то есть, в сокращенном виде Атлантида (Atlantis), была страной отцов, от слова Atta = Отец = Ahne и слова lantis-Land, то есть, «земля». Слово «Атта» означает в готском переводе Библии епископа Ульфилы «Отец» и встречается в лютеровской Библии как «Абба» (отец любимый). В немецкой разговорной речи это слово встречается еще в виде Aettig Dada, а также в названиях немецких городков и деревушек: Attel, Aktelsdorf, Attenfeld, Attenhausen, Attenhofen или Attenkirchen. Название «Атлантида» узнается также в имени горной цепи «Атлас» и в звучании мексиканских городов «Атлан» и «Астлан». Проживающие в Мексике ацтеки утверждали, что они происходят из страны Атлан, находившейся далеко к Востоку в море — то есть, также из Атлантиды.

Переселившиеся оттуда носили имя «Айя» = арья = ариас, в противоположность иным человеческим типам и человеко-животным. Свою страну благородные айя называли «Айяланд» (Aialand). О распространившихся на Юг вплоть до Сибири айях Напоминают географические имена: Азия (Asenland, страна Асов), Сырдарья, Гималаи (Himalaya, Небо Ариев = Himmel der Arier). Слово Aia встречается также и в Эдде. Первая человеческая пара именуется там «Ai» и «Edda». Также и Гомер упоминает название «Aialand», заставляя Одиссея плыть к волшебнице Кирке на дальний остров на Западе, именуемый «Эйя» или и Айя».[9]

Восстание Зверобога

По данным опубликованных накануне Третьего рейха «Изначальных текстов Первого Божественного Откровения, Атлантической Протобнблии, Золотой Книги человечества», восходящих, по версии публикатора этой книги Ф. Шмида, к эпохе Земного Рая (около 85 000 г. до Р.Х), в Атлантиде была синархия — совместное правление двенадцати Айев, тринадцатый из которых, по имени Бохика Эссе Амаута, восседал в самом центре. Все атлантические князья-первопредки занимали свои золотые троны, но четырнадцатый вечно оставался пустым — невидимый для человеческого глаза, там располагался Сам Бог-Всеотец (Allvater-Gott), сотворивший и Небо, и Землю.

Если бы Бохика Эссе Амаута был чуть более расторопным, он бы никогда не позволил причалить к тому благословенному краю послам от племен Аск и Эмбла, приплывшим под красно-коричневыми парусами и устремившим к нему подобострастные речи. «Мы — послы от наших двух племен, от родов Аск и Эмбла, которые находятся на Востоке широкого водного пути, и которые тебе всегда служили, ведя торговлю с народом Айев», — сказали

послы от народа с Идейских полей, попросив Бохику Эссе Амауту лишь об одной милости — не запрещать представителям их народа переселиться поближе к народу Айев, в места, чуть севернее страны Атга-лантис. Поскольку царь Бохика Эссе Амаута был царем весьма добрым, он, несмотря на возражения своего министра морского флота Амуд Арьи и министра военных дел Айяр Ману, как говорит «Атлантическая Протобиблия», разрешил переселиться «детям удуму и чандал», народам Аска и Эмблы (по-германски, Адама и Евы) в те благословенные районы Айев, где когда-то был Рай и Царство Божие на Земле.

Отныне в стране Атталанте начались постоянные кошмары, братоубийства и революции, приведшие в конечном счете к захвату страны Альфатора злобными чандалами, так что «священный город всех городов впервые увидел в своих стенах смерть и кровь». В тексте «Атлантической Протобиблии» эта кровь называется кровью «Сынов Божиих», проливавшейся «детьми удуму и чандалами» по указу их «зверобога Явии» (Tiergott Jawia), в честь которого на Агга-ланте был воздвигнут огромный храм, где приносились кровавые жертвы из айянских женщин, детей и стариков.[10]

Происхождение этого оккультного апокрифа реконструируется без особых усилий. Автор и «дешифровщик» его Френцольф Шмид с огромной симпатией относился к отцу-основателю современной ариософии Ланцу фон Либенфельсу, и вместе с автором «Атлантиды, Эдды и Библии» Германом Виландом входил в созданный Гербертом Райхштайном «Ариософский центральный комитет по культуре» («Ariosophische Kulturzentrale», AKZ), который был, как бы теперь сказали, своего рода «think tank» тогдашних оккультных националистов. От Либенфельса Шмид позаимствовал теорию «чандалацамитов» (потомков Адама — звероподобного животного), а от Виланда, чья программная книга об Атлантиде вышла шестью годами ранее — само понятие «Атталанд», которое Виланд, как мы уже видели, также связывал с Айями и относил к региону Гималаев (Himalaya, Небо Айев = Himmel der Arier).

Ритуалы каменных Кругов

Впрочем, о Гималаях. В тогдашней немецкой эзотерической литературе встречались и более интересные толкования. К примеру, в книге «Золотой Век Человечества» один из крупнейших магов арманической школы Рудольф Йон Горслебен интерпретировал «Гкмалаи» как Himmels-lage или Himmels-steinkreisgelege, то есть «небесное расположение» или «небесное место каменных кругов».[11]

Под каменными кругами у Горслебена подразумевались мегалиты, о ритуальном применении которых в работах арманических магов было высказано немало интересных соображений. Начиная с эпохального исследования Гвидо фон Листа «Мистериальный праязык арио-германцев» (1910), мегалиты ассоциировались с ангельской магией, особой мистикой гласных, каждая из которых в диаграмме, звучавшей как «АР-ЭХ-ИС-ОС-УР», располагалась с одной из пяти сторон и визуализировалась внутри каменного круга. Это был древний арманический ритуал, близкий к учениям Калачакры,[12] смысл которого заключался не только в возвращении к Праязыку, но и в символическом порождении новых людей, именуемых Гвидо фон Листом «арио-германской расой».

Сложная техника визуализации, лишь обозначенная, но не раскрытая в «Мистериальном Праязыке…»,[13] состояла в том, что каждая руна понималась (в том числе) как особая стадия космогонического процесса, звук выражения которой заключал в себе вибрацию этой руны. Ар(изначальное Единое, Всеотец, Альфатор) порождало себе Всемать (Эх), то есть Мудрость или Сверхнебесную Супругу. Так возникала Перводвоица проявленного мира, Божественный Царь и его Матронит, как сказали бы каббалисты.[14]

Из этой первоначальной Диады образовывается затем руна Ис — активный, зачинающий аспект Солнца, изображаемый в виде вертикальной линии. Это есть вертикаль мироздания, однако для того, чтобы произошла иерогамия, нужна Космическая Матка, Шакти. Наша сила,

и воля, и знание суть ничто, если нет женского начала. Руна Ис— это рост, вертикаль, но для порождения множественных миров необходима именно Мать — это и есть руна Ос — космическая Эостре, «добрая матушка Оста ра», как называли ее ариософы. Эта «наша Эостре» есть поэтому пассивный, страдательно-порождающий аспект Бога, медиумизм в душе Бога, позволяющий не только ниспосылать, но и воспринимать космические волны — подобно тому, как и человек есть живая антенна и излучатель одновременно.

Конечно, все порождение было бы неполным, если бы пары салических рун (Ар-Эхна небесах и Ис-Урв проявленном мире) не зачинали Божественного Ребенка. Это и есть Ур, изначальная и последняя руна арманического ряда, замыкающая круг и дающая другим гласным последнее основание. Так из камней, на которых совершалась арманическая визуализация, возникал мистериальный Праязык ариогерманцев — в насмешливой форме эту гипотезу перепевал бесконечно ироничный поэт Готтфрид Бенн:

«Величию древней речи

— Молвит языковед, —

Камень служил

предтечей,

А людям и

дела нет».

Троянские камни

Существующее в странах Европы древнее обозначение этих «гималайских» каменных кругов, где совершалась мистерия бракосочетания богов и происходило рождение «древней Речи», звучит как «Троянский замок» или «Дворец Трои». По-немецки: «Trojaburg». «Если мы теперь зададимся вопросом, что общего между понятиями, заключенными в германском слове Troie, означающем крепость, фуфайку и танец, то получится, если считать, что это один и тот же корень, не что иное как охранение, обвертывание и обведение, и тот же смысл еще Клаузен находил в латинских словах Troja (в ludus Trojae, троянская игра), trua и trulla (ковшик и сковородка), и даже в слове troia в значении «свиноматка» (итал. troja, франц. truie), причем в последнем случае он исходил из понятия вертеться, имея в виду, что животное корчится в родовых муках».[15] А поскольку корень tro, troi, tru в германском, кельтском, латинском и греческом языке приобрел значение «верчения», «вращения», «кружения», да и в древненемецком «трои» и «тройер» означают танец, то, приняв во внимание чертеж и использование троянских замков, вполне можно представить себе, что англо-скандинавские выражения Troytown и Trojeborg можно перевести как Круглый замок или Замок танца и, может быть, как Путаный замок, так как понятие верчения (др. — нем. drajan, готск. thrajan, кельтск. troian, ср. — англ. throwen, ср. новоангл. throe, кружить) легко переходит в такие понятия, как запутывание, опутывание и заблуждение, если не заколдовывание. Отождествление Тройеборга с Треллеборгом или Тролльборгом в скандинавском языке тоже указывает на подобное понимание этого слова; ибо немецкое слово drillen (буравить) первоначально означало «вертеть», gedrollen — «круглый», а английское troll — «катиться» или «кружиться», в шведском же вновь в переносном смысле: «ворожить».[16] Так, по мере вырождения изначального ритуала в фольклор и обряд, смысл «гималайского» вращения рун и космогонического брака богов выродился до кружения на мегалитах, практикуемого в некоторых районах Европы вплоть до сего дня. Чаще всего эти германские радения совершаются в дни летнего солнцестояния, потому и рождаемые после плясок и тройеров дети (Ур) возникают по прошествии девяти месяцев как «подарки аиста» — эта гиперборейская птица возвращалась с зимовья в начале весны, в «птичий день», birthday.[17]

Зачатие на камне

Как это ни странно, но именно отсюда происходит знаменитая фабула о бравых эсэсовцах, имевших гиммлеровское задание зачинать детей прямо на кладбищах. Иногда эта сказка формулируется даже так, будто Гиммлер, как человек (что верно — то верно) очень сведущий в астрологии, высчитывал даже специальные дни, особенно подходящие для таких кладбищенских совокуплений. Списки этих «дней ритуала» печатались якобы в эсэсовском журнале Der Schwarze Korps («Черный Корпус»), вместе с названиями мест, которые этим датам наиболее соответствовали.

Эта история, вот уже многие десятилетия плавно кочующая из одной книжки в другую, не так уж бессмысленна, как могло бы показаться на первый взгляд. На самом деле она восходит к вполне реальному письму рейхсфюрера Вольфраму Зиверсу, от 17 августа 1944 года. Между делом Гиммлер рассказывает Зиверсу о недавно попавшейся ему в руки книжке этнографа Йона Майера под названием «Могила предков и брачный камень»,[18] где действительно отражены народные обычаи, очень похожие на вышеприведенное объяснение Эрнста Краузе («Троябурги — вертеться — кружиться — свиноматка и т. д.»).

Разумеется, ничего подобного этим народным обычаям самими эсэсовцами не совершалось. По крайней мере, по указанию самого Гиммлера. Однако сама легенда имеет к нашему «гималайскому» сюжету непосредственное отношение, и потому над ней следует немного помедитировать.

Основная идея понравившейся Гиммлеру книги Майера состояла в том, что крышки дольменов (мегалитических гробниц) использовались древними германцами с той же целью, что и так называемые «брачные камни» — древними индусами. В Индии девушка, желающая уйти из родительского дома в дом своего будущего супруга, с древнейших времен должна была отравиться сначала на так называемый «брачный камень», служивший у рода ее будущего супруга в качестве склепа или родовой гробницы. Здесь, как и, например, у японцев, господствующим было представление, что если молодые люди начинают друг другу нравиться, то это вовсе не оттого, как сейчас говорят, «она понравилась ему» (если вдуматься, очень невнятная формулировка), а оттого, что духи его предков нашли общий язык с духами ее предков и решили между собой в тонком мире, что именно их внучка максимально подходит внуку для порождения правнуков и пра-пра-пра-внуков.[19] И потому внучка должна была отправляться на родовой камень этих духов, совершать там различные арманические ритуалы, порождать с мантрами гласные Изначального Языка и зачинать идею Ур-сына, так, чтобы последующий Ур-сын не родился «без аиста», то есть без «мегалитического» согласия духов-охранителей, ангелов и первопредков. Именно отсюда и происходит, возможно, образ Митры, рождающегося из камня, не говоря уже о сложнейшей теории Германа Вирта — о так называемом «мегалитическом христианстве», почитающем Бога-Сына рожденным, умершим и вое «кресшем на Камне.

Раскиданные от Северного моря до Крита, эти «брачные камни» (они же — «большие гробницы») располагались, как правило невдалеке от индогерманских поселений,[20] чем достигалось указанное нами в начале статьи реальное единство живых и мертвых, единство-тождество со своими «Atta» и с не-проявленным Альфатором.[21] Кроме того, брачный камень служил как бы посредником, с помощью которого незамужняя девушка могла снискать расположение мужчины, а уже женатые дамы — добиться хорошего чадородия с помощью специального ритуала.[22] Этнограф-историк Хорст Кирхнер рассказывал даже, что подобное бракосочетание было совершено еще 25 мая 1197 года императором Филиппом Швабским с дочерью греческого василевса Ириной. Это был брак прямо на мегалите, хорошо известном «Гунцельне» неподалеку от Аугсбурга. А в Вирхове, что около Ноймонда, существовал обычай: бездетные пары забирались на «крышку» еще и сегодня существующего мегалита,[23] с тем чтобы связанные с ним духи ниспослали им «солнечную Ур-энергию»[24] для зачатия «солнечного ребенка».

Уранические дети

Так появлялись на свет «Уранические дети» («Ur-Ahne» означает по-немецки «первопредок»), о которых в ариософии рассказано немало интересного. В 1932 году, в самый канун утверждения рейха, была опубликована глубокая профетическая книга графа Александра фон Брокдорффа, воинственного антидемократа, пророка и эзотерика, убитого по непонятным причинам гестаповцами в 1939 году. Граф фон Брокдорфф, выбравший для себя литературный псевдоним «Йори» (вполне вероятно, таково было его имя в каком-нибудь оккультном ферейне), рассказал людям о надвигающемся «Ураническом Миро-повороте» под названием «Ur We W». Этот самый «Уранический Мироповорот», Uranische Wfeltwende (ср. теорию «Heilige AAfende» у Германа Вирта) должен был, по мнению графа, состоять в кардинальном изменении человечества. «Существующие ныне меркуриальные люди, — писал фон Брокдорфф, — должны быть окончательно уничтожены людьми ураническими». В этом, как он полагал, состоит «великая тема грядущих десятилетий», когда ариогерманские народы получат «магические потоки энергии» и кардинально поменяют цели и задачи своего существования.[25]

Эта идея «детей Ур», озвученная еще Вергилием в знаменитой четвертой эклоге,[26] а сегодня повсеместно звучащая как идея «детей индиго», связана в арисофии не только с праязыковым «расположением Небес» (Himmels-lage), с рождением руны «Ур» или магической «Ур-энергией» (Вриль, Оргон, Фохат или Аур как третье измерение Фохата[27]), но также и с идеей «Небесного Царства». В знаменитом «Библиомистиконе, или Тайной Библии посвященных», представляющем собой десятитомное изложение всей библейской расовой эзотерики, Ланц фон Либенфельс называет отдельный том (том 9, часть 2) «Христос и Электротеонический Человек Уранического Века». В этом томе со свойственной Либенфельсу обстоятельностью изложено, можно сказать, общеариософское понимание Христа как Светового, Энергетического начала, зачинающего новую ариогероическую расу, людей-ангелов, «Уранидов» или «Электрозоо».

Ur we we

Ссылаясь на предсказания астрологов,[28] Либенфельс говорит, что объявленный астрологами «век Урана» будет эпохой биоэлектричества. Речь велась о том же самом явлении, которое сегодня именуется «свободными энергиями» (freie Energien) и знание о котором уходит в глубины ицдогерманской традиции. Эти энергии были основой модной в то время «рунической йоги», и потому рунойоги воспринимали грядущий эон не менее мессиански. В книге «Священная власть рун», опубликованной в один год с йоревской «Ур Ве Ве», Зигфрид Адольф Куммер предсказывал: «С 1936 года мы живем в эпоху Водолея. Согласно древней арио-германской мудрости, науке и религии, с вступлением Солнца в знак Водолея начнется великое возрождение древней германской мудрости. Арманический дух наших отцов вновь рождается в нас, германцах, и сильнее проявляется Наследие нашей крови. Арахари сияет, Странник-Вотан вновь путешествует по германским областям. Водолей является также зодиакальным знаком духа расы, и месяц Водолея с 20 января до 20 февраля каждого года считался нашими германскими предками хорошим временем для зачатия. Родовые схватки нового века в смутную эру Рыб все сильнее обращают на себя внимание в последнем десятилетии. Дух Рыб повсюду борется с новым, становящимся все более арийским, здоровым духом эры Водолея».

Идея грядущего мироповорота была ключевой также и в ранней пьесе Германа Вирта (1909), носившей именно это название (Heilige Wende) и переизданной в 1934-м. Кроме того, в ту же самую ночь Юла вышла в свет «Хроника Ура Линда», которую Вирт считал возвращением к Древнейшему Завету германских предков и своим подарком к Великому Юлу, переданным их потомкам. Вот как заканчивал эту книгу сам Герман Вирт: «Из глубочайшей ночи, в которую мы низошли, из совершенного унижения, в которое мы погружены, по пророчеству Белой Женщины, наш народ должен подняться наверх вместе с Колесом Времени. Под знаком этого Колеса Юла и Колеса Поворота, под знаком исполняющегося в

нашем народе Времени Божьего, стоит наш Третий Рейх. И да приведет оно наших детей и детей наших детей снова к победе Света и Жизни, к Благу наивысшего подъема.

Воскресная ночь, 12 ноября 1933 года, когда немецкий народ вернулся к Чести и Свободе».

Под «поворотом Колеса Юла» Вирт разумел возвращение к древнейшей тевтонской религии, искренне веря, что именно религиозное, а не экономико-социальное Преобразование способно вернуть выходцам с Атлантиды былое величие их северных предков. «Хроника Ура Линда» мыслилась Виртом как проект своего рода катехизиса этой веры — точно так же, как и «25 тезисов тевтонской религии», опубликованные великим мистиком Эрнстом Бергманном также под Рождество 1934 года и предваренные не менее мессианским эпиграфом: «Есть лишь две вещи, в которых действительно нуждается немец: это Истина и Железо. Лейпциг, в момент Великого Поворота (ночь Юла) 1933 года».[29]

То, что другие обозначали как «Поворот» («Кайрос» Тиллиха, «Kehre» Хайдеггера, «возвращение к Чести и Достоинству», «поворот Колеса Юла», «уранический миропереворот» или «наступление Эры Водолея»), мыслилось Л ибенфельсом как переход к господству электрозоо и наступление «Царства Небесного». Само это выражение (regnum coelorum на латыни, basileia ton Ouranon по-гречески или thiudangardi, thiudinassus himins на готском), употребляемое в Новом Завете по отношению к грядущему Зону Христа, Либенфельс понимает как «Царство Небесных Духов», «Царство спустившихся с Небес», «Царство Ангелов или Электрозоо». По версии Либенфельса, везде, где в Библии речь идет о «Небесах», там нужно читать «Ангелы» или «Солнечные Герои», «Существа Уранической Расы», «народ господ и аристократов». Как в «Изначальных текстах Первого Божественного Откровения, Атлантической Протобиблии» Френцольфа Шмида, так и у Либенфельса этот народ противопоставлялся «чандалам и удуму (адамитам)» и выводился из Атталанда, то есть из Атлантиды. По данным ариософии (и это еще один «ариософумен», своего рода locus communis[30] этого направления эзотерики), Атлантид было как минимум две, и наследники последней из них расположилась в районе Гоби и Гималаев.

Экспедиция Иллиона

Именно туда в 1934 году отправляется немецкий путешественник Теодор Иллион (1898–1984), немецкий врач канадского происхождения, знавший тибетский язык и желавший расширить свои познания в области тибетской медицины. Переодевшись странствующим монахом, Иллион долгое время путешествовал по Тибету, а по возвращении в Германию опубликовал в оккультном издательстве «Уранус» (где, к слову сказать, незадолго до этого были изданы пророчества об «ураническом веке») свои путевые дневники. Это была книга «Загадочный Тибет».[31] По одной из версий, именно содержащиеся в этой работе описания дали повод для последовавших затем экспедиций общества «Аненэрбе».

Описания были и впрямь удивительные. Иллион рассказывал, как, общаясь с различными ламами, разбойниками и мудрецами, он узнал о существовании в Гималаях огромного подземного города — «мощной подземной империи со многими миллионами жителей».[32] Иллион отправился на поиски подземной империи и, много раз рискуя жизнью, наконец оказался там.

Жителей в обнаруженной им подземной империи было действительно много. Все они явным образом подразделялись на две группы, одна из которых носила одеяния из шелка, а вторая — из хлопка. Первые были по всем своим признакам людьми, они двигались как люди, жизнерадостно разговаривали с Иллионом и были внешне весьма привлекательны. Вторые же, облаченные в хлопок и составлявшие большинство этой колонии, были людьми лишь наполовину. Да, они выглядели как люди, но при этом движения их были механистичны, «они двигались как автоматы и глаза их напомнили мне глаза мертвецов».[33] Как

выяснилось позднее, эти подземные «мертвецы» были действительно не совсем людьми. Они были слугами колонии, зомбированными под выполнение определенных функций.

Правление в подземной империи было матриархальным и целиком основанным на посвящениях. «Во время моего пребывания в долине таинств я постоянно слышал титулы наподобие «подателя божественной Мудрости», «мастера Света», «апостолов Света», «Спасителя душ», «Господа сострадания», «просветленного учителя» и некоторых других. Каждая инициация еще ближе связывала обладателя титула с Вождем братства, и я предполагаю, что обладатели высших титулов не имели более никакой личности, но действовали лишь исключительно как исполнители Божественной Воли — без сердца, без тела и без души». Да, эти люди имеют огромные сверхспособности, но бездушия их это не компенсирует. Страхи Иллиона начинают усиливаться по мере того, как он замечает, что Священный Город устроен по образцу гигантского муравейника или масонской ложи, а все здания в нем приспособлены для того, чтобы в любой момент открыть шлюзы и затопить весь подземный город.

Во дворце тамошней правительницы по имени Лхамо-хун Иллион узнает, что он — второй белый, побывавший в этом подземном городе. Потому к Иллиону был проявлен такой сильный интерес, и даже сама правительница и верховный жрец Мани Ринпоче удостоили его почетной аудиенции, желая дать ему высокие посвящения и включить в пирамидально организованное сообщество. И лишь западный критический разум, свободолюбие и недюжинная находчивость помогают Иллиону выбраться из Подземного Царства.

Дальнейшее развитие сюжета

Яркий и интригующий сюжет, с набором типичных для антиутопии компонентов (от магической технологии зомбирования до постановки на службу братству всей частной жизни адептов, включая использование «высшей сексуальной энергии» общинников), стал причиной того, что сегодня работы Иллиона о «подземном Тибете» относят скорее к разделу «сайнс фикшн».[34] Модная в те годы тема «Агартхи» превратилась под пером Иллиона в зловеще-конспирологиче скую поэму, а идея теософов о «великих гималайских посвященных, скрывающихся в Гималаях», была вывернута наизнанку, приукрашенная скептически-либеральным испугом перед «всяческим тоталитаризмом». Эта (смешная для тибетолога, но таков был тогда уровень знания о Востоке!) вражда к посвящениям не мешала самому Иллиону стать в конце своей жизни, уже в 1970-е годы, одним из членов «Римского клуба»… И то и другое (и воинствующее неприятие инициаций, и близость к масонским структурам) должно было, казалось бы, отпугивать ученых и мистиков «Аненэрбе», двигавшихся в Тибет тропами духовного патриотизма, в поисках «Атталанты» германских первопредков. Однако в подавляющем большинстве разоблачительных и даже неонацистских книг, выходивших в послевоенные годы, утверждается, что именно иллионовское описание Underground City, расположенного в Гималаях, стало источником «Аненербе», из-за желания проверить который, собственно, и возникла экспедиция Шефера.

Так, например, в «Черном Солнце», знаменитом бестселлере Петера Мун,[35] книги Иллиона представлены не как художественный вымысел, а как источник знаний о вполне реальном Тибете, при том что описанный Иллионом подземный город оказывается частным случаем «Полой Земли», подтверждением гляциальной космогонии Ганса Гербигера, в которую, как известно, искренне верил сам Генрих Гиммлер.[36] Да и сам город приобретает название: из безымянного «города под землей» или «империи со многими миллионами жителей»[37] он превращается в «государство Агарту» — именно такое название соответствующей подземной империи мы встречаем в работе польского путешественника Антония Фердинанда Оссендовского, вышедшей по-немецки в один год с открытием в Берлине Буддийского дома.[38]

Там говорилось, что подземное царство Агарты населено представителями прежних циклов истории («800 миллионов жителей» — почти как у Иллиона!) и простирается по всему

земному шару, имея выходы на поверхность Земли как в Америке, так и в Тибете. По рассказу тибетского ламы, приведенному в книге Оссендовского, «в Аггарте ученые пандиты записывают на каменных плитах все научные открытия нашей планеты и остального мира, что известно китайским ученым буддистам».[39] Кроме того, там имеется сверхсовершенное оружие, позволяющее, если это понадобится, взорвать на воздух всю планету и превратить ее в пустыню. Чуть погодя, у уфологов неонацизма, это «оружие Агарты» станет базами для летающих тарелок «последнего эсэсовского батальона», расположенными под землей во всегдашней готовности к окончательному реваншу..[40]

Классик этого жанра, чилийский писатель и путешественник Мигель Серрано будет рассказывать, как во время своего пребывания в Калимпонге (местность в преддверии Тибета) ему повстречался тибетский представитель Ордена, уверивший его, что на главные события Третьего рейха гималайский Орден оказывал непосредственное влияние.[41]

В книге «Змей Парадиза» этот же автор опишет свой поиск гималайского ашрама, скрытого внутри горы Кайласа, внутри Полой Земли. Там, по словам Серрано, жил со своей общиной духовный учитель духовного учителя Серрано, хранитель тайны Звезды Люцифера.

Поучение Панчена

Если поставить перед собой вопрос, в какой степени сообщения Оссендовского можно считать правдивыми, то ответ будет скорее неоднозначный. Начнем с того, что за всеми его рассказами об «Агарте» явно угадываются описания Сент-Ива д'Аль-вейдра, изданные во Франции в 1920 году Различие состояло лишь в том, что сокрытую под землей страну Оссендовский именует «Agartha», вто время как у Сент-Ива он а называется «Agartta что Сент-Ив переводит как «Город, запертый для анархии».[42]

Но при этом, как верно заметил один из лучших в Третьем рейхе специалистов по Тибету Свен Хедин, ни того ни другого названия мы в тибетской традиции не находим48. Это слово в тибетском языке отсутствует, а похожая на «Агарту» сокрытая страна существует как минимум в трех вариантах — это «Шамбала», «Шаншун» и «Уддияна».

Описание первой из них (cham-bha-la по-тибетски или Cambala на санскрите) появилось на немецком языке незадолго до создания общества «Аненэрбе» а именно, в 1915 году.[43] Это — знаменитая книга «Повествование о Шамбале, великом местопребывании совершенных, вместе с описанием страны ариев, называемое Источник, сотворяющий радость», написанная Третьим Панчен-Ламой Лобсангом Палданом Йешей в 1775 году. Это своего рода путеводитель, описание пути в Калапу (столицу Шамбалы) и тех стран, которые встретились Третьему Панчен-Ламе на этом пути.

После долгого описания Индии (отправной точки своего путешествия) Третий Панчен-Лама переходит к описанию самого пути: «… на западе находится страна Уддияна, которую можно достичь за 1–2 месяца (пути), за ними Хор и Млеччха (ла-ло, kla-klo), которые граничат с Баллом. Это если Арьядешу (Индию) брать за центр (середину). А прямо к северу от Ваджрасаны располагается наша Страна Железа (Тибет). /…/. Поэтому (путь в Шамбалу) начинается от Мщияны… Здесь, во избежание путаницы, следует прислушаться к наставлению, данному йогином Ваджрагхантой (Дильбувой): «От Уддияны измеряя расстояние, иди на юг, до Одивиша и созерцай там!» (Здесь и далее Панчен приводит методику измерения маршрута по карте с учетом координации исходного пункта пути по движению солнца на юг или на север, в зависимости от сезона года. Дде юг, Арьядеши приближается к западу, там лежит город, который называется Шахбандар, туда приходят те, кто желает отправиться в Шамбалу.

От него 2–3 дня идут в западном направлении, где лежит великий город, называемый Нагаратата. Там протекает река Синдху (Инд). С этого самого места, где великая река Синдху впадает в море, лежит одна пустынная долина, длиной в 9 дней пути. Кто до нее доходит, тот подпадает под защиту божественного места: там на красивой скалистой горе находится

изображение индуистской богини Хингапачи, почитание которой происходит отсюда. /…/Нужно заметить, что для человека с юга весьма рискованно отправляться туда, если нет посвящения в тантры; могут подумать, что это в древние времена было тяжело в одиночку отправляться в путь, однако следует помнить о «Нирманакае Каулике, останавливающим на пути». Можно ведь пройти везде, вдоль и поперек, как это делают солдаты, чиновники и торговцы, паломники и даже млеччха (ла-ло): они десятки раз бродят туда-сюда по Джамбудвипе, но цели не достигают!»[44]

Шамбалинская война

«Близ Кабхелы и Балха, — продолжает рассказывать Панчан, — лежит в северо-западном направлении страна Румшам, в нижней части этой страны вклинивается область «Желтой равнины» или Ур-ру-су (Россия), в то время как с южной стороны от Джамбудвипы половина страны стиснуха могущественными млеччха—там у них на троне восседает царь. В «Калачакра-сам-грахатантре» сказано: «После этого в 100-м году Змеи выйдет из страны Макха (Мекка) учение млеччха во внешний мир»».[45]

Под враждебным учением млеччха в калачакринских текстах подразумевается ислам. И действительно, самый сильный религиозный конфликт наших дней, противостояние ислама и буддизма, заставляет нас вспомнить старую мысль Макса Мюллера, что буддизм есть конечное завершение, своего рода богословское резюме всей традиции народов арийских, а ислам — столь же последовательный вывод из всего, что явили в своей религии народы семитские. По учению Калачакры, вера ла-ло, ставшая причиной разрушения многих буддийских монастырей, должна просуществовать около 1800 лет, после чего появится на свет 25-й Император Шамбалы по имени Калки-Рудра (Каули-ка-Император).

Это будет царь мира на львином троне, он взойдет на престол Шамбалы в год Огня-Овцы 22-го рабджуна (XXV век) и направит войска против тех государств ла-ло, которые расположены к югу от реки Сита и когда-то являлись частью Арьядеши. Под началом полководца Чандрасуты 90 миллионов воинов Шамбалы на 100 000 золотых колесниц разнесут вдребезги армии млеччха их страны Рум. Мощью объединенных сил 12-ти Великих Богов, человеческими и небесными армиями, вооруженными виманами и виханами (летательными аппаратами, подобными НЛО), будет командовать единый правитель Шамбалы, свастический Чакравартин на львином троне.

Тогда, в XXV столетии, войска ла-ло будут разбиты, а религия млеччха навсегда прекратит свое существование. По учению Калачакры, тогда и наступит Ураническая Эпоха, Золотой Век или новая Сатья-Юга5.[46]

Страна Ур-ру-су

Как свидетельствует Третий Панчен-Лама, путь в Шамбалу пролегает сначала через Кабалу (Кабул, что пока что под властью ла-ло, адептов млеччха) и через страну Ур-ру-су, под которой в тибетских текстах подразумевается Россия. Чтобы попасть в Шамбалу из Тибета, нужно долго и упорно продвигаться на север, перебраться через гору Раса, переплыть реку Сита, оказаться в крайних северных регионах огромной страны Арьядеши.

Двигаясь еще севернее, вы попадаете в лес Шала (из деревьев шала) и лес Тала. Там произрастают райские деревья Джам-будвипы, после которых будет еще лес, называемый Саманта-щубха, после которого вы оказываетесь в Великой Империи Шамбалы, которая именуется народом Китая «Континент сокровищ», народом Кашмира — «Неуничтожимый континент Ваджры», народом Непала — «Земля исполняющих желания деревьев», а народом России — «Китеж», «Беловодье» и «Небесный Иерусалим».[47]

Видимо, изначально и Шамбала, и Уддияна представляли собой вполне реальные страны, а в «fairylands» они превратились лишь спустя какое-то время. Первую (Шамбалу) итальянский буддодог Джузеппе Туччи (1894–1984) связывает с местом обитания дакинь, практикующих в традиции Rnying ma и Bka 'rgyud, а вторую (Уддияну) ~ с соответствующим

ареалом школы Dge/ьgi54. Обе страны он размещает на территории Тибета. Но такая локализация была далеко не единственной. Опираясь на легенды и поверья русского народа, Н.К. Рерих предложил в свое время любопытную гипотезу, будто в Шамбалу существует много входов, и один из них находится на территории России, в районе горы Белуха, что на Алтае. Эта сумбурная догадка русского оккультиста не имела бы к нашей теме никакого отношения, если бы нам не стало известно, что в начале 1930-х Н.К. Рерих собирал информацию для нацистской Германии, в том числе, вероятно, и для общества «Аненэрбе».

В сохранившихся стенограммах разговоров с бывшим шефом гестапо Генрихом Мюллером (от 1948 г.) тот рассказывал, что советский востоковед Н.К. Рерих был агентом Германии, где он числился под кодовым именем «Лама». В 1934 году Рерих контактировал с нацистами и передавал им собранную полевую информацию о состоянии дел в России и в Средней Азии.[48]

Куда шла затем информация «Ламы», кто из нацистских лидеров мог разделять убеждение в том, что загадочная северная страна «Ур-ру-су» — это и есть Шамбала, — этого мы, наверное, так и не узнаем.

Восприятие Иллиона в обществе «Аненэрбе»

После того как нам стало известно содержание книг Т. Иллиона, многие идеи Мигеля Серрано перестали казаться его собственным «изобретением». А когда мы познакомились с путевыми отчетами Третьего Панчен-Ламы, то и многие из идей Иллиона перестали казаться одним лишь sciencefiction. Нам оставалось решить для себя один лишь мучительный и поистине сложный вопрос — какое влияние мог оказывать Иллион на описанную в книге А. Васильченко экспедицию Эрнста Шефера? Кто из ведомства «Аненэрбе» мог быть знаком с Илионом или его книгами? Так ли уж правы правые конспирологии, утверждающие, будто идея послать в Тибет экспедицию зародилась в умах Гиммлера, Бегера и Шефера именно от прочтения книг Иллиона?

И тут к нам в руки случайно попали редчайшие документы — переписка по поводу Иллиона, которую вели между собой крупнейшие тпбетологнрейха. Это была настоящая находка. В сохранившейся переписке Иоганна Шуберта с Бруно Бегером, сотрудником Главного управления СС по вопросам расы и поселений[49] Теодор Иллион не просто упоминается, но характеризуется как прекрасный специалист по Тибету, владеющий тибетским разговорным и письменным (курсивным шрифтом dbu-med, который произносится как «u-me») языком и даже переводящий на этот язык пьесы Шекспира.

Далее в этой переписке тибетологов из «Наследия предков» говорится, что в тибетской культуре Иллион «подобно Александре Давид-Наель, уделяет большее внимание оккультным и парапсихологическим явлениям, нежели всему остальному. В этом человеке, — пишет Бруно Бегеру Иоганн Шуберт, — мне особенно бросилось в глаза, что он говорил очень осторожно и тихо. /…/Он намеревается, как он сам мне поведал, устроиться на работу в Маньчжурии. Но хочет ли он оттуда поехать в Монголию или далее в Тибет — этого я не знаю. Также он сказал мне, что он создал тибетское описание «Политики» и издал тибетские стихотворения, в которых говорится про бомбоубежища и подобные вещи! Как общее впечатление, должен написать:

Этот человек во многих отношениях показался мне загадочным».[50]

На людей, говорящих «загадочно тихим голосом», особенно на такие темы, как тибетская эзотерика, подземные бомбоубежища и парапсихология — на этих людей вообще стоит обращать пристальное внимание. Как правило, такие люди необычны. Пусть даже они — мистификаторы, пусть даже их кружение в вечном поиске — лишь попытка бороться с собственной скукой, но такие люди говорят «осторожно и тихо», и потому их не следует оставлять без внимания. Бог его знает, кому они что могут поприсоветовать… «Великие мысли, — говорил Фридрих Ницше, — великие мысли приходят неслышно, как голуби».

Что искал этот человек в Гималаях? Существует ли этот подземный город на самом деле, либо это очередная литературная буффонада? Нам бы могло показаться, что Иллион — это в какой-то степени второй Оссендовский, только Оссендовский без понятия «Агартха» и без подглядывания в книги д'Альвейдра. Сомнительно-теософское прошлое, вступление на старости лет в мондиалистскую ложу по имени «Римский клуб», не говоря уж о спазмах либерального страха перед «всяческим тоталитаризмом» — это пятно на лице Иллиона не стирается даже знанием им dbu-med. Все равно остается какое-то ощущение, что под именем «религии Тибета» нам подкладывают культы Африки, и описанные Иллионом практики «подземного зомбирования» напоминают скорее о культах вуду, нежели о реальной тибетской религии.

Все это так, но об этой религии Иллиону известно было более чем. Кроме постоянных тибетских поездок, кроме общения с тибетологами общества «Аненэрбе» и перевода тибетских стихотворений, Иллион был одним из друзей ДжузеппеТуччи — итальянского специалиста по Тибету, историка тибетской религии, посвященного в традиции дзогчен. Видимо, за романами о «подземных тибетских городах» и в самом деле что-то скрывалось, вряд ли стали бы практичные немцы тратить попусту огромные деньги на «тибетские экспедиции» — в условиях надвигающейся войны, накануне глобального кризиса…

Смысл контакта с Тибетом

Из лежащей перед нами книги Андрея Васильченко, из отснятого группой Шефера документального фильма и из менее доступных материалов можно видеть, что свести весь смысл экспедиции к одному лишь «германскому оккультизму» — это грубое упрощение. Чуть менее грубое, чем позиция тех, кто оккультный мотив исключает как таковой, однако все равно непростительное. В умах организаторов экспедиции эти оккультные, ариано-мистические побуждения дополнялись как минимум тремя мотивами, каждый из которых может быть рассмотрен как одна из причин снаряжения экспедиции.

Во-первых, немцы хотели найти подтверждение старому антропологическому тезису, будто Тибет был изначально «арийским и белым», и лишь затем был заселен «представителями красной расы», чем-то подобными индейцам Месоамернки или дравидам. Если бы это удалось доказать, то у немцев оказался бы в руках сильный козырь, и пустить этот козырь в игру расологических штудий можно было бы как на дидактическом, так и на пропагандистском уровне.

Во-вторых, кроме этой антропометрии немцы с присущей им основательностью измеряли в Тибете все, что видели. Данными этих зоологических, метеорологических, геологических и всяких других замеров предполагалось впоследствии подтверждать гляциальную космогонию Ганса Гербигера, бывшую основанием нацистской картины мира.

В третьих, имелась еще и военно-стратегическая идея — разузнать о влиянии в этом регионе Англии с тем чтобы сделать из Тибета геополитического союзника. Англичанам такой азиатской опорой всегда служила Индия, немцы же думали сделать такую опору из Тибета.

Перечислив все эти «логически объяснимые», «позитивистски оправданные» и «вразумительные» причины, мы можем теперь с чистой совестью перейти к рассмотрению той самой нерациональной причины, которая кажется нам во всей экспедиции Шефера основополагающей. Далее мы постараемся рассмотреть поиск нацистами Прарелигии, сокращая объем работы за счет умолчания о подробностях расологических, геополитических, метеорологических и всяких других аспектов.

Поиски утраченной религии

В книге А. Васильченко есть интересный момент При встрече с будущим руководителем тибетской экспедиции Эрнстом Шефером Гиммлер начинает рассказывать тому свое видение науки ее целей и задач:

«Академическое образование, школьная премудрость, надменность университетских профессоров, которые сидят как понтифики за кафедрой. Однако они понятия не имеют о силах, которые движут нашим миром. Может, то, что вы рассказали, и касается низших рас, но нордический человек пришел с неба при последнем, третичном вторжении Луны».

Гиммлер говорил тихо, словно священник. Камарилья молчала, был безмолвен и я. Я думал, что меня пошлют в языческий монастырь. Гиммлер добавил: «Вам еще многому надо научиться». И продолжал поучительно говорить о рунической письменности, индоарийской лингвистике. Но самым настоятельным образом он рекомендовал ознакомиться с теорией Ганса Гербигера. Он указал, что фюрер давно занимается изучением теории о мировом льде. А затем добавил, что и сейчас имеются многочисленные остатки людей, живших до падения третичной Луны — непосредственных наследников некогда бесследно пропавшей Атлантиды. «Как я полагаю, они находятся в Перу, на острове Пасхи, и может быть в Тибете»».[51]

Эти древности эпохи третьей Луны — они же камни давно разрушенной Атталанты или реликвии «языческого монастыря», были для Гиммлера интересны как свидетельство о далеком прошлом, когда план Крист-Ура стал претворяться в действие. Что такое план Крист-Ура? Поучению Карла Марии Вилигута, бывшего, как выражаются немецкие авторы, «Распутиным при дворе Гиммлера», план Крист-Ура — это план нордического Спасителя Бальдра-Крестоса, желавшего вернуть Детей Света в изначальное состояние, именуемое УР.

План Крист-Ура

По учению Вилигута,[52] основанному на криптомнезическом знании родового предания ирминов, Бальдр-Крестос родился от вечно юной супруги Вили по имени Нана. Было это около 10500 лет до Рождества Христова, когда на земле сосуществовали несколько типов живых существ, принадлежавших к разным мировым эпохам: Кимры (предшествующий вид «прото-людей»), происходящие от Кимров Ирмины, из рода которых происходил Бальдр, Вотанисты (вечный противники Ирминов) и результат смешения Ирминов с Вотанистами — бастарды Йотуны.

Несмотря на то что по телесному своему облику Бальдр был похож на потомков рода ирминов, по своему высокому рождению он происходил из красивейшего и высокого рода Хальга. Несмотря на своей внешний вид, он был одним из земных воплощений Детей Света, но, в отличие от родителей, Бальдр был намного более погружен в мир плотной материи, и потому, например, у него отсутствовали творческие сверхспособности его отца Вили. Собственно человеческий элемент в Бальдре был умален, дабы раскрылся элемент Божественный, дабы осуществился план Крист-Ура, в творческом осуществлении Бальдром воли Вседуха Творения.

Как один из Детей Света, Бальдр был для обычных людей Богом, так как имел оккультную способность к самотворению и порождению так называемого Изначального Права (Urrecht). Этой своей способностью большинство Детей Света часто злоупотребляло, отчего и «зазор» между ними и просто людьми неминуемо возрастал. С помощью своей силы и власти Дети Света препятствовали людям в их духовном развитии, ограничивая их возможности. Задача Бальдра, названная им «План Крист-Ура», состояла в том, чтобы, подчинившись земным Хальга-процессам, приняв на себя чуждое Ему тело и (насколько мы знаем) подчинившись земным законам, раскрыть в людях знание Изначального Права, отобрав у Детей Света последние остатки их кимрических способностей. Не отдать, а отобрать должен был Бальдр — в этом отличие его от индийских аватар, от бодхисатгв буддизма и от Иисуса Христа.

В плане религии это был очень существенный поворот. Бальдр восстановил веру Ирминов во Всеотца, тождественную с почитанием Солнечного Бога, освободив их тем самым из-под власти довлеющий над ними Луны — их родной планеты. Вследствие этого вся религия Ирминов была, как бы сейчас выразились, полностью переформатирована:

произошла перестановка коренных гласных, глобальное расово-религиозное обновление. Лунарная религия Ирминов превратилась в солярную религию Арманов, один из важнейших ритуалов которой, связанный с мистикой гласных, был описан в начале этой работы. При этом не нужно забывать, что понятие «Ирмин» является чем-то большим, чем обозначением просто человеческого типа, а понятие «Арман» — именем жреческого сословия. В этом — отличие проповеданного Вилигутом ирминизма от более позднего (и более «Ботанического», то есть, по В ил и гуту, враждебного) листовского арманизма.

Распятие Бальдра-Крестоса

Это принципиальное недоверие к Вотану, подтверждаемое в кругах «Аненэрбе» вполне научными открытиями Бернхарда Куммера[53] и Германа Вирта,[54] исходило из коренного ирминистского предания о распятии вотанистами Бальдра-Крестоса. Потому совершенно прав ныне здравствующий великий магистр «Арманен-Ордена», говорящий, что «листовская концепция вотанизма обусловлена фундаментально иным знанием, отличным от традиции Вилигута и его учеников»». Попыткой объединить эти два сущностно разных предания явилась, по Вилигуту, религия катаров, восходящая, по его версии, к традиции Арвальских братьев.

Пересечение арманизма с христианством не следует сильно преувеличивать. Крестосом, или Кристом, арманы называли своего верховного магистра. План «спасения», то есть высшего развития человечества, который происходил из Изначального Права Детей Света и существовал в течение тысячелетий, носил название Крист-Ур, а сам Бальдр, этот план осуществивший, именовался Крест-Ос.

За свое сверхкосмическое, ураническое откровение Бальдр-Крестос был распят, однако н&самими вотанистами, которые были слишком хитры, чтобы брать на себя такой грех, а бастардами (или ублюдками) йотунами, причем произошло это целых три раза. По учению Вилигута, изложенном знавшей его Габриэлой Дэшенд, каждое новое распятии Бальдра-Крестоса происходило по другому ритуалу, нежели предыдущее. В первый раз он был еще совсем юным человеком, во второй его освободила с креста его сестра (но не мать!) Сванхильд-Мария, поскольку он был не прибит гвоздями, а лишь привязан к дереву И лишь на третий раз, когда в руки Бальдра-Крестоса вбили гвозди, миновать смерть было уже невозможным.

В переписке с Манфредом Лендом Габриэла Дэшенд рассказывает, как однажды она отправилась с Вилигутом и своей матерью на экскурсию в Хедингское ущелье (Hoedinger Tobel), что неподалеку от озера Констанц. Там, за ограждением, они обнаружили высеченную в камне сцену Распятия. Вернее, три сцены Распятия, каждая из которых представляла Христа находящимся на одной из трех ступеней человечества. «На первых двух изображениях Христос был представлен привязанным ко Кресту, на третьей же — распятым. Это было великой неожиданностью для полковника (т. е. Вилигута. — А.К.), а также и для нас — еще одной причиной, по которой я немедленно приняла его идеи».[55]

Последнее, третье Распятие произошло, по Вилигуту, в городе Аркона на острове Рюген, где главным центром ирминизма — его Меккой и одновременно Голгофой — был Гослар (Аруал), который Вилигут назвал «Joruvalla-Gosslar-Rom». В Госларе вспыхнул конфликт между сторонниками «старого уклада» и Бальдром-Крестосом, вотанисты штурмом взяли резиденцию Бальдра, пленили его и распяли — но не на кресте, а на руне МАН — именно эта руна и не открыла своего значения вотанистам. Место распятия — вблизи Гослара, чуть восточнее города Петерсберг (там руины семинарии Св. Петра), разрушенной в 1527 году.

Однако и тогда, уже смертельно раненный, но все равно проживший около 300 лет, Бальдр-Крестос через Рюген и Аркону перебрался в пустыню Гоби, где основал один из центров своей религии. Именно отсюда и происходит крайний интерес Вилигута к

сохранившейся на Тибете традиции. По его версии, это было реликтом арминизма, проповеданного там самим Бальдром-Крестосом.

ПУСТЫНЯ ГОБИ И ШАМБАЛА

Быть может, это покажется простым совпадением, но именно в пустыне Гоби располагает Шамбалу уже упоминавшийся нами Третий Панчей Лама. В своем описании он достаточно четко ограничивает ее пятью странами — Страной Снегов (Сибирью) на севере, Тибетом и Индией на юге, Китаем на востоке и Хотаном на западе.[56]

Этой же версии о Шамбале в Гоби в 1920-е годы придерживались многие теософы. В книге «Посвящение человеческое и солнечное» (1922) ученица Е. Блаватской Алиса Бейли излагает учение о Саната Кумаре, бывшем также «арийским Христом», наподобие Бальдра-Крестоса, только прибывшем в Гоби на несколько миллионов лет раньше последнего. «Достаточно сказать, что в середине лемурийской эпохи, приблизительно восемнадцать миллионов лет тому назад, произошло великое событие, которое означало, среди прочего, следующее: Планетарный Логос нашей земной системы, один из Семи Духов перед престолом, воплотился физически и под видом Саната Кумары, Ветхого Днями, Господа Мира, сошел на нашу плотную физическую планету и с тех пор остается с нами. /…/. В Нем мы живем и движемся и существуем, и никто из нас не может выйти из Его ауры. Он — Великая Жертва, Он оставил славу высот во имя развивающихся сынов человеческих, взял Себе физическую форму по образу человека».[57]

В ирминизме похожая увязка Гоби с лемурийцами также существовала, особенно в кругах так называемых «космотехников», как именовала себя ipynna последователей Вилигута, объединившаяся в 1920-е годы. Главный теоретик этой оккультной группы, инженер по образованию Эмиль Рюдигер, изложил свою теорию Гоби в книге «Сила Двух Солнц. Миф об Ожерелье Бризинги».

Там он, в частности, рассказывает, как в процессе своих миграций жители бывшей Лемурии образовали четыре Асгарда (то есть четыре «Агарты», что для Рюдигера, как и для многих классиков ариософии, было одно и то же). Эти четыре лемурийских Асгарда управлялись каждый своими Богами и располагались по четырем сторонам света:

Северный Асгард — там проживали лемурийцы Тора,

Восточный Асгард — там проживали лемурийцы Одина,

Западный Асгард — там проживали лемурийцы Локи,

Южный Асгард — там проживали лемурийцы Бальдра.[58]

Если читатель ожидает, что в Гоби будет помещен Асгард Бальдра, то мы вынуждены его разочаровать. По версии Рюдигера, на месте сегодняшней Гоби был расположен Восточный Асгард, сравнительно с прочими более молодой и связанный с Полюсом Формирования. Существа, проживавшие в этом Асгарде, владели тайной четырех измерений. Это были Ваны и их существа-помощники (почти как в антиутопии Иллиона!). Их творческое дело по созданию людей доводили до конца жители локианского Асгарда, которые занимались тем, что на языке Серрано прозвучало бы как «расовая алхимия»: они творили органическую жизнь, создавая новые плотноматериальные виды существ. Главной их целью было усовершенствование рода, что Рюднгер, вслед за Вилигугом, именует «великим планом развития людей и управления ими».

Ирминистские корни тибетской экспедиции

Откровения Вилигута и последующие толкования более «научного», но все равно фантастичного инженера Рюдигераявно нуждались в каком-то обосновании. Берлинская вилла полковника была превращена в место встречи крупнейших эсэсовских ученых и эзотериков — Германа Вирта, Фридриха Шиллера, Рихарда Андерса, Отто Рана и др.

Гиммлер, знакомый с лучшими на тот момент описаниями тибетской эзотерики,[59] хотел с помощью Тибета доказать и научно обосновать — по крайней мере, для самого себя — загадочную ирминистскую религию, и потому он настаивал, чтобы будущий глава экспедиции Эрнст Шефер был лично представлен самому Вилигуту. И хотя из этого общения так ничего и не получилось, полковник произвел на Шефера сильнейшее впечатление. Однажды, во время их спокойного разговора, Вилигут внезапно закатил глаза, впав в типичное трансово-медиумическое состояние. Рассказывая об этом случае в своих дневниках, Шефер сравнивает этот экстаз Вилигута с хорошо ему знакомыми (по экспедициям 1930–1932 и 1934–1936 годов) состояниями тибетских тулку,[60] хотя с таким же успехом их можно сравнить с экстазом германских пророчиц или сибирских шаманов.

Не надо думать, что Шефер был строгим позитивистом и в мистике совершенно не разбирался. Незадолго перед своей поездкой он выступал с докладами о Тибете, в которых представлял эту страну как своего рода «арийскую рекреацию», где древнейшая религия и рунические (!) символы сохраняются в чистом виде на протяжении многих тысячелетий: «Под влиянием Индии и Передней Азии в Тибет попали арийские элементы, — комментировал лекцию Шефера корреспондент из «Ганноверского листка». — В качестве доказательства Шефер показал фотографию камня с выбитыми на нем религиозными символами. Среди них были рунические знаки, символы Древа Жизни, Солнечного Колеса и т. д. — такие же, как и те, что мы видим на старых домах в Германии».[61]

Многие авторы высказывали гипотезу, будто шеферовская экспедиция была послана в Тибет «по распоряжению Вилигута», либо же что сам Шефер являлся одним из последователей ирминизма. Разумеется, это не так. Вилигут не отправлял экспедицию Шефера, хотя знал о ее отправлении и сразу после прибытия группы имел разговор со всеми членами экспедиции. Об этом нам стало известно от немецкого ариософа Манфреда Ленца, предоставившего нам эту пока не опубликованную информацию.

Карл Хаусхофер и тибетские посвящения

Последний миф, который хотелось бы здесь развеять, — это миф о геополитике Карле Хаусхофере, который, по мнению разных пишущих журналистов, был «тибетским посвященным» и был как-то связан с подготовкой шеферовской экспедиции.

Подобные легенды, существующие еще со времен бессовестного памфлета Бержье и Повельса, творчески развивает ныне немецкий конспирологЯн УдоХоли, пишущий под псевдонимом «Ян ван Хельсинг».

В книге «Внутренняя Земля» Ян ван Хельсинг повторяет известный набор суждений о том, что Карл Хаусхофер был не только «сооснователем Общества Туле», но, кроме того, «он был монахом-желтошапочником и был ответствен (sie! — А.К.) за основание первых тибетских общин в Германии».[62] Однако на самом деле, при всем нашем уважении к Хаусхоферу как действительно великому ученому, никаким магом и адептом тайного азиатского ордена он никогда не был. Более того, «Хаусхофер никогда не бывал в Тибете, не основывал «Общество Туле» и не числился среди его членов, а само это общество было создано отнюдь не в 1923 г.»[63]

Как показывает К. Линденбург, вся легенда о Хауехофере как великом посвященном из Тибета и чуть ли не черном маге базируется всего на трех фактах. Во-первых, до Первой мировой войны Хаусхофер много путешествовал по Восточной и Южной Азии, а в 1909–1910 годах он пребывал в Японии, куда был командирован генштабом баварской армии. За это время он прекрасно освоил японский язык и японские обычаи, но ни синтоистским, ни тибетским посвященным Хаусхофер от этого не стал, так и оставшись автором книг по геополитике. Путь Хаусхофера в Японию пролегал через Бирму, Малайю и Индию, где он, к слову, познакомился со Стефаном Цвейгом. Но и индийским посвященным Хаусхофера можно

назвать не более, чем того же Цвейга, — весь интерес его к Индии был скорее описательно-этнографическим.

Во-вторых, и это тоже не выдумка, а реальный факт, на лекциях Хаусхофера по геополитике в ранней своей юности присутствовал Рудольф Гесс — будущий личный секретарь (с 1924 по 1933 год), а позднее — заместитель Гитлера (с 1933 по 1941-й). К этому своему бывшему студенту Хаусхофер наведывался в тюрьму Ландсберга, где тот, после провала «пивного путча», пребывал в заключении вместе с Гитлером. Фактом является также и то, что в тюрьму Ландсберга проф. Хаусхофер приносил Гессу свежие книги по геополитике и в присутствии Гесс а обсуждал достижения этой науки с Гитлером, что, скорее всего, отразилось в тексте «Майн Кампф», писавшемся именно тогда.

В-третьих, повод считать Хаусхофера магом был подан его сыном Альбрехтом, отбывавшим в тюрьме Моабит заключение за причастность к антигитлеровскому заговору 20 июля 1944 года. В этом сонете, замечательно переведенном Владимиром Микушевичем, отец Хаусхофер называется повелителем демонов, выпустившим духов зла на волю из сосуда, куда те были помещены Господом Богом.

Так что миф об «адепте тьмы» Хаусхофере, действовавшем «с помощью наркотиков, заклинаний, ритуалов и прочей сатанинской театральщины»,[64] пущенный в свое время целой плеядой журналистов-разоблачителей, — это не более чем вымысел, продукт либеральных страхов и полубредовых ночных фантазмов. «Те, кто муссирует версию Хаусхофера-мага, должны подкрепить ее по-настоящему вескими аргументами; в противном случае вывод совершенно однозначен: версия о необычайном влиянии Хаусхофера на Гитлера, скорее всего, возникла в годы второй мировой войны и представляет собой типичную пропагандистскую «утку». В 1954 г. ее подхватил Повель, присочинил историю о путешествии Хаусхофера в Тибет и его встречах с Гурджиевым и, наконец, в книге «Утро магов» (1962) украсил совсем уж фантастическими подробностями. Другие авторы, например, Брондер и Равенскрофт — просто заимствовали ее у Повеля, добавляя все новые и новые детали, частично основанные на неверно интерпретированных фактах, частично или полностью вымышленных, и создали таким образом новый литературный жанр — этакие оккультные horror-stories, которые в наши дни пользуются в Англии и США огромной популярностью».[65] Главной задачей этого жанра было не только намеренно опорочить Германию и Тибет, но также, с помощью уравнивания «черной магии», «сатанизма», «ариософии» и «тибетских посвящений», посеять в душах людей пуританский страх перед всякой мистикой, какой бы она ни была — светлой или действительно мрачной.

Мы надеемся, что книга Андрея Васильченко, написанная с добросовестно-исторических позиций, поможет нам, отделив чистое от нечистого, приблизиться если не к самой тибетской традиции, то по меньшей мере к пониманию существенного отличия этой традиции как от немецких оккультных теорий нацистской и преднацистской эпохи, так, тем более, от тех домыслов и фантазий, которые были созданы в послевоенные годы и которыми многие подменяют саму Реальность, видя в мире Ariana Mystica лишь свои извращенные представления.

От автора

7 января 2005 года информационные агентства мира облетела новость: скончался Генрих Харрер, легендарный австрийский альпинист, являвшийся автором бестселлера «Семь лет в Тибете» (отечественный читатель может помнить его голливудскую экранизацию с Брэдом Питом в главной роли). После описания его многочисленных восхождений и путешествий авторы в конце своих материалов несколько смущенно добавляли, что в 90-е годы престарелый альпинист признался в том, что состоял в национал-социалистической партии и некоторое время служил в СС. Долгие десятилетия он скрывал эту информацию. А скрывать действительно было что.

В октябре 1933 года юный Харрер вступил в СА, штурмовые отряды НСДАП, которые год спустя были запрещены в Австрии. О последующей деятельности Генриха Харрера в национал-социалистической партии известно очень немного. Но сохранились сведения, что 1 апреля 1938 года, буквально две недели спустя после аншлюса Австрии, он вступает в ряды СС. Во многом этот поступок был вызван воодушевлением, которое было отличительным признаком «цветочной войны» (немецкие части, вступившие в Австрию, закидывали букетами цветов). Карьеру Харрера в СС можно было назвать достаточно успешной. На спортивном празднике, который проходил в сентябре 1938 года в Бреслау, ему было предложено представлять юнкерскую школу СС. В принципе, Генрих Харрер был образцовым эсэсовцем. 24 декабря 1938 года он сочетался браком с Шарлоттой Вегенер, дочерью известного исследователя, крупнейшего немецкого естествоиспытателя, основоположника концепции мобилизма Альфреда фон Вегенера. Как и было положено служащему СС, Харрер вместе со своей невестой прошли специальное медицинское обследование. 5 ноября 1938 года он заполнил заявление с просьбой выдать разрешение на брак. Накануне Рождества от оберфюрера СС Шене, руководителя эсэсовских структур в Граце, приходит телеграмма, в которой содержалось давно ожидаемое разрешение на брак. На свадьбу Харрер получал множество поздравлений, среди которых были и пожелания счастливой семейной жизни от рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Учитывая, что речь шла о свадьбе национального героя, первого покорителя неприступной северной стены альпийской горы Эйгер, эсэсовские органы моментально составили родословную жениха и невесты, которая прослеживалась до 1 января 1800 года. Таковы были правила для всех будущих эсэсовских супружеских пар. Почти сразу же после свадьбы Генрих Харрер направляется в Гималаи покорять вершину Нанга Парбат. Война застает в его с британской Индии, где его тут же направляют в лагерь для интернированных.

Собственно, мировая общественность была готова закрыть глаза на эсэсовскую карьеру Харрера, если бы не одно обстоятельство. В сентябре 1994 года в Лондоне состоялась встреча Далай-ламы XIV со своими старыми друзьями, среди которых был и Генрих Харрер. В самой встрече не было бы ничего примечательного, если бы не присутствие на ней нескольких бывших эсэсовских офицеров. Кроме самого Харрера в друзьях духовного лидера Тибета числился Бруно Бегер, один из пяти участников легендарной экспедиции на Тибет, осуществленной в 1938–1939 годах. В свою бытность шеф СС Генрих Гиммлер предлагал своему тезке Харреру принять участие в данном предприятии. Но альпиниста, который к тому моменту был уже неплохо знаком с творчеством ее руководителя — Эрнста Шефера, не очень заинтересовала исследовательская поездка. Харрер вежливо отклонил данное предложение. Как видим, Тибет как магнит притягивал к себе представителей Третьего рейха, и это не было случайным стечением обстоятельств.

Вплоть до середины XX века даже для образованного и просвещенного европейца Тибет был абсолютно чуждой и непонятной страной. Из немногих общих сведений, которые имелись в его распоряжении, возникали поверхностные выводы, которые приводили к некой идеализации Тибета. Правильнее же было бы говорить о том, что в данном вопросе царило повсеместное незнание. Общие представления о Тибете основывались, по существу, на сообщениях католических миссионеров, которые судили о культуре Тибета, опираясь на собственные переживания. Странные суждения между тем подогревали интерес европейской публики к этому удаленному уголку мира. Сообщение португальского иезуита Антонио де Андраде (1580) вызвало своего рода сенсацию. Он описал Тибет как нельзя более противоречиво — это была самая недоступная, самая таинственная и в то же время самая чуждая страна Азии. Уже в современной литературе подчеркивалось, что именно это суждение было положено в основу только еще формировавшегося «мифа о Тибете». В описаниях католических миссионеров содержались и другие подробные описания, которые характеризовали тибетцев так, что европейцы приходили к выводу — это был единственный

народ в Азии, с которым они могли себя идентифицировать. Теократический ламаизм, царивший в Тибете, во многом напоминал им христианские установки. Нет ничего удивительного в том, что почти все европейцы, оказавшиеся там, пытались определить структуру общества и политику страны в тесной привязке как раз к тибетской религии. Во многом это делалось для того, чтобы повести религиозно детерминированных тибетцев по христианскому пути. Недостаточные знания о жизни в Тибете и религиозное усердие миссионеров привели как раз к тому, что «миф о Тибете» укрепился и стал развиваться.

Следующая стадия развития этого мифа во многом связана с именем Иммануила Канта (1724–1804), который в своей работе «О различных расах людей» причислял тибетцев наряду с индийцами, сикхами и китайцами к «индостанской расе». Но в то же время он полагал, что Тибет станет «укрытием рода человеческого на время и после конечной величайшей революции на нашей Земле». В статье «Физическая география» он вновь повторял эту мысль, приводя на этот раз ее более развернуто. «Одним из самых важных знаний являются более точные сведения о Тибете в Азии. Благодаря этим сведениям мы могли бы получить ключ ко всей истории. Эта высокая страна, наверное, раньше, чем какая-нибудь другая, была заселена людьми, а потому она может быть постоянным вместилищем для всей культуры и науки. Можно с уверенностью говорить, что знания индийцев во многом связаны именно с Тибетом. В то же самое время вся наша культура (земледелие, цифры, шахматы и т. д.) уходит корнями в Индостан. Полагаю, что Авраам был уроженцем Индостана. Эта протоколыбель искусств и науки, а стало быть, и человечества, нуждается в более тщательном исследовании и изучении*. Как следует из этих отрывков, Кант видел в Тибете зародышевую клетку всего человечества. Впрочем, это полностью соответствовало мировоззрению Просвещения: взирать на историю человечества исключительно с естественно-научных воззрений. На какие источники опирался Кант, фактически неизвестно. Однако можно предположить, что он мог брать для вынесения подобных суждений документы иезуитов и миссионеров ордена капуцинов. Вместе с тем видно, что кенигсбергский философ дистанцировался от традиционного библейского трактования истории человечества. Почти все произведения Канта проникнуты необычайным свободомыслием. Он придерживался не общепринятых догм, а на основе климатических и географических данных пытался провозгласить Тибет колыбелью человечества. Впрочем, к сожалению, нельзя установить более детально, на какие описания Тибета действительно опирался данный философ. Так или иначе, но его выводы очень сильно повлияли на многих европейцев. Так, например, в «Лексиконе» Мейера (1853) «горная страна Тибет» называлась не иначе как прародиной всего человечества. Для участников экспедиции Эрнста Шефера, равно как и для их патрона и покровителя рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, не было никаких сомнений в том, что в силу природных условий Тибет был местом возникновения многих видов растений и животных, а может быть, и самого человека.

В 1904 году ламаистское феодальное государство Тибет стало пограничной областью английской колониальной империи, эдаким защитным форпостом британской короны. Под командованием полковника сэра Френсиса Янгхасбэнда британско-индийские войска разгромили тибетскую армию и подчинили эту страну империи. Но вместе с тем Тибет был закрыт для посещения иностранцев. Кроме этого, он сохранял в рамках Британской империи определенную автономию. Например, именно местные власти обладали правом выдавать или не выдавать въездные визы. Но о внешнеполитическом суверенитете, естественно, говорить не приходилось. На индийском субконтиненте Тибет играл для англичан слишком большую роль, чтобы ему можно было предоставить независимость. Он был буфером, прикрывавшим «жемчужину британской короны» от революционных волнений, которые происходили в Китае, а также в России. В итоге даже на переломе веков Тибет с его непостижимой государственной религией оставался абсолютно неизученной страной, которая была овеяна мифами и легендами. Так продолжалось до начала XX века, до того момента, когда

нескольким экспедициям все-таки удалось получить въездные визы в эту таинственную страну.

Наибольшую известность в мире приобрели экспедиции шведского исследователя Свена Хедина (1865–1952), который между 1893 и 1935 годами разведал множество областей Центральной Азии. В частности, он открыл миру Трансгималаи или же обнаружил истоки Инда и Брахмапутры. Однако даже он не смог добиться разрешения посетить политический и духовный центр Тибета — город-монастырь Лхасу Каждый раз ему давался отказ.

Глава 1

Знакомство с Азией

В январе 1930 года молодой немецкий исследователь Эрнст Шефер с подачи своего научного руководителя Гуго Вайгольда познакомился с 21-летним американским студентом Бруком Доланом, изучавшим зоологию. Долан происходил из богатой семьи. В тот момент все его мысли и устремления были посвящены тому, чтобы найти и изучить «гигантскую панду» (большую панду), поисками которой он занимался уже несколько лет. Несмотря на состояние его родителей, почти все предыдущие экспедиции оплачивались из фондов Академии естественных наук Филадельфии. Гуго Вайгольд порекомендовал Додану молодого Эрнста Шефера как исключительно талантливого охотника. Так было положено начало многолетним отношениям и сотрудничеству двух ученых. В данном сюжете нельзя обойти стороной описание научной карьеры Шефера. Во многом это позволит понять, почему стал меняться характер экспедиций после прихода в Германии к власти национал-социалистов, как сугубо научные предприятия стали проектами нацистских властителей.

Эрнст Шефер родился в 1910 году в весьма зажиточной немецкой семье, которая долгое время проживала в Тюрингии. Его отец был главой гамбургского концерна «Феникс», который занимался выпуском резины. В 1929 году молодой Шефер экстерном получил диплом в Мангейме. После этого он почти сразу же перешел в университет Геттингена, чтобы изучать орнитологию, науку о птицах. Во время каникул он предпочитал не отдыхать от учебы, а работать на орнитологической станции, которая располагалась на островке Меммерт. Именно здесь честолюбивый юноша впервые услышал от Вайгольда о грандиозных планах Долана. Одновременно с этим происходит и другое знакомство. Эрнст Шефер налаживает связи с берлинским орнитологом Эрвином Штреземаном. Позже этот именитый ученый будет руководить диссертационными исследованиями Шефера.

Нельзя сказать, что между Шефером и Доланом существовала крепкая дружба. Ужасные манеры неотесанного богатея Долана всегда смущали Шефера и его семью. Американец за обедом мог выпить несколько бутылок вина, любил забрасывать ноги на стол, а иногда ложился спать на кровать, даже не сняв ботинки.

Идет время, и в марте 1930 года Эрнст Шефер вместе с Доланом отправляются в свою первую совместную экспедицию. Долгое время они провели в поезде, который вез их по Транссибирской магистрали. Молодые исследователи предпочли попасть в Азию через Россию. Визит в Москву произвел на молодого Шефера не самое приятное впечатление. «Я помню тот день, когда прибыл в Москву. Меня сразу же отшатнуло от этого города. Повсюду грязь и уродливые лица бедных людей, которые выглядят все одинаково. Нигде не слышно смеха. Везде только видны серьезные замершие русские лица. Роскошные высотные здания, кажется, пустуют».

На Дальнем Востоке участники экспедиции зафрахтовали японское суденышко, на котором направились в Шанхай, «город тридцати шести наций». Тут им предстояло столкнуться с целым рядом проблем. Дело в том, что правительство Гоминьдана фактически не контролировало большую часть Китая. Ситуация на западных границах страны была и вовсе неясной. Долану пришлось приложить немало усилий, чтобы добиться от китайских властей разрешения выехать в центральные районы страны. Но нетерпеливый Шефер смог

убедить американца в том, что надо было спешить. В итоге Шефер» окружении нескольких китайцев сам направился в путь. Он должен был вновь встретиться с Доланом уже в Сычуани. Немец планировал добраться до Чунцина, проделав путь в несколько сотен миль. Для этого он нашел судно, которое направлялось вверх по Янцзы. Во время плавания Шеферу открылся дикий мир Китая. Там, например, капитан суденышка охотно показал ему, где водятся речные дельфины. Путь Шефера лежал через Нанкин, Ухань, Ичан. Во время одной из остановок он стал свидетелем казни, когда мечом были публично обезглавлены семь преступников.

Путешествие по Янцзы были очень опасным, даже в условиях того, что побережье реки охраняли как могли. После того как судно миновало Ханькоу, Шеферу пришлось взять в руки винтовку. Это не было лишней предосторожностью, так как кораблик несколько раз обстреливали. Шефер, оставивший запись об этом инциденте в своих дневниках, полагал, что это сделали «бандиты-коммунисты». После утомительного плавания Шефер достиг Чунцина. Здесь он некоторое время жил всемье, глава которой работал на ИГ-Фарбен и хорошо знал Шефера-старшего. Несколько недель спустя в город прибыла и остальная часть экспедиции. Несколько дней Долану пришлось потратить на подготовку каравана. Отбытие опять затягивалось.

В планах Шефера и Долана было посещение Восточного Тибета. В то время было очень сложно установить, где проходила граница между Тибетом и Китаем. Если американца интересовали прежде всего приключения, то Шефер хотел изучить яков, на тот момент очень загадочных для европейца животных. Дальнейшее продвижение на восток явило им страшную картину. Повсюду царила нищета. Шефер описывал случай: «В одной деревне Долан пытается очистить от экскрементов, которыми завалена вся улица, подошву сапос Он отбрасывает их на груду соломы, лежащую на краю улицы. Вдруг солома начинает шевелиться. Из-под нее на нас смотрит прокаженный, нищий». Но в Ченду, куда экспедиция попала после десяти дней утомительного пути, ее участники встречают европейцев. Там они находят хоть какие-то признаки западной цивилизации.

Во время своего пути Шефер делает несколько удачных выстрелов. Так в зоологической коллекции экспедиции появляются золотой фазан и горал. На тибетской границе он буквально одержим идеей найти гигантскую панду, или «белого медведя», как зовут это животное местные жители. В итоге 13 мая 1931 года он стал вторым белым человеком в мире, который смог подстрелить панду. Сохранилась фотография, сделанная в этой экспедиции. Шефер запечатлен с пандой на одной руке и мертвой птицей — в другой. В июне 1931 года экспедиция проникла во Внутренний Тибет. Шефер видит повсюду специфическое проявление буддизма — развевающиеся узкие флажки, на которых написаны молитвы. Считалось, что ветер, колышущий эти вымпелы, как бы читал и произносил текст молитв. В тот момент Шефер относится с большим скептицизмом к тибетскому ламаизму. Чуть позже он напишет в своей книге: «Я знаю тибетцев как сильных людей, которые страдают от гнета их религии, которая мешает любому развитию». Впрочем, подобное отношение у него будет сохраняться не всегда.

После нескольких месяцев путешествий Эрнст Шефер возвратился в 1931 году в Германию, где продолжил свое обучение в Геттингене. Его отчет о поездке, трансформированный в небольшую книжку под названием «Горы, Будда и медведи», распространяется по всей Германии, принося известность 21-летнему студенту.

Тем временем в Германии к власти пришел Гитлер. Политические события 1933–1934 годов не обошли стороной Эрнста Шефера. 1 ноября 1933 года он становится кандидатом на Принятие в 51 — й штандарт (полк) СС, который располагался как раз в Геттингене. Этот шаг был отнюдь не случайным. Обер-бургомистр Гетгингена, хорошо знакомый с книгой молодого исследователя, сам являлся офицером СС. Именно он порекомендовал Эрнсту Шеферу вступить в охранные отряды НСДАП (СС). Но собственно членом СС Шефер стал много позже,

накануне своей второй экспедиции. Тогда он сделал шаг, который изменил всю его последующую жизнь.

Сам же Шефер в те дни весьма озабочен поведением своего знакомого Долана. О его пьяных выходках пишется почти во всех крупных газетах. Однажды смертельно пьяный Долан ворвался в дом одного из своих американских друзей, где начал крушить всю мебель. В ходе этого пьяного дебоша он умудрился разбить несколько ценнейших китайских ваз династии Мин. В итоге он был арестован. Ущерб, нанесенный Доланом, оценивался в 50 тысяч долларов (по тем временам просто фантастическая сумма). От тюрьмы его спасло только чудо и деньги родителей.

В январе 1934 года Шефер получает от Долана приглашение присоединиться к небольшой экспедиции, которая в том же самом году направлялась в Центральную Азию. Годы спустя Шефер напишет по этому поводу: «Вторая экспедиция была не итогом тщательного планирования и результатом научных разработок, а следствием выходки сумасбродного американца, у которого было слишком много денег. Он пресытился обычной жизнью и не знал, куда деть свою энергию».

Третьим участником экспедиции должен был стать английский миссионер Дункан, который почти в совершенстве владел не только китайским, но и тибетским языком. Целью без малого двухлетнего путешествия должно было стать исследование почти не изученной горы Амне-Мачин, которая располагалась на китайско-тибетской границе, а также разведывание истоков реки Янцзы. Однако начавшаяся японско-китайская война поставила жирный крест на всех этих планах. Националистическое правительство в Нанкине отказало трем иностранцам во въезде в страну. В итоге исследователям пришлось отказаться от посещения Тибета и попытаться добиться хотя бы разрешения на изучение Янцзы.

Между тем Эрнст Шефер обратился в управление культуры при Министерстве иностранных дел Германии, чтобы попытаться найти там какую-нибудь поддержку, что могло помочь в общении с немецкими консульствами на территории Индии и Китая. Шефер обращался во все структуры, в которые только мог. Так, в итоге он обратился в письменном виде к командованию 51-го геттингене кого штандарта СС с просьбой, чтобы СС помогли в решении сложившейся проблемы. В данной ситуации молодого ученого даже не смущал тот факт, что экспедиция отчасти финансировалась из США. Это указывает на некую политическую наивность Шефера, который не видел в этом шаге (СС помогают экспедиции, финансируемой из США) ничего противоестественного. Как ни странно, но из 51 — го штандарта СС пришел ответ, в котором сообщалось, что в Министерство иностранных дел было направлено соответствующее ходатайство. Уже только один этот момент показывает, что руководство СС понимало, насколько важным для них было участие одного членов охранных отрядов в азиатской экспедиции. В указанном ходатайстве была одна интересная фраза: «Самой большой целью Шефера является желание не только послужить немецкой науке в роли исследователя, но и стать представителем новой Германии во всех государствах и областях, которые он посетит во время своей 2-летней поездки. Он готов послужить словом и делом. Именно поданной причине он просит содействия у высшего руководства С С, а также поддержки правительства всех его последующих научных начинаний».

Оказалось, что уже в начале карьеры Шефер смог доказать политическую значимость своей научной деятельности. Впрочем, не будь он членом СС, то неизвестно, мог бы он рассчитывать на поддержку Министерства иностранных дел. Но Шефер не хотел рисковать, он предпочитал действовать наверняка. А для этого ему любой ценой надо было получить поддержку немецких консульств за рубежом. По этой причине можно говорить о том, что на тот момент попытка заручиться поддержкой со стороны СС была его личной инициативой. Но в любом случае заступничество СС усиливало его позиции.

Членство Шефера в СС пригодилось ему и во время самой экспедиции. Так, например, германское посольство в Нанкине стало собирать все китайские статьи и газетные заметки об

экспедиции, членом которой являлся молодой эсэсовец. В итоге можно с определенной долей уверенности утверждать, что членство Шефера в охранных отрядах оказалось решающим фактором для разрешения его выезда в Азию. Но при этом нельзя отрицать и того факта, что большая часть организационных и финансовых затрат была возложена на американцев.

Эрнст Шефер был научным руководителем предстоящей экспедиции. 5 апреля 1934 года он покинул Германию, чтобы несколькими неделями позже встретиться в Китае с Доланом и Дунканом. Несмотря на то что между Доланом и Шефером установились дружеские связи, это не исключало неких договорных отношений. Так, например, именно Долан должен был первым сообщать в США обо всех открытиях, которые сделает экспедиция. Именно так произошло в случае с неизвестным видом барана, который в декабре 1934 года был обнаружен именно Шефером. Но пальма первенства досталась Долану. И лишь по возвращении в Европу Шефер получил возможность доложить об этом открытии в научных кругах. Не исключено, что в СС знали об этом экспедиционном договоре. Только так можно объяснить тот факт, что в шанхайском представительстве немецкой фирмы AGFA, в котором имелось немало резидентов немецких спецслужб, после проявки фотографических пленок, отснятых во время экспедиции, были тут же сделаны дубликаты всех фотоснимков. Эти отпечатки были тут же посланы в Германию.

Во время длительной и трудной экспедиции не обходилось без ссор и споров. Тяготы не улучшали психологический климат в коллективе. В городе Джекондо, расположенном в верховьях Янцзы, губернатор, поставленный на пост нанкинским правительством, фактически на несколько недель задержал экспедицию. Именно по этой причине само предприятие развалилось. Долан намеревался вернуться назад, чтобы заручиться помощью, получить новые разрешения и доверенности. Однако к Шеферу он так и не вернулся. Он направился в Шанхай, где (по странному стечению обстоятельств) оказался и Дункан. Отныне брошенный Шефер должен был сам руководить остатками экспедиции. Невзирая на трудности и опасности, он все-таки продолжил свой путь. 2 ноября 1935 года, как единственный и полновластный руководитель экспедиции, Шефер, казалось бы, освобожденный от всех обязательств, с богатым зоологическим, ботаническим и географическим «уловом» прибыл в Шанхай.

Но здесь его ожидала проблема, которая предопределила все его будущее. В Германии его покровитель и научный руководитель зоолог Юон с самого начала отказывался признавать вторую экспедицию молодого исследователя. С другой стороны, экспедицию все-таки финансировали Долан и Академия естественных наук Филадельфии. Шефера в тот момент интересовал исключительно научный успех экспедиции, а не договорные отношения, которые предусматривали, кстати, вывоз всех собранных ею материалов на корабле в Америку. Дружеские отношения между Шефером и Доланом, которого немец встретил, как ни в чем не бывало, в Шанхае, дали огромную трещину. В итоге Шефер скрипя сердце передал американцу собранные им материалы, как то изначально предусматривал договор. Более того, он не намеревался направляться вместе с ним в США. Именно по этой причине Шефер накануне своего отъезда в США обратился в немецкое дипломатическое консульство в Шанхае. Тогда консульством руководил Герман Крибель, «старый боец национал-социалистического движения». Еще в 1923 году он участвовал в так называемом «пивном путче». Некоторое время он тесно общался с фюрером, когда тот еще только рвался к вершине власти.

Крибель, как ярый националист, даже допустить не мог, чтобы молодой перспективный ученый направился в Америку. Он тут же написал в Берлин, в Министерство иностранных дел: «Я знаю Шефера лично, а потому могу удостовериться, что он один из немногих людей, твердых как кремень. В будущем он станет великим немецким ученым. Но теперь он находится перед мучительным выбором: окончательно продаться американцам или взять на себя китайские обязательства. В любом случае мы теряем человека, который мог бы быть

истинным украшением нашего ученого мира. Необходимо, чтобы этот человек вернулся к нам». Крибель поведал и о замысле Шефера — направиться в США вместе Доланом, чтобы обработать собранные материалы и тайком начать готовиться к новой экспедиции, которая предположительно должна была осуществиться два года спустя. Но для этого ему требовалось получить на 1938 год въездную визу от китайского МИДа в Нанкине. Это было непременным условием осуществления экспедиции в Западный Китай.

В те дни Крибель направил письмо не только в немецкое Министерство иностранных дел, но и во множество других не менее авторитетных инстанций. Во всех сообщениях он просил заступиться за Молодого немецкого ученого. Среди всех прочих адресатов в списке значились Вальтер Грайте, главный референт общества Немецкой научной взаимопомощи (Немецкое исследовательское общество), а также основоположник геополитики Карл Хаусхофер, который с 1934 года являлся президентом «Немецкой академии — Академии научного исследования и сохранения немецкого духа».

Хаусхофер был готов поддержать начинание Крибеля. Забегая вперед, скажем, что в феврале 1936 года он направит в Немецкое исследовательское общество письмо, в котором напишет: «Немецкая академия полагает, что в интересах Германии оберегать ценные исследования молодого немецкого ученого. По этой причине мы бы не только приветствовали, но и были крайне благодарны, если предложения генерального консульства были взяты на вооружение, а молодому ученому, находящемуся в настоящее время в Филадельфии было послано сообщение, что авторитетные структуры Рейха хотят поддержать его научную деятельность».

Очевидно, что Шефер смог убедить Крибеля в том, что он, как перспективный ученый, мог использоваться не только Министерством иностранных дел, но целым рядом влиятельных личностей, например Карлом Хаусхофером. Но на этот раз речь шла уже о том, чтобы продолжить свои исследования уже в Германии. Вне всякого сомнения, Шефер, разочарованный «интернациональными проектами», на этот раз планировал сформировать исключительно немецкую экспедицию. Он не хотел в очередной раз повторять своих ошибок общения с Доланом. Но при этом нельзя четко определить, отказывался ли молодой немец далее путешествовать с американцами по личным или все-таки политическим мотивам. Но ни одного из них нельзя было исключать. В любом случае он намеревался впредь для продвижения своей научной карьеры использовать только германские инстанции. Крибель же, в свою очередь, сообщал в управление культуры при Министерстве иностранных дел Германии, что хотя бы по соображениям национального престижа Шефер должен был оказаться вновь в Германии. Только так можно было предотвратить получение ученым американского гражданства и последующую работу на благо США. Крибель настаивал на том, что Министерство иностранных дел должно было как минимум поздравить Шефера в официальном письме с его научными достижениями, что не только значительно упростило бы переговоры, но позволило бы Германии занять более выгодную по сравнению с США позицию в переговорах с Шефером. Используя свой последний аргумент, Крибель писал: «Эрнст Шефер является нашим партайгеноссе и служащим СС, а потому должен, прежде всего, использоваться на благо нашего национал-социалистического движения».

Начальник управления культуры при МИДе Германии Штифе лично занялся делом Шефера. Когда тот еще находился в Шанхае, он почти моментально направил ему поздравительную телеграмму, в которой сообщал, что в будущем Министерство иностранных дел Германии совместно с Имперским министерством воспитания будут всячески содействовать его начинаниям. Действительно, накануне состоялись переговоры представителей двух министерств, в ходе которых дипломат смог убедить Имперское министерство воспитания (аналог Министерства образования в Третьем рейхе) в поддержке молодого путешественника, «хотя бы по внешнеполитическим причинам». Итогом этих

переговоров стало намерение Немецкого исследовательского общества, действовавшего при Министерстве воспитания, поддержать финансами проекты Шефера.

Таким образом, благодаря инициативе Шефера его имя оказалось запущенным в маховик государственной бюрократии Третьего рейха. Некоторое удивление вызывает тот факт, с какой быстротой и даже поспешностью правительственные учреждения гарантировали свою поддержку исследователю Азии, еще недавно известному только в узких научных кругах. Это говорит только об одном — функционеры Третьего рейха видели, что Шефера можно было использовать в политических целях. В данной ситуации их интересовали не столько результаты его зоологических исследований, сколько нежелание, чтобы ученый все-таки уехал в США. В данной ситуации можно было вести речь о международном противостоянии в сфере естественных наук.

Кроме всего прочего, в Шанхае Шефер установил непосредственные контакты с имперским руководством СС. 18 декабря 1935 года он направил группенфюреру СС Августу Хайсмай-ру письмо, в котором рассказывал об итогах своей экспедиции. В нем также упоминал о дилемме, с которой он столкнулся. Это письмо было много показательнее других. Шефер обращался к начальнику главного управления СС, который чуть позже будет курировать л еятельность элитарных учебных заведений НАПОЛАС, не иначе как «Дорогой господин Хайсмайер!». В этом письме Шефер был значительно откровеннее, нежели в общении с Крибелем. Он почти сразу же изложил истинную причину его напряженных отношений с Доланом. Он писал о том, что, добившись полного успеха экспедиции, он смог собрать множество образцов флоры и фауны и ожидал поддержки с родины. Но в ответ к нему поступили только предложения занять хорошо оплачиваемое место либо в Нью-Йорке, либо в Филадельфии. И самое обидное для него заключалось в том, что ни одного подобного предложения не поступило из Германии. Сам Шефер не исключал того, что Долан и Академия естественных наук Филадельфии были заинтересованы. в его личных материалах — 28 тетрадях экспедиционных дневников. В письме к Хайсмайеру Шеферу специально подчеркивал исключительную значимость этих дневниковых записей, сделанных в районах Азии, «куда до этого момента не ступала нога ни одного белого человека». Речь шла о быте жителей высокогорного Тибета, их отношении к религии, принципах общественного устройства. «Одни эти наблюдения и комментарии к ним уже стоили того, чтобы совершить экспедицию в этот район, так как речь шла об абсолютно неизведанной местности, изучение которой могло бы дать самые неожиданные результаты». Шефер блефовал, когда просил высокопоставленного эсэсовца выступить в роли своего покровителя в переговорах о финансовой поддержке со стороны германских научных структур. Кроме этого надо подчеркнуть, что накануне своего отъезда в экспедицию молодой немец прекратил работу над своей научной диссертацией. А потому без собранного материла он не видел никакой возможности закончить ее в Геттингене. Для того чтобы урегулировать данный вопрос, Август Хайсмайер должен был заручится поддержкой имперского министра воспитания и образования Бернхардта Руста. Именно он мог повлиять на научные круги, чтобы те присвоили Шеферу ученую степень в обход традиционной процедуры. Для того чтобы упростить этот процесс, Шефер приводил в своем письме список влиятельных ученых, занимавшихся естественными науками, которые могли дать положительный отзыв о проделанной им исследовательской работе.

Кроме этого Шефер в своем многостраничном письме не преминул рассказать о своих национальных чувствах, о своей кровной связи с Германией. Вряд ли можно сомневаться в том, что молодой исследователь был настроен в высшей мере патриотично. Он прекрасно понимал, что принес гораздо больше, если бы в ученом мире его прежде всего воспринимали как представителя Германии. Но, с другой стороны, именно такие нотки должны были склонить чашу весов в его пользу при вынесении решения правительственными структурами. По этой причине он написал письмо не только в СС и германский МИД, но и в главное

управление немецких преподавателей высшей школы. Там он уповал на то, что положительное решение могло бы сделать его абсолютно независимым от американцев. В итоге Министерство иностранных дел стало ходатайствовать за Шефера и перед академическими структурами.

Но ответ к Шеферу не мог прийти моментально, а потому в начале февраля 1936 года он сначала выехал в Японию, откуда отправился в США. Делал он это в первую очередь для того, чтобы вести переговоры с американцами об использовании его экспедиционных находок и материалов. Нет сомнения в том, что итоги экспедиции произвели большой фурор в научных кругах. Это было почти сразу же отмечено несколькими германскими консульствами в США. Продолжая свою сложную игру, Шефер направил из Америки в Берлин, в германский МИД, телеграмму о том, что проект полностью оправдал себя, а потому он с нетерпением ждет возвращения в Германию.

В своей автобиографии Эрнст Шефер описывал такой эпизод. Впечатленный отзывами о результатах экспедиции, в Филадельфию прибыл Эрвин Штреземан. Он приплыл в Америку в последние дни февраля 1936 года, чтобы лично посмотреть на собранные образцы. Впечатление оказалось настолько сильным, что именитый орнитолог заявил своему ученику: он будет ходатайствовать перед ученым советом Берлинского зоологического института о заочном присвоении ему ученой степени.

Тем временем из Германии стали приходить и другие сведения. Шефер узнал, что генеральный консул в Нью-Йорке, минуя Ганса Лютера, посла в Вашингтоне, послал в Германию девять восторженных отзывов, которые должны были попасть на стол самым влиятельным людям рейха. Почти сразу же после этого Шефер получил телеграмму лично от рейхсфюрера СС, в которой сообщалось, что ему было присвоено внеочередное офицерское звание унтерштурмфюрера СС (младшего лейтенанта). Для человека, который вступил в охранные отряды НСДАП уже после прихода Гитлера к власти, это была весьма стремительная карьера. Более того, сам Гиммлер рекомендовал исследователю вернуться в Германию, где его ожидало блестящее будущее. Шефер обсудил поступившее предложение с Эрвином Штреземаном, который продолжал гостить в Филадельфии у своего ученика. Как оказалось, немолодой профессор, критически относившийся к национал-социализму, ничего не знал о членстве своего ученика в СС. Более того, он не намеревался в будущем покидать «страну неограниченных возможностей», полагая, что и сам молодой исследователь не любит новые власти. Подобное развитие событий могло очень сильно повредить карьере Шефера.

Глава 2

Между наукой и мистикой

Шефер без каких-либо раздумий покинул США 2 марта 1936 года. Он возвращался в Германию. Ему удалось заранее походатайствовать перед Гиммлером за профессора, чтобы того не трогали за его убеждения. Рейхсфюрер дал гарантии безопасности для Штреземана, что стало еще одним наглядным подтверждением того, насколько рейхсфюрер СС нуждался в молодом исследователе. Оказавшись в Берлине, Шефер жил у Эрвина Штреземана, где заканчивал свою диссертационную работу, давал интервью для газет и писал популярные статьи. Но при этом он все больше и больше оказывался затянутым в водоворот политических событий. Ему, орнитологу по образованию, приходилось осваивать новый национал-социалистический лексикон. Так, например, во время своего выступления в ноябре 1936 года в Мюнхене перед местной организацией национал-социалистических студентов, а затем перед представителями Немецкой академии он не раз рассматривал высокогорный Тибет с точки зрения «жизненного пространства». Более того, как сообщалось в одном из выпусков официальной партийной газеты НСДАП «Фелькишен Беобахтер» («Народный обозреватель»), Шефер почти на все лекции и выступления приходил в новенькой форме офицера СС. Рассказы об азиатских приключениях, да и сама черная форма действовали на

публику просто гипнотически. Это не ускользнуло от журналиста официозной газеты: «Его голос заполнял все огромное помещение. Скоро становилось понятно, что перед нами стоял истинный немец, который вещал о далеких землях. О том, как он смог выстоять там, где струсили и отступили американцы, в результате чего он стал «случайно» руководителем экспедиции. Той самой экспедиции, которая не отступила и достигла своей цели. В конце выступления Шефер отметил, что теперь, когда весь мир ополчился на Германию, очень важно, чтобы немцы высоко несли свое национальное имя. Эта фраза сорвала аплодисменты. Пожалуй, никто из многочисленных людей, присутствовавших на этой встрече, не ушел недовольным рассказом этого смелого первопроходца немецкого духа». Показательно, что во время этих встреч Шефер позиционировал себя в первую очередь как офицер СС» а стало быть, увязывал свои рассказы с актуальными политическими задачами. Он показывал, что, направляясь в далекие страны, путешественники прежде всего должны быть представителями Германии. Видно, что Шефер все активнее врастал в структуру национал-социалистического рейха, который весь остальной мир «поливал грязью и оклеветывал».

Кроме чтения популярных докладов и собственно научной деятельности Шефер все больше и больше времени уделял подготовке новой экспедиции. С самого начала он решил, что она состоится без какой-либо иностранной финансовой помощи. Но для этого Шеферу требовались новые связи. Во время благодарственного визита к Фрицу Штифе, начальнику управления культуры при Министерстве иностранных дел Германии, он отрыто попросил поддержать запланированную им экспедицию. О том же самом он попросил во время своего визита в Немецкое исследовательское общество, которое располагалось в городском замке Берлина. Не стоило забывать, что Шефер был весьма дружен с Вальтером Грайте, референтом биологического сектора данного общества. Дело дошло до того, что Грайте даже предложил Шеферу штатную должность. Эрнст корректно отклонил это предложение, но в ответ детально изложил ему план предстоящей экспедиции. Самым сложным моментом в нем была финансовая поддержка. Предполагалось, что ее должно было предоставить Немецкое исследовательское общество, в том числе через систему ссуд и кредитов от всевозможных научных структур. Но цель заслуживала подобных затрат: Шефер намеревался изучить Восточный Тибет — область, которая к тому моменту была совершенно неисследованной. Целью опять же должен был стать Амне-Мачин, находившийся посредине между Гималаями и Центральноазиатским нагорьем. Несколько молодых немецких ученых должны были разведать все это «жизненное пространство», а кроме этого изучить архаичный образ жизни народов Тибета, тамошних животных и растительный мир.

Представление о том, что в Гималаях должны были сохраниться остатки первоначальной арийской расы, была не настолько уж нова. Историческая лингвистика и этнография приблизительно с 1850 года уделяли пристальное внимание народам, заселявшим пространство от Кавказа до Дальнего Востока. Протяженность горных хребтов и оторванность некоторых долин от внешнего мира привели к тому, что на Кавказе, по мнению немецких ученых, несколько народностей развили свои собственные языки и диалектические наречия. Опираясь на тот факт, что в высокогорных Альпах сохранились почти в нетронутом виде диалектические анклавы ладинского или ретороманского наречия, то можно было предположить, что в горах Памира и Гималаев, почти отрезанных от внешнего мира, подобные случаи были широко распространенным явлением. Согласно мифам жителей Каракорума, проживающих в долине реки Хунза, они являлись прямыми потомками солдат, входивших в войско Александра Македонского. При этом можно было предположить, что отдельные горные племена могли быть прямыми потомками протоарийской расы. Это соображение играло в планах Шефера отнюдь не последнюю роль. При этом сам Шефер в выражении данной идеи опять же не был слишком оригинальным. Дело в том, что еще в начале XX века венский этнограф Вильгельм Шмидт-отец пытался доказать, что на Тибете сохранились не только исчезнувшие виды растений и животных, но и продолжали

сохраняться архаичные общественные формы древних арийских племен. В заявлении на организацию экспедиции, которое было подано Шефером в Немецкое исследовательское общество, подробно описывалась сфера деятельности каждого из участников экспедиции. Сам же Шефер кроме всего прочего был готов взять на себя решение организационных проблем. В основных чертах Шефер был готов назвать даже приблизительный состав данного проекта и примерную дату его начала. Но уже тогда в глаза бросалось то, что Шефер оставил за Гиммлером утверждение члена экспедиции, равно как и программы его действий, который бы занимался проблемами этнологии и расовых исследований.

Отдельно надо обсудить проблему, в какой же степени экспедиция Шефера являлась эсэсовским предприятием. Генрих Гиммлер и его персональный штаб, наверное, раньше всех узнали о данном проекте. Только так можно объяснить, что рейхсфюрер СС давал разрешение на отдельные трансакции. Но при этом Шеферу удалось закрепить за собой наименование данного проекта. Официально он носил название «Немецкая экспедиция Эрнста Шефера на Тибет». Как видим, в официальном наименовании экспедиции нигде не встречалось упоминания СС — охранных отрядов. Подобная приставка начала появляться в газетных статьях, когда экспедиция, собственно, уже была в Тибете. Не исключено, что Гиммлер прекрасно понимал, с какими трудностями придется столкнуться участникам данного проекта, когда во всеуслышание будет заявлено, что это — эсэсовское начинание. Но при этом Гиммлер покровительствовал экспедиции с самых первыхдней ее планирования, что может говорить о том, что она, первоначально не являясь эсэсовской по названию, была такой по самой своей сути.

Экспедиция Эрнста Шефера финансировалась преимущественно из средств Немецкого исследовательского общества, киностудии Ufa (Universum-Film-Agentur), рекламного совета немецкой экономики (был в Третьем рейхе и такой), атакже концерном ИГ-Фарбен. Кроме этого Гиммлер смог убедить Геринга, ответственного за выполнение четырехлетнего плана, ссудить из общественных фондов организаторам экспедиции 30 тысяч рейсхмарок. Поручителем в данном случае выступал лично рейхсфюрер СС. Кроме этого, удалось установить, что плавание на корабле до Индии было профинансировано Карлом Линдеманом, президентом пароходной компании «Норддойче Ллойд». К слову сказать, направлявшиеся в Гималаи немецкие альпинистские экспедиции пользовались услугами этого самого пароходства, но в отличие от участников предприятия Шефера всем альпинистам приходилось платить за свой проезд. Так что в данном случае Шефер и его товарищи бли в более выгодной ситуации. Кроме того, СС гарантировало бесплатный проезд всех участников экспедиции из Германии до Генуи, где они должны были погрузиться на пароход.

Шефер во время очередного разговора с Грейте предложил создать при Немецком исследовательском обществе специальный комитет, который бы намеренно занимался финансовым обеспечением предстоящей экспедиции. Членами данного комитета должны были стать представители крупного бизнеса и государственных структур. Нечто подобное уже создавалось, когда «Гималайский фонд» финансировал альпинистов или же ИГ-Фарбен поддерживала экспедицию Вильгельма Фильхнера. Как видим, Шефер не очень верил в финансовую поддержку СС, а потому подстраховывался. Впрочем, Генрих Гиммлер был нужен ему, чтобы попасть во влиятельные финансовые круги. При этом он понимал, что структура, созданная по образцу «Гималайского фонда», могла предоставить значительные средства вне зависимости от исхода самой экспедиции. Но для этого надо было найти подходящую правовую форму. Ссуды мало впечатлили Шефера, он рассчитывал на безвозмездные пожертвования. Предполагалось, что для финансового обеспечения экспедиции требовалось где-то 150 тысяч рейхсмарок.

В течение 1937 года Шефер дважды обращался в Немецкое исследовательское общество с просьбой сделать доклад. Ему не отказывали. В обоих случаях он обращал внимание присутствовавших на то, что экспедиция будет проводиться по поручению рейхсфюрера СС

Генриха Гиммлера. Кроме этого, Генрих Гиммлер, который возлагал на молодого зоолога большие надежды, ввел Шефера в состав своего персонального штаба, где назначил ответственным за хозяйственные вопросы. По этой причине отдел экономической помощи персонального штаба рейхсфюрера СС также помогал Шеферу собирать деньги. Этот процесс должен был облегчиться тем, что в рабочих планах проект Шефера был записан как экспедиция исследовательского общества СС «Наследие предков» («Аненэрбе»). Это было не совсем правдой, так как предприятие Шефера в гораздо большей степени было экспедицией Немецкого исследовательского общества. Но данный рабочий план интересен хотя бы тем, что это был первый официальный документ, который связывал воедино научные интересы Шефера с политико-мировоззренческими интересами СС.

При планировании экспедиции Шефер всегда делал акцент на том, что Тибет — не просто удаленная, а особенная страна. В силу своей неисследованности Тибет в те дни давал много поводов для различных спекуляций. В очередной экспедиции Шефер хотел вновь посетить эти земли, чтобы раз и навсегда разрешить целый ряд вопросов. Список исследований, которые предполагалось осуществить в Тибете, был весьма обширным. Он упоминал об изысканиях в сфере географии, метеорологии, антропологии, этнографии, биологии, ботаники. Кроме этого, не исключалось изучение магнитных полей в данном регионе. Шефер стремился максимально расширить научные знания об этом регионе. Позже подобный комплекс изысканий стал назваться «тотальное исследование жизненного пространства». Само это выражение стало квинтэссенцией сути экспедиции Шефера, во время которой не предполагалось уделять внимание только одной научной дисциплине, как это делал геофизик Вильгельм Фильхнер. Научно-практическая привлекательность задуманного Шефером предприятия как раз и состояла в многообразии научных исследований, которые надо было осуществить во время одной экспедиции. Он намеревался создать полную противоположность всем предыдущим немецким экспедициям в Азию, в планировании которых он, естественно, не участвовал. Шефер наделся, что создаст новый идеал экспедиционного предприятия, так сказать отраслевой образец для подражания. Перед экспедицией ставились грандиозные задачи, которые должны были привести к качественному и окончательному научному прорыву в деле изучения Тибета. Впрочем, по сравнению с путешествиями Долана данная экспедиция должна была быть связана с большими издержками. Это касалось и методов работы, и самой сферы исследований. В этой связи Шефер не считал зазорным перестраховаться. Максимальное количество структур, привлеченных к организации данной экспедиции, были своего родом залогом успеха. Но при этом Шефер не хотел ставить под сомнение приоритетность своих отношений с СС. Более того, он даже не допускал мысли, что должен был самостоятельно (без патронажа Гиммлера) готовить проект к реализации.

В рамках данной книги вряд ли есть необходимость досконально рассматривать все осуществляемые в Тибете исследования, но на одном сюжете все-таки надо остановиться подробно. С самого начала планирования экспедиции ее участники оказались связанными со всевозможными расовыми теориями. Кроме антропологических исследований различных этнических групп, проживающих в Тибете, Гиммлер почти сразу же вменил в обязанность Шеферу провести расовое исследование разбойничьего племени нголок. Это исследование являлось едва ли не сердцевиной всей антропологической программы экспедиции. Предполагалось выявить в антропологическом типе этих кочевников признаки западно-азиатского и даже нордического влияния. По этой причине антрополог, который должен был обязательно присутствовать в составе экспедиции, в перспективе занимался бы расовыми замерами, фотосъемкой, исследованием межплеменных, а возможно, и межрасовых отношений. После обработки собранного материала он должен был сделать соответствующие выводы о значении и развитии нордической расы в данном регионе. Кроме этого, он должен был провести исследования на предмет взаимосвязи ландшафта и расовых типов,

проживающих на данной территории. Планировалось, что Тибет должен был дать богатый материал по данной тематике. В Немецком исследовательском обществе считали, что осуществить подобную программу было под силу только состоявшемуся специалисту высокого уровня. По этой причине ученые обратились к весьма неоднозначной фигуре в немецкой антропологии, берлинскому профессору Ойгену Фишеру. Фишер в период с 1927 по 1942 год занимал пост директора Института антропологии, наследственности и евгеники имени кайзера Вильгельма. Уже начиная с 20-х годов этот профессор был ярым поборником так называемого «расоведения». Еще в 1921 году в своей главной работе «Учение о человеческой наследственности и расовая гигиена» он требовал от государства активного вмешательства в процесс воспроизводства людей, следуя принципам излюбленной им евгеники.

После изучения рабочего плана антропологических исследований экспедиции Фишер остался очень доволен. Для него проект Шефера был возможностью получить сведения из неисследованных земель, которые бы подтвердили его расовые теории. Более того, полученные данные позволили бы, по его мнению, выяснить развитие расовых отношений между индийцами и индогерманцами, равно как и влияние окружающей среды на процесс расового смешения. Слегка подкорректировав рабочую программу антропологических исследований, Фишер полностью ее одобрил. В данной ситуации видно, что об успехе экспедиции Шефера пеклись не только научные и государственные органы, но и эсэсовские структуры. Уже на стадии научного планирования путешествия стало ясно, что оно не только могло, но должно была проводить исследования, имевшие идеологическое значение для национал-социалистического режима.

Из рабочего плана экспедиции, составленного в персональном штабе рейхсфюрера СС, следовало, что хотя бы по своему названию она не являлась эсэсовским проектом, а лишь порождением «Наследия предков». При этом Гиммлер выступал всего лишь в роли патронирующей личности. На самом деле все было почти с точностью до наоборот.

Об истинных причинах интереса Гиммлера к Тибету судить очень сложно, хотя бы в силу отсутствия источников по данному вопросу. Не исключено, что его околдовало теократическое ламаистское государство. В своей неопубликованной автобиографии Эрнст Шефер писал, что после возвращения из США он не раз встречался с Гиммлером, и тот слегка приоткрыл завесу тайны над своими мистическими представлениями и воззрениями.

«Он (Гиммлер. — А.В.)хотел знать, можно ли встретить на Тибете человека со светлыми волосами и голубыми глазами. Я отверг такую возможность. Он поинтересовался, как я представляю себе возникновение человека. Я воспроизвел официальную точку зрения антропологов. Я говорил о питекантропе, хайдельбергском человеке, неандертальцах, сенсационных находках, сделанных иезуитом Пьером Тейяром де Шарденом близ Пекина. Гиммлер спокойно выслушал. Затем он покачал головой: Академическое образование, школьная премудрость, надменность университетских профессоров, которые сидят как понтифики за кафедрой. Однако, они понятия не имеют о силах, которые движут нашим миром. Может, то, что вы рассказали и касается низших рас, но нордический человек пришел с неба при последнем, третичном вторжении луны».

Гиммлер говорил тихо, словно священник. Камарилья молчала, был безмолвен и я. Я думал, что меня сошлют в языческий монастырь. Гиммлер добавил: «Вам еще многому надо научиться». И продолжал поучительно говорить о рунической письменности, индоарийской лингвистике. Но самым настоятельным образом он рекомендовал ознакомиться с теорией Ганс Гербигера. Он указал, что фюрер давно занимается изучением теории о мировом льде. А затем добавил, что и сейчас имеются многочисленные остатки людей, живших до падения третичной Луны — непосредственных наследников некогда бесследно пропавшей Атлантиды. «Как я полагаю, они находятся в Перу, на острове Пасхи, и может быть в Тибете»». Далее рейхсфюрер СС порекомендовал скептическому Эрнсту Шеферу ознакомиться с книгой

«Изумленный взор. Хроника нашей Земли в доисторические времена», которая была написана в соответствии с теорией мирового льда и якобы излагала «правильное» понимание мифа об Атлантиде.

Собеседник Гиммлера не смог сдержать улыбки, когда рейхсфюрер СС рассказал ему об этой книге. Впрочем, глава черного ордена сделал вид, что не заметил ее. К следующей беседе он привлек Эдмунда Кисса, который должен был подыскать для тибетской экспедиции специалиста по рунам, древней истории и религии. Эрнст Шефер не стал возражать, но сделал замечание, что поскольку его предприятие носит сугубо научный характер, то не хотел бы видеть в ее составе «ученых», занимающихся мировым льдом. Гиммлер не стал спорить.

Ганс Гербигер еще в конце XIX века сформулировал так называемую «ледяную космогонию», или «учение о мировом льде». Согласно его представлениям, Земля еще в доисторические времена была окружена льдом. Остаточные явления этого «протольда» продолжали оказывать до сих пор большое влияние на все метеорологические явления. Первоначально скопления льда находились в виде кольца, образуя Млечный Путь. Но постепенно из-за взаимодействия с Солнцем лед начал таять и произошел большой взрыв. В итоге на Земле произошла космическая катастрофа. По этому учению, подобные катаклизмы постоянно случались в истории человечества. Для Гербигера и его учеников этот процесс не был завершен, он лишь приостановился. Они полагали, что в действительности Луна была последним осколком этого вселенского ледяного пояса. В истории Земли это была не единственная Луна. Каждый из этих спутников заканчивал свой путь, обрушившись в виде ледяных метеоров на Землю. В качестве доказательства подобного утверждения приводились сведения о сокращении траектории Луны, которая рано или поздно должна была упасть на Землю.

Учение Гербигера никогда не было признано специалистами в сфере астрономии, даже если оно ссылалось отчасти на точные астрономические расчеты. Даже во времена национал-социализма в консервативном энциклопедическом словаре Мейера оно характеризовалось как «научно несостоятельное». Однако подобная характеристика ничего не значила для Генриха Гиммлера. Он полагал, что предки арийцев могли попасть на Землю как раз с Луны. После этого они начали воевать с рожденными на Земле людьми. В оценке Гиммлером истории человечества матафорика противостояния льда и огня, предопределившая столь фантастические представления, очевидно, играла большую роль. Именно по этой причине рейхсфюрер СС оценивал иудаизм как главное проявление «плохих» автохтонных землян. Им противопоставлялся нордический ариец, который мыслился как потомок своих внеземных предков. Даже сам Гитлер признавал, что разделяет данное учение, хотя делал он это негласно и говорил об этом в очень узком кругу людей. Гиммлер же не стеснялся открыто высказывать свои симпатии теории Гербигера. В 1936 году он стал официальным «покровителем» «учения о мировом льде». В структуре исследовательского общества СС «Наследие предков» был специально создан отдел метеорологии, который как раз и должен был заниматься изучением «мирового льда». Опуская подробности деятельности данного отдела, отметим, что в разработках ученика Гербигера Ганса Фишера (не путать с Ойгеном Фишером) большое внимание уделялось именно Тибету. «Ледниковый период создал белого человека! Не секрет, что человек предпочитал жить в областях с мягким климатом, где не требовались ни одежда, ни утепленные жилища. В этих районах могли развиваться прежде всего темнокожие люди. Но в то же самое время последний, самый суровый ледниковый период, отрезавший европейского человека от тропического полюса, не оставил ему мест для убежищ. В итоге на свет появились белокурые германцы, равно как и индогерманцы в целом. Впрочем, истинные индийцы могли иметь свою прародину в Суматранской империи, после гибели которой они переселились на высокогорье Тибета, с которых они уже затем спустились в волшебную и сказочную страну. Если эти

предположения могут быть подтверждены расовыми исследованиями, то перед нами открывается путь, который бы мог помочь нам разгадать самую большую загадку — возникновение рас».

Очевидно, что интерес Гиммлера к «учению о мировом ладе» был продиктован именно возможностью его расового трактования. Но тем не менее высказывания Гербигера и Ганса Фишера надо было тайно увязать с наукой и с тайными доктринами. Считается, что большое влияние на Генриха Гиммлера оказывал его «личный маг» Карл Мария Виллигут, известный в СС под ритуальным именем «Вайстор» (Тор Провидец). Не вдаваясь в подробности мистических построений этого «Распутина при дворе рейхсфюрера» (как иногда за глаза звали Вилли гута некоторые эсэсовцы), можно отметить, что в них большое внимание уделялось Центральной Азии. Именно там после своего распятия скрылся первый Спаситель человечества Бальдр-Крестос. Покрытый ранами, он смог основать в недоступных областях некую «школу мастеров», которая дала начало уникальной цивилизации.

Действительно, Гиммлер не исключал возможности, что нордическо-арийские племена могли осесть в Тибете и сохраниться в силу господствовавших там климатических условий, да и самого географического положения данной страны. Он лелеял надежду, что именно в Тибете можно было прийти к сенсационным антропологическим выводам, которых нельзя было сделать в Европе с ее этническим смешением, переменчивой историей и постоянно меняющейся структурой населения. Именно эти соображения подтолкнули Гиммлера к тому, чтобы поддержать всеми силами задуманную Шефером экспедицию.

В молодом и честолюбивом ученом Гиммлер видел ниспосланного ему самой судьбой человека, который должен был подвести научный фундамент под все его мистические и откровенно фантастические представления. Собственно, тибетская экспедиция стала порождением синтеза двух устремлений: сугубо научных Шефера и мистических Гиммлера. Произошел некий симбиоз интереса Гиммлера к тайным наукам, которые волей-неволей ассоциировались с далекой страной, и научными притязаниями Шефера. В итоге возникла некая противоречивая и многогранная структура, которая вошла в историю под названием «Тибетской экспедиции СС».

Шефер видел в Тибете удаленную область Земли, в которой по климатическим и географическим причинам могли сохраниться не только архаичные формы общественной жизни, но и редкие расовые типы. Согласно представлениям Шефера, борьба за существование и замкнутость «жизненного пространства» в Тибете должны были привести к тому, что в ходе естественного отбора могли победить только определенные и исключительно чистые виды. Безотносительно, касалось ли это животных, растений или людей. Доказать данный тезис можно было как раз за счет широкой программы различных исследований, начиная от ботанических и заканчивая антропологическими. Гиммлеру весьма импонировали систематичность и основательность Шефера, чем сам рейхсфюрер СС похвастаться не мог. Но при этом не исключалось, что молодой ученый мог и вовсе не найти в Тибете никаких остатков арийской цивилизации. Гиммлер был не настолько глуп, чтобы не понимать этого. По этой причине Гиммлер все чаще и чаще пытался склонить естествоиспытателя Шефера в сторону оккультно-мистических представлений. Именно по этой причине он свел Шефера и Виллигута (Вайстора).

«В Далеме мы притормозили у высокой стены, которая огораживала виллу. Несколько эсэсовцев, охранявших вход, отсалютовали мне: Это было так внезапно, я спешил, а на меня сваливались еще новые дела. Хорошо, что ближайшая станция подземки лежала поблизости. Ноя хотел знать, зачем меня привезли сюда! Молодая дама проводила меня в зимний сад, где стоялзатхлый запах тропических растений. Даже в этот светлый солнечный день я чувствовал себя подавленным. Внезапно эту зловещую атмосферу разрядил знакомый сладковатый запах. Откуда я мог его знать. Точно! Китай и опиум! Мне казалось, что прошла вечность, пока не открылась дверь, и в нее прошел прихрамывающий старик. Он обнял меня

и поцеловал в обе щеки. Казалось, он только проснулся и смотрел на меня мутными глазами. Стояла такая тишина, что можно было услышать, как шуршит песок в часах. Долгое время мы сидели молча друг против друга, пока его руки не задрожали, а глаза не покрылись поволокой. Это был взгляд тибетского ламы. Он был в трансе. Затем он начал говорить странным гортанным голосом: «Сегодня ночью я связался с моими друзьям в Абиссинии, в Америке, в Японии и на Тибете. Я связался со всеми, кто прибыл из другого мира, чтобы создать новое государство. Западноевропейский дух испорчен до самой основы. Перед нами стоит большая задача. Наступает новая эра. Это неизбежность космического закона. Один из ключей находится у далай-ламы и в Тибетских монастырях». Затем он начал перечислять названия монастырей и их «настоятелей», при том только те, которые я знал. Он черпал их из моего мозга? Телепатия? Я и сейчас не могу дать ответ. Я знаю, что покидал это зловещее место бегом».

С Виллигутом также сталкивался и Бруно Бегер, сотрудник Главного управления СС по вопросам расы и поселений, который позже в качестве антрополога вошел в состав экспедиции Шефера. Карл Мария Виллигут проявлял немалый интерес к разработкам молодого эсэсовского антрополога, но тот, судя по всему, отказался от патронажа «личного мага Гиммлера».

Согласно записям Шефера, Гиммлер также познакомил его с Эдмундом Киссом, одним из учеников Ганса Гербигера. Кисс еще в 1933 году высказал мысль, что часть арийского населения Атлантиды могла остаться в Южной Америке. В автобиографии Шефера есть кусочек, который посвящен этому эпизоду. В разговоре, который шел между Гиммлером, Шефером и Киссом, последний утверждал, что будто бы обнаружил в Перу, в районе озера Титикака, остатки «внеземных портов». Гиммлер был в диком восторге, но все-таки отказался от организации эсэсовской экспедиции к озеру Титикака, так как на тот момент его главной целью была экспедиция в Тибет. Впрочем, несколько позже исследовательское общество СС «Наследие предков» совместно с Эдмундом Киссом стало все-таки готовить экспедицию в Южную Америку. О ее рабочей программе почти ничего не известно. Сохранились лишь косвенные упоминания о том, что она должна была изучать остатки цивилизации инков в Перу и Боливии. С помощью некоторых приборов и инструментов, о которых опять же ничего не известно, предполагалось изучать руины строений близ озера. По представлениям Киса, эти сооружения были воздвигнуты во время всемирного потопа. Согласно «учению о мировом льде», он был вызван падением ледяных кусков очередной притянутой к Земле Луны.

Указания относительно Кисса, сделанные в автобиографии Шефера, интересны хотя бы тем, что он датирует свою встречу с ним 1937 годом, хотя до этого момента считалось, что «Наследие предков» стало планировать экспедицию в Южную Америку лишь в 1939 году. Впрочем, одно другого не исключает. Возможно, именно в 1939 году появились средства и возможности для ее организации. В самом «Наследии предков» полагали, что южноамериканская экспедиции должна была стартовать весной 1940 года. Состоять она должна была опять же из исследователей, специализирующихся в различных научных областях. Их должны были поставлять немецкие университеты, подключенные к подготовке данного предприятия. Показательно, что для того, чтобы попасть в Южную Америку, все члены экспедиции должны были обязательно вступить в СС. Киссу удалось добиться того, чтобы все путешественники должны были получать заработную плату из фондов «Наследия предков». С согласия Германа Геринга в экспедицию должен был войти офицер люфтваффе. Наряду с эсэсовскими географами и геодезистами этот майор-летчик, служивший в штабе командования морской авиации, должен был также производить некоторые изыскания. В числе прочих в участники был записан никому не известный ученик Рихарда Финстервальдера, который преподавал картографию в Техническом институте Ганновера. По предложению организационного руководителя «Наследия предков» Вольфрама Зиверса в

состав должен был быть включен эсэсовец Шульц-Кампхенкель, который принимал участие в 1935–1937 годах в амазонской экспедиции. На тот момент он преподавал на кафедре американистики в Географическом институте Вюрцбурга. Сотрудничать с готовящейся экспедицией согласился и Мюнхенский музей этнографии, который был готов предоставить консультантов по культуре индейцев. Чуть позже на средства «Аненэрбе» и Немецкого исследовательского общества стало приобретаться специальное оборудование. В распоряжении готовящейся экспедиции оказался даже пропеллерный глиссер. При помощи его предполагалось провести доскональную аэросъемку окрестностей озера Титикака. Не исключалось, что на дне озера хотели найти остатки древнейшей цивилизации. Для того чтобы принять участие в экспедиции, одного членства в СС было маловато. Все участники должны были пройти курс вождения автомобилем и управления самолетом, после чего у них принимались экзамены. Все финансовые затраты по этому обучению на себя брало «Аненэрбе». Во время всей экспедиции ее участники должны были поддерживаться с воздуха самолетом типа «Шторьх», который выделялся Имперским министерством авиации.

Но начало Второй мировой войны поставило крест на всех этих планах. Экспедиция «Наследия предков» в Южную Америку так и не состоялась. Однако оптимистично настроенное руководство СС планировало возобновить подготовку к ней в первые же месяцы после окончания мировой войны, которая (естественно же!) должна была закончиться победой Германии. Судя по срокам возобновления работ, в «Аненэрбе» планировали, что война закончится самое позднее в конце 1940 года. А пока, на время боевых действий, Эдмунд Кисс стал капитаном вермахта. Только Вольфрам Зиверс продолжил свои контакты с отдельными участниками экспедиции, которых на этот раз предполагалось использовать в работе Имперского комиссариата по укреплению немецкой народности, который возглавлялся лично Гиммлером.

Надо отметить, что уже после возвращения в Германию из Тибета Шефер отказался участвовать в подготовке южноамериканской экспедиции. Он предпочитал, чтобы сферой его деятельности продолжала оставаться Азия. Кроме этого, не исключено, что он предпочитал дистанцироваться от фантастических идей в стиле Эдмунда Кисса, который был старше его всего лишь на год. Учитывая, что Гиммлер оказывал поддержку таким людям, как Кисс, то Эрнсту Шеферу было крайне нелегко вырваться из политико-мистического водоворота, в который он попал по собственной же инициативе. Но тем не мене, он полагал, что мог проводить свои исследования, оставаясь в орбите вращения коричневых властителей. Ему приходилось занимать форменной «эквилибристикой», с одной стороны потакая мистическим представлениям Гиммлера, с другой стороны, соблюдая высокие научные стандарты своих изысканий.

Но если вернуться к подготовке тибетской экспедиции, то в одном из разговоров с Генрихом Гиммлером Эрнст Шефер сформулировал обширный план, который состоял из 12 пунктов. Его утверждение лично рейхсфюрером СС фактически гарантировало Шеферу полную свободу действий. Наученный горьким опытом общения с американцами, он хотел, чтобы за ним оставались все права на публикацию, обработку собранного материала и т. д. К великому удивлению Шефера, Гиммлер не раздумывая согласился со всеми этими требованиями. Вероятно, мистик Гиммлер чувствовал, что не мог заразить своими эзотерическими представлениями о Тибете эмпирика Шефера. Впрочем, рейхсфюреру СС ничто не мешало поставить прямую зависимость между своей помощью и тем, что Шефер должен был разделять его мистические воззрения на Тибет. Однако этого не было сделано. Это еще раз проливает свет на природу отношений Гиммлера и Шефера. Для главы СС молодой исследователь был именно тем человеком, который мог достать точные сведения о Тибете. Трактовать их с мистико-антропологической точки предстояло другим людям. Возможно, именно по этойпричине Гиммлер предоставил Шеферу полную свободу в трактовке и в обработке полученного материала. Результаты Шефера не могли составить

конкуренцию эзотерическим наработкам, которые были бы сделаны лично для Гиммлера. Кроме этого, нельзя было списывать со сче1гов личную симпатию Гиммлера к молодому ученому: Во время беседы с Германом Герингом, уполномоченным по выполнению четырехлетнего плана, Гиммлер обронил: «Я любуюсь этим человеком, который станет прототипом нового типа молодых, энергичных немецких ученых».

О немалых симпатиях говорил и другой факт. Накануне начала экспедиции Гиммлер пожелал, чтобы к нему пригласили всех ее участников. Во время личной встречи он объявил им, что они все возведены в ранг старших офицеров СС. Для Шефера это было не просто жестом, а официальным признанием его заслуг.

Справедливости ради отметим, что Шефер мог подготовить свою экспедицию самостоятельно и без вмешательства СС. К слову сказать, он отверг помощь «Наследия предков», в которое вступит позже, уже с началом Второй мировой войны. Но, несмотря на то что экспедиция носила имя Шефера, не стоило полагать, что речь шла о самостоятельном проекте зоолога Эрнста Шефера. Во всех аспектах экспедиции, начиная с ее рабочего плана, можно было найги следы активного вмешательства Генриха Гиммлера. Со временем к ее планированию подключалось все больше и больше эсэсовцев, равно как и «мистических» протеже рейхсфюрера СС.

Но в те дни Шефер жил не только подготовкой к новому путешествию. В 1937 году он женился. Но его счастье продолжалось недолго. Четыре месяца спустя его супруга трагически погибла во время несчастного случая, произошедшего на охоте. По понятным причинам Шефер мог отложить начало экспедиции, однако предпочел, чтобы она не задерживалась ни на день. Многие отмечали, что после трагической гибели жены Шефер очень сильно изменился.

В феврале 1938 года, почти сразу же после гибели супруги Шефера, подготовка к тибетской экспедиции вошла в финальную стадию. Первоначально планировалось, что путь путешественников будет пролегать через СССР, а в Тибет они попадали через территорию Китая. В пользу данного варианта говорил более простой путь. Но, с другой стороны, было весьма сомнительно, что иностранные власти согласились бы дать въездную визу экспедиции, проникающей в Тибет со стороны Китая, да еще поголовно состоящей из офицеров СС. То есть Шефер был бы лишен возможности какого-либо маневра. Кроме этого, само путешествие по Китаю в силу затянувшейся войны с Японией было небезопасным. В итоге было принято решение проникнуть в Тибет через Сикким. При этом начало исследований должно было начаться на границах этого княжества, а затем немцы, невзирая на британские запреты, должны были тайком проникнуть на территорию Тибета. Это был оптимальный путь для попадания в ламаистское государство. Но для начала надо было получить разрешение английских властей для въезда экспедиции в восточнойндийское княжество Сикким.

Эта задача оказалась не из легких. После того как в 1903 году англичане разгромили тибетскую армию, Тибет стал закрытой территорией. Лишь немногим иностранцами удавалось попасть на его землю. Четкие дипломатические отношения у Тибетского монашеского государства были лишь с Китаем, Британской Индией и соседними гималайскими королевствами Непал и Бутан.

Но Шефера данные трудности не остановили. Он лично хотел лично встретиться с представителями британского правительства, для чего в марте 1938 года он направился в Лондон. В качестве почетного члена Королевского центральноазиат-ского общества он был удостоен нескольких высоких аудиенций, в ходе которых получил необходимые рекомендательные письма. Шеферу удалось даже повстречаться с завоевателем Тибета сэром Френсисом Янгхасбэндом, который к тому моменту превратился в живую легенду. Пожилой англичанин увидел в молодом немце весьма многообещающего ученого. Возможно, поданной причине Шефер поведал ему, что намеревался «проскользнуть» в Тибет из

Сиккима. В ответ Янгхасбэнд посоветовал ему устанавливать контакты с тибетскими властями прямо на месте, имея на руках необходимые рекомендательные письма.

Глава 3

Встреча двух свастик

Экспедиция Эрнста Шефера покинула Германию 19 апреля 1938 года. За несколько дней до этого Шефер по предложению Генриха Гиммлера вызвал в Берлин и представил рейхсфюреру СС всех участников путешествия. Кроме собственно Эрнста Шефера, являвшего руководителем проекта, в экспедиции принимали участие: Карл Винерт — геофизик и специалист по геомагнитным полям, Бруно Бергер — антрополог из состава Главного управления СС по вопросам расы и поселений, Эрнст Краузе — энтомолог, фотограф и кинооператор, Эдмунд Геер — технический руководитель экспедиции, также ответственный за доставку грузов и организацию караванов. Во время путешествия дела экспедиции в Германии вел Конрад фон Раух. Всех пятерых исследователей в Калькутте ожидал приятель по имени Йобст Геслинг, который оказывал им организационную поддержку в Индии. Именно он должен был отправить в Германию возвращенное из экспедиции оборудование, а также осуществлять по возможности почтовую связь между экспедицией и Германией. Весьма важная роль во время путешествия отводилась переводчику Кайзеру Бахадуру Тапе, который был уроженцем Непала.

Если Карл Винерт, являвшийся ассистентом известного путешественника и геофизика Вильгельма Фильхнера, был зачислен в члены экспедиции едва ли не с момента начала ее планирования, а потому вместе с Шефером не раз принимал участие в переговорах с представителями Немецкого исследовательского общества, то антрополог и расовед Бруно Бегер был введен в ее состав в самый последний момент. Буквально накануне отбытия экспедиции он составил рабочую программу антропологических исследований, которая была в не пример обширнее той, что в 1937 году Шефер представил в Немецкое исследовательское общество. В проекте Бегера речь шла не только о расовых иантропологических замерах, но и об изучении обычаев, ритуалов, равно как и всех культурных и общественных традициях народов и племен, проживавших в Тибете. Он расширил сугубо расовые изыскания, дополнив их этнографическими исследованиями.

Остановимся на этой фигуре поподробнее, так как именно Бруно Бегеру предстояло выполнить самые ответственные задания для рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Именно он должен был найти остатки нордической расы в Тибете. У самого Шефера с Бегером складывались не очень ровные отношения. Далеко не случайно в своем письменном отчете «Тайны Тибета» Эрнест Шефер упомянет всего лишь пару раз Бруно Бегера, хотя всем остальным участникам экспедиции посвятитпо несколько страниц. Возможно, эта была некая научная ревность, а возможно, определенные меры предосторожности, так как в данном отчете, во многом предназначенном для научной общественности, ни слова не сказано о том, чем занимался в экспедиции эсэсовский антрополог.

Бруно Бегер родился в апреле 1911 года. Его первыми воспоминаниями были прогулки с отцом по озеру в окрестностях Гейдельберга. Отец мальчика, Фридрих Бегер, был неплохим пловцом. Тогда он заставил не на шутку перепугаться маленького Бруно. Фридрих прыгнул в воду с трамплина. Но под водой он находился слишком долго. Сынишка стал волноваться и заплакал, подумав, что отец утонул. Но тот вынырнул и помахал Бруно рукой. Отец эсэсовского антрополога был исследователем. Он даже получил научную степень после того, как написал и защитил работу, посвященную лесоводству. Мать мальчика, Гертруда, была певицей, которая так и не смогла сделать сольную карьеру. Два дяди Бегера были, подобно его отцу, прикладными исследователями. Карл Бегер был профессором химии, а Макс Бегер был талантливым инженером-изобретателем. В семействе Бегеров царили националистические настроения, что очень сильно сказалось на мальчике. Когда Бруно было чуть больше трех лет, его отец ушел на фронт — в Европе полыхала Первая миров вая

война. Во вРемя этого безумного кровопролития погибли и отец мальчика, и его оба дяди. Гертруда Бегер стала одной из многочисленных германских вдов. На скромную пенсию ей приходилось растить пятерых детей (Бруно не был единственным ребенком в семье).

В итоге детство и юность Бруно Бегера прошли в нескончаемых бедности и финансовых проблемах. Во время обучения в школе Бруно никак не мог избавиться от чувства голода. Но юноша рос и стал обращать на себя внимание. Высокий, светловолосый, с аристократическим лицом, которое увенчивалось орлиным носом, он производил впечатление того, что позже назовут «истинным нордическим арийцем». Еще когда Бруно учился в школе, то попался на глаза глазу скульптору Гансу Лихтенэкеру. Эта встреча оказала сильное влияние на формирование идейного багажа Бегера. Еще на рубеже веков Лихтенэкер уехал в Африку, в Намибию, где хотел стать фермером-колонистом. Однако большую часть времени немцу приходилось проводитьв боях против местных племен. Подобные рассказы очень сильно впечатлили мальчика, который в мечтах путешествовалпо всему миру. Мечты о путешествиях были подкреплены политическими идеями, когда в руки юноши попала толстая книга Ганса Гримма «Народ без пространства». В этом произведении излагались основные идеи необходимого для Германии расширения жизненного пространства. Бруно потребовалось всего лишь два дня, чтобы «проглотить» почти полторы тысячи страниц. Надо отметить, что книга Г.Гримма разошлась в Веймарской республике огромным (даже для нынешнего времени) тиражом — 315 тысяч экземпляров.

Но с реализацией своих мечтаний Бегеру надо было подождать. В 1931 году он сначала в Иене, а затем в Гейдельберге начинает изучать математику. Однако постепенно его интересы склоняются все больше и больше в сторону естественных наук. Само обучение во многом не устраивало Бегера хотя бы тем, что большинство профессоров были «унылыми и реакционными». Как он вспоминал много позже: «Они могли день за днем говорить только что о восстановлении власти кайзера». Подобные раздраженные чувства были характерны для многих студентов. На фоне престарелых профессоров просто блистал молодой ученый-антрополог Ганс Гюнтер, которого судьба позже сделала едва ли не главным расоведом Третьего рейха. Новая наука — расология — сразу же очаровала Бруно Бегера. Он зачитывает едва ли не до дыр все вышедшие книги Понтера. Его судьба почти предрешена. Почти сразу же после прихода к власти Гитлера Бруно Бегер вступает в СС. Почти сразу же он находит свое место в Главном управлении СС по вопросам расы и поселений.

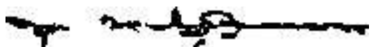
Стоит отметить, что Бруно Бегер был приверженцем особого направления в немецкой «расовой науке». Еще во время своей учебы он познакомился с Людвигом Фердинандом Клаусом, одной из ключевых фигур в сфере немецких расовых исследований 20—30-х годов XX столетия. Он придерживался точки зрения, что все представители одной и той же расовой группы обладают схожими духовными свойствами, а потому в областях, заселенных определенными расовыми группами, путем исследования можно было выявить специфические «расово-пси-хические элементы». Тибет был идеальным местом для проведения подобных изысканий. По мнению Бегера и Шефера, там имелось «изобилие разнообразных видов флоры и фауны, равно как и расовых типов человека». В своей рабочей программе экспедиции Бруно Бегер писал: «Если здесь граничат друг с другом столь богатые формы жизни… то возможно выделение в их жизненном пространстве четко обозначенных контактных зон. Для нас эти четко ограниченные ареалы обитания являются весьма благоприятной средой для проведения расовых исследований». Здесь отдавалась некая дань тезису Шефера о том, что Тибет надо было изучать не с точки зрения отдельной научной дисциплины, а исключительно в комплексе. Но тот момент Бегер был, наверное, самый перспективный расовый антрополог конца 30-х годов. Но Шеферу не стоило забывать, что к нему в команду попал человек, который мог слишком легко стать его соперником в сфере национал-социалистической науки.

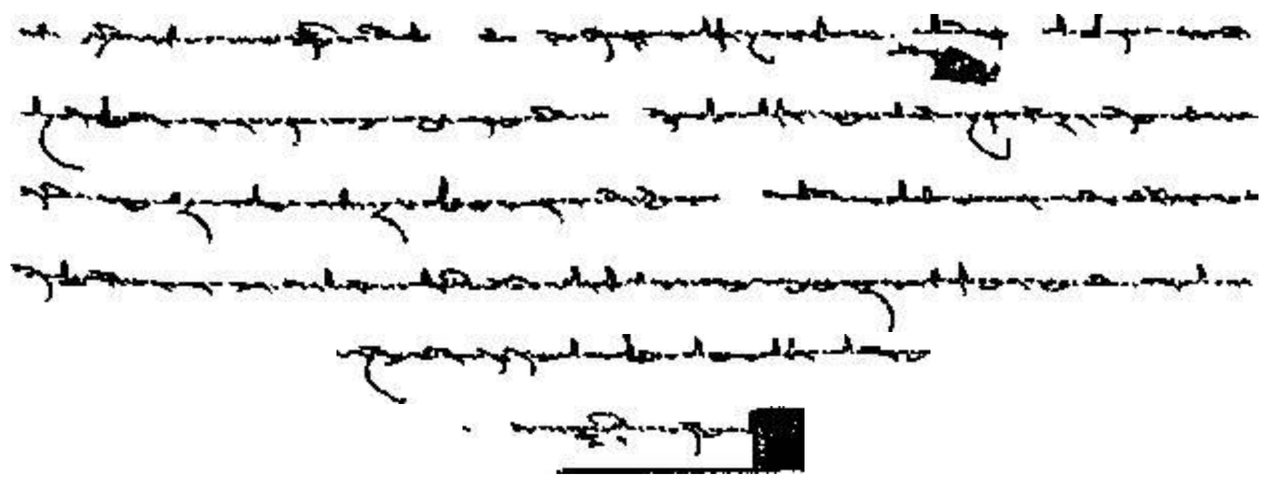
В Тибете для осуществления антропологических исследований Бруно Бегер сделал большое количество лицевых масок. Подобный метод был во многом удобен тем, что ему не приходилось во время экспедиции использовать краниологические инструменты и толстотные циркули. Блестящие предметы, предназначение которых было во многом непонятно, могли испугать тибетцев. В данной ситуации на выручку пришла методика, разработанная еще в 1870 году Германом фон Шлагин-вайтом. Лицевая маска, сделанная из специального гипсового пластыря, значительно обогатила научный багаж антропологов. Но вместе с тем создание подобной маски было отнюдь не простым процессом. После нанесения гипса налицо она должна была застывать где-то в течение сорока минут. Бегер вспоминал, что первый подобный опыт чуть было не закончился трагедией, которая могла сорвать все экспедиционные планы. Нанеся на лицо тибетца гипсовую массу, Бегер забыл вставить в нос жителя высокогорной страны специальные соломинки, позволяющие дышать. Некоторое время спустя тибетец стал задыхаться.

Но вернемся к ехавшей по Индийскому океану экспедиции. Во время промежуточной пересадки на Цейлоне ее участники не без малого удивления обнаружили в британской прессе многочисленные заметки, в которых они изображались как «посланники Гитлера», которые «возможно даже являлись нацистскими шпионами, следовавшими в Индию». Высадившись в Калькутте, экспедиция направилась сначала в Даржилинг, а затем в Гангток, истинную столицу Сиккима.[66] Многочисленные газетные заметки о политических намерениях немецких путешественников привели ктому, что в первых числах мая правительство Британской Индии направило в Берлин в Министерство иностранных дел Германии письмо. В нем сообщалось, что Шеферу и его товарищам строго-настрого запрещалось проникать на территорию Тибета. После утомительных и бессмысленных бесед в различных органах власти, Шеферу все-таки удалось добиться аудиенции у сэра Обри Меткалфа, министра иностранных дел при правительстве Британской Индии. Встреча произошла в Сильме, летней резиденции вице-короля. Перед Шефером стояло две цели. Во-первых, остановить поднявшуюся в британской и местной прессе волну публикаций, которые были направлены против экспедиции. Во-вторых, все-таки получить разрешение на посещение Тибета. Во время встречи с Шефером Меткалф был очень предусмотрительным, а потому предпочел организовать визит немца к лорду Линлитгоу, вице-королю Британской Индии. Он взял экспедицию Шефера под личный патронаж и дал ей разрешение на посещение Сиккима.

Однако он призвал Шефера не пересекать границу с Тибетом без специально оформленного пропуска. Следовательно, Шефер так и не получил разрешения на посещение Тибета. Но в любом случае экспедиция могла работать в Сиккиме, приграничной индийско-тибетской области. Собственно там лемцы без каких-либо проблем могли разбить свой постоянный лагерь.

Как раз отсюда немцы делали непродолжительные экскурсии по близлежащим окрестностям. Так продолжалось до тех пор, пока экспедиционный лагерь не посетил дворецкий «короля Таринга». «Король Таринг» был чем-то вроде губернатора тибетской пограничной с Сиккимом области. Его резиденция располагалась в Доптре, первом крупном от границы с Сиккимом тибетском населенном пункте. Это было удачей для Шефера, так как сын короля Таринга был министром финансов тибетского правительства в Лхасе. Получив приглашение «короля Таринга», экспедиция Шефера могла спокойно пересечь границу между Сиккимом и Тибетом, чтобы совершить визит вежливости к королю. Это был удобный случай, чтобы попросить «короля» выхлопотать для немцев в Лхасе разрешение на вступление в Тибет. Одновременно с этим Шефер передал Тарингу подарки, которые должны были быть переданы правительству Тибета. К каждому из подарков прилагалось сопроводительное письмо.

Письмо от тибетского правительства, разрешающее немцам посетить Лхасу

После визита в Доптру прошло несколько недель. Шефер уже не надеялся на успех, как из Лхасы пришло запечатанное письмо от тибетского правительства. Первые строки письма разочаровали Шефера — в них подтверждался запрет на проникновение в Тибет. Но окончание письма вызвало бурный восторг — в нем говорилось, что немецкой экспедиции делалось исключение из общих правил. В нем, в частности, содержались такие строки: «Немецкому господину доктору Шеферу, мастеру ста наук… Мы из опыта знаем, как трудно заниматься хотя бы двумя делами сразу же… Мы понимаем, что Вашей истинной целью является желание увидеть нашу святую страну, познакомиться с ее религиозными учреждениями, а также укрепить дружбу. Для ознакомления с ней мы даем Вам разрешение посетить Лхасу и оставаться там в течение 14 дней». Далее подчеркивалось, что более длительное пребывание немецкой экспедиции в Лхасе могло нарушить религиозные чувства жителей города. Поспешно собрав все необходимое, 19 декабря 1939 года участники экспедиции снялись со своего постоянного лагеря, а три дня спустя они пересекли границу с Тибетом. Именно в момент пересечения тибетской границы в экспедицию пришла радиограмма от Гиммлера, который поздравлял их с праздником зимнего солнцестояния. Лично Шеферу были адресованы такие слова: «Пусть новый световой год станет порогом к Вашему самому большому успеху».

Официальных сообщений об этом периоде экспедиции сохранилось очень немного. В большей степени почти все они были газетными заметками, опубликованными в британской и индийской прессе. Гиммлер, как и полагалось покровителю экспедиции, очень внимательно следил за этими сообщениями. Когда у Шефера возникли дипломатические трудности, то рейхсфюрер СС не на шутку рассердился. Немецкому консулу в Калькутте графу Подевильсу пришлось отбиваться от обвинений, поступавших со стороны зарубежной организации НСДАП (НСДАП/АО), что, дескать, тот не оказал Шеферу необходимой поддержки. В итоге Министерство иностранных дел представило в Персональный штаб рейхсфюрера СС докладную записку графа. Адресованная начальнику штаба Рудольфу Брандту, который вдобавок ко всему на тот момент еще курировал и деятельность «Аненербе», данная информация опровергала все обвинения в адрес дипломата. Лишь только после возвращения Шефера в Германию Гиммлер выяснил, что граф Подевильс действительно помогал, как только мог В данном сюжете интересно то, что Гиммлер проявлял к судьбе экспедиции гораздо больше внимания, нежели германское Министерство иностранных дел. Не исключено, что глава СС считал себя лично ответственным за молодого ученого и его проект.

По ряду причин Шефер не спешил во всеуслышание заявлять о своем пребывании в Тибете, а уж тем более о визите в Лхасу Но уже здесь нужно отметить, что немцы пребывали в этом закрытом городе значительно дольше разрешенного. Это говорит о большом почтении

к немецкой экспедиции со стороны тибетских политиков. В поступившей из Лхасы радиограмме в германское консульство в Шанхае Шефер просил прислать еще подарков тибетским правителям, которые должны были представиться Генрихом Гиммлером. Данная фраза говорит о том, что Шефер уже передал некие дары от рейхсфюрера СС, которые должны были способствовать расположению тибетского правительства.

В своем сообщении о прибытии экспедиции в Лхасу Шефер заявлял, что как национал-социалистическая Германия, так и ламаистское тибетское государство продавали исключительное значение свастике. «В первой половине дня 19 января в поле нашего зрения попал символ священной столицы — дворец Далай-ламы. Несколько часов спустя он предстал перед нами во всем его гигантском величии. Затем тибетский офицер провел нас, первых немцев, через врата священного города… Даже сейчас участников экспедиции СС с членами тибетского правительства связывает глубокая и искренняя дружба. Тибетское правительство проявило к немецким гостям огромную благосклонность. Об этом говорят не только множественные ответные визиты, но и огромное количество подарков, туш овец и свиней, напитка цамба,[67] муки, риса, фуража для коней, почти тысячи яиц, что позволило обеспечить многодневное благополучие нашей экспедиции. Один влиятельный тибетец блестяще сказал, что «впервые западная и восточная свастика встретились под сенью мира, культурного обмена и научных связей». Действительно, свастика, широко использующаяся в буддизме и индуизме, значительно облегчила общение немцев с тибетцами.

Благосклонность тибетских правителей была настолько велика, что участникам экспедиции Шефера не только позволили принять участие в праздновании тибетского Нового года, но даже снять его на кинопленку. Это первый случай в истории науки, чтобы европейцы фиксировали отдельные ритуалы главного тибетского празднества. Любезность проявлялась не только в этом. Провожатым Шеферу по Лхасе был не кто иной, как сам регент Рединг Хутукту. Об этом религиозном и политическом деятеле, кроме того/что он правил Тибетом во время так называемого «междуцарствия» (период между смертью в 1933 году Далай-ламы XIII и восхождением на престол в 1940 году Далай-ламы XIV), известно не очень много. Впрочем, благодаря документам немецкой экспедиции можно прийти к выводу о том, что Рединг Хутукту был настроен весьма анти-британски. Тибетская политика первой половины XX века вновь демонстрировала, что эта страна стала объектом борьбы между Британской империей и набиравшим силу Китаем. Появление в Лхасе представителей третьей (да еще европейской) страны могло существенно изменить дипломатический расклад и расстановку сил в Центральной Азии. Для этого было вполне достаточно даже крошечной экспедиции. К тому же представители Третьего рейха и Тибета почти моментально прониклись взаимными симпатиями.

Во время первой встречи Рединг Хутукту приветствовал участников экспедиции, как первых немцев, оказавшихся в священном городе. В знак гостеприимства он передал им белые покрывала и другие подарки. В ответ Шефер произнес: «От всего сердца прошу его святейшество и господина министра принять нашу благодарность. Для нас великая честь быть первыми немцами, ставшими гостями столицы этой священной страны. Боги и духи помогали нам во время этой длинной поездки, поскольку м ы пришли как посланцы мира, чтобы, не в последнюю очередь, изучить истинную философию великой религии в святом городе. Так как свастика означает само воплощение Германии, и является для нас также самым священным символом, то наш визит должен пройти под девизом: «Встреча западной и восточной свастики в дружбе и миролюбии». Пусть наша великая дружба, которая возникла впервые в истории, послужит делу нашей взаимной пользы». За формальными напыщенными фразами торжественного обращения Шефера читается в определенной степени желание установить тесные связи с правительством Тибета именно через общий символ свастики, что могло бы стать фундаментом для выполнения политической миссии. Разумеется, наведение подобных культурных мостов было прямым вызовом Британской империи.

Шефер почти сразу же заметил расположение регента и других высокопоставленных тибетских деятелей по отношению к его экспедиции. По возвращении в Германию он тут же составил своего рода аналитическую записку на предмет политического отношения к Великобритании, Китаю и России. В записке, в частности, обращалось внимание на напряженные отношения с Британской империей. Это касалось конфликта английских поверенных в делах с тибетским правительством. Он нашел свое выражение в том, что из последнего были устранены все представители, симпатизировавшие Англии. При этом сам регент не скрывал своего желания более активно развивать немецко-тибетские отношения. Подобное неожиданное желание можно было объяснить только тем, что Тибет и Германия находили точки соприкосновения в господствовавших в обоих государствах антибританских настроениях. Но Шеферу было очень сложно установить, что тибетское правительство вообще знало о национал-социализме и о последних событиях в Европе. Он предполагал, что форсированное развитие отношений с «молодой европейской державой», соперничающей с Великобританией, могло пойти на пользу Тибету.

Во время пребывания экспедиции Шефера в Лхасе произошло немало забавных событий. В частности, регент был поражен высоким ростом светловолосого Бруно Бегера. Он просил оставить этого немца в Тибете, чтобы тот мог войти в его личную охрану В качестве «замены» правитель Тибета предлагал послать в Берлин одного из своих монахов, который должен был проповедовать среди немцев буддизм. Получив вежливый отказ, регент не расстроился. Он повел немцев в удаленные комнаты резиденции, чтобы показать германским гостям священную реликвию, таинственный «божественный палец», который хранился под стеклом. Но больше всего «проблем» возникало с внешностью бородатых немцев. Безбородые тибетцы так и норовили вырвать волосок из их растительности. В один момент не удержался и сам регент. Как вспоминал Шефер, «своими тонкими нежными пальцами он начал поглаживать мои волосы на запястьях». Именно после визита немецкой экспедиции Рединг Хутукту приказал доставить в Тибет из Индии средства от облысения, которые, по его мнению, должны были способствовать росту бороды.

За несколько дней до отъезда из Лхасы Шефер получил приглашение от регента Рединга Хутукту. Визит Шефера состоялся 16 марта 1939 года. Во время встречи немец получил запечатанное письмо, которое было адресовано лично Гитлеру. К нему прилагались подарки. В переводе на русский текст письма, предназначенного для Гитлера, звучал так: «Его Величеству, немецкому королю, господину Гитлеру Оправлено регентом Редингом Хутукту в 18-й день 1-го тибетского месяца года земляного зайца. Господин Гитлер, немецкий король, который достиг власти на обширных землях. Меня радует, что Вы здоровы, а Ваши благородные дела увенчаны успехом. Я также здоров и посвящаю себя усердным делам на пользу буддийской религии и правительства. Я не только без какой-либо задержки пустил в Тибет сахиба Шефера и его спутников, которые стали первыми немцами, посетившими нас, но был им в полном смысле этого слова другом и помощником. Я надеюсь на упрочение связей между нашими резиденциями. Я полагаю, что Ваше Величество король, господин Гитлер, будет единодушным со мной и признаете, насколько это важно и существенно. Посвятите Ваше здоровье насущным делам и сообщите мне о Ваших намерениях. В качестве даров в отдельном пакете посылаю Вам превосходный тибетский шелковый шарф — хатаг, серебряную крышку для чашек, а также подставку вместе с бело-красной чашкой. А еще направляю вам тибетскую собаку азоб. Отправлено Редингом (Рвасгренг) Хутукту в 18-йдень 1-го тибетского месяца года земляного зайца». Несмотря ни специфический азиатский протокольный стиль данного письма, из него ясно следует, что тибетское правительство хотело сближения с национал-социалистической Германией. Но, с другой стороны, видно, что в Тибете почти ничего не знали о Германии. Если письмо было адресовано Гитлеру как королю, то регент не знал о его реальной полноте власти. Но это не было случайным словом и опиской. Можно только представлять, как регент Тибета, где вообще очень строго следили

за протоколом, обдумывал каждое слово своего послания. Из него должно было следовать, что отношения двух стран надо было активизировать. Но каким путем этого можно было достигнуть, предлагалось выбрать германской стороне. Однако из письма Шефера, адресованного рейхсфюреру СС Гиммлеру, следует, что речь в основном велась о проведении общих военных акций. Сам Шефер и его спутники не раз бывали на встречах у регента. Во время этих визитов наверняка шли беседы, в которых обсуждались фигуры Гитлера и Гиммлера. Так или иначе, но регент откуда-то взял формулировку—«который достиг власти на обширных землях». И хотя эта формулировка оставалась весьма пространной, но из нее все-таки следовало, что регент знал: могущество Гитлера росло, года к году. Впрочем, в данном сюжете очень сложно представить, как тибетская сторона представляла себе налаживание отношений с далекой Германией. Не исключено, что тибетское правительство хотело просто-напросто выйти из внешней изоляции и престать быть пешкой в игре между колониальной Британской империей и Китаем.

Есть версия о том, что Шефер посчитал, что и само письмо, и подарки были «оскорбительными и неподобающими» для того, чтобы их направлять фюреру. В самом письме явно не хватало славословий в адрес Гитлера. К тому же оно не имело на себе никакой печати. В итоге было написано новое письмо, о содержании которого, увы, ничего не известно, и переданы новые подарки. Кроме всего прочего среди них была древняя золотая монета, церемониальное облачение ламы. А собачка азоб была заменена тибетским догом.

Если говорить о курсировавших в британской и индийской прессе слухах о том, что немецкие исследователи, направлявшиеся в Сикким и Тибет, были «в действительности делегацией Гитлера, которая должна была подорвать британское владычество в Азии», то эта история имела некое продолжение. Сведения о подобных заявлениях поступили к Шеферу, когда он уже находился на границе с Тибетом. Тогда эта проблема его волновала мало, так как он направлялся на север в Лхасу Когда же Шеферу доложили, что англичане послали специальное воинское подразделение, чтобы арестовать членов экспедиции, то он стал распространять ложные сведения о том, что из Сиккима немцы направились в Бутан. На самом деле в тот момент он находился в Тибете.

Нет сомнений в том, что британские власти организовали почтовый бойкот немецкой экспедиции, находившейся в Лхасе. Только так можно объяснить тот факт, что Шеферу из Индии в тибетскую столицу не доставлялось никакой корреспонденции. Чтобы хоть как-то организовать деятельность экспедиции, он посылал радиограммы через немецкое консульство в Шанхае. Однако в том же Шанхае американцам удалось перехватить эти незашифрованные послания. Так им стало известно о теплом приеме тибетскими властями германской экспедиции и о подарках, которые должны были быть направлены в Тибет. Все эти сведения стали своего рода сенсацией. Британские власти и ранее с подозрением относились к экспедиции Шефера. Когда же им стали известны некоторые подробности ее пребывания в Лхасе, то они пришли к выводу, что их подозрения не были беспочвенными. Но во всех сообщениях Шефера в глаза бросалась одна особенность. Он не намеревался осуждать английскую сторону. Шефер проводил различие между мнительными газетчиками, которые печатали компрометирующие его материалы, и официальными британскими институтами, которые, впрочем, послали для его поимки военных.

Прежде чем оставить Индию, в своей статье для «Народного обозревателя» он весьма лестно отзывался о Б. Гулде, британском уполномоченном по делам Сиккима, Бутана и Тибета, который, перешагнув через национальные различия и стереотипы, организовал немцам дружеский прием. По возвращении из Тибета Шеферу пришлось второй раз столкнуться с лордом Линлитгоу Эта встреча произошла буквально накануне отбытия экспедиции обратно в Европу. Беседа, естественно, была посвящена завершавшейся экспедиции. Об этом разговоре есть только два упоминания. Одно — это заметка Эрнста Шефера, написанная для того же «Народного обозревателя». «Я с большой благодарностью

принял приглашение лорда Линлитгоу, который был крайне любезен, но в то же время свободен в общении со мной. Он заверил меня, что был благосклонен к моей экспедиции с ее первого до последнего дня». Далее шли общие фразы сожаления о том, что экспедиция удалилась слишком далеко. Сам же Шефер в немецкой прессе рассказывал не только о трудностях экспедиции, но и о любезности британских властей, включая вице-короля. Не исключено, что таким образом он хотел хоть как-то наладить портившиеся с каждым днем германо-британские отношения. Второй раз об этом разговоре Шефер вспомнил в 1947 году, когда его как свидетеля допрашивали на Нюрнбергском процессе. Тогда он выдал множество мельчайших подробностей беседы с лордом Линлитгоу. На этот раз он утверждал, что темой беседы была опасность вспыхивания войны в Европе. Вице-король просил Шефера помочь в сохранении мира. Шефер утверждал следующее: «Лорд говорил мне, что согласен с тем, что Данциг — немецкий город. «Если вы хотите Данциг, то вы его получите, но кредит доверия заканчивается. Если Гитлер прибегнет к силовым действиям — это будет означать начало войны». Далее он продолжил: «Война может продолжаться 15 лет. Мы знаем, что Германия очень хорошо вооружена, что позволит ей выигрывать в первые годы. Но затем это может закончиться крушением европейской культуры». Мне скоро предстояло выплывать в Багдад, чтобы попасть в Германию. На прощание лорд сказал мне дословно следующее: «Попытайтесь хоть что-нибудь сделать для сохранения мира»».

Сейчас сложно установить, о чем в действительности говорили немецкий исследователь и вице-король. Сложно также сказать, что сделал Шефер для сохранения мира. Не исключено, что он просто хотел себя обезопасить на международном трибунале.

4 августа 1939 года экспедиция Шефера направилась в Германию. За прошедшее лето немцы проехались по разным местам Тибета. Кроме всего прочего, они посетили древний королевский город Ялунг. Там они намеревались сделать множество археологических и палеонтологических находок. На обратном пути в Калькутту Шефер делал лишь кратковременные остановки. Слухи о грядущей войне заставляли его спешить. Обратный путь в Германию проходил по следующему маршруту: Багдад—Александрия — Афины — Белград — Вена. Согласно первоначальному плану, экспедиция направила весь свой багаж на корабле по морю, а сами ее участники пересели на самолет. Они успели вылететь из Индии раньше, чем британские власти отдали приказ, запрещающий выезд из Индии всем гражданам стран «оси» (Германия, Италия, Япония). О том, что подобная поспешность не была случайной, говорит очень многое. Багаж экспедиции прибыл в Германию много позже — лишь весной 1940 года. В нем находились не только собранные материалы, но и многочисленные подарки, которые тибетское правительство направило Гитлеру.

По пути своего следования немецкие путешественники приветствовались своими соотечественниками. В Афинах им устроили овации — известность экспедиции опережала ее саму. Не желая терять ни минуты, Гиммлер специально послал за ними машину в греческую столицу. Нечто подобное случилось в Вене и в Мюнхене. В Баварии участников экспедиции встречал лично Гиммлер. В его распоряжении был специальный самолет, который должен был доставить их в Берлин.

На следующий день почти во всех немецких газетах сообщалось о возвращении немецкой экспедиции. До этого «Народный обозреватель» на протяжении почти восьми месяцев публиковал путевые заметки Шефера. Другие газеты давали короткие сообщения или обзорные статьи. Но при этом ни в одной из них не говорилось о политическом значении данного предприятия. Если же сравнить все эти публикации, то в глаза бросаются две особенности. Во-первых, везде акцентированно подчеркивалось, что экспедиция проходила под патронажем рейхсфюрера СС. Во-вторых, подробно излагался маршрут экспедиции. Много внимания уделялось азиатской экзотике, но почти ничего не говорилось о результатах самой экспедиции. В некоторых научных специализированных журналах рассказывалось о том, что в глубокой Азии удалось найти европейскую лань, но ни слова не было проронено

про расовые исследования и антропологию. С началом Второй мировой войны вряд ли можно было рассчитывать на организацию новых экспедиций в Центральную Азию. Плавание по морю стало занятием не просто рискованным, а смертельно опасным.

Глава 4

Лоуренс Аравийский Третьего Рейха?

Очевидный интерес Гиммлера к Тибету отнюдь не исчерпался после окончания экспедиции Шефера 1938–1939 годов. Напротив, он многократно возрос. Еще во время своего пребывания в Азии Шефер пытался регулярно уведомлять рейхсфюрера СС обо всех происшествиях, с ним происходивших. Вместе с тем повторение аналогичного предприятия и с научных, и с дипломатических позиций было нецелесообразным. К тому же в сентябре 1939 года обстановка в мире кардинально поменялась.

Впрочем, в Германии уже в том сентябре 1939 года стали вырабатываться конкретные предложения, как можно было бы использовать Тибет в военных целях. Шефер и его товарищи цеплялись за любой удобный повод, чтобы вернуться к работе в Азии. После завершения экспедиции 1938–1939 годов Шефер поставил вполне оправданный вопрос, каким образом будут финансироваться работы по обобщению собранного материала и собственно дальнейшие научные исследования? Вообще будут ли продолжаться работы в «тибетском направлении»?

Во время экспедиционной поездки Шефер пребывал в относительной независимости, обладая достаточной свободой действий. Теперь же ему было настойчиво предложено продолжить свою научную карьеру в рамках исследовательского общества СС «Наследие предков». Молодые люди, которые стремились к академической деятельности, оказались по рукам и ногам связанными планами Гиммлера. К тому же нельзя было забывать, что свое влияние оказывала начавшаяся мировая война. Гиммлер не раз предлагал свое дальнейшее покровительство молодому исследователю Тибета. И в итоге именно Шефер стал человеком, который должен был представлять интересы СС в секретных разработках Министерства иностранных дел Германии, направленных в первую очередь против Британской колониальной империи. Учитывая знания и опыт Шефера, он был привлечен к так называемому «индийскому сектору». Благодаря Шеферу у Гиммлера наконец-то появилась возможность разыграть на международной арене свою собственную политическую партию. Репутация Шефера как успешного (даже весьма успешного) молодого ученого, состоявшего на службе в СС, стала для рейхсфюрера СС поводом, чтобы вмешаться в тайные операции, обращенные против Англии. В историографии, прежде всего зарубежной, неплохо исследованы проблемы подрывной деятельности Третьего рейха на Ближнем Востоке. Это касалось в первую очередь начала Второй мировой войны. Что касается европейского театра действий, то тут все было предельно просто: были сугубо военные и сугубо политические цели.

Если рассматривать историю Евразийского континента во время Второй мировой войны, то ее можно обозначить как столкновение колонизационных интересов враждующих держав. Прежде всего речь идет не о самой Европе, а о периферии континента. Пример Тибета показывает, как идеологические соображения постепенно превращались в перспективное стратегическое планирование, что в свою очередь позволило возродить проект тибетской экспедиции.

Как уже говорилось выше, в августе 1939 года Шефер прямо в мюнхенском аэропорту был встречен Гиммлером. Состоялась беседа. Шефер пояснил, что не может передать Гиммлеру письмо от тибетского регента Рединга Хутукту, так как оно находилось вместе с подарками в багаже. А тот, как мы помним, следовал по морю. К слову сказать, не самый дальновидный шаг. Подобные документы и послания лучше все-таки не «сдавать в багаж». Но отсутствие письма не помешало Шеферу передать суть своих бесед с регентом. Почти тут

же родился план (в большей степени он все-таки принадлежит Гиммлеру). Надо было организовать новую экспедицию в Тибет, на этот раз сухопутным путем. Ее целью бала поддержка тибетцев хотя бы в ограниченных военных акциях, направленных против британской короны. Монашеское государство, азатем и Сикким должны были стать центром военно-политической нестабильности.

Возвращение экспедиции Эрнста Шефера в Германию как раз совпало с периодом временного сближения Советского Союза и Третьего рейха. Это обстоятельство только подхлестнуло стратегические фантазии Гиммлера и Шефера. Молодой ученый, не откладывая в долгий ящик, буквально неделю спустя после своего возвращения начал планировать новую экспедицию в Тибет. На этот раз она должна была пройти не под научным, а под военным знаком.

Уже 4 сентября 1939 года, то есть день спустя после объявления Великобританией войны Третьему рейху и 12 дней после подписания пакта Молотова—Риббентропа, четверо участников тибетской экспедиции встретились в Берлине с штандартенфюрером С С Ульманом, начальником Персонального штаба рейхсфюрера СС. Позже Ульман направит письмо группен-фюреру СС Карлу Вольфу, который в тот момент вместе с Гиммлером ехал по делам на фронт в «специальном поезде». В письме излагались все детали и подробности многочасовой беседы. Почти в тот же день Гиммлер лично отдал приказ о том, чтобы все участники будущей тайной экспедиции начали тренироваться в Праге на базе элитной эсэсовской дивизии «Лейбштандарт Адольфа Гитлера». За их подготовку непосредственно отвечал штандартенфюрер СС Кеплер. Пару дней спустя, 7 сентября 1939 года, Гиммлер выразил крайнее недовольство действиями Шефера, так как тот, не получив на то соответствующего разрешения, имел беседу в шефом абвера адмиралом Канарисом. Сдержанный обычно Гиммлер в беседе с Шефером не скрывал своего раздражения: «Сегодня я узнаю от адмирала Канариса, что Вы были у него, обсуждали с ним дела и даже высказали мнение, что дорога через Россию является слишком длинной, а также нет необходимости получать в Праге военную подготовку. Я понимаю, что Вы при своей энергичности и решительности желаете как можно быстрее приступить к выполнению задания. Но впредь я прошу от Вас только одного — послушания и предельно точного выполнения приказов. Распоряжаться собой вы получите возможность только в одном случае, когда сами станете командиром. Но до тех пор, пока Вы находитесь здесь, Вы должны подчиняться, как в свою бытность требовали этого от участников Вашей экспедиции. Выполнять задание имеет смысл тогда, когда этого требует политическая обстановка. Я уже как-то говорил Вам об этом. Если война с Англией и Францией окажется скоротечной, то выполнения данного задания не потребуется. Если же противостояние затянется, то тогда оно окажется весьма к месту. К тому же я считаю военную подготовку необходимой, так как это мое личное дело. Если Вы беретесь за выполнение военного задания, то для начала должны быть воспитаны как солдат. При помощи саботажа и небольших диверсий мы ничего не сможем достичь».

После тибетской вольницы Гиммлер давал недвусмысленно понять, что отныне Шеферу придется мириться с его строгим руководством. Строгость рейхсфюрера была обусловлена еще и тем, что он хотел единолично курировать «тибетский проект» и вести свою внешнеполитическую игру без помощи конкурирующих структур. Если Гиммлер запрещал Шеферу встречаться с Канарисом, то делал это как минимум по двум причинам. Во-первых, Шефер как эсэсовец консультировал «конкурента» — армейскую контрразведку. Во-вторых, личные отношения между рейхсфюрером СС и адмиралом были и без того слишком натянутыми. Не стоило забывать, что Канарис и Рейнхардт Гейдрих, шеф СД — службы безопасности СС, были не просто конкурентами, а едва ли не врагами. Они работали друг против друга, собирали друг на друга компромат, устраивали провокации. Канарис очень рано понял, что СС превращались в «государство в государстве», и его это не устраивало. В итоге Шефер, сам того не подозревая, стал для Гиммлера в одночасье едва ли не

«предателем». А ведь именно так можно было трактовать контакты за спиной главы СС. Гиммлер вообще реагировал крайне агрессивно, когда Канарис пытался перевербовать у него людей.

В очередном письме Генрих Гиммлер вновь приказал Шеферу и его товарищам безотлагательно направляться в Прагу, При этом относительно будущего предприятия им надлежало хранить «гробовое молчание». Более того, они должны были воздерживаться от контактов с представителями каких-либо других инстанций Третьего рейха. Гиммлер не хотел осуществлять свой замысел, если бы о предстоящей акции знал кто-нибудь еще. В итоге Гиммлер написал Шеферу: «Я полагаю, что Ваши прежние вольные беседы и Ваше желание сотрудничать в сфере схожих заданий с другими структурами, могут привести Вас к смерти (!!!). Нельзя забывать, что имеется контрразведка, что она базируется на определенных системах и имеет определенный опыт. В данной ситуации единственным средством является — держать рот на замке. Не надо рассказывать людям что-то раньше, чем они это должны узнать. Людям вообще не надо знать больше, чем им положено знать. Вы должны быть скрытны… Не исключаю, что Вы забыли эти принципы, оговоренные во время нашей беседы. Но я убежден, что отныне Вы будете действовать согласно полученному приказу, что Вы проявите свою волю, которая в итоге и позволит Вам выполнить порученное Вам задание».

Несмотря на то что Шефер «прокололся» и самостоятельно установил контакты с адмиралом Канарисом, для Гиммлера он оставался человеком, который был ему нужен. Во время допросов на Нюрнбергском трибунале Шефер рассказал американцам, как он попал в сферу планирования новой, уже военной, тибетской экспедиции. Еще во время своего путешествия по Тибету он направил письма рейхсфюреру СС и в МИД Германии, в которых он высказывался за сотрудничество с Англией в Европе. Игнорируя факт, что ответ не поступил, он все-таки развил эту тему в беседе с вице-королем Индии. Тот рекомендовал ему не более и не менее, как встретиться лично с Гитлером и рекомендовать фюреру сближение с западными державами. После того как Гиммлер отговорил молодого исследователя от столь опрометчивого поступка, тот через знакомых своего отца вышел на Канариса. Тот даже порекомендовал Шеферу поступить в его военно-разведывательную школу. Но во время встречи с Гиммлером Канарис почему-то «открыл карты». Адмирал даже процитировал Шефера. Чем окончилось данное «цитирование», мы уже знаем. Позже Шефер вновь встретился с Гиммлером. Тот стоял у огромной карты. Он показал на нее и сказал, что Шефер должен вести экспедицию в Тибет при помощи русских. «Он требовал, чтобы я установил связи с русскими. Но Советский Союз был тогда закрытым государством. Я увиливал как мог от выполнения этого задания. Но Гиммлер настаивал. Он сказал мне: «В первую очередь Вы являетесь эсэсовцем». Затем он отдал мне приказ собирать вещи. Однако, что происходило на самом деле, полагаю, американская сторона проинформирована гораздо лучше меня. Многое я впервые узнал вообще во время моих допросов в Оберурзеле. Я лишь в курсе, что это был план, согласно которому мы совместно с русскими хотели организовать вторжение в Индию. Я был поставлен в тупик, и тогда сделал следующее — я решил обсудить это со своим отцом. Он ничего не понимал в географии, к тому же я решил изложить ему такую версию, чтобы не выдавать реальный проект. «Я собираюсь ехать в Кашмир, чтобы вербовать там туземцев» «Каким путем?» «Через Россию». «Это совершенно безумная идея». А затем я оказался в «Лейбштандарте». Меня как солдата там стали учить дисциплине».

Данное изложение событий, сделанное Шефером, наверняка являлось попыткой оправдать себя и своих товарищей, служивших в СС. Посмотрим на хронологию тех событий. Приказ о направлении в Прагу Шефер получил где-то 4 сентября. На три дня он задержался в Берлине. Именно в это время он встретился с Канарисом. Вряд ли во время этой встречи он передавал просьбу лорда Линлитгоу. Вероятнее всего, он обсуждал с шефом абвера конкретные планы СС на время войны. Хотя документальные записи об этой беседе

отсутствуют, можно предположить, что она состоялась незадолго до 7 сентября 1939 года. По этой причине версия Шефера о том, что его «сослали» в «Лейбштандарт» за связи с Канарисом, является, мягко говоря, несостоятельной. Вдобавок ко всему имеются письма, которые позволяют говорить о том, что Шефер сам предложил Гиммлеру план новой экспедиции в Тибет. То есть получается, что он без санкции и предварительного инструктирования самовольно встретился с Канарисом. Сделано это было, естественно, отнюдь не для того, чтобы причинить Гиммлеру какой-то вредно при всем этом нет никаких признаков того, что Шефер был решительным противником Гиммлера. Эту мнимую оппозиционность он «приобрел» уже во время допросов американцами.

А между тем Эрнст Шефер, Эдмунд Геери Йобст Геслинг получили необходимые документы и полномочия на выполнение особого задания, после чего под видом туристов направились в Прагу. Там на базе «Лейбштандарта» им предстояло пройти 8-не-дельные военные курсы. Программа тренировок была утверждена непосредственно руководством СС, что еще раз подчеркивало секретность их задания. Специально выделенный для тренировок эсэсовский офицер должен был научить за два месяца молодых ученых обращению с автоматическим оружием, основам саперного дела, системе оповещения, зенитному делу, тактике ведения боя и т. д. С «новобранцами» общаться разрешалось только высокопоставленным офицерам СС. Тем временем между персональным штабом рейхсфюрера СС, хозяйственным управлением СС и отдельными командирами «Лейбштандарта» шла активная переписка. В основном обсуждались два вопроса: успехи в военной подготовке «новобранцев» и дальнейшее финансирование их обучения. Гиммлер лично следил за «военными успехами» молодых ученых. Именно по его настоянию программа подготовки была значительно расширена.

После прохождения подготовки Шефер получил от Гиммлера приказ скоординировать предстоящую операцию с планами Министерства иностранных дел. С началом войны германский МИД независимо от СС стал разрабатывать планы дестабилизации при помощи «советских союзников» британских колоний, прежде всего Индии. Сделать это предполагалось через Афганистан. По данному вопросу сохранилось достаточное количество документов. В итоге можно реконструировать почти все запланированные советско-германские тайные операции, которые в рамках сотрудничества СССР и Третьего рейха должны были быть осуществлены против Британской империи. Собственно интересы МИДа и СС в данном направлении не пересекались. В СС планировали дестабилизацию Индии через Тибет, а в Министерстве иностранных дел — через Афганистан. Риббентроп еще годом раньше наметил главный внешнеполитический принцип данной программы. В борьбе против колониальной империи надо было сплотить все антибританские силы.

Но координация действий СС и МИДа оказалось не такой уж простой задачей — почти сразу стали возникать проблемы и трудности. В основном это обуславливалось личной конкуренцией, которая в итоге вылилась в соперничество структур. С самого начала подобные разногласия только вредили процессу переговоров с советской стороной. Нередко дискуссии между немецкими представителями начинались прямо в присутствии советских дипломатов. В Центральной Азии свои планы вынашивали и Министерство иностранных дел, и абвер, и внешнеполитическое управление НСДАП. В целом отношения между Гиммлером и Риббентропом характеризовались как дружелюбные. Но именно по проблеме Тибета между ними произошла ссора. В планах Гиммлера, вне всякого сомнения, идеологические моменты превалировали над сугубо практическими. Его мало волновала удаленность монашеского государства. Дело с организацией новой тибетской экспедиции замедлялось тем, что многие служащие МИДа противились попыткам СС вести собственную внешнюю политику Их совсем не устраивало, что для своих проектов Гиммлер намеревался использовать именно Министерство иностранных дел. Это не устраивало и самого Риббентропа. Попытаемся

разобраться в данном дипломатическом хитросплетении, а также в подводных течениях, которые существовали во время советско-германского сближения 1939–1941 годов.

В конце сентября 1939 года, когда Шефер формально находился в подготовительном лагере «Лейбштандарта» в Праге, у министра иностранных дел Риббентропа состоялось заседание. На нем обсуждались предстоящие военные акции в Афганистане и Тибете, а также необходимость их согласования с советской стороной. В беседе кроме самого Риббентропа принимали участие; Фриц Гробба, куратор восточного сектора Министерства иностранных дел, Вернер Отто фон Гентинг и собственно специально приглашенный Эрнст Шефер. Сначала обсуждался «афганский вариант». Предполагалось, что правительство данной страны должно было начать целенаправленные акции против Великобритании. Благожелательный в отношении Германии нейтралитет тоже, конечно, был хорош, однако в Берлине на Вильгельмштрассе предпочли, чтобы пассивная позиция Афганистана сменилась хоть и условно, но все-таки активной. Договариваться об этом надлежало в Москве. По «тибетскому варианту» германский МИД не вел никаких переговоров с Москвой. Это была абсолютно новая тема. Но предполагалось, что и она будет рассмотрена в Советском Союзе. Еще прежде чем были установлены непосредственные контакты с Молотовым, в германском МИДе решили, что подготовку обоих рискованных операций надо было объединить между собой. Некая логика в данных словах была. Если Риббентроп в силу своих функций мог представлять интересы Гиммлера в Москве, то вряд ли советские органы позволили СС проводить на территории Советского Союза самостоятельную политику.

Шло время. 3 ноября 1939 года Эрнст Шефер доложил Генриху Гиммлеру о завершении прохождения специальной подготовки в пражском центре СС. При этом он просил рейхсфюрера выплатить всем его товарищам двухмесячное денежное довольствие, а ему лично предоставить небольшую ссуду. Из данного письма также следовало, что Шефер, несмотря на прохождение спецподготовки, встречался с Гейдрихом и его подчиненным бригаденфюрером Йостом, занимавшим пост начальника 6-го управления Главного управления имперской безопасности (политическая разведка). Речь между ними шла как раз о подготовке операции в Азии. Во время беседы называлось даже приблизительное начало акции — лето 1940 года.

Можно констатировать, что по мере развертывания Второй мировой войны, особенно с ноября—декабря 1939 года, советская сторона стала активнее поддерживать все немецкие начинания в Азии. Беседы на эту тему шли на самом высшем уровне. Как правило, они обсуждались лично немецким послом в СССР Фридрихом Вернером Шуленбуртом и советским министром иностранных дел Вячеславом Молотовым.

Общение между дипломатами шло на самые различные темы, но азиатским операциям уделялось особое внимание. Москва хотела выиграть время, а потому требовала от германской стороны детально проработанных планов. При этом сам Молотов не хотел терять возможности политического и дипломатического маневра. Стратегические желания Германии весьма чувствительно били по интересам СССР. Почти незамеченным остались немецкие предложения о воен но-политическом сотрудничестве на территории оккупированной Польши. Советской стороной оказалась обойдена проблема двухсторонних поставок стратегического сырья и вооружений. Между Германией и СССР чувствовалось взаимное недоверие. Стороны осторожно прощупывали друг друга. В конечном итоге обсуждение'операций в Тибете и в Афганистане для Сталина и Молотова было лишь пробным шаром, который должен был выявить долгосрочные цели германской политики. В итоге интенсивность ведения переговоров в Германии по той или иной проблеме давала советской стороне возможность определить актуальность определенных тем. По этой причине резкий поворот в сторону интересов Германии должен был быть оплачен неоднократно запрашиваемой экономической помощью. Но в любом случае в советском правительстве весьма скептически относились к германским планам в Азии. Это отношение было даже

скорее «осознанно непредсказуемым». В этом скоро смогли убедиться даже поборники идеи советско-германского союза.

Скорейшему осуществлению «афганского варианта» мешала не только выжидательная позиция советской стороны, но также и принципиальные расхождения во мнениях между Министерством иностранных дел Германии и внешнеполитическим управлением НСДАП, которое на тот момент возглавлялось идеологом национал-социализма Альфредом Розенбергом.

В свете этого противостояния тибетская экспедиция временно уходила на второй план. Риббентроп, который ненавидел англичан еще со времен своей работы послом в Лондоне, был не только архитектором «Пакта о ненападении» с СССР, но и хорошим знакомым главного идеолога русско-немецкого союза Петера Кляйста. Именно ему, дипломату Вернеру Отто фон Гентигу, послу Шуленбургу, а также недавно назначенному на свой пост младшему статс-секретарю МИДа Теодору Хабихту он поручил вести все переговоры с Москвой. Именно новичку в МИДе Хабихту было поручено согласовать с советской стороной все антибританские акции на Востоке и в Азии. Но при этом у него явно не хватало опыта, многие вообще сомневались в его дипломатической квалификации. Возможно, именно для того, чтобы исправить свою репутацию, Хабихт развил немыслимую активность на дипломатическом поприще. Сразу же после своего назначения он попытался связаться с советскими правительственными учреждениями, чтобы сразу же начать вести переговоры по обеим антибританским акциям. В декабре 1939 года Кляйсту удалось договориться начать переговоры в Москве. В них с немецкой стороны должны были принимать участие сам Кляйст, Гентиг и Хабихт. Кроме этого на них должны были присутствовать Эрнст Шефер и афганский министр иностранных дел Гхулам Ситгик Хан. И вновь Министерство иностранных дел Германии было вынуждено держать оборону против Альфреда Розенберга и Фрица Гробба. Розенберг активно воспротивился идее направить афганского министра на переговоры в Москву. «Догматик партии» полагал, что для реализации афганской операции надо было искать контакты в Кабуле в правящих кругах. Но Розенберг в отличие от гибкого и дипломатичного Риббентропа вряд ли мог рассчитывать на сотрудничество с Советским Союзом. Если бы германская сторона сделала ставку на внутриполитическую оппозицию в Афганистане, то выступление против Британии могли бы стать возможными только после свержения правящего режима. А в данном случае от советской стороны потребовалось бы значительно большая политическая и техническая поддержка. Розенберг вообще не был готов сотрудничать с «большевиками». По крайней мере, он не хотел делать на них главную ставку. При подобном развитии событий в афганской операции первую скрипку стал бы играть СССР. Розенберг опасался, что «русские» в результате сами смогут прорваться к Индийскому океану. По этой причине он предпочел бы просто оказывать давление на правящие круги.

В итоге весь афганский-вопрос свелся к двум существенным проблемам. С какой афганской партией Третий рейх должен был искать союза? И в какой мере Германия нуждалась в поддержке СССР для осуществления своих планов в Афганистане? Но в итоге речь шла о том, какая из структур одержит верх в Третьем рейхе. Пока разгорался этот конфликт, Кляйст в Москве обсуждал с Молотовым конкретный план действий.

29 ноября 1939 года Хабихт, наверняка не без помощи Гентига, сформулировал меморандум. Советский Союз должен был дать разрешение транспортировать по его территории оружие и армейские части. 1 и 7 декабря 1939 года в Москве обсуждались перспективы двух одновременных операций (афганской и тибетской). Но о конкретном плане их осуществления опять не было произнесено ни слова. 12 декабря Кляйст со специальным заданием прибыл в Москву. Встретиться с Молотовым ему удалось лишь шесть дней спустя. Эта задержка могла оцениваться лишь как откровенное неверие Москвы в «немецкие

авансы». Советское правительство осторожничало. Содержание беседы Кляйста и Молотова моментально было передано послом Шу-ленбургом в Берлин.

«Предоставленные мною сведения были детально обсуждены с Молотовым. Молотов согласился поддержать эти планы в случае, если будут предоставлены более точные сведения о принципах осуществления акций, а также их методах. Только в данном случае можно осуществить намерение отправить в Москву афганца и Шефера. Предлагаю вернуться в Берлин, разработать запрошенные Молотовым документы, чтобы как можно скорее вернуться в Москву… Отъезд Кляйста и Шуленбурга на 20-е число». Подобное сообщение позволяет оценивать позицию немецкой стороны как серьезную. Кляйст специально отбыл в Берлин, чтобы обсудить в соответствующих инстанциях свои дальнейшие действия. Он не мог самостоятельно вести переговоры в Москве, так как был ограничен полученными указаниями. К тому же он не знал всех целей участвовавших в данной дипломатической игре заинтересованных лиц. При обсуждении столь щепетильного вопроса, как дестабилизация британских колоний, он хотел подстраховаться. Он не хотел рисковать, и тем паче давать повод для принципиальных расхождений во мнениях между двумя неравными партнерами (в деле проникновения в Азию Германия полностью зависела от благосклонности СССР).

Дипломатическое объединение двух различных операций — в Тибете и в Афганистане — имело общей целью подорвать колониальное могущество Англии в Индии. Но подобный ход имел своим следствием, что проблемы по афганской акции автоматически переносились на запланированную тибетскую экспедицию. Обсуждать их по отдельности никто не намеревался. А стало быть, провал переговоров хотя бы по одной стране автоматически вел к сворачиванию всякой подготовки по второй. Операции в Азии должны были быть утверждены, что называется, пакетом. К тому же Тибет оставался для Германии слишком далекой и неисследованной страной, чтобы для решения его отдельно взятой проблемы в Министерстве иностранных дел имелись специальные службы, которые бы могли противостоять Розенбергу и вести самостоятельную игру с Москвой. Асам Розенберг в декабре 1939 года вновь вмешался в планирование афганской операции. 14 и 20 декабря 1939 года он несколько раз встречался с Гитлером. В те дни в задачи Розенберга входила в том числе опека прибывавших на партийные съезды иностранных гостей. Используя в качестве повода шедшие тогда переговоры между Гитлером и норвежским фашистом Квислингом, Розенберг смог изложить собственные пожелания фюреру. При этом он призвал отказаться от совместной деятельности с Советским Союзом в Азии и на Ближнем Востоке, так как это мешало главной воен но-политической цели Германии, а именно «уничтожению еврейского большевизма». Кроме этого подобное сотрудничество фактически лишало Германию всяких шансов на успех в деле возможных переговоров с британцами.

Спор о немецких планах в Афганистане показывает, насколько противоречивой была внешняя политика Третьего рейха. Во многом она была продиктована желанием нанести удар по противнику чужими руками. Но даже принятие Гитлером принципиального решения не положило конец противостоянию Министерства иностранных дел и внешнеполитического управления НСДАП.

Это стало ясно 9 февраля 1940 года, во время так называемого «разговора боссов» в Берлине. На этом мероприятии Розенберг потребовал назначить во все крупные инстанции специальных уполномоченных, которые бы обеспечивали национал-социалистическое мировоззрение». Розенберг и Риббентроп были готовы войти в клинч. Риббентроп еще накануне данной встречи подготовил меморандум, в котором говорилось, что подобные уполномоченные могли вмешиваться вдела внешней политики Германии только после согласования своих планов с руководством министерства и обязательного их утверждения лично имперским министром. На это Розенберг парировал: «Я прошу предоставить мне дополнительные полномочия, чтобы в случае выявления разногласий с Министерством иностранных дел, которые могут быть сняты только фюрером, не отвлекать его от решения

государственных дел». Подобный аргумент не был импровизацией Розенберга, он был согласован лично с Гитлером за несколько недель до этого.

В центре данного конфликта находились личные амбиции, которые превращались в столкновение интересов различных структур, что в свою очередь вело к бюрократическому хаосу, царившему в Третьем рейхе. Впрочем, подобная картина наблюдалась не только в связи с запланированными восточными операциями. Безудержная борьба компетенций была отличительным признаком национал-социалистической системы. Риббентроп добился немалого успеха, когда смог убедить СССР подписать пакт о ненападении, но с началом Второй мировой войны его значение в планировании военно-стратегических операций уменьшалось с каждым днем. При этом Розенберг старался всеми средствами расширить свои полномочия, так как не хотел уходить на второстепенные политические роли. В итоге в условиях ведения войны против Англии внешняя политика Германии стала «яблоком раздора», которая столкнула между собой несколько группировок, каждая из которых жаждала самостоятельно вести международные дела. В данном случае никого не интересовало, что личные амбиции подрывали внешнеполитический престиж Германии в глазах советских «союзников».

После поражения Риббентропа и укрепления позиций Розенбергом ведомство Генриха Гиммлера оказалось в сложной ситуации. По мнению руководства охранных отрядов, исследователь и эсэсовец Эрнст Шефер был готов к выполнению своего тибетского задания. Но данный проект СС был неосуществим даже в условиях тесного сотрудничества с Министерством иностранных дел Германии. Гиммлер начинал осознавать, что в реализации нового тибетского плана он поставил не на ту лошадь. Проволочки в организации военно-стратегической экспедиции Эрнста Шефера в первую очередь были вызваны многочисленным условиями, которые были сформулированы в самом же германском МИДе. Если дипломаты, как здравомыслящие чиновники, видели в Тибете только очень удаленную страну, то Гиммлер предполагал не только осуществить некоторые стратегические намерения, но и продолжить научное изучение этой горной местности, что, разумеется, было вызвано его идеологическими устремлениями.

В данной ситуации остается неясным, знало ли руководство СС о бюрократических баталиях, которые с одной стороны вели Риббентроп и Гентиг, а с другой — Розенберг и Гробба. Позже Шефер описывал один случай. Накануне его свадьбы 7 декабря 1939 года ему позвонил группенфюрер СС Карл Вольф, который сообщил, что Шеферу предстоит поездка в Москву, а потому ему надлежало направиться в Берлин, в здание МИДа на Вильгельмштрассе. Молодой исследователь в тот же день оказался в Берлине, но никто из дипломатов не сообщил ему новость о поездке в Москву. Именно в эти дни разворачивалась баталия между Розенбергом и Риббентропом. По-видимому, в МИДе предпочитали умалчивать о конфликте с внешнеполитическим управлением НСДАП. Это пытались скрыть даже от СС. В неблагоприятной для немецких дипломатов обстановке личный визит Шефера в Москву для обсуждения перспектив тибетской экспедиции мог еще сильнее подорвать позиции МИДа. Более того, в самом министерстве опасались, что подобное сотрудничество поставит их в зависимость от могущественных СС. Только так можно объяснить, что для оказания влияния на Гитлера не был привлечен Генрих Гиммлер, который откровенно недолюбливал и презирал догматика Розенберга.

Но Шефер хотел во что бы то ни стало продемонстрировать Гиммлеру, что его дела шли весьма успешно. А потому он пытался изобразить из себя важную личность, которая тоже играла какую-то роль. Зимой 1939–1940 годовой начинает активно критиковать Министерство иностранных дел за то, что оно не было в состоянии обеспечить дипломатическое прикрытие его тибетской экспедиции.

Например, в донесении Гиммлеру «О состоянии операции в Тибете», датированном 10 января 1940 года, еще звучат оптимистичные нотки: «В декабре 1939 года прошло несколько

собеседований с помощником статс-секретаря. Итог этих бесед можно выразить в двух пунктах. Во-первых, подробно обсуждались детали предстоящей операции. Во-вторых, после консультаций с русскими было установлено, что собственно военной акции должна предшествовать политическая, которая должна подготовить почву в Китае, Туркестане и Тибете». В многостраничном письме Шефер высказывал пожелание, что передовой политический отряд должен был иметь достаточное финансирование, чтобы вести работу против колониальных британских властей в стиле Лоуренса Аравийского. По этой причине для предстоящего успеха акции большое значение имела иностранная валюта. Приблизительные расчеты Шефера финансовых затрат на проведение данной операции составляли 2–3 миллиона рейхсмарок, часть из которых надо было иметь в виде серебряных монет или слитков драгоценных металлов. Кроме технических вопросов организации экспедиции и ее активной поддержки советскими властями, как на территории континентальной России, так и в Сибири, рассматривался вопрос о согласии тибетских властей спровоцировать антибританские выступления в Северном Сиккиме, Юннане, Сетчуане и Кансу. В качестве альтернативы переброски экспедиции через Советский Союз рассматривался вариант проникновения через Пекин и Ланьчжоу, но для этого требовалась поддержка японских властей.

На самом деле сообщение Шефера только на первый взгляд выглядит оптимистичным. Он перечислял подробности планирования экспедиции, но не смог привести в письме ни одного конкретного результата или хотя бы достигнутой договорённости. За списком людей, которые должны были принять участие в политической акции, и перечислением необходимого для этого оборудования, Шефер «запрятал» предполагаемую дату начала предприятия. А оно откладывалось едва ли не на полгода. Теперь экспедиция должна была стартовать уже в первой половине 1941 года. Потеряв всякую независимость, Шефер пытался сохранить доверие рейхсфюрера СС, прибегая к помощи «Наследия предков», чьими услугами еще пару лет назад он откровенно пренебрегал. Шефер понимал, что с каждым днем продолжавшейся войны новая тибетская экспедиция становилась все более и более небезопасным предприятием. Он был уверен в симпатиях Гиммлера, но просчитывал ходы. Его очень беспокоило то, что могло бы произойти в случае, если бы экспедиция не состоялась. Усердно планируя тибетскую акцию, Шефер хотел доказать свою незаменимость для эсэсовских структур. Но ни симпатии Гиммлера, ни материалы, собранные во время предыдущих экспедиции, не могли гарантировать Шеферу, что при неблагоприятном развитии событий он смог бы остаться в СС.

После войны на американских допросах Шефер из раза в раз говорил о том, что был вынужден участвовать в планировании данной «безумной затеи», так как: во-первых, находясь во главе экспедиции, он мог наилучшим образом саботировать ее деятельность; во-вторых, он хотел использовать полученные от Гиммлера деньги и оборудование для продолжения научных изысканий на Тибете. Но при этом он забыл упомянуть, что продолжал военную и спортивную подготовку, даже когда стало ясно, что тибетская экспедиция не состоится. Работа в «Наследии предков» не предполагала особых физических данных.

Но тем не менее Шефер продолжал обучаться стрелковому делу на учебном полигоне в Дахау, на что ему было выдано специальное разрешение Гиммлера.

Но вернемся в дипломатические перипетии германской внешней политики 1940 года. После того как Розенбергу в декабре 1940 года удалось окончательно дискредитировать в глазах Гитлера спланированную в недрах Министерства иностранных дел афганскую операцию, немецким дипломатам ничего не оставалось, как вести переговоры с Москвой исключительно о тибетской экспедиции.

В феврале и марте 1940 года в Москве происходили соответствующие консультации. В итоге Кляйста, который был главным посредником Риббентропа, ожидал сюрприз. Советская сторона однозначно высказалась за поддержку тибетской экспедиции Шефера. Риббентроп

поручил Кляйсту объяснить изменившуюся ситуацию в отношении афганской операции. Естественно, дипломат должен был опустить подробности противостояния МИДа и внешнеполитического управления НСДАП, в котором одержал верх Розенберг, что и стало причиной сворачивания данного проекта.

Во время своего второго пребывания в Москве Кляйст с начала года пытался безуспешно связаться с Молотовым. Но каждый раз эта встреча срывалась. Советская сторона объясняла это тем, что подобные встречи не были возможны в силу продолжительной работы немецко-советской экономической комиссии. Насколько важным для Кляйста было обсуждение данного вопроса, показывает хотя бы тот факт, что он самостоятельно смог организовать встречу с начальником европейского отдела и куратором германского сектора в Народном комиссариате иностранных дел Александровым. Данная встреча состоялась в начале февраля 194Ц года. Записи, сделанные Кляйстом после беседы с Александровым, могли внушать надежду, так как советский дипломат гарантировал немцу, что даст без каких-либо проблем разрешение на проезд экспедиции Шефера, так как речь шла «о сугубо научном предприятии». Для облегчения передвижения Шефера советская сторона могла даже направить соответствующие рекомендации в китайские органы власти.

Из данных записей сложно установить, представил ли Кляйст Александрову готовые планы экспедиции. Кляйсту казалось, что принципиального согласия советских органов было вполне достаточно, чтобы направить запрос в Берлин относительно целей и задач экспедиции. Сам немецкий дипломат еще в январе 1940 года направлял телеграммы в Германию, предлагая начать сотрудничество с Шефером. Тогда в беседах с советскими представителями он изображал Шефера как одного из лучших научных специалистов по Центральной Азии.

Если же сравнить два плана экспедиции, которые были сформулированы до и после поездки Кляйста в Москву, то они отличались друг от друга в нескольких пунктах. Основной идеей экспедиции оставалась мысль, что отряд из трех человек должен был проверить возможность осуществления проекта Эрнста Шефера. При этом в Лхасу они могли добраться двумя путями. Одни путь пролегал через Алма-Ату. Второй, более простой, путь лежал через Кашгар (Китай), но тут не исключалось столкновение с английскими агентами. Во время встречи с тибетскими князьями Шефер должен был убедить их (в том числе при помощи подкупа) начать выступления против англичан в Южном Тибете, Сиккиме и Бутане. В качестве отдельного стимула Германия могла пообещать передать Тибету часть районов Северного Сиккима, которые в начале столетия были оккупированы англичанами.

Но при общем сходстве двух планов можно «было найти и весьма показательные различия. Первый план предусматривал, что вслед за передовым отрядом Шефера в 1941 году через СССР в Тибет должна была быть направлена хорошо вооруженная группа немецких военных в составе 200 человек.

Во втором плане их численность значительно сокращена. Чтобы не злоупотреблять советской любезностью, было принято решение уменьшить ее до 12 немецких офицеров.

Но в любом случае оба плана предусматривали советскую поддержку экспедиции. Но именно здесь и начались разночтения. В январском сообщении Кляйста говорилось о «значительной советской поддержке». Она предполагала благоприятные условия проезда, предоставление транспорта, горючего для автомобилей и т. д. В более поздней формулировке от этого не осталось и следа. Судя по всему, Кляйст полагал, что от Москвы было достаточно только разрешения на проезд. В итоге немецкий дипломат решил, что уже приближалось время, наиболее благоприятное для старта экспедиции. Казалось бы, для Кляйста и Шефера все обстояло удачно. Сам Кляйст немедленно телеграфировал Хабихту, чтобы тот начал выправлять в советском посольстве в Берлине визы для участников экспедиции. Одновременно с этим участникам экспедиции должны были выдать 25 тысяч рейхсмарок наличными и 200 тысяч рейхсмарок для приобретения необходимого

оборудования. В целом же Кляйст считал, что совокупные издержки тибетской экспедиции составят где-то 2 миллиона рейхсмарок. Большая часть этихсредств должна была быть направлена на подкуп тибетских князей. Как видим, эта сумма почти полностью совпадала с финансовыми расчетами Шефера.

Но именно из-за столь высоких денежных затрат весь этот тибетский проект потерпел неудачу. 19 марта 1940 года Шефер пожаловался Гиммлеру на то, что Министерство иностранных дел поставило его перед фактом — у дипломатического министерства не было в распоряжении столь крупной суммы. Это сообщение рассердило Шефера вдвойне, так как он получил его как раз в тот день, когда закончил планирование тибетской экспедиции. Более того, в ряде кабинетов в здании на Вильгельмштрассе ему заявили, что у работников МИДа есть дела и поважнее, нежели запланированное им предприятие.

Шефер хотел вновь заручиться поддержкой руководства СС, так как в работе с МИДом он оказался предоставлен сам себе. Прежде чем к нему пришли ответы от высокопоставленных эсэсовцев, Шефер направил возмущенное письмо в Персональный штаб рейхсфюрера СС Рудольфу Брандту, в котором он жаловался на недостаточный уровень поддержки его проекта со стороны СС. Так Шефер оказался втянутым во внутриполитические дрязги Третьего рейха. В его случае это были отголоски конфликта, который разгорелся еще в ноябре 1939 года. В своем письме Шефер требовал, чтобы рейхсфюрер СС оказал ему такую же поддержку, как и при организации экспедиции 1938–1939 годов. Не получив от германского МИДа обещанного финасирования, Шефер предлагал (а по сути требовал) Брандту альтернативу: либо Гиммлер срочно находил по своим каналам финансирование для экспедиции, либо ее подготовка велась в рамках исследовательского общества СС «Наследие предков», где куратором (научным руководителем) был молодой мюнхенский профессор Вальтер Вюст.

Брандт, одна из самых влиятельных, но вместе с тем не очень заметная фигура из окружения Гиммлера, ответил Шеферу по поручению рейхсфюрера СС, что тот «на всякий случай» должен был продолжать подготовку экспедиции. Для решения финансовых трудностей Гиммлер предполагал переговорить с имперским министром внутренних дел. Но эта встреча так и не состоялась.

Гиммлер послал личного адъютанта группенфюрера СС Карла Вольфа в МИД на Вильгельмштрассе. К великому сожалению эсэсовца, Риббентроп не мог дать ему никакой справки относительно состояния дел по тибетскому проекту. Единственное, что он смог ему предоставить, была информация, подготовленная Хабихтом. При встрече с Вольфом тот пытался опровергнуть все обвинения, выдвинутые Шефером в адрес МИДа. Он подтвердил, что действительно Шефер принимал участие в ряде переговоров, проходивших в здании на Вильгель-мштрассе. Но позже он прислал своих «сотрудников» Геера и Геслинга, которые потребовали по поручению Шефера от МИДа непозволительно высокую сумму — 2 миллиона рейхсмарок. Хабихт посчитал, что обвинения Шеффера в том, что Министерство иностранных дел сознательно тормозит подготовку к экспедиции, является прямым оскорблением.

После этого Вольф потребовал от Шефера составить справку о том, какие действия он предпринимал самовольно без консультаций с Гиммлером. По мнению адъютанта рейхсфюрера СС, исследователь Востока должен был составить несколько планов, предусматривающих различное финансирование. Более гибкая политика в финансовом вопросе позволила бы начать экспедицию в предельно короткие сроки. Непомерно высокие финансовые запросы Шефера привели к тому, что Риббентроп лично остановил подготовку к тибетской экспедиции. Также критике была подвергнута тактика действий Шефера, который оказался втянут в многочисленные интриги, что не одобрялось ни Вольфом, ни самим Гиммлером. Но при этом самому Вольфу надо было защищать честь мундира и всячески способствовать санкционированному рейхсфюрером СС тибетскому проекту. Вольф оказался в неловком положении. Он не намеревался портить не самые плохие отношения между СС и

Министерством иностранных дел. В ходе разбирательства всплыло, что Кляйст в своих финансовых прогнозах оценивал стоимость экспедиции так же, как Шефер. В данной ситуации Вольф выразил лишь возмущенное удивление, почему между Риббентропом, Кляйстом и Хабихтом не был налажен надлежащий обмен информацией.

Частный случай, связанный с возможностью финансирования тибетской экспедиции Шефера, показывает, что Министерство иностранных дел не было заинтересовано в ее осуществлении. После провала афганских планов там вообще предпочли несколько дистанцироваться от восточных проектов. Казалось, вполне логичным сосредоточить все свои усилия на Тибете, но Риббентроп понимал, что Гитлер не изменил бы своей позиции. Дело было не только в высоких финансовых затратах, а в самом принципе сотрудничества с Советским Союзом. Фюрер решил, что подрывные действия в Азии весьма ухудшат отношения с Англией, с которой он еще не оставлял надежд заключить мир.

В данной ситуации сообщение Кляйста, пребывающего в Москве, выглядит как какое-то исключение. Он писал: «Учитывая напряженную ситуацию на северо-восточных границах Индии, операция в 1940 году может способствовать уменьшению контингента военного контингента англичан на Ближнем Востоке». Но это была сугубо внутренняя информация, которая не должна была быть предметом обсуждения сдругими германскими структурами и ведомствами.

Характеризуя ситуацию, в которой оказался Риббентроп, можно отметить, что, с одной стороны, он не Хотел рисковать расположением Гитлера. Но, с другой стороны, он не хотел портить отношений и с Гиммлером. Выход изданной ситуации было найти непросто. Судя по всему, в Министерстве иностранных дел стали просто-напросто игнорировать Шефера. Этим объясняется тот поток жалоб, которые он обрушил на Персональный штаб рейхсфюрера СС. Сложно сказать, знал ли он о провале афганских планов МИДа. По меньшей мере один раз он присутствовал на совещании у Риббентропа, когда в том числе обсуждался и этот вопрос. Но в своих воспоминаниях и автобиографии он не упоминал об этом эпизоде. Не выдержав напряжения, 6 апреля 1940 года Шефер пишет Карлу Вольфу огромное письмо. Это была не только попытка оправдаться, но и подведение итогов всех встреч и переговоров, которые он провел после своего возвращения из Тибета. Вкратце суть этого письма выглядела следующим образом. В сентябре 1939 года он, Эрнст Шефер, начал планировать экспедицию в Тибет. В тот момент необходимые финансовые средства ему должны были предоставить как Генрих Гиммлер, так и Министерство иностранных дел. По предварительным расчетам ему требовалось от 2 до 3 миллионов рейхсмарок. В марте 1940 года, видя, что дело не двигается с места в силу отсутствия денег, рейхсфюрер СС пообещал ему достать 10 миллионов рейхсмарок. Часть из них должна была быть выплачена в английских фунтах. Эти деньги должны были пойти именно на подкуп тибетского правительства. Сам Шефер неоднократно обращался в Министерство иностранных дел с просьбой все-таки начать финансирование его проекта. Однако каждый раз он получал отказ. Так, например, во время одного из визитов он попросил выделить ему 200 тысяч рейхсмарок, которые должны были пойти на закупку оборудования. Эта сумма была согласована как с дипломатами, так и лично с Гиммлером. Но опять его ожидало разочарование. Вопреки «несолидному» поведению МИДа он продолжал готовить экспедицию. Он не намеревался отказываться от данного предприятия тем более после того, как из Москвы Кляйст сообщил, что советские власти были готовы поддержать и помочь экспедиции. В данном случае главным упреком Шефера было нежелание дипломатов привлекать его не только к переговорам в Москве, но и в самом Берлине.

Чтобы наглядно показать, какой хаос творился в Министерстве иностранных дел, Шефер привел в письме Вольфу один очень показательный пример. В МИД с просьбой о поддержке обратился исследователь по имени Бернацик. Ему было отказано в помощи, а потому он направился к Шеферу. Гуго Адольф Бернацик был доцентом, преподававшим этнографию в

университете Граца. В свое время он уже совершил несколько поездок в Азию, Африку и Австралию. В декабре 1939 года он предложил Хабихту проект, во многом напоминавший планы Шефера. Бернацик планировал направиться в Индию или Индокитай, имея при себе багаж с 500 пистолетами-пулеметами. Там при поддержке советских властей он планировал начать вербовку местных жителей, которых он намеревался поднять против британских колониальных властей. Бернацик был человеком огромной-эрудиции и не меньших фундаментальных знаний. Германский МИД мог спокойно использовать его в Аравии, Турции, Индокитае, Афганистане, Иране. В качестве варианта сам Бернацик предлагал еще Филиппины и Африку. Для подготовки подрывной деятельности ему требовалось всего лишь четыре месяца и весьма скромная сумма — 150 тысяч рейхсмарок. Бернацик рассчитывал на удовлетворение своей просьбы, так как был знаком с Хабихтом еще по службе в австрийском зенитно-артиллерийском полку. После начала мировой войны он пытался увязать воедино свою экспедиционную деятельность в качестве ученого с организацией диверсий против неприятеля. Нельзя было исключать, что столь экзотичным способом он намеревался уклониться от призыва на военную службу. Хабихт передал соображения Бернацика в «структуры военной администрации». В итоге планирование данной экспедиции так никогда и не началось. Но Бернацик был человеком упрямым и не намеревался сдаваться. Зная об этом, Хабихт в начале апреля 1940 года передал «дело о тайной операции в Индокитае» наверх. Позже дипломат объяснял, что придерживал это дело, так как ему казалось, что эти планы были сумасбродными и невыполнимыми. Учитывая, что назревал конфликт между СС и МИДом, который с редкостным упорством не хотел давать Шеферу ни копейки, Бернацик пришелся как нельзякстати. В МИДе посчитали, что это было бы неплохим прикрытием от обвинений со стороны Гиммлера. Запросы Шефера можно было спокойно отвергнуть как сознательно завышенные, приведя в пример проект Бернацика.

Шефер познакомился с этим авантюристом. Почти сразу же он пришел к выводу, что в силу дилетантского планирования экспедиции ее цели были абсолютно недостижимыми. В своем письме Шефер упоминал о Бернацике как о печальном курьезе. Он хотел показать, с какими ненадежными людьми предпочитают иметь дело в Министерстве иностранных дел. Более того, подобные решение рассматривались даже без предварительных консультаций с ним, с Шефером. Сам же Бернацик не имел даже малейшего понятия о конспирации, так как посылал свою корреспонденцию в МИД на обыкновенных открытках. В последних строках своего письма Шефер делал неутешительный для него вывод. Если на обеспечение экспедиции нельзя было найти двух миллионов рейхсмарок, то лучше было ее вообще не проводить. «Поскольку сейчас весьма затруднительно достать крупные суммы в иностранной валюте, то почти с самого начала данная экспедиция была мертворожденным ребенком». Валюту предпочитали выделять под другие акции, которые при меньшем финансировании могли принести неменьший успех. Впрочем, Шефер подчеркивал, что готов при соответствующем финансировании в любой момент подключиться к планированию и организации операции в районе Тибета. Он заверил Вольфа, что готов в будущем сотрудничать с «Аненербе», дабы его наработки не пропали даром.

Более поздних упоминаний о тибетской операции СС найти не удалось. Последнее было в приведенном выше письме Шефера. Поэтому можно предположить, что планирование экспедиции сошло на нет в силу высоких финансовых затрат. Если говорить о несостоявшейся военной экспедиции СС на Тибете, то в глаза бросается, что в ней в первую очередь были заинтересованы (как ни странно) высшие чины СС, а не дипломаты из МИДа, что, собственно, входило в их служебные обязанности. В целом же данный сюжет хорошо иллюстрирует, как осуществлялась повседневная деятельность большинства ключевых политических учреждений Третьего рейха. Реализация же данного конкретного проекта затруднялась именно непомерными амбициями отдельных нацистских функционеров и не утихавшей ни надень борьбой компетенций. Почти никого не интересовало выполнение

рискованного, но весьма перспективного с военно-стратегической точки зрения задания. Удаленный Тибет был почти мифом, в то время как борьбу за власть надо было вести именно в Германии.

Запланированная экспедиция СС на Тибет была только маленьким фрагментом сложной мозаики, которую собой являла внешняя политика национал-социалистической Германии 1939–1941 годов. Для чиновников от дипломатии планы СС были откровенно бредовыми. Разумеется, у Шефера был могущественный покровитель в лице Генриха Гиммлера, так что от него было нельзя просто отмахнуться. По этой причине МИД пытался комбинироваться собственные устремления с интересами СС. Самое парадоксальное, что запланированная тибетская экспедиция вызывала большее беспокойство, и одновременно большую заинтересованность, у советской стороны, нежели у немецких дипломатов.

Глава 5

В недрах «Аненэрбе»

Сейчас очень сложно, да, наверное, и невозможно назвать точную дату создания в исследовательском обществе СС «Наследие предков» («Аненэрбе») Исследовательского отдела Центральной Азии и экспедиций. Многое говорит о том, что это произошло зимой 1939–1940 годов. По крайней мере именно в это время Шефер начинает использовать для своих писем бланки «Аненэрбе». В тот момент сам отдел размещался в Мюнхене по адресу Видмайерштрассе, дом 35. В том же самом доме располагался офис профессора Вальтера Вюста, куратора «Аненэрбе». Отдел располагался там несколько лет, пока в 1943 году не переехал в замок Миттерзилль в Пицнгау. Главной задачей данного отдела «Наследия предков» была обработка привезенных экспедицией Шефера тибетских находок и материалов. Кроме этого, когда отдел начал свою деятельность весной 1940 года, то его помещение использовалось также для планирования операции на Тибете. Когда стало ясно, что шансы на старт новой экспедиции уменьшались с каждым днем, то Шефер стал активно заниматься делами «Наследия предков». Теперь именно эта организация должна была защищать его научные интересы. Членство в «Аненэрбе» предполагало целый ряд преимуществ. Во время войны оно позволяло проводить работы, которые являлись признанными «ориентированными на потребности фронта».

Дальнейшую историю исследовательского отдела Центральной Азии надо рассматривать с различных аспектов. Однозначно нельзя сказать, по каким мотивам Шефер присоединился к «Аненэрбе». Заявление верности национал-социализму во времена Третьего рейха и показания во время допросов американцев, в ходе которых «выяснилось», что Шефер был саботажником и борцом Сопротивления, только из соображений личной безопасности принимавшим участие в планировании тибетскойоперации, а затем работавшим в «Наследии предков», на самом деле не очень сильно противоречили друг другу. Секрет кроется в том, что во времена диктатуры почти все личности пытаются приспособиться к новым условиям, так сказать, соответствовать духу времени. Во многом это осложняет работу с разновременными документами.

После войны Шефер, находясь в тюрьме, утверждал в своих показаниях, что присоединился к «Аненэрбе» только для того, чтобы продолжить свои научные изыскания. Но при этом стоит вспомнить, что уже в 1936 году, после возвращения из США он предложил Гиммлеру финансировать его восточные исследования именно за счет фондов «Наследия предков». Сам Шефер весьма охотно принимал покровительство Гиммлера. В Лхасе он выступал не только от лица Германии, но и от лица СС.

Вернувшись назад в Германию, Шефер в первую очередь должен был позаботиться об обработке собранного в Тибете материала. В этом ему должны были помочь его товарищи. Но поскольку продолжение научной деятельности в рамках традиционных академических структур ему казалось бесперспективным, то Шефер был вынужден поддерживать тесные

связи с СС. Именно по этой причине еще в августе 1939 года он составил на имя Генриха Гиммлера документ, в котором предлагал создать специальный «Азиатский институт СС». В нем он написал, что «первая немецкая экспедиция ССна Тибетуспешно закончила все полевые работы». А далее продолжал, что теперь было необходимо разобрать материалы и проанализировать их. Это предполагалось сделать силами участников той же самой экспедиции. Как видим, Шефер специально исказил официальное название экспедиции, убрав оттуда свое имя. Это был некий реверанс в сторону Гиммлера, который при каждом удобном случае подчеркивал, что экспедиция 1938–1939 годов проводилась под его покровительством. Но этот реверанс сопровождался вполне конкретной просьбой, содержавшейся в том же письме. «В данный момент ни одно из существующих научных учреждений или институтов не в состоянии в полной мере обработать и осмыслить имеющийся в распоряжении материал тибетской экспедицииСС». Следовательно, Шефер подчеркивал новизну своих наработок, которые не могли быть постигнуты в рамках традиционных академических структур. Профессиональное честолюбие, а также возможность пробрести свой собственный институт побудили молодого исследователя установить еще более тесные связи с СС. Именно в «новом ордене» он видел идеал нового научно-творческого сообщества. Однако Шефер прекрасно понимал, что СС были готовы вне зависимости от его научных представлений идти своим собственным путем, в том числе в сфере изысканий, а стало быть, не от него зависел факт возникновения новых исследовательских структур.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что уже в августе 1939 года он представил проект создания «Азиатского института СС». Причем в рамках этого исследовательского новообразования он должен был играть ключевую роль. Доставленный из Тибета материал должен был в течение последующих двух-трех лет сортироваться и обрабатываться. В перспективе институт должен был не только заниматься обработкой материалов, но и координировать все научно-исследовательские проекты СС, связанные с Азией. Необходимость появления «Азиатского института СС» обосновывалась Шефером еще и тем, что у Германии не было возможностей посылать узкопрофильные небольшие экспедиции, чьи сферы изысканий нередко бы пересекались. Нужно было наведение порядка, а подбор участников будущих экспедиций должен был осуществляться предельно тщательно.

Мысль Шефера летела столь далеко, что он уже начал планировать, как должен был управляться данный институт. Опираясь на собственный опыт, почерпнутый в трех азиатских экспедициях, Шефер полагал, что данной структурой, естественно, должен был руководить именно он. Поскольку молодой тибетолог не мыслил, что новый институт должен был входить в состав каких-либо академических структур, то планировалось, что он будет подчиняться непосредственно Генриху Гиммлеру, который должен был занять должность председателя попечительского совета. Последний должен был координировать деятельность исследователей Азии и следить за выполнением порученных им заданий. В большинстве своем членами попечительского совета должны были стать сотрудники и руководители «Аненэрбе». Кроме них предполагалось привлечь представителей немецкой экономики и крупного капитала, чтобы они помогли финансировать деятельность «Азиатского института СС». В итоге именно такая структура могла гарантировать, что «рассмотрение всех научных вопросов проходило бы сугубо в национал-социалистическом духе».

Но когда Шефер предлагал превратить институт, находящийся под «правильным руководством», «в зародыш будущей немецкой науки», то он мог значительно продвинуться вперед к своей заветной цели. Он напирал на то, что в сложившихся академических структурах молодые ученые не могли раскрыть своего потенциала. Шефер смирился с мыслью, что ему придется постоянно быть подчиненным воле Гиммлера.

В целом план создания «Азиатского института СС» был всего лишь тестом, который должен был выявить уровень доверия рейхсфюрера СС к молодому ученому. Еще во время

беседы на мюнхенском аэродроме Шефер набросал шефу СС приблизительные планы своей будущей деятельности. Поэтому не исключено, что исследователь лишь изложил в письменной форме то, что было уже озвучено устно. В данном случае документ был поводом для принятия решения.

Если говорить о некоторых контурах «Азиатского института СС», то располагаться он должен был в Берлине, так как именно там находились не только необходимые для работы библиотеки, архивы и музеи, но в столицу рейха легко могли прибыть любые лояльные иностранцы. В самом здании института кроме стандартных помещений должны были располагаться некие «затемненные комнаты» и также специальные теплицы, в которых можно было бы разводить привезенные с Востока растения.

Поначалу удивляет, что на предложенный план Генрих Гиммлер фактически никак не прореагировал. От него не последовало никакой реакции. Рейхсфюрер продолжал выказывать Шеферу свои симпатии и благосклонность, но отнюдь не собирался обсуждать предложенный план создания «Азиатского института СС». Если сравнивать первоначальный проект института и возникший в рамках «Аненэрбе» отдел Центральной Азии и экспедиций, то в глаза бросается, что отдел в отличие от института был сугубо научной структурой. Не исключено, что в данном случае в Шефере взял верх не карьерист, а ученый. Но все-таки в 1939 году он хотел заполучить в свое распоряжение институт, который был бы независим, как от университетских учреждений, так и от «Наследия предков». Идея с попечительским советом как раз бы позволила Шеферу при общем подчинении Гиммлеру сохранять определенную независимость в своих действиях. Он искал свой путь, который должен был обеспечить ему и покровительство Гиммлера, и самостоятельность в принятии решений. Очевидно, что в тот момент вхождение в состав «Наследия предков» не совсем его устраивало. Но вскоре Шефер понял, что несмотря на симпатии рейхсфюрера СС, тот не собирался давать ему возможности занять ка-кое-то особое положение.

Впрочем, и в самом «Аненэрбе» к Шеферу поначалу относились неоднозначно. Для сотрудников «Наследия предков» он был сложно идентифицируемым типом. Учитывая, что до этого момента в структуре «Аненэрбе» превалировали гуманитарные отделы, то к тибетологу относились как к весьма сомнительному ученому Но идея создания в рамках «Наследия предков» азиатского института (руководство эсэсовского исследовательского общества совершенно неправильно трактовало намерения Шефера) была все-таки поддержана. В данной ситуации Шефера выручило его исследовательское чутье. Он видел, что Гиммлер намеревался перепрофилировать «Аненэрбе», сделав акцент на изысканиях в области естествознания, которые могли бы быть практически полезны СС. С этой точки зрения Шефер для рейхсфюрера СС был просто находкой. Для Гиммлера не было сомнений, что Шефера надо было вводить в состав «Аненэрбе». В итоге двое из участников тибетской экспедиции СС станут занимать ключевые посты в «Наследии предков». Это будут Эрнст Шефер и Бруно Бегер. Начавшаяся мировая война поставила гуманитарные отделы «Аненербе», чьи разработки не имели прикладного значения, в весьма невыгодное положение. Но отделы, которые должны были заниматься «практическими изысканиями», напротив, оказались в фаворе. В своих автобиографических записках Шефер не раз высказывал мысль, что самой большой его целью была независимость исследований. По этой причине он пытался избежать попадания в «Аненэрбе». Но все попытки были тщетными.

В декабре 1939 года Эрнст Шефер впервые встретился с куратором «Наследия предков», авторитетным деканом философского факультета Мюнхенского университета Вальтером Бюстом. Во время первой же беседы Вюст предложил Шеферу занять место профессора этнографии, которое пустовало с 1933 года после того, как на пенсию ушел престарелый преподаватель Люциан Шерман. Шефер вежливо отказался от подобного предложения. Тогда он еще мечтал о собственном институте. Но для того, чтобы добиться этой цели, тибетологу срочно нужна была ученая степень, и Шефер это понимал. Он уже давно

планировал закончить свою диссертацию. Он возвращался к этой мысли постоянно после возвращения из Тибета. Но каждый раз срочные дела отрывали его от этого процесса. Забегая вперед, скажу, что Шефер закончит свою диссертацию лишь весной 1942 года. Он будет защищать ее в Мюнхенском университете, то есть там, где непререкаемым авторитетом был Вальтер Вюст. 14 марта 1942 года на факультете естествознания состоится ее зашита. Диссертация Шефера была посвящена хорошо ему знакомой тематике. Она называлась «Зоогеографические исследования в сфере экологии тибетского высокогорья». В выступлении первого же оппонента подчеркивалось, что работа ученого была посвящена уникальной, совершенно неисследованной области Земли. В этой связи отмечалось, что его экспедиция только добавляла ценности представленной научной работе. После выступления оппонентов началась стандартная для тех времен процедура. Представитель Национал-социалистического союза преподавателей высшей школы (доцентнебунда) дал Шеферу политическую характеристику и подтверждение его благонадежности. Отдельного внимания удостоилась его деятельность в рамках СС. В итоге в августе 1942 года зоолог и исследователь Тибета получил в Имперском министерстве воспитания долгожданное свидетельство о присвоении ему ученой степени. Но при этом оказалось, что Имперское министерство воспитания не было готово создать в своей структуре специальный отдел, посвященный зоологии и естественным наукам. Доктор Шефер стал наставать на том, что, получив ученую степень, он был обязан читать лекции. Однако все его требования не были услышаны. В данной ситуации свою не очень хорошую роль сыграл тот факт, что он уже работал в «Аненэрбе», а потому ему было отказано, так как «основной работой являлось руководство отделом в аппарате рейхсфюрера СС». Только после настойчивых просьб и скандалов Шеферу удалось добиться права преподавать зоологию в одном из германских университетов. Подобная настойчивость была связана не только с его научными амбициями, но и с причинами весьма приземленными. Заработная плата сотрудников «Аненербе» была настолько мала, что некоторые из них были вынуждены подрабатывать библиотекарями и даже смотрителями в музеях. Но вместе стем Шефер не мог отказаться от своих честолюбивых планов. Он по-прежнему хотел создать собственный азиатский институт. И речь опять же шла не о простых академических амбициях. Шефер мыслил гораздо шире. Оц хотел приобрести вес в структуре СС. Но для этого надо было расчистить путь.

Прежде чем Шефер смог бы осуществить свой план, ему надо было справиться с конкурентами. Здесь имеет смысл более подробно остановиться на фигуре уже упоминавшегося ранее Вильгельма Фильхнера (1877–1957). Это был один из самых известных немецких путешественников начала XX века. С 1900 года он принял участие в десятках экспедиций, посетив Россию, Китай, Тибет, Антарктику, Шпицберген. Все эти страны и области интересовали его как геофизика. В 20-е годы XX века Фильхнер сконцентрировал свое внимание на Тибете, который он уже разведывал в 1903–1905 годах. Однако много позже его стали интересовать геомагнитные характеристики данного региона. Авторитет Фильхнера был настолько велик, что в 1937 году лично Гитлер вручил ему национальную премию в области науки и искусства. Это значило не просто признание со стороны режима, это было возвышение до ранга небожителей. До того момента подобные премии вручались только врачу Фердинанду Зауэрбруху, а также воздвигнувшему в Мюнхене «Дом немецкого искусства» архитектору Паулю Людвигу Троо-сту, в котором Гитлер не чаял души.

В свою бытность Фильхнеру не хватало средств, выручаемых от публикаций и чтения лекций, для того, чтобы организовывать зарубежные поездки. В своей автобиографии, которая была опубликована в 1950 году, немецкий геофизик утверждал, что с подачи рейхспрезидента Гинденбурга в 1929 году был создан «Фонд Фильхнера», куда глава германского государства лично внес 100 тысяч рейхсмарок. Так у Фильхнера вновь появились возможности совершать экспедиции за рубеж. В итоге в 1938 году, фактически не рассчитывая на помощь национал-социалистов, ученый привез из Азии богатый материал. Он

был передан в институт геофизики, который существовал при университете Потсдама. Там преподавал ученик Фильхнера Герхардт Фанзелау. На этом сюжете не стоило останавливаться, если бы картина, изложенная в автобиографии, соответствовала действительности. Но на самом деле идею создания фонда впервые высказал Ганс Генрих Ламмерс, который с 1933 года являлся главой имперской канцелярии и был одним из влиятельных политиков Третьего рейха. В 1937 году он был возведен в ранг имперского министра. Именно он возглавил попечительский совет «Фонда Фильхнера». В архивах имперской канцелярии сохранился документ, который однозначно говорит о том, что именно Ламмерс сыграл ключевую роль при создании фонда, который был образован в самом начале 1939года, накануне последнего путешествия Фильхнера. Разница почти в 10 лет в указаниях ученого и сведениях в документах указывает на то, что после войны Фильхнер всеми силами пытался утаить, что национал-социалисты имели прямое отношение к созданию фонда его имени.

Итак, «Фонд Вильгельма Фильхнера» был официально основан 11 мая 1939 года. При его учреждении присутствовали имперский министр Ламмерс как представитель государственной власти, министерский советник Хунке как представитель рекламного совета немецкой экономики, и директор ИГ-Фабрен Макс Ильгнер. Еще в 1938 году Фильхнер обратился с просьбой к ИГ-Фарбен и «Немецкому земельному банку» помочь в финансировании его экспедиции в Тибет. Создание фонда значительно облегчало сбор средств для этих целей. Первым председателем фонда стал генеральный консул в Шанхае Крибель. Тот самый, к которому за помощью в 1936 году обратился Эрнст Шефер. Для понимания дальнейших событий надо упомянуть, что весной 1939 года махараджа Непала пригласил Фильхнера к себе в гости, чтобы тот мог заняться геомагнитными изысканиями в его стране. Непал и в то время оставался государством, закрытым для иностранцев, так как был буферной зоной между неспокойным Китаем и британской Индией. Формально махараджа был сувереном, хотя и подчинялся британцам. Именно по этой причине Фильхнер даже после начала Второй мировой войны мог спокойно продолжать свои работы в Непале. Однако у него стали отказывать почки, и он был вынужден сдаться британцам, чтобы пройти курс лечения. Так он оказался в лагере в Бомбее. Как видим, Фильхнер не мог самостоятельно руководить фондом и его активами. В итоге деятельность фонда стала затухать и вовсе прекратилась. Это стало прекрасным поводом, чтобы целый ряд ученых, в том числе Эрнст Шефер, попытались воспользоваться средствами данной организации.

После смерти Крибеля в декабре 1941 года делами фонда стал управлять один из членов его попечительского совета Вальтер Гремер. Он попросил Ламмерса выделить для проведения исследований 12 тысяч рейхсмарок. Чтобы положить конец спорам между различными учеными, которые конкурировали друг с другом, Гремер предложил учредить постоянно действующий институт, занимающийся организацией экспедиций. По согласованию с фюрером Гремер перевел необходимую сумму, но с организацией института он не спешил. Еще во время своего визита в мае 1942 года в персональный штаб рейхсфюрера СС Ламмерс обсуждал с Шефером планы СС по созданию Имперского института внутриазиатских исследований. К тому моменту Шефер уже занимал ключевые позиции в правлении «Фонда Фильхнера», а потому он хотел, чтобы новое учреждение получало аналогичную финансовую поддержку. В разговоре Шефер указал Ламмерсу на личную поддержку проекта самим Гиммлером, профессором Вальтером Вюстом и Мен цел ем, начальником управления науки в составе Имперского министерства воспитания. Он понимал, что должен был предъявить Ламмерсу свои козыри, чтобы убедить поддерживать именно его проект, а не «Фонд Фильхнера». К работе нового Имперского института предполагалось привлечь всемирно известного шведского путешественника Свена Хедина, который предполагал, что новая структура должна была преследовать не только сугубо научные и геополитические цели, но и проводить некий биогеографический синтез. Шефер говорил:

«Нам очень близок по духу наш национальный лауреат и исследователь Тибета профессор Фильхнер. В рамках данного Имперского института будут продолжаться его работы… Я связался в Вами, господин имперский министр, и рад нашей встрече. Мы были вам очень благодарны, если бы вы смогли помочь институту внутриазиатских исследований». Шефер давал понять, что в данной ситуации выступал едва ли не как преемник дела Свена Хедина, чей авторитет в научной среде был непререкаемым. Кроме упоминания своих высоких покровителей и рекламного трюка со Свеном Хедином у Шефера в запасе было еще третье средство, чтобы убедить Ламмерса. Он напомнил ему, что Фильхнер все еще оставался в Азии. Указывалось, что буквально накануне Шефер беседовал с Хедином, обсуждая возможности возращения ученого в Германию. Хедин, как швед, мог вступить в переговоры с англичанами как представитель нейтрального государства. Он должен был ходатайствовать о возвращении больного Фильхнера на Родину. Но нужно подчеркнуть, что, судя по всему, Фильхнер намеренно не собирался возвращаться в Европу. А стало быть, можно усомниться в его политической благонадежности и преданности национал-социалистическому режиму Но, так или иначе, «Фонд Фильхнера» оказался связанным Имперским институтом внутриазиатских исследований. Шефер планировал объединить эти две структуры. Чтобы избавиться от затянувшегося чествования Фильхнера, Шефер лично связался с Гремером и Ильгнером. Но для начала ему надо было получить принципиальное согласие Ламмерса. Он бросил пробный камень. Он попросил имперского министра под держать создание в Мюнхене библиотеки института Центральной Азии. При этом речь шла о весьма небольшой сумме, отнюдь не о 500 тысячах рейхсмарок, которые он планировал получить для Имперского института.

Но тут обнаружилось, что решительно против планов Шефера был настроен Гремер, который всячески пытался повилять на решение Ламмерса. Он предполагал отложить решение данного вопроса до окончания войны и возвращения Фильхнера. Но тут Шефера выручило то, что глава имперской канцелярии был приятелем Гиммлера. Но ликвидация фонда значила бы для главы имперской канцелярии, особенно после возвращения Фильхнера, возникновение множества проблем. Поэтому он как бы охранял фонд от поползновений различных структур. Но, перейдя дорогу Шеферу и Гиммлеру, Ламмерс сам рисковал попасть весьма щекотливую ситуацию.

Только принимая во внимание эти обстоятельства можно понять суть ответа, который Ламмерс дал на предложение Шефера. Для начала он обратился за поддержкой к советнику имперского кабинета министров фон Штуттерхайму, — который должен был стать посредником в ведении данных переговоров. Тот же передал Шеферу, что Ламмерс с удовольствием поддержал бы его начинания, однако при этом надо было учитывать и интересы «Фонда Фильхнера».

Ламмерс сообщил Гремеру об ответе, но тот посчитал, что это была не любезность имперской канцелярии, а открытое ущемление интересов фонда. По этой причине в июне 1942 года он предпочел встретиться в имперской канцелярии с Штуттер-хаймом. В ходе этой встречи Гремер заявил, что подобные действия являются «полным неуважением клйчности Фильхнера». В итоге Штуттерхайм предложил компромиссное решение, которое было предложено Максом Ильгнером после встречи в Шефером. Он предложил основать «Германский институт исследования Центральной Азии», которым бы руководил Шефер, обязанный тесно сотрудничать с «Фондом Фильхнера». При этом сам бы Гремер занимал в институте должность начальника отдела. При этом у Шефера не было бы полноты власти. Свой президентский пост он делил бы с почетным президентом института Свеном Хедином. Но Гремер отверг этот план — он понимал, что затерялся бы на фоне таких выдающихся научных мужей. Не менее негативную реакцию высказал и ученик Фильхнера Фанзелау. Но он мыслил свою карьеру в рамках традиционных научных учреждений, а потому едва ли мог понять серьезность положения, в которое он попадал, противясь возникновению нового

института, патронируемого СС. В дальнейшем разговоре Штуттерхайм рекомендовал Гремеру все-таки пойти на компромисс. Он недвусмысленно намекнул, что противиться любимцу Гиммлера было не самым безопасным занятием. А потому новую форму сотрудничества с Шефером надо было найти в форме общего рабочего комитета, что могло позволить не «переносить» Имперский институт в Мюнхен. Да и сам институт не должен был быть Имперским. Смысл этого предложения был предельно простым. Новая форма научных заведений, практикуемая национал-социалистами — «имперские институты», пользовалась по сравнению с классическими университетами большими привилегиями. Они финансировались за счет государства. Ламмерс не был заинтересован в возникновении еще одного подобного института. В итоге Гремер стал тесно сотрудничать с Штуттерхаймом, который весьма неодобрительно относился к появлению в Германии Свена Хедина.

Штуттерхайм предложил, чтобы Ламмерс с Гиммлером встретились с глазу на глаз и обсудили все насущные проблемы. Два дня спустя после беседы с Гремером эта встреча состоялась. Судя по всему, решение было найдено без проблем. Гиммлер согласился с предложением отказаться от приставки «имперский» в наименовании будущего мюнхенского института.

Но в начале июля 1942 года данное сотрудничество дало трещину. Шефер сам подлил масла в огонь, когда направил Ламмерсу письмо, в котором сообщал, что планы геофизика Фильхнера никак не вписывались в сферу деятельности нового института. Но это было отнюдь не оскорбление. Более того, Шефер хотел заручиться поддержкой Ламмерса. Он перечислил в своем письме 13 отделов, которые должны были существовать в институте Центральной Азии. Шефер хотел ввести некие новшества, которые, по его мнению, должны были в перспективе стать определяющими для национал-социалистической науки. В его «имперском институте» должны были быть устранены четкие границы между различными научными дисциплинами. В письме Шефер сформулировал эту мысль следующим образом: «Задача института состоит в том, чтобы выйти за рамки работ Фильхнера и Хедина. Должна появиться всеобщность исследований, чего еще никогда не было в нашей германской науке. Пожалуй, подобные попытки можно было обнаружить у великого Александра фон Гумбольдта, но 100 лет назад научные дисциплины были не настолько развиты, как сейчас». В данной ситуации 32-летний Шефер планировал выступить как реформатор германской науки. Он осознанно противопоставлял себя Фильхнеру и Хедину, как представителям науки прошлого века, которые во многом были связаны только с одной научной дисциплиной. Узкопрофессиональные исследования, по его мнению, оставляли за бортом много интересного материала. К тому же Шефер полагал, что в годы войны наука должна была быть предельно рационализирована.

В данной ситуации бросается в глаза, что дела по созданию института постепенно переходили от Штутгерхайма к Шеферу. После написания данного письма Шефер был приглашен в имперскую канцелярию, чтобы 13 июля 1942 года с ним был проведен целый ряд консультаций. С ним намеревались договориться о том, что в Мюнхене должен был возникнуть Институт научных исследований Центральной Азии, который бы не обладал привилегиями имперского института. До этого Шефер встретился с Гремером и поинтересовался, мог ли он рассчитывать на средства Ламмерса, если Баварское министерство по делам религии и образования откажется финансировать новый институт. Он уже столкнулся с ситуацией, когда ему запретили перекрестное финансирование при создании азиатской библиотеки. Поэтому Шеферу были нужны гарантий.

Теперь Шефер оказался более сговорчивым. Он оказался готовым сотрудничать не только с Гремером, но и с Фанзелау, и даже благодарил Штутгерхайма за оказанную помощь в улаживании вопросов. Подобная благожелательность была вызвана тем, что Шефер не был уверен, что осенью 1942 года Баварское министерство по делам религии и образования включило бы в бюджет финансирование института Центральной Азии в полном объеме, как

того хотел Шефер. Именно бедственное положение позволяет понять, почему Шефер вновь вернулся к идее попечительского совета, в который должны были войти и Гиммлер, и Ламмерс. С этих же позиций можно объяснить его внезапный порыв ввести в Ламмерса в состав почетного Сената Мюнхенского университета. Он планировал, что имперский министр помог бы ему «выбить» деньги на исследования. Кроме этого он любезно интересовался мнением Ламмерса, не был ли тот против, чтобы новый институт носил имя шведского исследователя Свена Хедина, «который сделал неоценимый вклад в науку».

Неделей позже Шефер сообщил в имперскую канцелярию, что Генрих Гиммлер принял окончательное решение, что институт будет носить имя Свена Хедина. Предполагалось, что он будет называться «Имперским институтом исследований Центральной Азии имени Свена Хедина. Теперь очень многое зависело от решения Ламмерса, которому предлагалось войти в состав почетного Сената. Раздумья Ламмерса, возможно, были вызваны тем, что Гитлер в 1940 году запретил на время войны присваивать звания «почтенных горожан». Вообще, столь рискованную игру с могущественным руководителем имперской канцелярии мог затеять только такой ученый, как Эрнст Шефер, за спиной которого стоял не менее, а даже более могущественный Генрих Гиммлер. После того как стало ясно, что выяснение отношений шло на уровне Гиммлер — Ламмерс, Шефер мог не без язвительного сарказма писать в письме Штуттерхайму: «Очень жаль, что между нашими исследовательскими структурами так и не наладились хорошие связи. Я с уважением отношусь к изысканиям, как они видятся Фильхнеру и Хедину, но полагаю, что на данном поприще мы не продвинемся ни на шаг вперед, пока лауреат национальной премии находится за границей».

По мере того, как становилось понятно, что в Мюнхене все-таки возникнет новый институт, Шефер все увереннее и увереннее чувствовал себя в Берлине. В то же самое время Гремер видел, что от его фонда фактически ничего не оставалось. За несколько недель до открытия института имени Свена Хедина случился едва ли не открытый конфликт. В первых числах декабря 1942 года Гремер жаловался Ламмерсу, что институт, несмотря на все договоренности, продолжал иметь приставку «имперский». Некоторые претензии были и вовсе смехотворными. Гремер писал: «В присвоении институту имени Свена Хедина я вижу ущемление прав и непочтение к господину В. Фильхнеру. Он как лауреат национальной премии всю свою жизнь посвятил исследованию Азии, а стало быть, институт должен носить только его имя, а не имя иностранца, который, конечно, многое сделал для науки и имеет мировое имя, но не является нашим национальным достоянием. Я полагаю, что подобный шаг не найдет понимания в национально мыслящих кругах». Аргументы про «национальное достояние» и оперирование мнением неких «национально мыслящих кругов» показывают, насколько плачевным было положение Гремера, который сдавал свои позиции одну за другой. Он наивно полагал, что подобные доводы помогут ему вновь заручиться поддержкой государственных структур. Но более молодой по сравнению с Гремером Шефер не собирался отступать. Благодаря заступничеству Гиммлера он получил прекрасный повод не быть призванным в годы войны в действующую армию. К тому же Ламмерс не был готов портить отношения с Гиммлером из-за деятельности какого-то умирающего фонда. Более того, он направил рейхсфюреру СС копию письма Гремера, дабы тот был в курсе всех дел. Как видим, Шефер нарушил все достигнутые договоренности, когда отказался сотрудничать с «Фондом Фильхнера» и сообщил Гремеру о создании именно «имперского института». Он не намеревался ожидать возвращения Фильхнера, чтобы уладить все вопросы (была и такая договоренность). В итоге Ламмерсу импонировала энергичность и настойчивость Шефера. Он согласился содействовать его проекту в финансовом плане, несмотря на то, что как имперский министр продолжал входить в состав попечительского совета «Фонда Фильхнера».

За несколько дней до официального открытия мюнхенского института, которое состоялось 16 января 1943 года, произошла встреча Гиммлера и Ламмерса. Эти два политика должны были снять все возникшие вопросы. Ламмерс рекомендовал отложить открытие

института, к которому накопилось очень большое количество претензий. Гиммлер «с уважением отнесся к прозвучавшей просьбе», но заявил, что это невозможно, так как Свен Хедин, который должен был присутствовать на торжественном открытии, уже выехал из Швеции в Германию. Такую мировую величину и уже немолодого по возрасту человека нельзя было заставлять ждать.

Единственное, что мог сделать в данной ситуации Ламмерс, так это удовлетворить просьбу Штутгерхайма, чтобы институт Свена Хедина не имел статуса имперского. Но сделать это надо было в весьма вежливой форме. Так, руководству СС было рекомендовано, чтобы новая структура носила название «Исследовательский институт Центральной Азии имени Свена Хедина». Гиммлер решил пойти на уступки. Именно под таким названием институт и вошел в историю.

Чтобы окончательно вытеснить «Фонд Фильхнера» с «игрового поля», Шефер приложил немало усилий, но при этом, руководствуясь своим честолюбием, не забывал и о научной работе.

Если рассматривать сюжет с возникновением института, то возникает вопрос: была ли вообще договоренность о том, что он не будет носить привилегированную приставку «имперский»? Якобы об этом смогли договориться Гиммлер и Штуттерхайм. Последний в разговоре с штурмфюрером СС Майне возмущался, что в приглашениях на открытие вопреки всем договоренностям значился именно Имперский институт. Впрочем, Гиммлер никогда не уделял внимания подобным мелочам. Скорее всего, приглашения были напечатаны именно таким образом по инициативе самого Шефера. Но в имперской канцелярии не оценили столь дерзкого поступка Шефера. В итоге Гиммлеру пришлось одернуть исследователя, дабы тот дал гарантии, что в будущем «он будет действовать в общенаучных интересах дела исследования Центральной Азии, способствуя сближению двух структур, несмотря на возникавшие ранее противоречия».

Как уже говорилось выше, 16 января 1943 года, «Исследовательский институт Центральной Азии имени Свена Хедина» был открыт при Мюнхенском университете Людвига Максимилиана. Шефер достиг своей заветной цели — после многолетних усилий он получил в свое распоряжение научно-исследовательский институт. Отношения же с «Фондом Вильгельма Фильхнера» и дальше оставались весьма напряженными. Эта история показательна тем, что личные амбиции, которые вылились в споры, а затем в противостояние в очень специфической, если не сказать экзотической, сфере деятельности, едва не привели к столкновению весьма влиятельных политических фигур Третьего рейха. Формально был найден компромисс, но фактически в данной «схватке» победил Шефер. Предполагавшееся изначально сотрудничество с «Фондом Фильхнера» никогда на деле не осуществлялось. Собственно, этого не желали обе стороны. Гремер не хотел работать с молодым карьеристом, каковым он считал Эрнста Шефера.

В итоге даже после открытия деятельность мюнхенского института не была безупречной. Впрочем, иногда противоборствующие стороны проводили формальные встречи, как того требовало навязанное их покровителями соглашение. Но все эти встречи заканчивались ничем. Шефер хотел подчинить себе фонд, а Гремер полагал, что надо было объединиться на паритетных началах и создать новую структуру.

После того как был открыт институт имени Свена Хедина, Гремер попросил Ламмерса в срочном порядке провести очередное заседание попечительского совета. На самом деле совет в полном его составе собирался впервые за все время его существования. Уже одно это обстоятельство показывает, насколько серьезно относились к институту, возглавляемому Эрнстом Шефером. Во время своего выступления Гремер открыто высказался против сотрудничества с Шефером, так как у него имелись все основания в его целесообразности. «Обстановка складывается таким образом, что во время войны и в условиях отсутствия профессора Фильхнера какое-либо продуктивное сотрудничество является невозможным».

Против подобных формулировок решительно высказался Макс Ильгнер (ИГ-Фар-бен), который именно в долгосрочном сотрудничестве видел единственную возможность сохранить для общественности доброе имя Вильгельма Фильхнера («что собственно и является главной целью фонда»). К нему присоединился Штуттерхайм. Таким образом, Гремер остался в меньшинстве, ему пришлось смириться с тем, что изредка надо было проводить формальные встречи с «выскочкой» Шефером. Об итогах заседания попечительского совета Ламмерс официально уведомил Генриха Гиммлера.

Далее уже никто не призывал Гремера к тесному сотрудничеству с Шефером. Представители двух организаций встретились в имперской канцелярии 12 января 1944 года. Тогда произошло условное разделение сферы деятельности. «Фонд Фильхнера» должен был заниматься исследованиями в сфере неорганических наук, а Институт — всеми остальными проблемами. Все зарубежные экспедиции должны были планироваться и готовиться совместно. С учетом подобного разделения сфер влияния был сформирован общий рабочий комитет. Казалось, все вопросы были урегулированы. В случае возникновения конфликтных ситуаций в роли третейского судьи выступал сам Ламмерс.

Как видим, традиционные научные структуры (в данной ситуации — «Фонд Фильхнера») мешали Шеферу в его деятельности. В итоге этот конфликт разгорелся не из-за частных научных вопросов, а из-за желания приобрести научно-политическое влияние в национал-социалистической системе. Но отвлечемся от данного сюжета и обратимся к собственно исследовательской деятельности Шефера в данный период.

Из тибетской экспедиции 1938–1939 годов Шефер кроме всего прочего привез огромную коллекцию уникальных растений и зерновых культур. После возращения в Германию они были рассортированы и подробно описаны. Исходя из этого, в 1943 году Шефер в обобщающем докладе ставил перспективные задачи своих дальнейших исследований: «Наши устремления всегда были сопряжены с целью собрать все то, что могло быть полезно для собственного народа. Упоминавшиеся здесь полторы тысячи образцов ячменной культуры, которые по большей части являются результатом примитивной селекции, могут иметь целый ряд очень важных наследственных факторов, как сопротивляемость засухе или устойчивость к морозам». Если Шефер понимал Тибет как анклав растительного мира, который идеально приспособился к враждебной для жизни среде, то с научной точки зрения скрещивание тибетских культур с европейскими было не просто логичным, но и весьма выгодным занятием. Следуя наследственным законам Менделя, надо было скрещивать европейские и азиатские растения, что с одной стороны, должно было привести к большим урожаям, а с другой, к неприхотливости и простоте их обработки. В конце лета 1942 годадляосуществленияданногопроектабыла найдена специальная территория, находившаяся под открытым небом. С учетом оккупации восточных территорий Европы мысль о возделывании тибетского ячменя, который созревал за 60 дней, приобретала не просто научный, а даже стратегический характер. В случае получения культуры хорошо переносящей жару и мороз, ее предполагалось распространить по всей Европе.

Никто не ставил под сомнение, что данное начинание имело едва ли не военное предназначение. Руководство СС ожидало от Шефера появления на свет «чудо-сортов» ячменя и пшеницы. Их культивирование позволило бы начать «германизацию» (или, другими словами, немецкую колонизацию) Восточной Европы, в основе которой должны были находиться сельские поселения. Но для начала руководству СС требовались зерновые культуры, которые могли без проблем использоваться в новыхклиматических условиях. Гиммлер ожидал, что скрещивание различных культур позволило бы в будущем немецких крестьянам получать по несколько урожаев за один год. Hq дело было не только в колонизации Востока. Гиммлер не мог отказаться от тщеславной и честолюбивой мысли, что именно под его патронажем оказалась бы решена продовольственная проблема Германии. Именно СС и их структуры должны были вывести обеспечение Германии зерном на

принципиально новый уровень. Как видим, даже ботаника могла служить агрессивным военным целям Германии. Это был двоякий процесс. С одной стороны, сотрудники «Аненербе» осуществляли важную для государства деятельность, а стало быть, не призывались на военную службу, с другой стороны, само естествознание было поставлено на службу войне.

Еще во время своей тибетской экспедиции 1938–1939 годов Шефер уделял при сборе зерновых культур внимание тем образцам, которые хорошо прорастали на высоте более чем в 3 тысячи метров над уровнем моря. Шефер почти сразу же сообщил об этом Гиммлеру. После нескольких военных зим, связанных с немалыми волнениями, весной 1942 года глава СС отдал Шеферу как начальнику отдела экспедиции и Центральной Азии «Наследия предков» приказ готовиться к созданию Института сортов диких растений. Но осуществить данный проект было затруднительно. В те дни на работу отдела Шефера оказывало очень сильное влияние противостояние с «Фондом Фильхнера». Появление нового института грозило не меньшими проблемами. На этот раз против эсэсовских ученых могли «восстать» ботаники. После длительных переговоров и консультаций в местечке Туттенхоф (окрестности Вены) было решено ограничиться организацией специального учреждения, действовавшего при Берлинском обществе кайзера Вильгельма. Новой структурой, которая гордо называлась Институтом изучения растительных культур, руководил профессор фон Веттштейн. Гиммлеру пришлось смириться с корректировкой своих честолюбивых планов, так как профессор напрямую подчинялся имперскому министру продовольствия и сельского хозяйства. Понимая, что справиться еще с одним конфликтом ему не по силам, Шефер попытался избегать конкурентной ситуации с ученым, который вдобавок ко всему уже собрал богатейшую коллекцию зерновых культур со всей Европы. Более того, тесное сотрудничество с Веттштейном было санкционировано самим Гиммлером.

30 октября 1942 года Шефер начал переговоры с представителями Имперского министерства сельского хозяйства, Берлин — ского общества кайзера Вильгельма и располагавшегося в Тут-тенхофе нового института. Именно в тот день в разговоре тет-а-тет со статс-секретаремБаке Шеферу намекнули, что тот должен отказаться от идеи собственного института, но готовиться создать в «Наследии предков» исследовательский отдел диких растительных культур. Опять же акцент в предстоящем исследовании делался на восточные регионы. На это раз это была не Азия и Восточная Европа, это был Кавказ.

Как на практике должно было осуществляться запланированное сотрудничество всех этих структур с «Аненербе», остается непонятным. Возникает впечатление, что оно было весьма ограниченным. Шефер без каких-либо конфликтов предоставил в Туттенхоф образцы собранных им зерновых культур, а затем фактически не встречался с Веттштейном, равно как и почти не поддерживал контактов с Министерством сельского хозяйства. А может быть, Шефер рассматривал деятельность института в Туттенхофе лишь как временное явление. Действительно, в последних числах ноября 1942 года Главное управление СС объявило, что рейхсфюрер СС совместно с Берлинским обществом кайзера Вильгельма планирует создать «чрезвычайно важный для всей германской экономики Институт злаковой селекции. Но и на этот раз заведовать им стал не Шефер.

Руководителем его стал ботаник Брюхер. Не исключено, что это был некий жест доброй воли со стороны Гкммлера. Дело в том, что, несмотря на все старания Веттштейна, Брюхнеру никак не удавалось выправить «бронь». Участие в военно-стратегическом проекте автоматически освобождало его от призыва на фронт.

В конце января 1943 гада Эрнст Шефер встречался с отдельными служащими Министерства сельского хозяйства, чтобы поддержать хотя бы формально предписанное ему сотрудничество. Одновременно с этим поставил в известность берлинское правительственное учреждение о том, что Гиммлер по договоренности с начальником Главного хозяйственно-экономического управления СС обергруппенфюрером Освальдом Полем решил разместить

Институт диких растительных культур в замке Ланнах близ Граца. Вероятно, было расположение Ланнаха в гористой местности для самого Шефера было более привлекательным, нежели в Туттенхоф е. О разработках в данном замке почти ничего не известно. Филиал отдела «Аненербе», возглавляемого Шефером, в Ланнахе был запланирован исследователем еще в 1939 году, но в жизнь этот план воплотился лишь в 1943 году. Шефер, не задумываясь, пошел на разрыв отношений со структурой в Тутгенхофе, так как стремился к максимально возможной независимости в своих действиях. По сути, филиал в Ланнахе стал еще одним отделом «Наследия предков», который имел военно-стратегическое значение. Хоть Шефер и не был селекционером, но эта структура нуждалась в его авторитете и репутации весьма активного, энергичного исследователя. Именно этот филиал «Аненербе» позволил Шеферу самостоятельно вести подготовку к поездке на Кавказ. Именно тогда он сосредотачивается на подготовке так называемой «Зондеркоманды К».

Еще во время своей второй азиатской экспедиции Эрнст Шефер очень внимательно изучал живущих на воле лошадей. После начала агрессии против Советского Союза Шеферу представилась возможность попробовать себя в роли зоолога-селекционера, которому надо было вывести новую породу лошадей, не восприимчивых к суровым российским зимам. По этому вопросу сохранилось не так уж много материалов. Большинство из них вышло из стен эсэсовских структур, прежде всего созданного при «Аненэрбе» «Института военно-научных целевых исследований». Некоторые документы были адресованы Главному хозяйственно-экономическому управлению СС, которым командовал уже упоминавшийся нами Освальд Поль. Одновременно с этим Эрнст Шефер поддерживал контакты с Рудольфом Брандтом, который помогал ему подбирать необходимых ученых и специалистов.

Опыты по селекции лошадей предпринимались, по крайней мере, в 1942–1943 годах. При этом Шефер делал ставку на монгольских лошадей и лошадей Пржевальского. К сожалению, в архивах отсутствуют документы, которые позволили бы детально проследить весь этот процесс, как с содержательной, так и с организационной точки зрения. Разумеется, и этот проект, курируемый Шефером, получил статус «военно-стратегического». Выведение новой породы лошадей было очень важным для дальнейшего ведения войны.

Где осуществлялись работы по селекции, можно установить лишь приблизительно. Можно только суверенностью говорить, что они проходили в Восточной Европе, на оккупированных Германией территориях. По мере отступления немецкой армии обратно на запад, в 1944 году Шефер принял решение перевести всех лошадей на конезавод в Познани. Оттуда они должны были отправиться в новое место. При помощи Освальда Поля он стал планировать их перевозку в Венгрию, где уже было подготовлено три специальных предприятия. Не исключалось, что речь могла идти о сотнях лошадей. В силу недостатка документов и источников сложно сказать, каких результатов удалось добиться Эрнсту Шеферу. Не стоило забывать, что к 1944 году руководство Третьего рейха волновали другие проблемы, нежели появление новой породы лошадей. Можно лишь сказать, что Шефер очень внимательно относился к данному проекту. С одной стороны, это было как бы логичным продолжением его азиатских экспедиций, но с другой стороны, этот проект был ориентирован исключительно на потребности войны, что делало его военнозначимым и актуальным для руководства СС. Кроме этого разведение лошадей позволяло еще целому ряду сотрудников «Аненэрбе» уклониться от призыва в ряды вермахта или Ваффен-СС.

Но перейдем к другим сюжетам. Итак, в 1939 году тибетская экспедиции СС успешно вернулась из Азии в Германию. Вопреки всем трудностям и непредвиденным обстоятельствам, немцам удалось полностью выполнить запланированную рабочую программу Более того, им даже удалось в качестве первых немцев попасть в закрытый почти для всех европейцев город Лхасу. Во время экспедиции Краузе снимал почти каждый шаг путешественников, естественно, когда это было возможно. Почти сразу же после возвращения возникла идея создать из отснятых материалов (более 50 часов)

документальный фильм, который способствовал повышению общественного интереса к таинственной стране и сенсационной экспедиции.

На первый взгляд кажется странным, что смонтированный фильм показали впервые только в 1943 году. Произошло это в Мюнхене в присутствии именитого гостя — Свена Хедина. Лишь после этого начался прокат фильма во всех германских кинотеатрах. В итоге он выполнял не только просветительную, но и некую психологическую функцию. Картины далекой, непостижимой экзотической страны должны были отвлекать немцев от не внушавшего особых надежд германского «сегодня». Причины, почему прокат фильма начался так поздно, могли быть самыми банальными. В 1940–1941 годах, когда патинировалась разведывательная экспедиция в Тибет, а затем и военная акция, руководство СС не хотело привлекать излишнего внимания к данной стране. Да и собственно «Аненэрбе» не слишком стремилось афишировать свою деятельность в данном направлении. Примечательно, насколько сдержанно и непримечательно в фильме «Тайны Тибета» рассказывалось о самой экспедиции Шефера. Сделано это было по личному приказу Гиммлера. Подобный подход не совсем устраивал Эрнста Шефера, который тесно увязывал свою дальнейшую научную карьеру с успехом тибетской экспедиции.

Осенью 1939 года киноматериалы на проявку и обработку были переданы в берлинскую фирму «Тобис фильмкунст». Шефер был заинтересован в выходе фильма на экраны хотя бы по экономическим причинам, но лента предварительно должна была пройти цензуру. Всю последующую историю возникновения фильма можно проследить по переписке, шедшей между Шефером и начальником персонального штаба рейхсфюрера СС Рудольфом Брандтом. Сразу же стало ясно, что не было возможности сохранять работы по обработке киноматериалов в тайне. В итоге Брандт предупредил Тобиса, чья кинофирма располагалась в Берлине на Фридрихштрассе, что не должно быть ни одного упоминания о данной киноленте до того момента, пока рейхсфюрер СС лично не даст приказ провести ее первый кинопоказ. В тайне должны были сохраняться не только работы Тобиса. Уже в конце января 1940 года Гиммлер издал директиву, в которой требовал согласовывать с ним лично текст всех публикаций и докладов, которые были посвящены тибетской экспедиции СС. В итоге на момент планирования военно-стратегической операции СС в Тибете в 1939–1940 годах, а также во время подготовки создания института Свена Хедина, почти все сведения об экспедиции 1938–1939 годов ограничивались общими декларациями и заявлениями о ее сенсационности. Но во всех этих публикациях чувствовался недостаток фактов. Кое-где мельком было упомянуто, что участники экспедиции планировали подготовить фильм, посвященный этому предприятию. Но ни о дате, ни о его приблизительном содержании в этих заметках ничего не говорилось. Шефер должен был предпринимать максимум осторожности, так как его постоянно приглашали в различные радиопередачи, предлагали дать интервью, просили написать статью или сделать доклад.

После консультации с Гиммлером Шеферу почти во всех случаях приходилось отказываться от всех этих предложений. Это больно ударяло по самолюбию ученого. Так, например, Брюссельское энциклопедическое общество пригласило весной 1940 года Шефера сделать доклад о прошедшей экспедиции и запланированных на будущее исследованиях. Шефер, как начальник одного из отделов «Аненэрбе», согласно распоряжению Брандта должен был тут же проинформировать рейхсфюрера СС о поступившем предложении. Несмотря на то что официально не было запрета на чтение докладов за рубежом, Гиммлер попросил исследователя сказаться больным и вежливо отказаться от приглашения. В итоге Рудольф Брандт должен был передать в Брюссель следующую информацию: «К великому сожалению, в настоящее время д-р Шефер страдает тяжелой болезнью глаз, для лечения которой он направлен в мюнхенскую клинику Поданной причине подготовка доклада временно не является возможной». Для пущей правдоподобности Шефер должен был найти какое-нибудь глазное заболевание, которое было широко распространено на Востоке. Даже в

этой ситуации Гиммлер хотел, чтобы все выглядело как можно правдоподобнее. В итоге, к великому сожалению Шефера, широкая публика так и не узнала о сути его исследований. Стремление Гиммлера сохранить тайну было настолько огромным, что он принуждал Шефера врать и изворачиваться. Возможно, в подобные моменты Шефер сожалел, что находился под патронажем рейхсфюрера СС.

Несмотря на строжайший запрет сообщать хоть какие-либо сведения о готовящемся документальном фильме, весной 1940 года произошла «утечка». В одной из гамбургских газет появилась заметка, в которой сообщалось, что на студии «То-бис фильмкунст» монтируется фильм, посвященный тибетской экспедиции СС под руководством Эрнста Шефера. Гиммлер был разъярен. 12 марта 1940 года он писал Шеферу: «Из какой-то газетной заметки я получаю информацию о фильме, который экспедиция снимала на Тибете. Я прошу Вас еще раз — предельно точно выполняйте мои приказания. О готовящемся фильме, посвященном Вашей экспедиции, ни слова не должно попасть в газеты. Я не хочу, чтобы из-за подобных глупостей сорвалось Ваше задание». Напомню, что тогда готовилась военная операция в Тибете. Гиммлер вообще любил делать недвусмысленные намеки, что в случае невыполнения его приказов можно было расстаться с жизнью. Сохранение в тайне монтирования фильма было только одной из мер предосторожности, которые должны были засекретить работу экспедиционного корпуса и уберечь ее от британских контрмер.

Но в данной ситуации Шефер отказывался брать на себя ответственность за утечку информации. После этого Гиммлер запретил Тобису дальнейшее производство фильма: он опасался, что утечка информации могла продолжиться. Впрочем, Шефер позже признался, что говорил «в очень узком кругу людей» о предстоящем окончании работ по монтированию киноленты. Но, разумеется, подчеркивал Шефер, пресса ничего не могла узнать об этом. Тем не менее рейхсфюрер СС считал, что во всем был виноват именно Шефер. Он должен был дать слово, что в будущем подобные инциденты не должны были повториться. Личное вмешательство рейхсфюрера СС освободило Тобиса от необходимости искать источник утечки информации у себя в фирме. Но на всякий случай Рудольф Брандт направил в берлинскую фирму уведомление, что информация о тибетском фильме была секретной, а потому Тобис был ответственен за соблюдение мер предосторожности. В ответ Тобис не выдержал и прояснил ситуацию. Информация в газету попала после одного из докладов, который Шефер делал в Гамбурге. Шеферу был сделан строгий выговор.

В июне 1940 года Шефер направил Брандту первый отчет о деятельности возглавляемого им отдела «Аненэрбе». Это было большое, многостраничное письмо. В нем Шефер подробно описывал все работы, шедшие над фильмом, а также принципы взаимодействия его отдела с Тобисом. По его словам, на тот момент в фильме отсутствовал только синхронный звук и музыкальный фон (так называемая подложка). В целом из представленного материала получался полнометражный научно-популярный фильм. Он не без чувства гордости приводил слова Тобиса, что это был «не просто хороший фильм, а достижение, лучшая немецкая лента, посвященная экспедиции». Шефер желал произвести впечатление на Генриха Гиммлера, когда в своем отчете сообщал, что лента будет готова к показу уже в октябре 1940 года. Для начала ее проката требовалось только разрешение рейхсфюрера СС. Он также подчеркивал, что было бы неплохо подготовить специальную пропагандистскую статью, посвященную тибетскому фильму.

Шефер полагал, что показ фильма станет началом волны общественного интереса к Тибету, что в свою очередь станет предпосылкой для более активного финансирования деятельности его отдела в составе «Наследия предков». Тобиса же интересовала только касса, которую мог собрать этот фильм. Но директива, поступившая от Гиммлера, перечеркнула надежды обоих. Шеф СС в очередной раз запрещал привлекать внимание государственных органов и общественности к проблемам Тибета. Никто не должен был знать, что национал-социалистическая империя проявляла повышенный интерес к этой удаленной

стране. При этом Гиммлер категорически запретил делать реверансы в его сторону. Дело в том, что Шефер хотел посвятить фильм рейхсфюреру СС, как покровителю тибетской экспедиции. Гиммлер наложил запрет на подобные действия. Учитывая, что он при любом удобном случае подчеркивал, что тибетская экспедиция была эсэсовской и проходила под его, Гиммлера, патронажем, кажется вполне допустимым, что запрет был наложен по личным мотивам. Шеф СС стеснялся делать сенсацию из своего имени.

После изучения отчета Шефера Рудольф Брандт передал 10 июля 1940 года исследователю пожелания Генриха Гиммлера. Брандт и Гиммлер отдельно обсуждали перспективы деятельности Шефера во время одной из поездок на «специальном поезде Генрих» (именно так в документах обозначался персональный железнодорожный состав рейхсфюрера СС): Брандт вновь обращал внимание Шефера на сохранение полной секретности вокруг всех разработок, связанных с Тибетом. «Позаботьтесь, пожалуйста, о том, чтобы ни из-под Вашего пера, ни из-под пера какого-либо участника Вашей экспедиции не появлялись статьи к материалы, которые не были бы согласованы с рейхсфюрером СС. Рейхсфюрер СС считает недопустимым, чтобы наши враги смогли установить связь между путешествием д-ра Шефера на Тибет и возможностью повторения с военными целями экспедиции в данный регион. По этой причине фильм не может появиться в ближайшее время в прокате… Как только рейхсфюрер посчитает, что пришло время, он тут же воспользуется Вашими предложениями насчет организации рекламы фильма. До этого момента Вы не должны распространяться о киноленте ни среди знакомых, ни среди работников газет… Рейхсфюрер с нетерпением ждет, что как только закончится монтаж ленты, вы проведете для него закрытый кинопоказ».

Следовательно, по мнению руководства СС, показ дорогостоящего фильма мог сорвать планирование тибетской операции.

Но летом 1940 года, принимая во внимание позицию Москвы, внутриполитические конфликты в рейхе, а также откровенное нежелание германского МИДа финансировать новую экспедицию, подготовка к операции в Азии должна была прекратиться. В данном случае письмо, о котором говорилось выше, явный признак того, что дела обстояли несколько иначе. По этой причине можно предположить, что возникновение в «Аненэрбе» отдела Центральной Азии и экспедиций было продиктовано желанием Гиммлера продолжить сбор информации о Тибете. А это, в свою очередь, должно было означать, что он хотел повысить шансы на успех новой тибетской экспедиции.

Фильм стал политическим событием много позже, когда лента через центр научно-популярных фильмов Имперского министерства пропаганды прошла соответствующую проверку. Геббельс сам познакомился с фильмом «Тайны Тибета» и дал ему очень высокую оценку. Но руководство СС в данной киноленте очень осторожно информировало общественность об экспедиции Шефера. Собственно, так было и много раньше. Но при этом Гиммлер не хотел делать фильм, на подготовку которого ушло столько времени, козырем в колоде Геббельса.

О последующих событиях, связанных с завершением работ над фильмом, фактически не осталось никаких документов. Кроме этого отнюдь не всем сотрудникам, задействованным в подготовке тибетской операции, удалось получить «бронь».

Некоторое время на фронте пробыл и сам Шефер. Его мобилизовали, сначала направив в Норвегию, а оттуда в июне 1941 года он попал в Финляндию, где должен был воевать против Советского Союза. Но, видимо, это произошло по какой-то оплошности. За несколько недель до начала германской операции «Барбаросса» организационный руководитель «Наследия предков» Вольфрам Зиверс подал прошение оберштурмфюреру СС Рауху, в котором просилось отозвать из Норвегии Эрнста Шефера. В итоге, чтобы Шефер вновь оказался в Германии и продолжил заниматься тибетскими делами, потребовалось личное вмешательство Генриха Гиммлера.

В 1941–1942 годах работа отдела Центральной Азии «Наследие предков» была сосредоточена на подготовке новой экспедиции, которая получила кодовое название «Зондеркоманда К». В те дни Гиммлер задумал провести крупномасштабное исследование Кавказского региона. В этой связи интересно, что Шеферу, равно как и его сотрудникам Бегеру и Гееру, было поручено перед началом проката показать киноленту в ставке Гитлера. Не исключено, что это делалось только для того, чтобы найти финансирование для деятельности «Зондеркоманды К».

Об источниках финансирования фильма не сохранилось никаких документов. Однако кое-что указывает на то, что издержки по его производству покрывались за счет фондов «Наследия предков». В итоге Шефер занимался кинолентой именно как сотрудник «Аненербе», а о результатах своих работ докладывал не только Гиммлеру, но и Рудольфу Брандту, который, как помним, курировал в штабе рей-Афиша немецкого фильма хсфюрера СС деятельность «Тайны Тибета» (1943) «Наследия предков». В итоге указания Гиммлера о том, когда и как можно было показывать эту киноленту, были направлены в том числе Вальтеру Вюсту и Вольфраму Зиверсу. Кроме этого можно предположить, что средства на фильм выделялись «кругом друзей Генриха Гиммлера» — неформальным объединением крупных немецких промышленников и финансистов, сплотившихся вокруг рейхсфюрера СС. Это косвенно подтверждается тем, что за семь месяцев до представления фильма широкой публике, 10 июня 1942 года, он был показан на одном из закрытых мероприятий «круга друзей». По крайней мере, по этой дате можно судить, что к июню 1942 года фильм был уже готов. На этом закрытом показе присутствовал и сам Шефер, которого специально пригласил Генрих Гиммлер. Один забавный факт — демонстрация фильма происходила в замке Кведлинбург, в одной из эсэсовских святынь, в которой якобы были захоронены останки Генриха I Птицелова. Как общеизвестно, Генрих Гиммлер считал себя реинкарнацией этого германского государя.

В связи с тем, что фильм был готов уже летом 1942 года, возникает вопрос: почему же его представили публике только много месяцев спустя, в 1943 году? Наверное, он так и останется без ответа. В любом случае в декабре 1942 года фильм прошел проверку, своего рода цензуру, в министерстве Геббельса. «Тайны Тибета» были признаны «культурным, художественным и государственно-политическим ценным явлением, которое можно было демонстрировать молодежи». Это была наивысшая оценка. 105-минутный фильм предполагалось показать в присутствии Свена Хедина во время открытия в Мюнхене института его имени. Один из сотрудников «Аненэрбе», работавший в отделе Шефера, писал своему другу на радио: «Фильм произвел фурор не меньший, чем сама экспедиция Шефера. Лента великолепная, в некоторых местах я задыхался от восторга. Понятно, почему по политическим причинам его до сих пор не показывали широкой публике. В связи с открытием института исследования Азии этот фильм был впервые официально продемонстрирован. Я воспринимал его не как научно-популярный, а как полнометражный художественный фильм. Высокие зарубежные гости также пребывают под впечатлением. Все чествовали Свена Хедина. Затем в министерстве пропаганды была дана большая пресс-конференция для зарубежной прессы. Вскоре стартует широко задуманная рекламная кампания фильма. Почти во всех газетах появляются фоторепортажи или прошлые сообщения экспедиции. Все газеты, даже бульварные листки, пишут о Тибете». Действительно, о фильме много писали в немецких газетах. При этом нередко появлялись перепечатки прошлых статей Шефера, в которых он рассказывал о культурной и общественной жизнй Тибета. Всего же вышло около 300 статей и Фото ламы, сделанное Краузе заметок о фильме «Тайны Тибета», но ни в одной из них даже не упоминался отдел Центральной Азии и экспедиций «Наследия предков».

Шефер сам подключился к рекламе фильма. Он придавал большое значение тому, чтобы его имя и имена участников тибетской экспедиции как можно чаще появлялись на страницах газет. Для «Народного обозревателя» он дал несколько эксклюзивных интервью. Активность

Шефера значительно возросла, когда он получил от Гиммлера официальное разрешение подключиться к рекламе «Тайн Тибета». Так, например, в декабре 1942 года по приглашению немецкого посольства в Дании он прибыл в Копенгаген, где сделал доклад об экспедиции 1938–1939 годов. После премьеры фильма «Тайны Тибета», которая состоялась 18 января 1943 года, Шефер составил подробный план того, как, по его мнению, надо было организовать рекламу фильма. В частности, он перечислял города, в которых накануне показа киноленты он должен был выступать с короткими докладами. В некоторых случаях это могли делать другие участники тибетской экспедиции. Шефер постоянно акцентировал внимание на «политико-пропагандистском значении фильма», что должно было способствовать покрытию финансовых издержек «Наследия предков». Премьера фильма в столицах германских земель «должна была проводиться при тесном взаимодействии со всеми структурами СС». Но в первую очередь Шефер хотел, чтобы «Тайны Тибета» были показаны в городах, являвшихся университетскими центрами. Кроме этого, в выходные дни фильм должен был демонстрироваться по льготной цене для рабочих. Соответственно, должны были быть организованны групповые показы ленты для ячеек Немецкого трудового фронта и гитлерюгенда. Сам факт появления фильма значительно увеличил интерес немецкого общества к Тибету. Фактически германской публике впервые предлагалось самой увидеть подлинные кадры из жизни страны, затерянной в горах где-то между Индией и Китаем. В силу того, что выход фильма «Тайны Тибета» совпал со Сталинградской битвой, он выполнял немалую психологическую функцию (о чем уже говорилось выше). Национал-социалистической пропаганде как раз требовался повод, чтобы вновь показать подвиги «славных германцев». Пусть в данном случае это были не солдаты, а ученые. В сложившейся ситуации это уже не имело никакой разницы.

Глава 6

Институт Свена Хедина

16 января 1943 года в торжественной обстановке был официально открыт Институт исследования Центральной Азии имени Свена Хедина. Ему были предоставлены помещения на втором этаже «георгианума», университетского строения в Мюнхене на Людвигштрассе, где раньше располагался теологический факультет. В силу того, что с каждым годом войны баварская столица все чаще и чаще стала подвергаться бомбардировкам, данные помещения использовались не очень интенсивно. Уже накануне открытия института Свена Хедина Шефер позаботился о том, чтобы найти запасной вариант для размещения его исследовательского учреждения. Сделано это было при помощи его приятеля Эдуарда Тратца, директора Зальцбургского музея естествознания, который одновременно являлся сотрудником «Аненэрбе». Еще в 1939 году он впервые обратил внимание на замок Миттерзилль, который позже показал Шеферу. В своей автобиографии Шефер описывал организацию в 1943 году передвижной выставки, посвященной тибетской экспедиции. Именно тогда исследователь познакомился с гауляйтером Зальцбурга Густавом Адольфом Шеелем. Тот во время личного общения пообещал предоставить для исследовательских целей замок Миттерзилль. Скорее всего, Шефер сам пошел на контакт с Шеелем и попросил его о данной услуге. Известно, что осенью 1942 года Шефер встречался с Гиммлером, чтобы обсудить дальнейшую подготовку так называемой «Зондеркоманды К». Воспользовавшись случаем, Шефер сообщил рейхсфюреру СС о своих намерениях в отношении австрийского замка, где уже тогда планировал разместить «экологическую станцию» отдела «Аненэрбе», который он возглавлял.

Прежде чем в Миттерзилль перебрался отдел Центральной Азии и экспедиций «Наследия предков», замок поменял нескольких владельцев. Еще накануне войны замок, принадлежавший супружеской чете герцогов Виндзорских, был почти полностью уничтожен пожаром, причиной которого стала молния, попавшая в здание. До 1938 года замок был собственностью лихтенштейнского общества «Симаг», центральный офис которого

располагался в Вадуце. Усилиями этих коммерсантов здесь был создан спортивный и стрелковый клуб, предназначенный для весьма состоятельных людей. Главным образом это были американцы, чье членство в клубе стоило около 1000 долларов в год. С началом войны замок отошел в ведение Имперского комиссара по управлению вражеским имуществом, который уже не возражал против его использования одним из отделов «Аненэрбе», что было санкционировано летом 1943 года.

В середине 1943 года отдел Центральной Азии и экспедиции перебрался из небольших помещений на мюнхенской Виденмайершрассе в просторный Миттерзилль в Пинцгау. В скором времени там стал размещаться и институт Свена Хедина. Уже в декабре 1943 года, фактически год спустя после официального открытия института, Шефер поставил в известность Рудольфа Менцеля, руководителя управления науки в Имперском министерстве воспитания и одновременно президента Немецкого исследовательского общества, члена Сената Берлинского общества кайзера Вильгельма, и председателя имперской комиссии по науке, что институт Свена Хедина перебирается в замок Миттерзилль (рейхсгау Зальцбург). Шефер и его сотрудник Фелькмар Вареши должны были совмещать свою исследовательскую работу с чтением лекций на естественно-научном факультете университета Мюнхена в учебном 1943/44 году. При этом было сомнительно, мог ли замок вместить в себя всех студентов, если бы чтение курса лекций продолжалось именно там. Сколько студентов в то время слушали лекции Шефера, установить очень сложно. Сотрудник института Свена Хедина Вареши, был, пожалуй, одним из немногих приятелей Шефера, который не дублировал свою исследовательскую работу деятельностью в «Аненэрбе». По этой причине он почти всегда пребывал на Людвигштрассе. После того как во время бомбардировок 13 и 16 июля 1944 года было разрушено здание «георгианума», то в распоряжении Шефера больше не осталось никаких помещений в Мюнхене. Но при этом университетское начальство не планировало сворачивать обучение студентов. Казалось, что институт Шеферу был нужен только для того, чтобы начать университетскую карьеру Он и целый ряд сотрудников «Аненэрбе» не преминули воспользоваться подобной возможностью. В итоге только из состава института Свена Хедина в 1944 году в Мюнхенский университет для прохождения докторантуры было направлено четыре человека. Для самого Шефера это было лишь дополнительным доказательством того, что он был «инструментом науки». Исследования в те дни проходили по очень сложной схеме. Формально почти все сотрудники Шефера трудились в «Наследии предков», но при этом финансирование их работ проходило по линии института Свена Хедина. Между тем в «Аненэрбе» Шефер и его сотрудники занимали особое положение. Ужевоктябре 1942 года Вальтер Вюст делал запись в дневнике, что «отдел Центральной Азии стал настолько большим, что его можно было бы сравнить со всем берлинским филиалом». Кроме этого отдел Шефера получал денег едва ли не больше, чем все остальное «Наследие предков». В данной ситуации не надо строить спекулятивных выводов о том, что Шефер просто купался в деньгах. Просто все остальные отделы финансировались из рук вон плохо.

Дата открытия института Свена Хедина не была случайной. Основание Института исследования Центральной Азии имени Свена Хедина должно было стать апогеем торжеств, посвященных 470-летию университета Мюнхена, которые шли на протяжении последних месяцев 1942 и начала 1943 года. На открытии было много почтенных гостей, но главной фигурой здесь был шведский исследователь Свен Хедин. Он с удовольствием дал согласие приехать в Германию на открытие института.

Свен Хедин, который заработал себе всемирную известность многочисленными поездками и путешествиями по Азии, никогда не чурался политики. Он открыто симпатизировал Германии, в которой в свое время учился. После окончания Первой мировой войны он решительно осудил «грабительский» Версальский мирный договор. После прихода к власти национал-социалистов Хедин не думал изменять свое отношение к Германии.

Он оставался германофилом до мозга костей. Он закрывал глаза на те негативные процессы, которые шли в Третьем рейхе, он предпочитал видеть только то, что, собственно, хотел видеть.

По большому счету Хедин всю жизнь был авантюристом. Для самого Шефера факт, что его институт, действововавший при Университете Людвига Максимилиана, носил имя Свена Хедина, не был пустым звуком. Для молодого амбициозного исследователя это была своего рода миссия — стать если не «прямым», то хотя бы духовным наследником именитого путешественника. Но появление Хедина на открытии института и на премьере фильма «Тайны Тибета» не было первой встречей двух исследователей. Четыре года спустя после окончания Второй мировой войны Хедин нехотя был вынужден извиниться за свои связи с национал-социалистической Германией. Ему пришлось давать объяснения, а сама форма общения с ним больше походила на допрос. В ходе этих унизительных бесед он рассказал о своих контактах с немцами, делая акцент на известных политиках. Так, например, он утверждал, что во время поездок по Германии в 1940 и 1943 годах он несколько раз встречался в Генрихом Гиммлером. Именно в 1940 году Шефер получил возможность познакомиться с высоким шведским гостем.

Во время продолжительной поездки по Германии в 1940 году Свен Хедин специально встретился с рейхсфюрером СС. Эта встреча произошла 21 марта 1940 года в берлинском здании гестапо. Хедин, к его великому сожалению, ни в одном своем путешествии не удалось достигнуть Лхасы. Об этом он упоминает в своей автобиографичной книге «В Берлине без задания». Во время этой встречи Гиммлер рассказал шведу, что Шефер и его товарищи по экспедиции смогли провести в тибетской столице почти 40 дней. Именно в ходе беседы Свен Хедин узнал, что рейхсфюрер СС имел отнюдь не прозаический интерес к далекой заснеженной стране, затерянной в горах к северу от Гималаев. Он также узнал, что именно Гиммлер выступил покровителем того предприятия. Согласно записям шведа, он был если не шокирован, то весьма поражен. Именно тогда Гиммлер упомянул о готовящемся фильме, который был снят во время экспедиции Эрнста Шефера. Рейхсфюрер приглашал Хедина на премьеру, оговариваясь, что, увы, не знал, когда она состоится. Но для того, чтобы исправить ситуацию, Гиммлер настоятельно просил Свена Хедина предупредить хотя бы за месяц его и Эрнста Шеферао следующей готовящейся поездке в Германию. Предполагалось, что к этому моменту можно было закончить создание фильма. Во время первой беседы Гиммлер обрисовал Хедину ход тибетской экспедиции лишь небольшими штрихами. Когда беседа подходила к концу, то глава СС заметил, что если «дорогого шведского гостя» заинтересовала эта информация, то он мог бы организовать встречу с молодым «покорителем Тибета». «Я не настолько силен в деталях, — говорил Гиммлер, — чтобы в точности передать их Вам как специалисту». Возникает впечатление, что Гиммлер упомянул своего протеже Шефера, чтобы облегчить беседу с Хедином. После войны Хедин не намеревался оправдываться. Он считал, что «дружба между Скандинавией, включая оккупированную Норвегию, была искренней и бескорыстной». Сам Хедин по собственной же инициативе, без какого-либо (как он утверждал) поручения шведского правительства, не раз пытался как представитель нейтральной страны организовать переговоры с высокопоставленными немецкими политиками. Победа Советского Союза в зимней войне 1940 года с Финляндией была воспринята Хедином и многими его соотечественниками как непосредственная угроза Швеции. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в шведском обществе укреплялись симпатии к Германии. В итоге беседы об Азии были для Гиммлера всего лишь поводом, чтобы вызвать симпатии немолодого уже шведа с мировым именем. В итоге Шефер в очередной раз стал пешкой в сложной политической и дипломатической игре. Согласно представлениям Гиммлера, война должна была вестись в самых различных областях жизни. С этой точки зрения немецкая наука должна была не только участвовать (как лекциями, так и газетными публикациями) в деле военной пропаганды, но и заниматься

важными «военно-целевыми» исследованиями. Хотя бы по этой причине Свен Хедин мог быть весьма полезен.

Первая документально подтвержденная встреча Свена Хедина и Эрнста Шефера произошла 5 ноября 1940 года. В те дни шведский исследователь захотел на несколько дней задержаться в Мюнхене, чтобы принять участие в торжественном празднестве, посвященном «Немецкой академии». Хедин любезно принял это приглашение, поступившее от административного главы Баварии Людвига Зиберта. Хедин и еще сорок гостей были приглашены на торжественный ужин, который проходил в доме Зиберта. К тому моменту Хедин был знаком только с несколькими личностями. Это были геополитик Карл Хаусхофер, княгиня Элизабет Футтер фон Велленберг и Эрнст Шефер, о котором так много рассказывал Гиммлер.

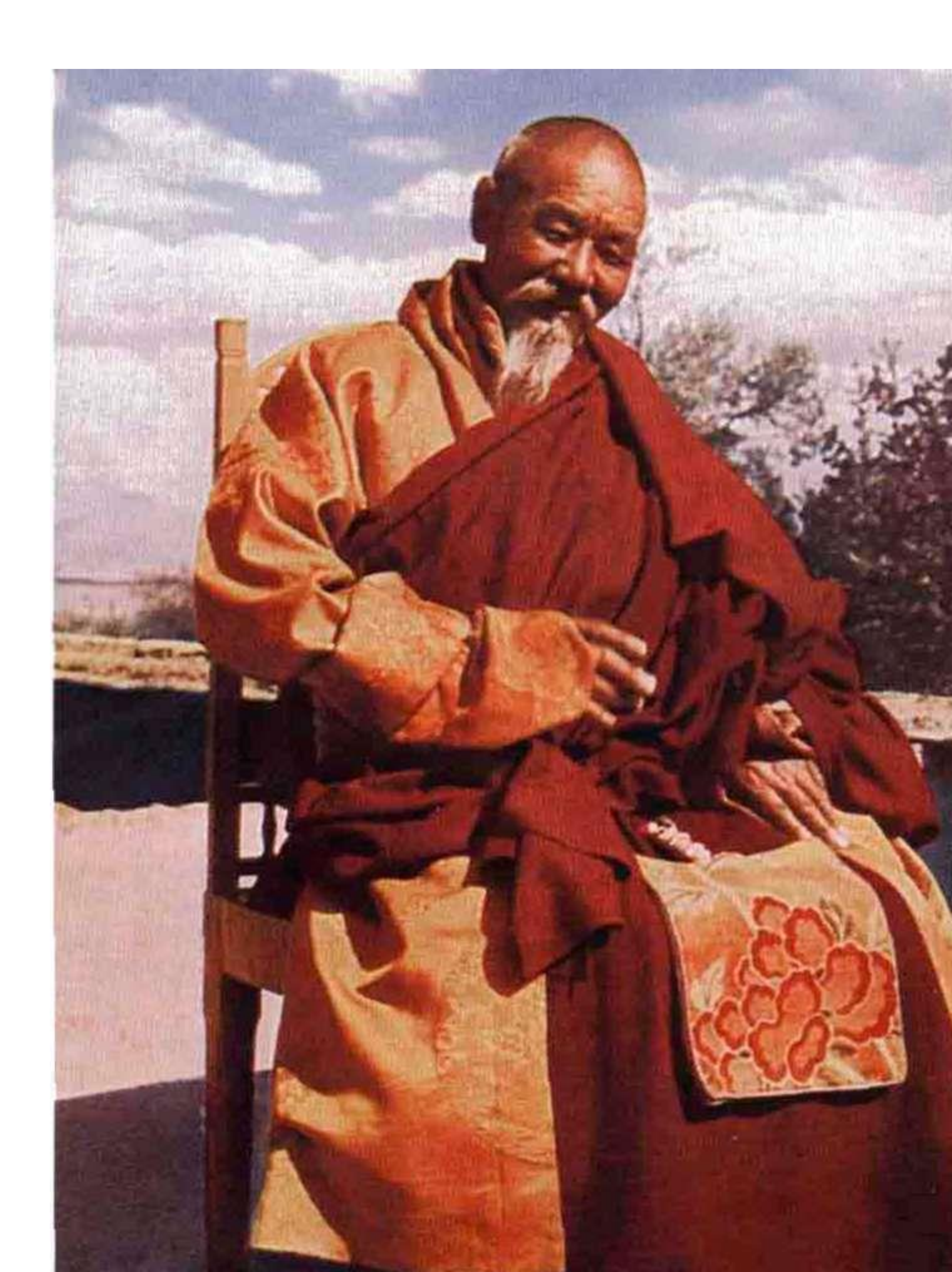
После войны на допросах эту встречу вспомнил и сам Эрнст Шефер. По его сведениям, на ужине присутствовал научный глава «Аненэрбе» профессор Вюет, с которым у Шефера вышел частный спор относительно дальнейшей академической карьеры. Шефер вспоминал, что знаменитый шведский путешественник предстал во всем своем блеске. В своем выступлении Хедин выражал надежду на дальнейшее развитие шведско-немецких связей, в том числе в деле исследования Центральной Азии.

Ближе к вечеру Свен Хедин вместе со своей сестрой Альмой и княгиней Фуггер фон Велленберг посетил отдел «Аненэрбе», возглавляемый Шефером. Молодой немецкий исследователь охотно показывал шведу предметы, которые он привез из тибетской экспедиции, фотографии, атакже отрывки фильма, хотя не получал на это разрешение от Гиммлера, так как монтаж ленты еще был завершен. Остается неизвестным, как об этом показе пронюхали газеты. Одна из мюнхенских газет писала об этом, умалчивая лишь, что демонстрация отрывков фильма прошла в здании одного из отделов исследовательского общества СС «Наследие предков». «Во вторник во второй половине дня Свен Хедин принял приглашение руководителя тибетской экспедиции СС 1938–1939 годов Эрнста Шефера ознакомиться с его коллекцией. Кроме Свена Хедина и его сестры Альмы исследователя посетили генерал-майор, профессор Карл Хаусхофер, а также сотрудник Берлинского общества кайзера Вильгельма д-р Тельшов. После того как Свен Хедин с огромным интересом осмотрел коллекцию, руководитель тибетской экспедиции сделал небольшой доклад о данном проекте СС, который, как он утверждал, позволил добыть новые сведения и начать осуществлять синтез естественных и гуманитарных научных дисциплин, что может служить делу еще большего познания тибетского региона. Из соединения геологии, ботаники, зоологии, антропологии и этнографии возникает картина, которую мы видим до настоящих дней. Затем Шефер впервые продемонстрировал уникальные кинокадры. Именно показ небольшой киноленты стал кульминацией данной встречи». Можно говорить, что в основных чертах фильм «Тайны Тибета» был уже готов спустя 15 месяцев после окончания тибетской экспедиции СС. Небольшой круг гостей впервые увидел методику работу участников экспедиции. Но затем из-за предельной загруженности работой в «Аненэрбе» Эрнст Шефер почти на два года отложил работу над кинолентой.

Многолетние симпатии Хедина к Германии (скажем так: «застарелое германофильство») с одновременной антипатией к британцам и Советскому Союзу в условиях поражения Германии во Второй мировой войне стали для шведского путешественника личной катастрофой. По этой причине он даже после войны не был в состоянии отречься от национал-социализ-ма. Свен Хедин видел в Гитлере прежде всего яростного противника большевизма и высокоодаренного политика. Одновременно с этим он не хотел видеть теневой стороны Третьего рейха. В данном отношении Хедин был апатичен и надменен. Во время посещения концентрационного лагеря Заксенхаузен он хладнокровно сравнил условия проживания заключенных со своими экспедиционными лагерями во время путешествий. Уже после войны Хедин пытался обосновать свои контакты с национал-социалистическими

политиками желанием спасти жизнь хоть некоторых заключенных из числа поляков или норвежцев. Положение нейтральной Швеции, которая находилась между оккупированной Германией Норвегией и атакованной Советским Союзом Финляндией, требовало от крайне патриотично настроенного Хедина отставать интересы северного королевства в Берлине. При этом Гитлер, Гиммлер и многие другие политики Третьего рейха были хорошо знакомы с произведениями Свена Хедина, видя в нем не только великого ученого, но и великого авантюриста. Со своей стороны, Хедин откровенно восторгался немецким народом. Он полагал, что даже во время войны он мог продолжать свои научные исследования. Во время просмотра кадров фильма о тибетской экспедиции Эрнста Шефера его охватили ностальгические воспоминания. При всем этом Свен Хедин обладал исключительной политической близорукостью, так как не замечал, что способствуя азиатским проектам Шефера, на самом деле он помогал претворить в жизнь агрессивные планы СС. Показательно, что во время своих выступлений в Германии Свен Хедин почти не говорил о своих азиатских путешествиях и приключениях. В большинстве случаев его речи были посвящены укреплению германо-шведских отношений. Это была его излюбленная тема. Некоторые пассажи были более чем откровенные. В одной из мюнхенских газет были напечатаны такие строки: «И на этот раз врагам Германии не удалось сокрушить Рейх. Он ведется вперед гениальным человеком, который создаст новую Европу, где будут невозможны войны и конфликты».

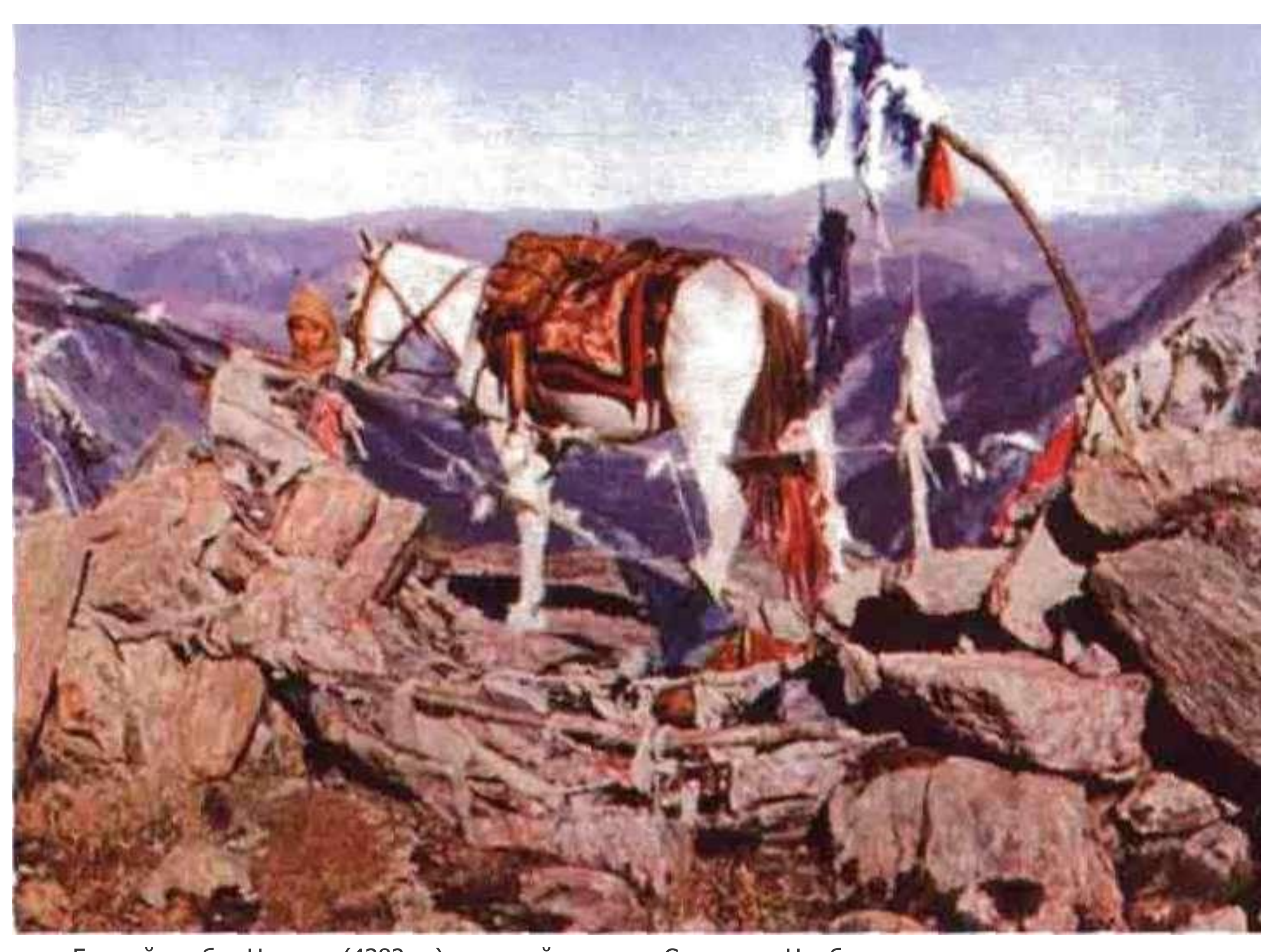
В те дни Эрнст Шефер, напротив, предпочитал сосредоточиться на научных и научно-популярных статьях биологического и этнографического характера, не упуская, впрочем, возможности вознести в них хвалу великому шведскому ученому. В данной ситуации Хедин было «свадебным генералом», который мог помочь наци о нал-социалистической науке. Свои реальные научные исследования он уже прекратил, но сохранил свой ореол величайшего в мире авантюриста. Германии было очень важно использовать пожилого шведа, точнее, его мировую известность и популярность. Гитлер сам охарактеризовал его как «великого миротворца». Но при этом, находясь в тени Хедина, Шефер и его сотрудники пытались предстать перед публикой как истинные ученные и исследователи, как люди, подхватившие дело «великого шведа». Лучшей рекламой для Шефера могло стать достижение успеха, подобного тому, какого смогла добиться его научная экспедиция после визита в Лхасу. Если бы Шефер был поддержан Свеном Хедином, то он мог бы укрепить свои позиции в «Наследии предков» и выступить против преобладания в деятельности эсэсовского общества гуманитарных проектов, что стало отличительной чертой «Аненэрбе» после появления в нем профессора Вальтера Вюста.

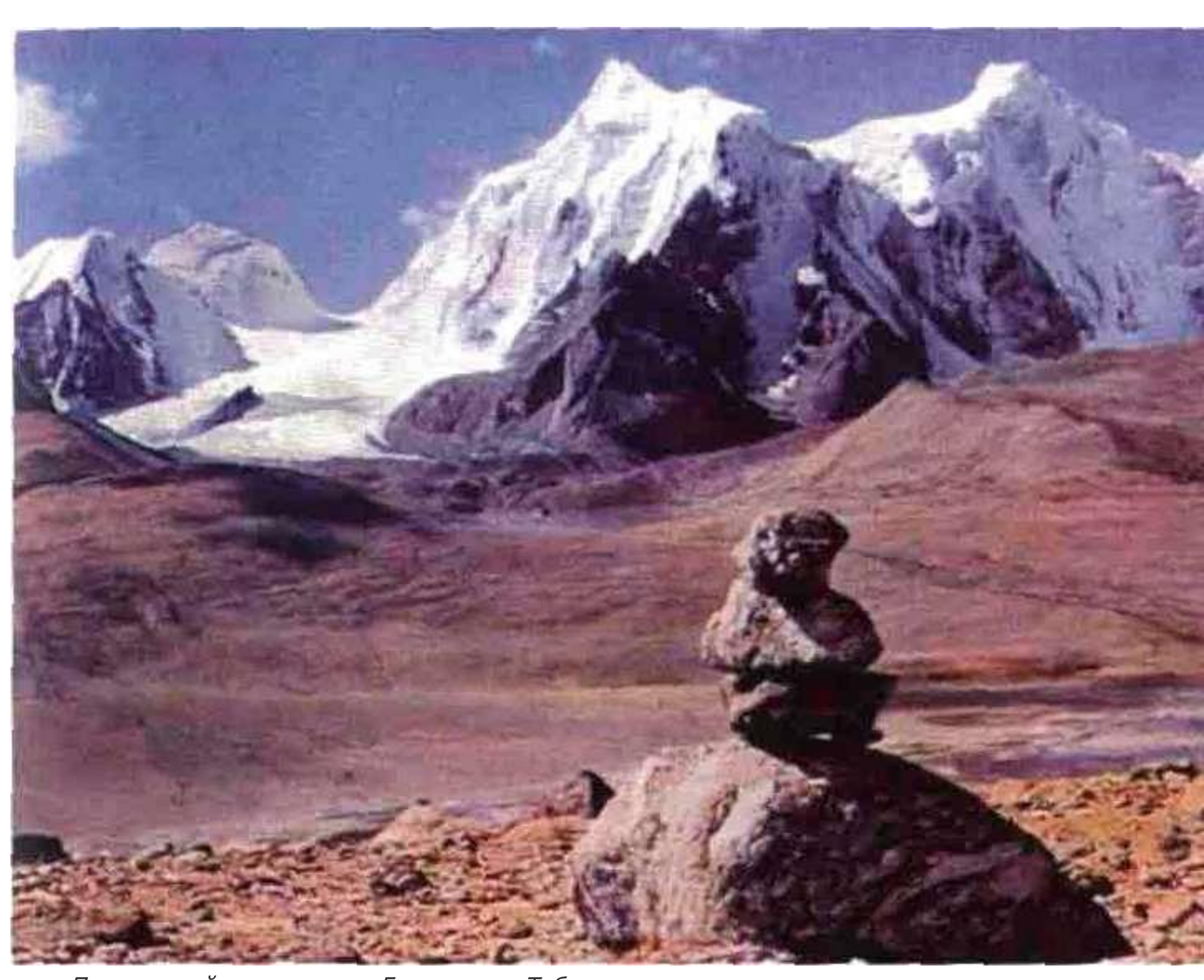
Настоятель монастыря Ташилунпо, резиденции Панчен-ламы

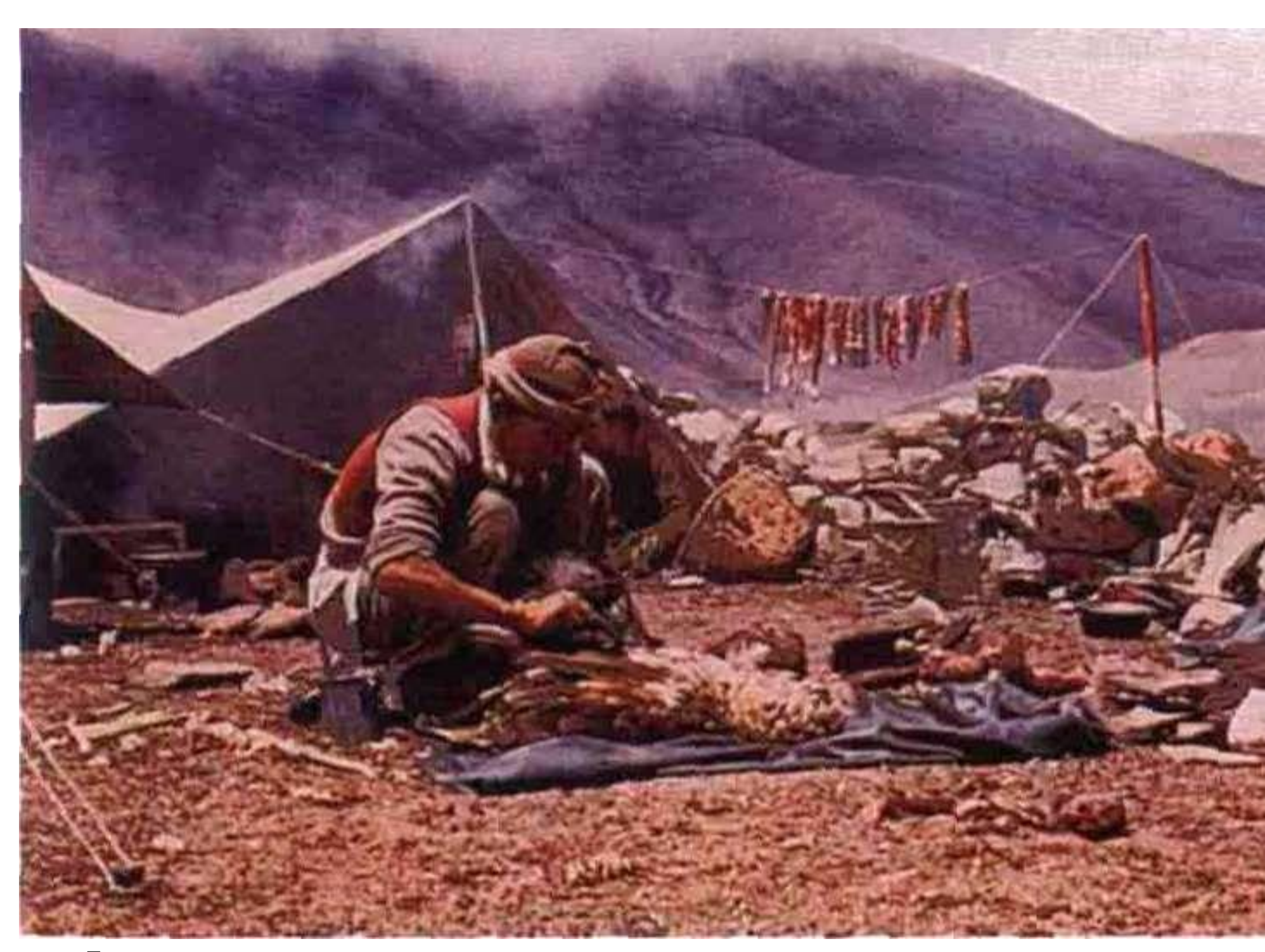
Процессия лам к храму в Гангтоке

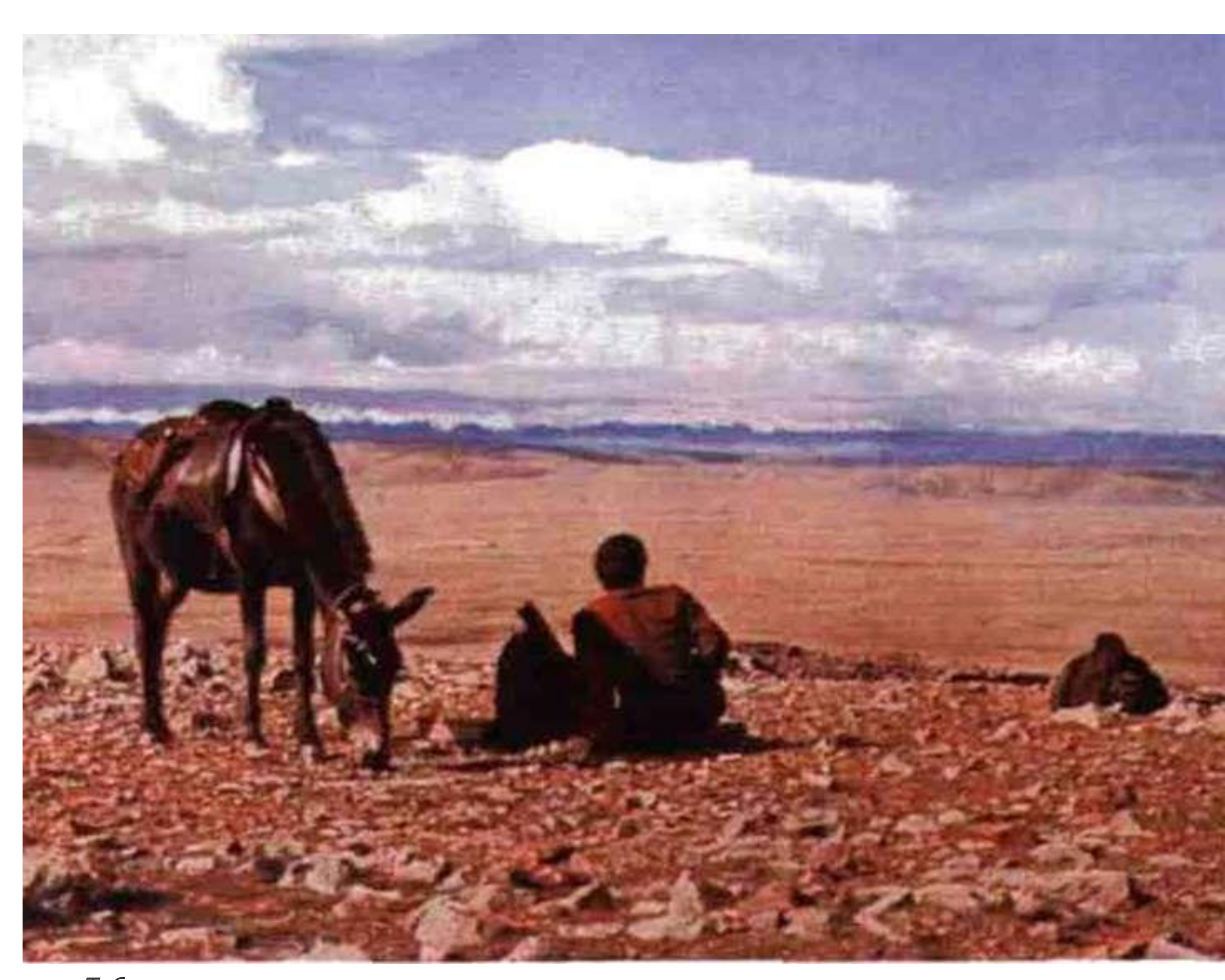
Горный хребет Нату-ла (4382 м.), который ведет из Сиккима в Чумбитал

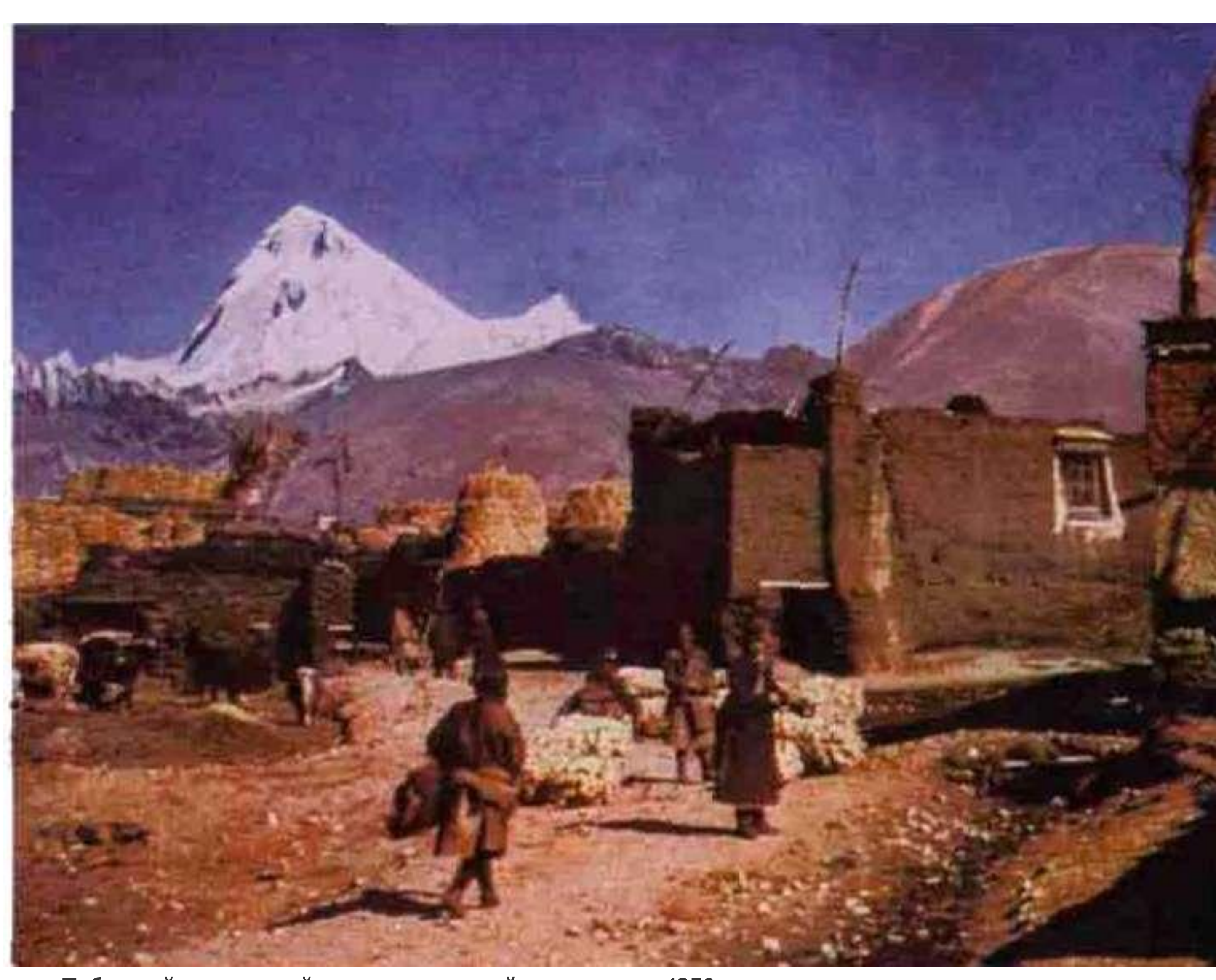
Пограничный камень между Гималаями и Тибетом

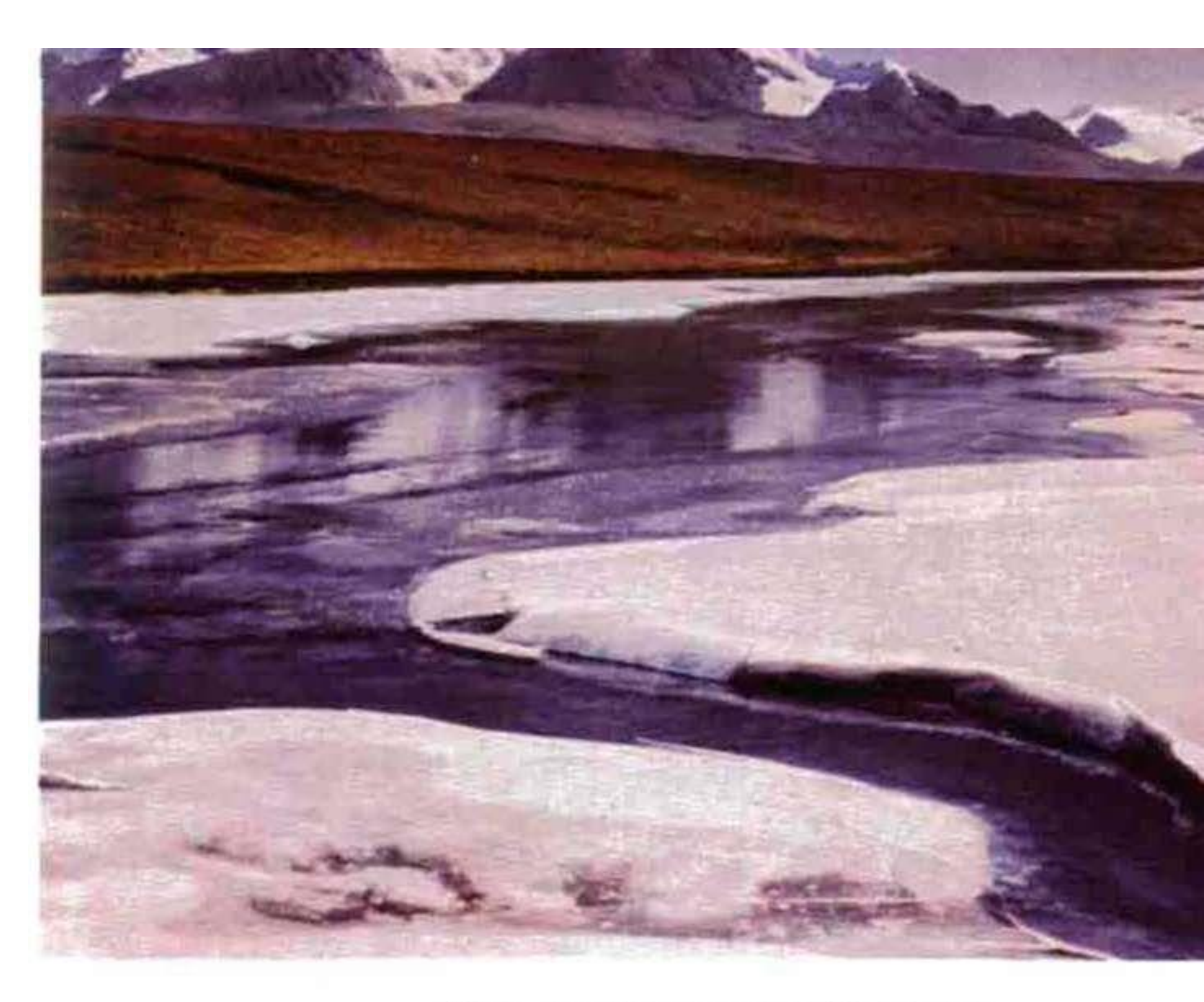
Препарирование животных в степном лагере

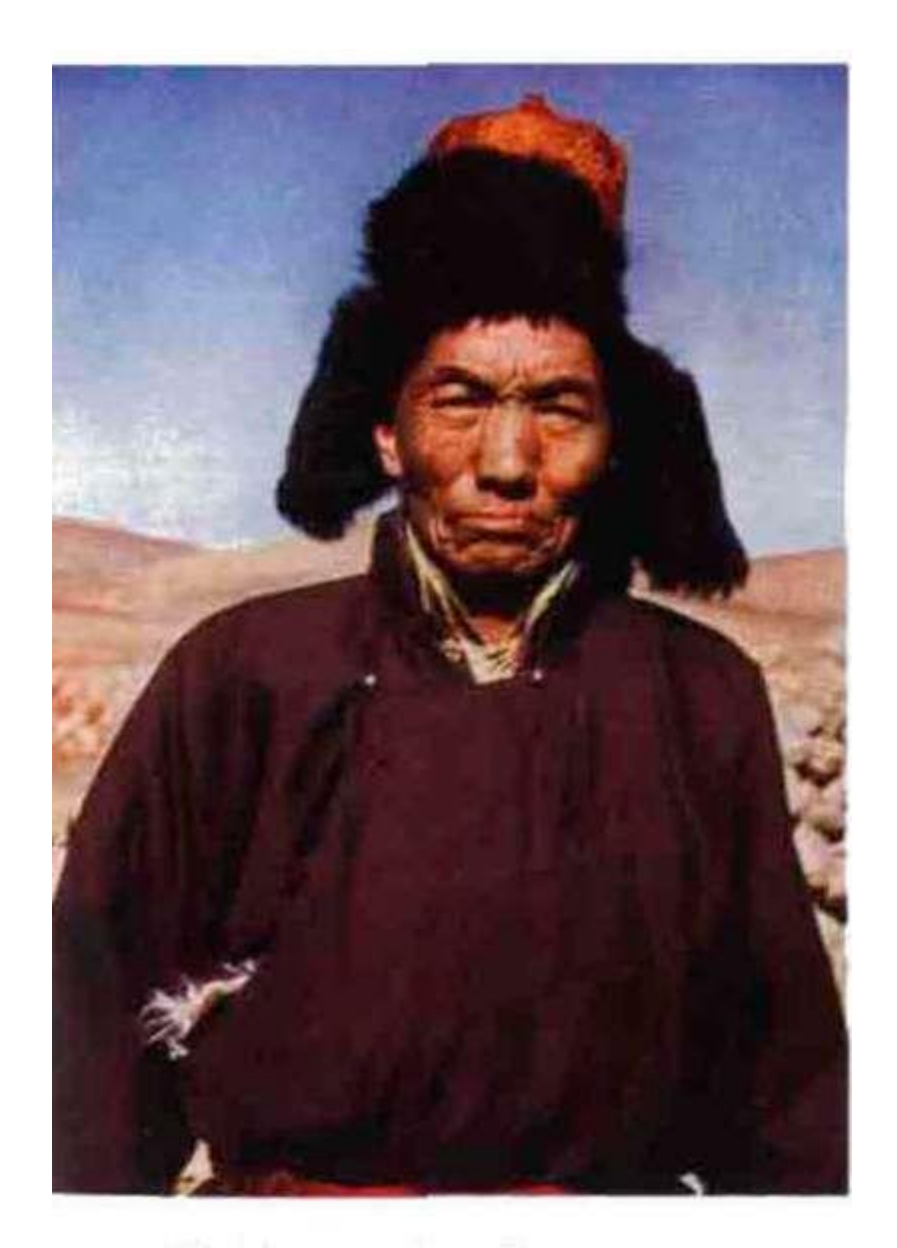
Тибетские высокогорные степи

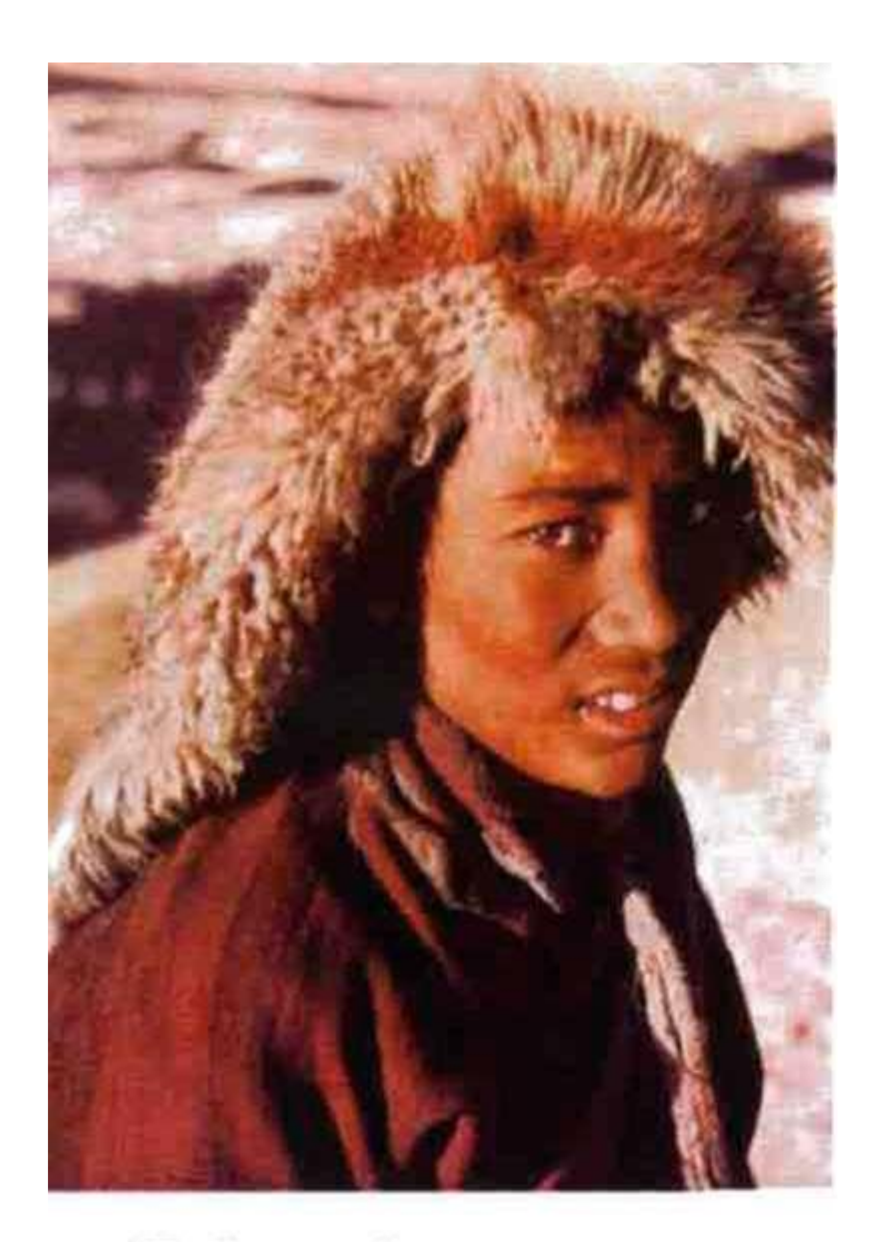
Тибетский населенный пункт, находящийся на высоте 4350 метров

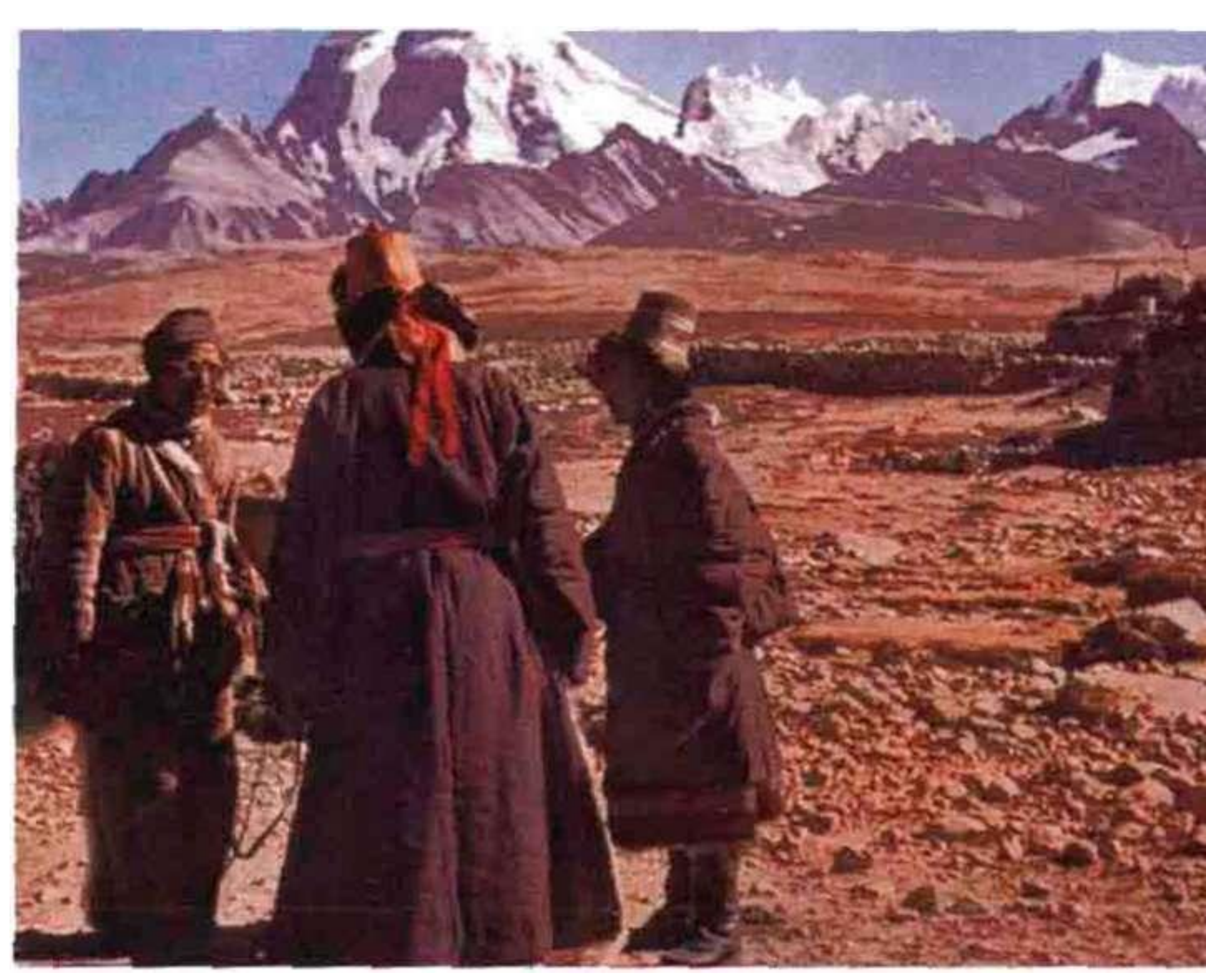
Вид на Бутанские Гималаи

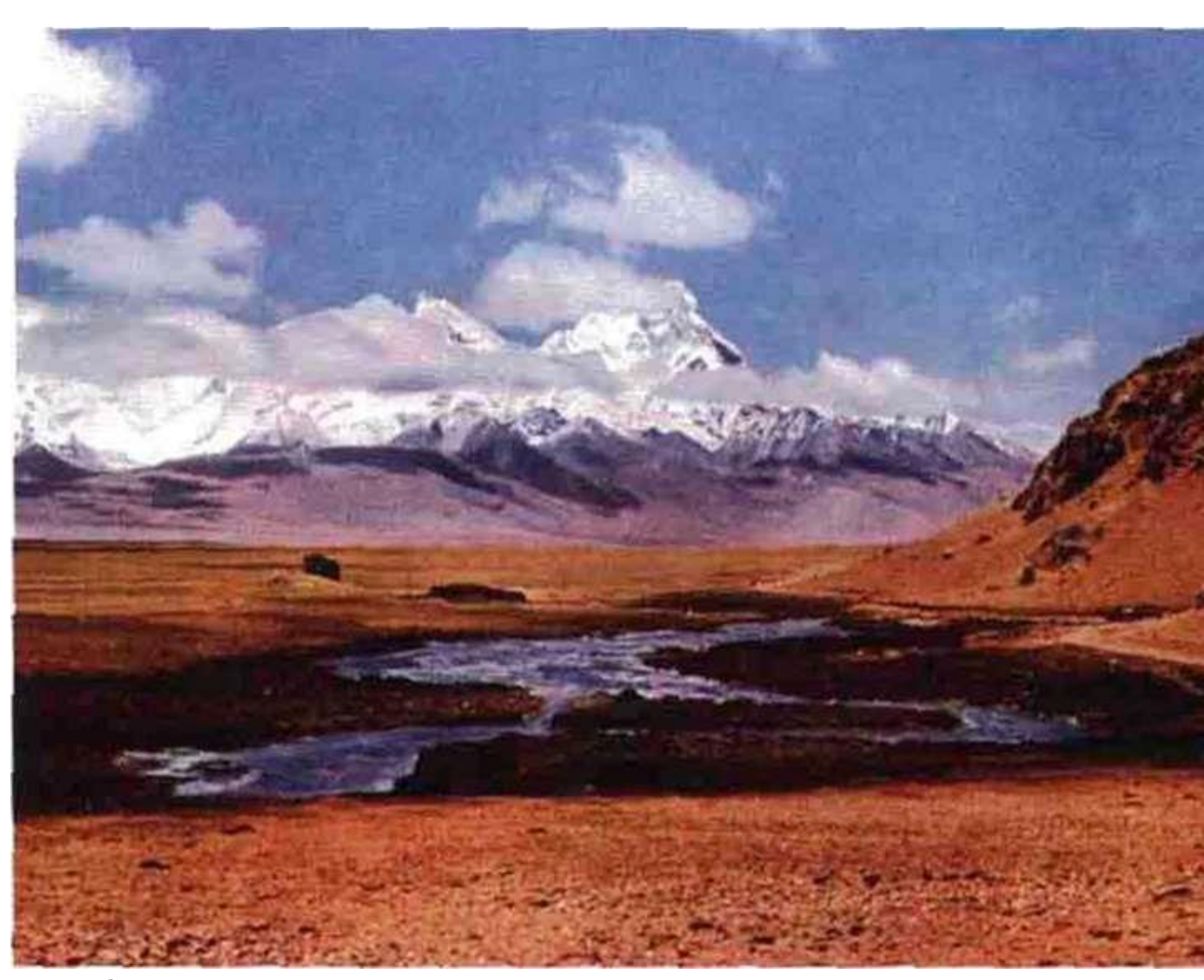
Тибетский губернатор

Тибетский караванщик
в лисьей шапке

Прием тибетской делегации

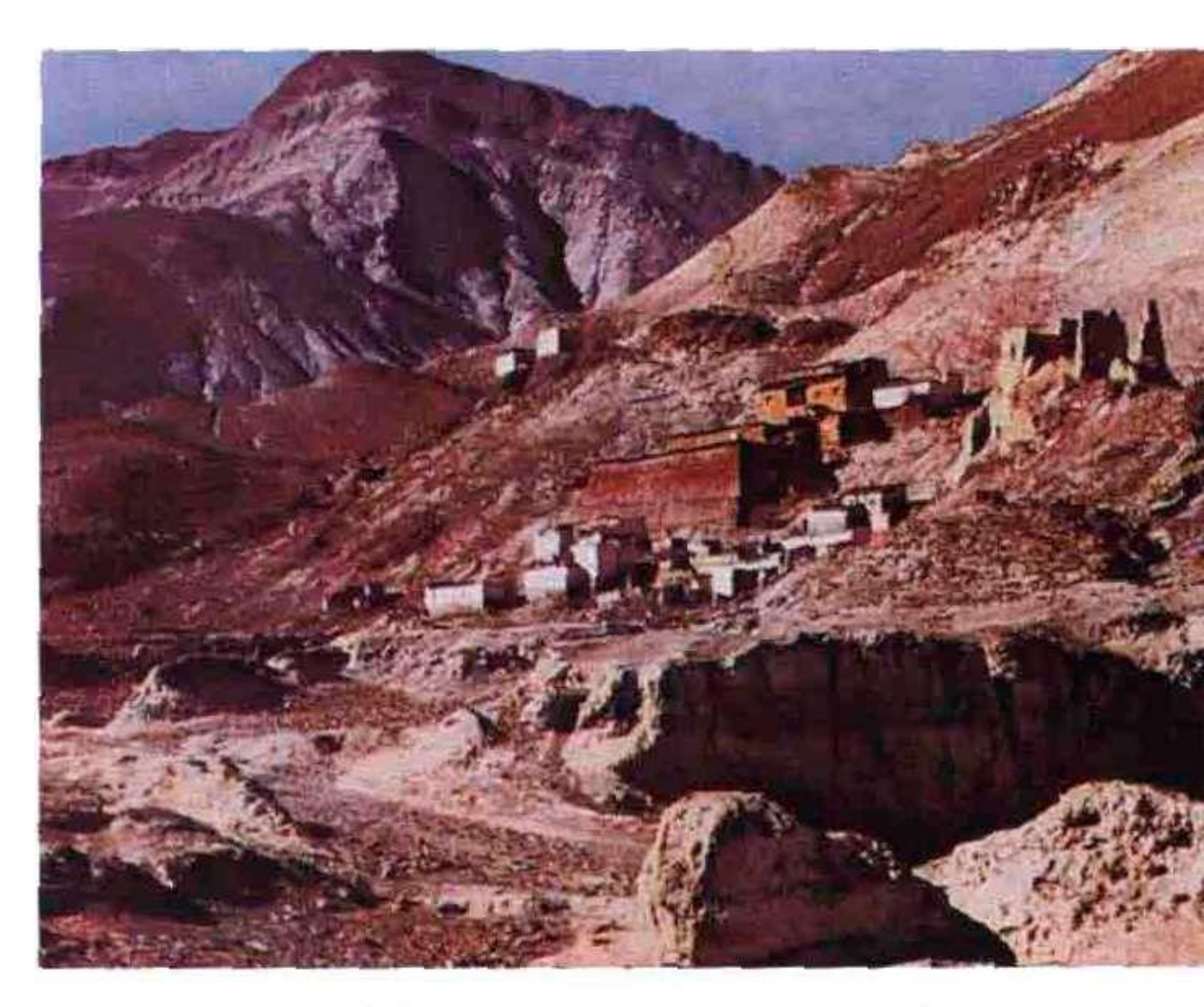
Тибетские высокогорные степи

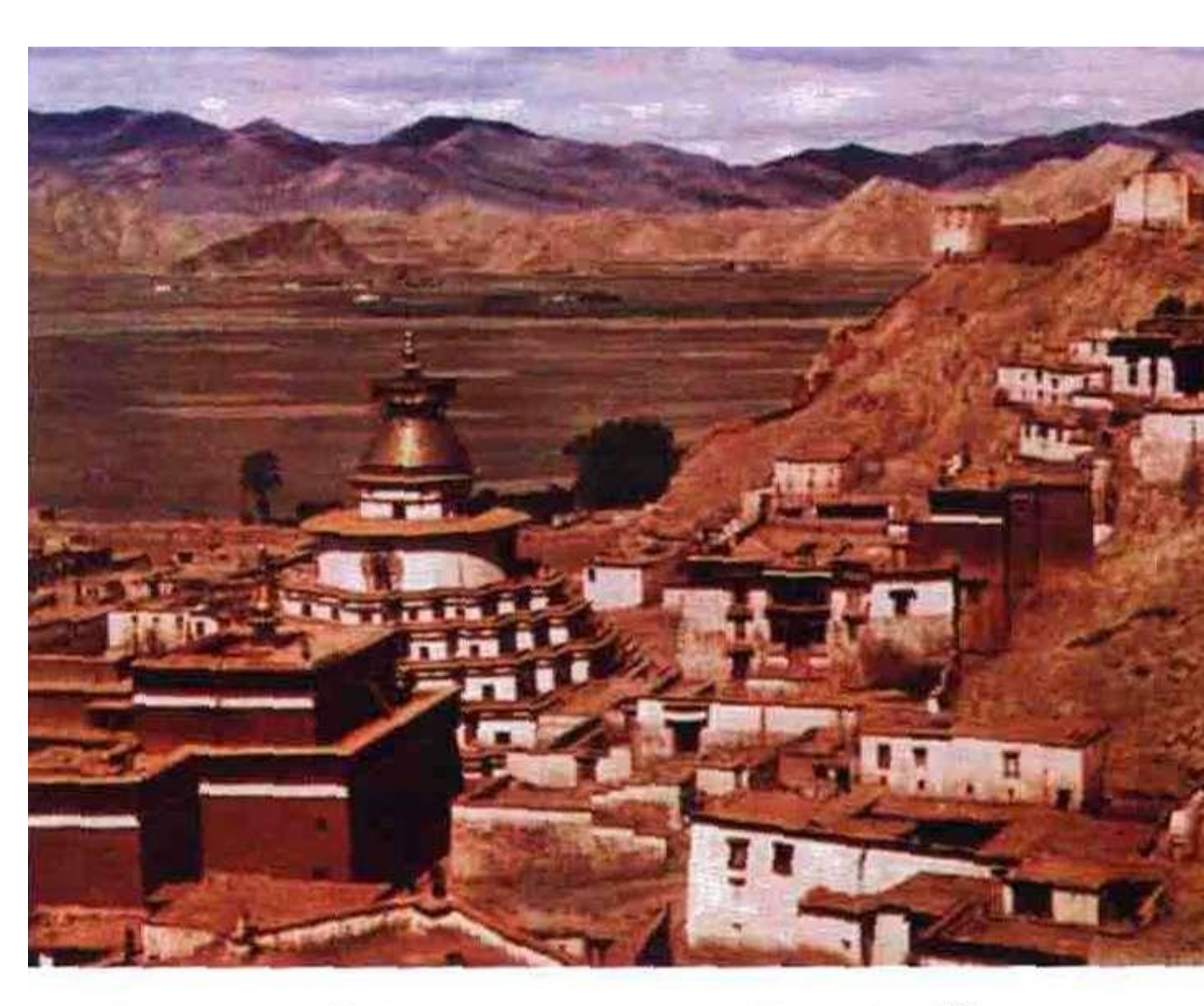
Огромное изваяние каменного Будды близ прохода в Красное ущелье

Зона земледелия близ Гьянис

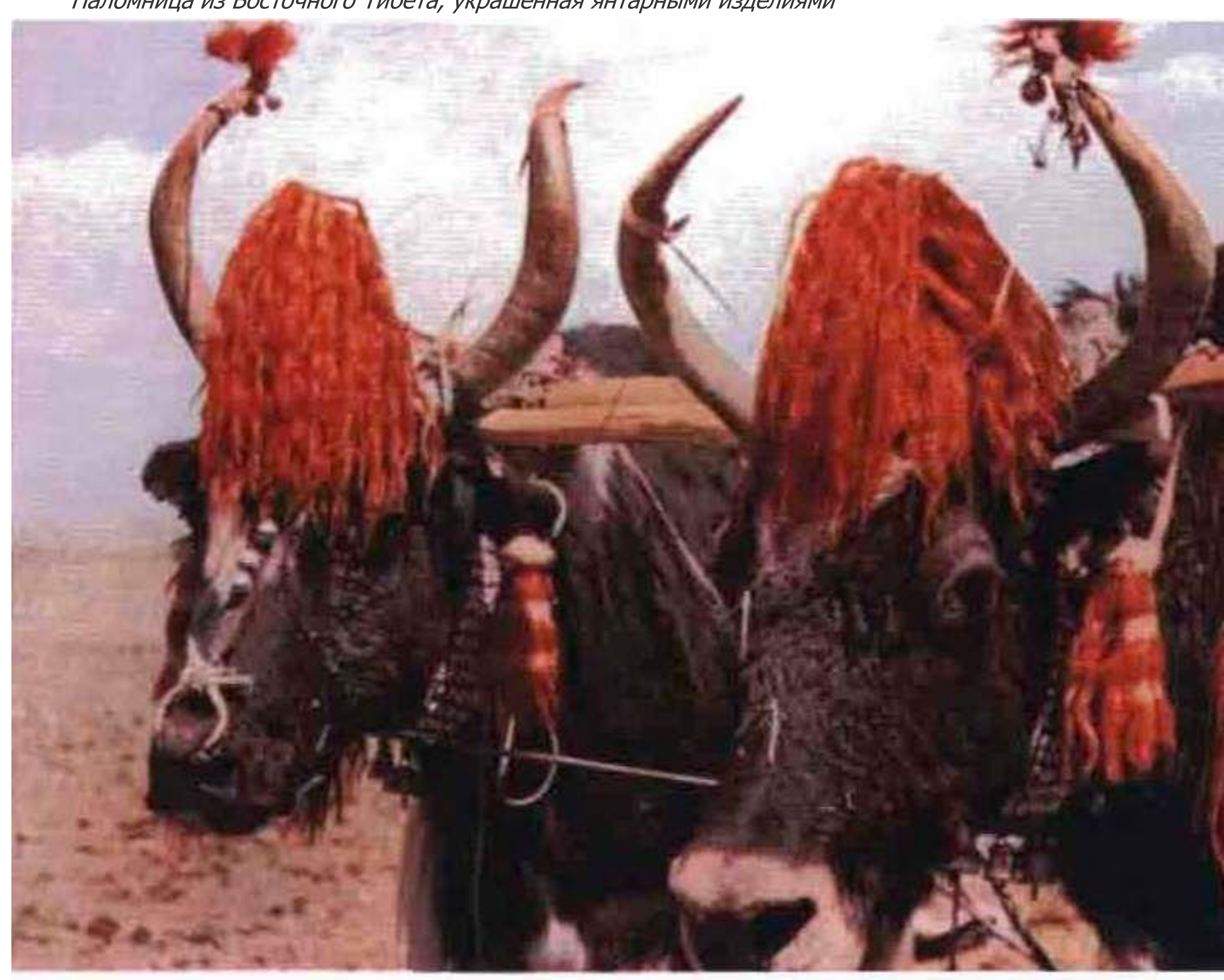
Монастырь в окрестностях Гьянце

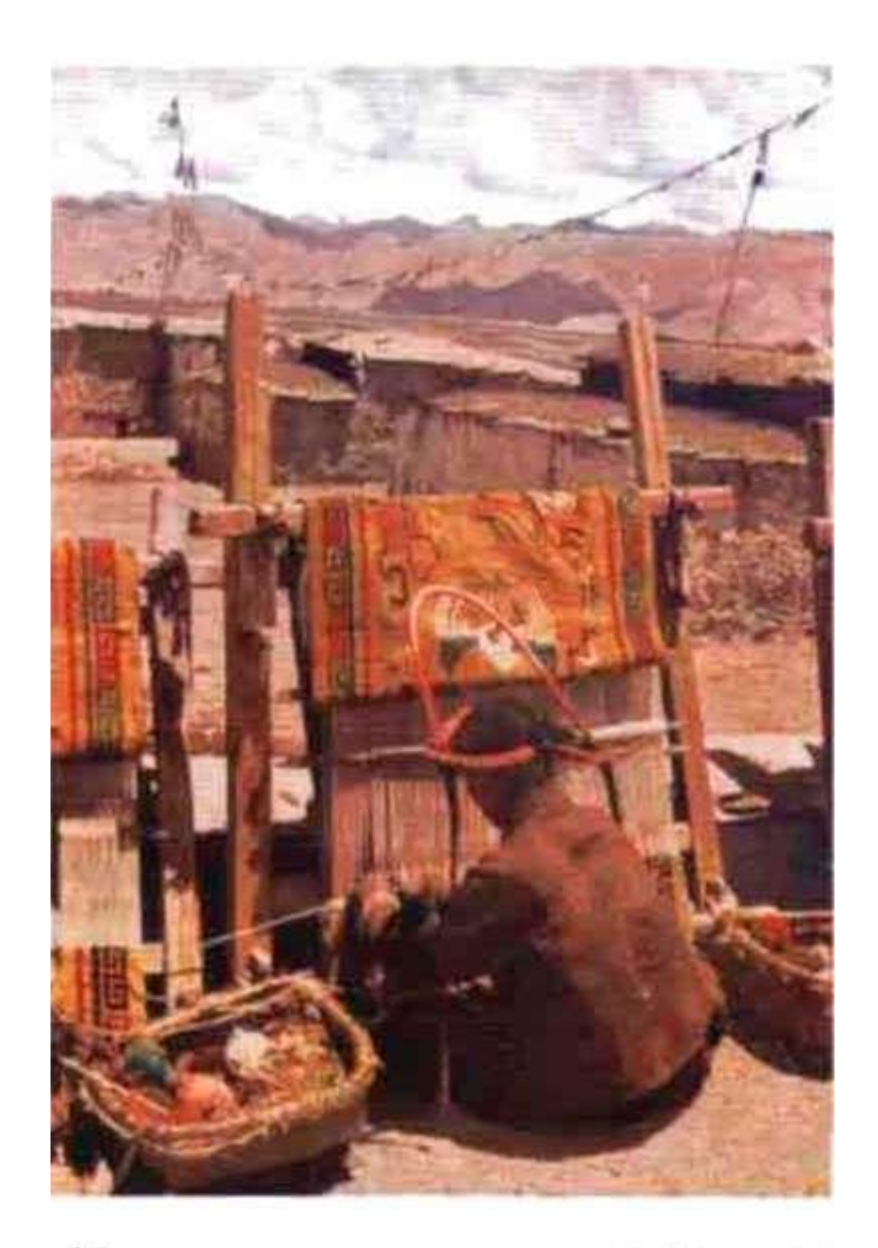
Вид на монастыри и чортены Гьянце

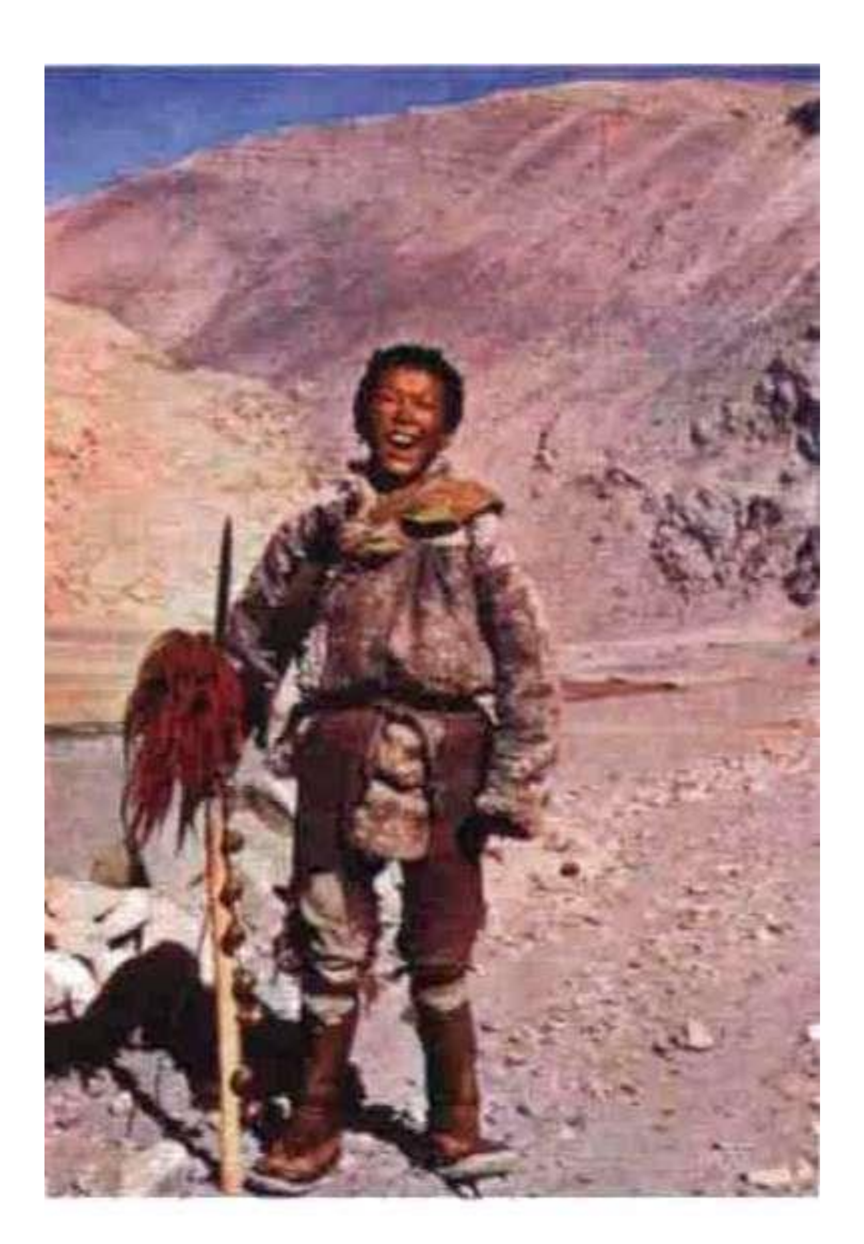
Паломница из Восточного Тибета, украшенная янтарными изделиями

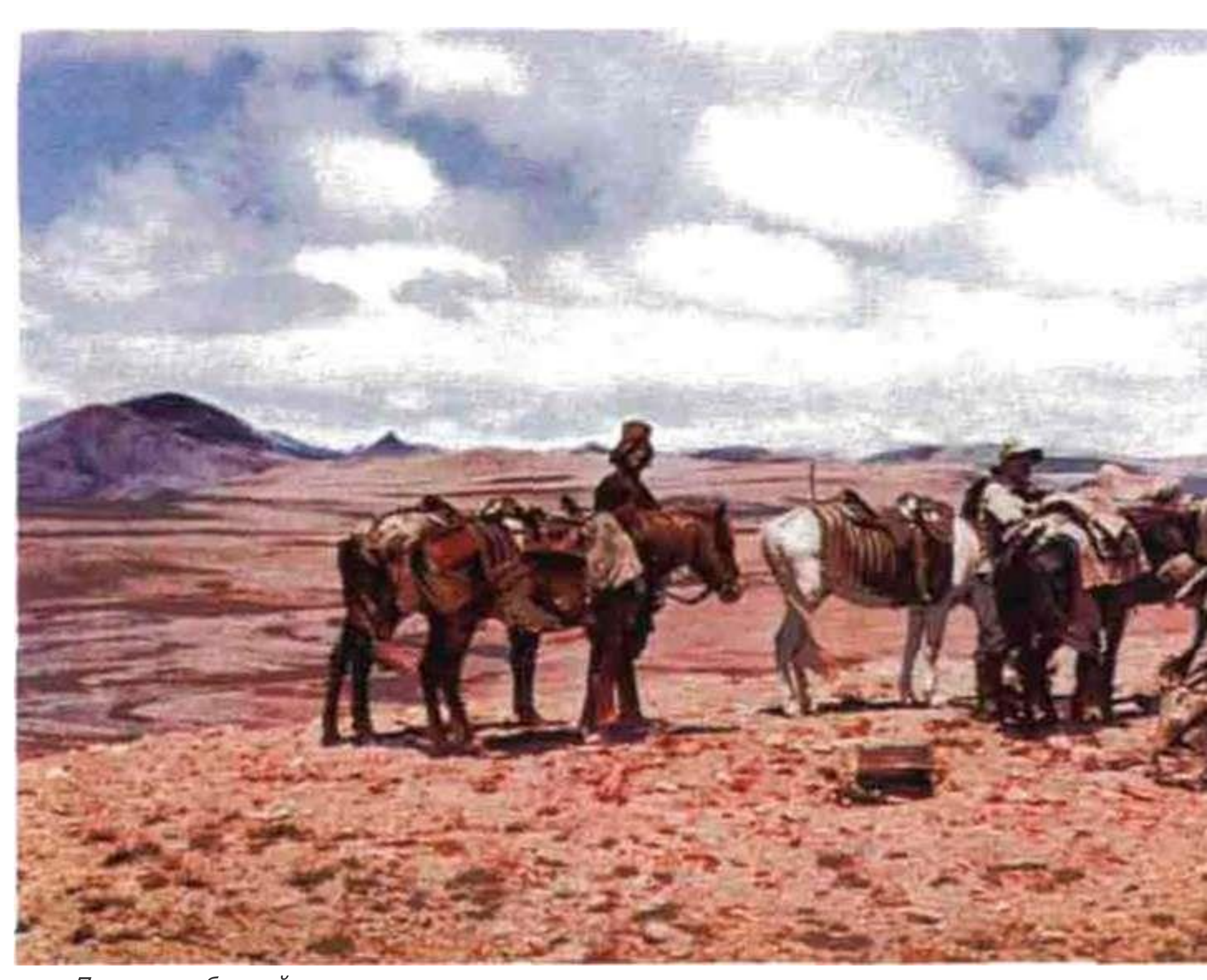
Яки, украшенные специальными амулетами

Изготовление ковров в Гьянце

Тибетский почтальон

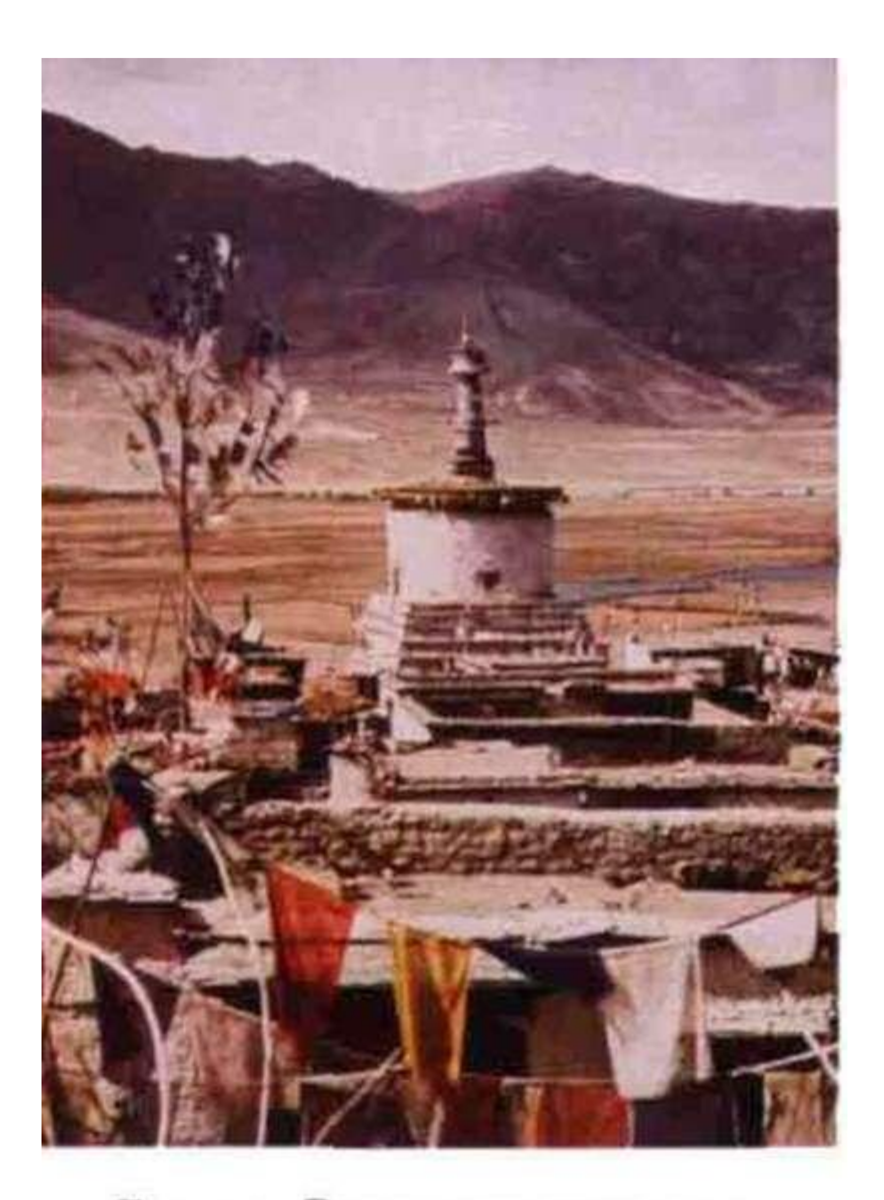
Привал в тибетской степи

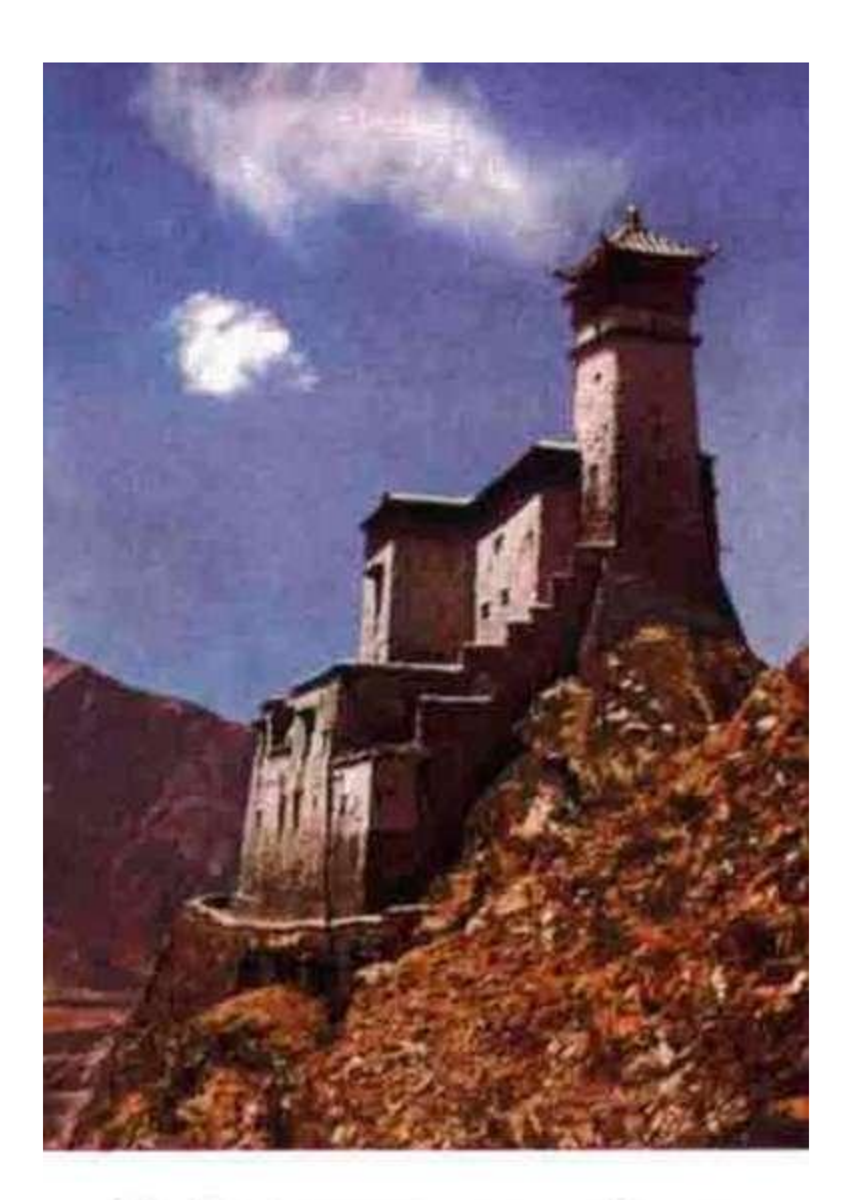
Вид на долину Брахмапутры

Ритуальные постройки Цетанга

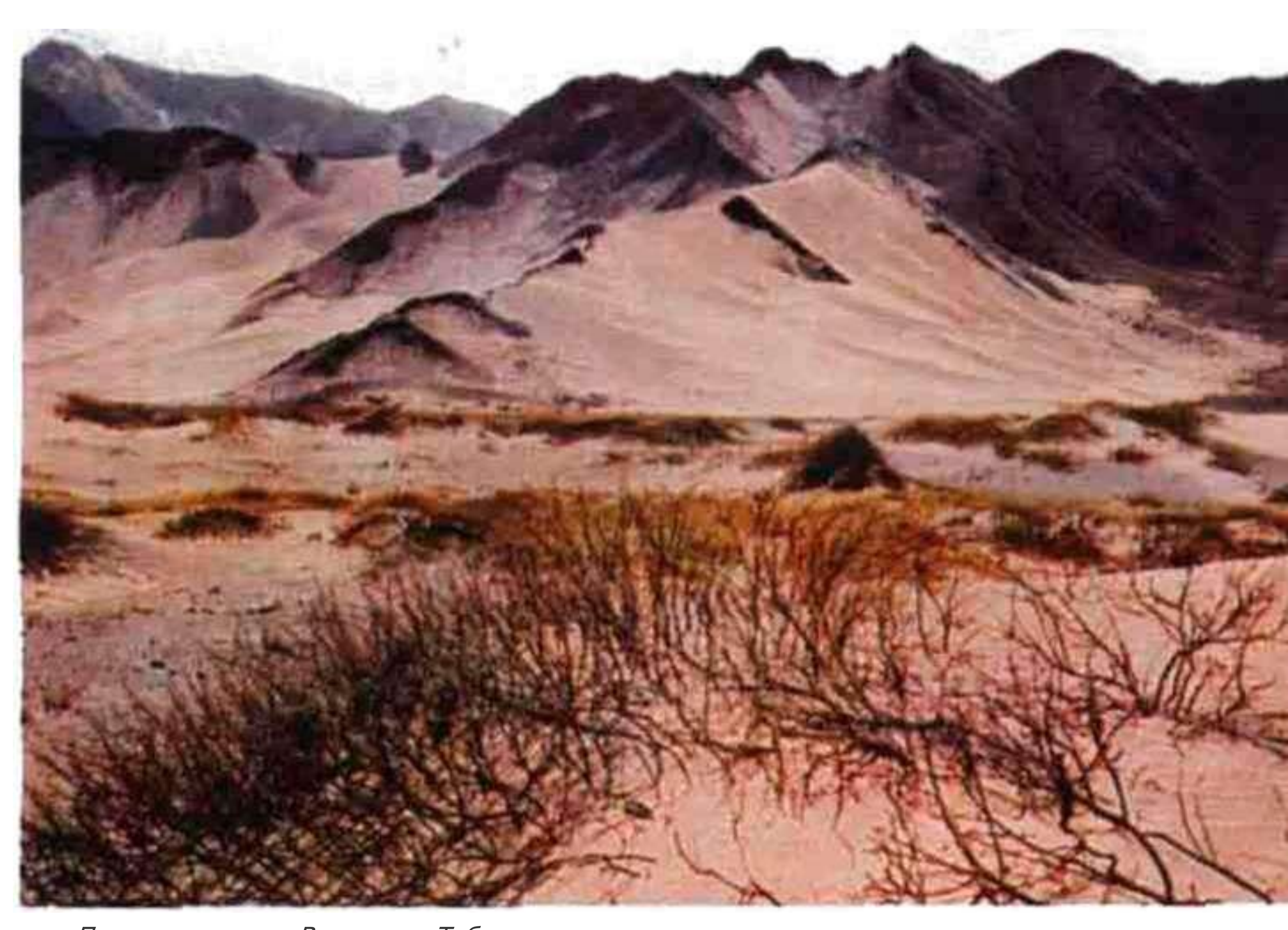
Вид на Брахмапутру через
постройки Цетанга

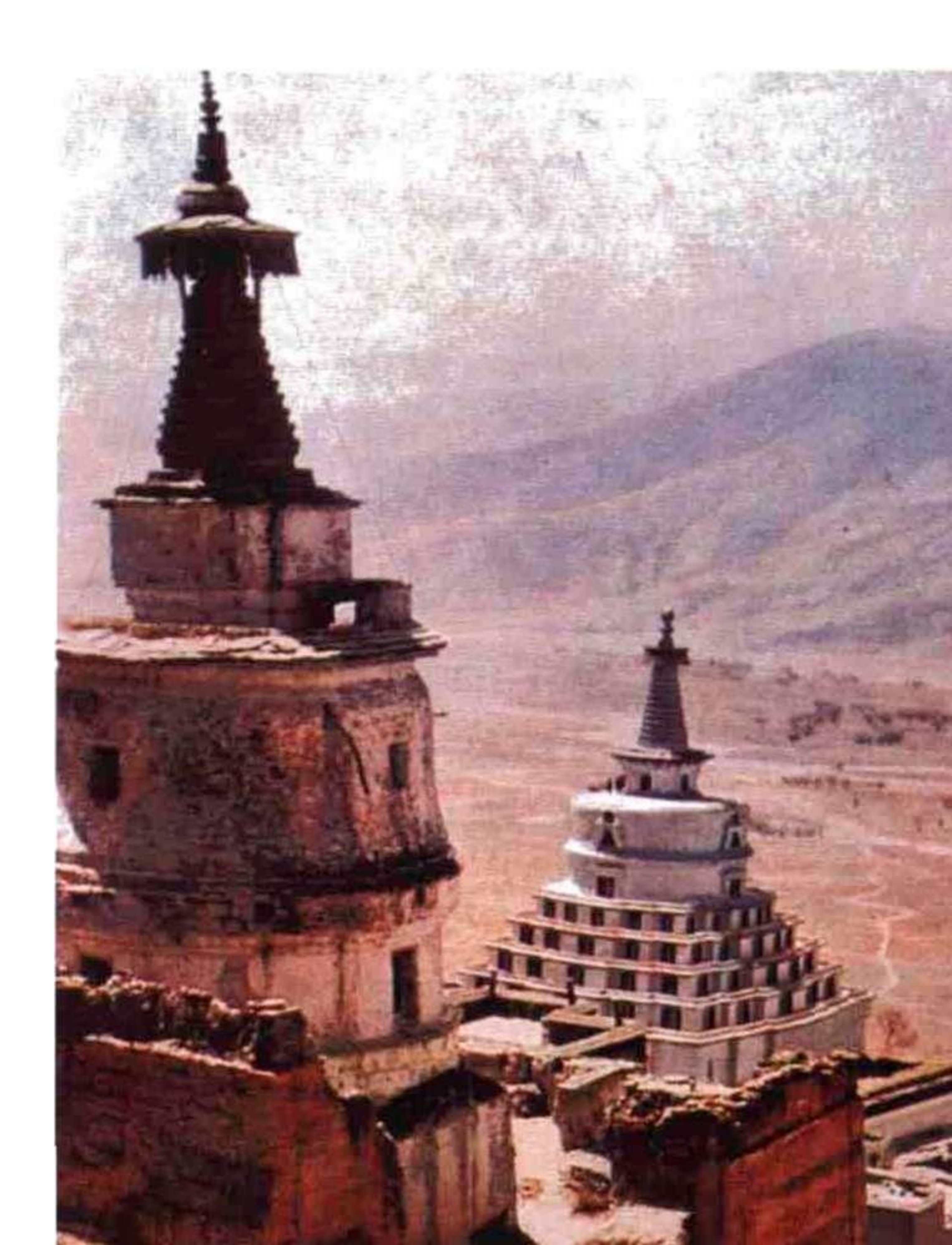
Омбу-лхакан, старейшее здание Тибета

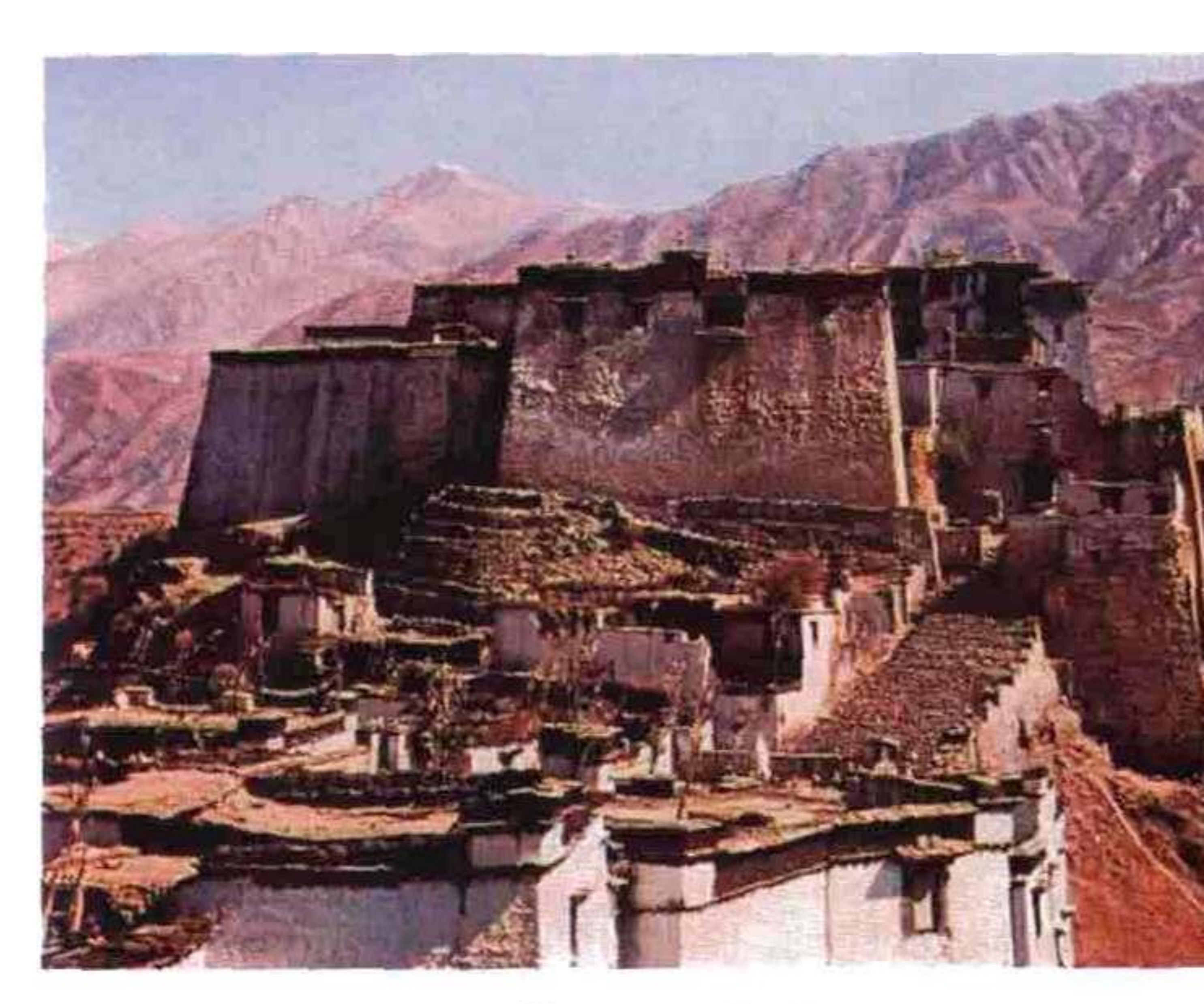

Руины сторожевых башен в Ярлунг-Подранге

Песчаные пустыни Восточного Тибета

Крепость Римпунг

Замок Потала

Высокопоставленный тибетский сановник

Воодушевленный появлением знаменитого путешественника в Мюнхене, Шефер хотел, чтобы Хедин стал чем-то вроде его «учителя». Уже в ноябре 1940 года Шефер направил письмо в Стокгольм с просьбой, чтобы Хедин подтвердил «его ученичество». Это позволяло молодому немцу стать неким «наследником» скандинавского исследователя в деле изучения Центральной Азии. Эти отношения не были простой формальностью, Шефер хотел, чтобы Хедин был его научным руководителем во время получения докторантуры в Мюнхенском университете. То есть положение Шефера и в университете, и в самом «Наследии предков» во многом зависело от его дальнейшей академической карьеры. Только следуя подобным путем, он мог достигнуть полной независимости от Вальтера Вюста, который постепенно превращался в соперника и конкурента.

Но все же визит Хедина в Мюнхен, его встречи с Гиммлером и Шефером, а также письма Шефера не были единственными случаями, представившимися для того, чтобы установить плодотворные контакты между немецким и шведским исследователями. Уровень частных отношений между Хедином и Шефером должен был перерасти в повсеместное сотрудничество между немецкой и шведской наукой. При этом оно не должно было ограничиваться только изучением Азии. По инициативе Гиммлера со стороны «Аненербе» через Хедина было предложено организовать обмен научными кадрами двух стран., В первую очередь Германию интересовали молодые специалисты. Это могло помочь прорыву международной блокады, в которой после начала Второй мировой войны оказалась Германия. Начать это надо было с установления более тесных политических связей с богатой ресурсами и природными ископаемыми Швецией.

Чтобы начать подобное сотрудничество, весной 1942 года Шефер выехал в Стокгольм к С вену Хедину. Визит был подготовлен при непосредственной Поддержке Генриха Гиммлера, который лично связался с министром иностранных дел Риббентропом. Оба исследователя Азии сделали несколько совместных докладов. Один был прочитан в немецком посольстве, другой — перед шведскими студентами. Кроме этого 11–18 апреля 1942 года между Шефером и Хедином состоялось несколько закрытых встреч. О содержании и предмете их бесед почти ничего не известно. Но посещение офицером СС шведского подданного в условиях, когда в мире третий год шла война, стало для местного дипломатического корпуса исключительным событием. Из германского посольства в Стокгольме в Берлин тут же полетели депеши, в которых сообщалось о местах Пребывания, контактах и приблизительном содержании бесед, которые имел Шефер. «Руководитель отдела Центральной Азии и экспедиций «Наследия предков» д-р Эрнст Шефер пребывал в Швеции с 11 по 18 апреля 1942 года. За это время он поддерживал постоянные контакты в Стокгольме, Упсале и Лунде с д-ром Свеном Хедином и другими исследователями Азии. В качестве официальной цели своего визита д-р Шефер обозначил желание поделиться выводами со шведскими исследователями относительно научных немецких изысканий, а также установить более тесные контакты в научном мире. Д-р Шефер полностью справился с этой задачей. По большей части исследователи встретили его благосклонно. В ходе бесед была достигнута договоренность о продолжении сотрудничества в деле изучения Азии».

В своей книге «В Берлин без задания» Свен Хедин ни словом не обмолвился о визите Шефера в Швецию. Но сам же Шефер, напротив, весьма охотно сообщил об этом во время допросов американцам. В организации визита в Скандинавию Шеферу помогала давнишняя приятельница Свена Хедина княгиня Фуггер фон Велленберг. Именно она должна была убедить Гиммлера дать повторное разрешение на выезд. Можно предположить, что на этот раз Шефер хотел обсудить вопросы непосредственных академических обменов между двумя странами. А также познакомить Хедина с планом создания института, который должен был носить его имя. На тот момент было уже ясно, что институт возникнет на базе отдела Центральной Азии и экспедиции «Аненэрбе».

Насколько важным этот визит был для Шефера, его сотрудников, да и всего «Аненэрбе» в целом, можно увидеть из писем, которые Бруно Бегер посылал Эдмунду Геeру, техническому руководителю тибетской экспедиции 1938–1939 годов. Их них следовало, что Бруно Бегер и другие сотрудники отдела Центральной Азии «Наследия предков» с нетерпением и некой нервозностью ожидали возвращения Эрнста Шефера из Швеции. Личная встреча со Свеном Хедином была очень важна для их дальнейшей работы. 13 апреля 1942 года, то есть два дня спустя после того, как Шефер прибьш в Швецию, Берег писал Геeру о подготовке к новой экспедиции, которая должна была направиться на Кавказ («Зондеркоманда К».) «Часть проекта, посвященная антропологии, уже почти полностью сформулирована. Было бы чудесно, если бы этот проект вскорости осуществился. Я с нетерпением жду итога переговоров Шефера в Швеции. Его поездка имеет огромное значение». В следующем письме Геeру, которое датировано 20 апреля 1942 года, Бегер сообщает: «Мы в напряжении ожидаем возвращения Шефера из Швеции. Краузе звонит мне по телефону каждый день и справляется, не слышал ли я что-нибудь о его возвращении».

Некоторое удивление вызывает тот факт, что Шефер направился к Хедину в Швецию именно в тот момент, когда полным ходом по поручению Гиммлера шла подготовка к кавказской экспедиции. «Зондеркоманда К» должна была как можно быстрее отправиться в горы, а ее руководитель уехал в Скандинавию! В данных условиях присутствие Шефера как начальника отдела «Аненэрбе» было обязательным. Но даже после своего возвращения Шефер не сразу приступил к этой деятельности.

Сначала он встретился с Гиммлером, а затем посетил имперскую канцелярию.

Визит в Стокгольм был одним из немногих зарубежных вояжей Шефера» которые он совершал в 1942 году. Было очевидно, что он планировал использовать контакты со скандинавами для собственных целей. Но в данном случае на себя обращает внимание то обстоятельство, что два дня спустя после возвращения из Стокгольма Шефер сначала встречался с Гиммлером, а затем с Гитлером. Судя по всему, информация, которую доставил Шефер, была настолько важна и интересна, что ее было решено изложить фюреру, что называется, из первых уст.

Многое указывает на то, что, как ни странно это прозвучит, Свен Хедин не хотел устанавливать непосредственные связи с немецкими учеными. Так, после войны Шефер свидетельствовал, что во время его беседы в Хедином в Стокгольме швед был весьма скептически настроен в отношении Гиммлера и Гитлера. «Я советовался со Свеном Хедином. Это происходило уже после оккупации Норвегии и после того, как на территории этой страны стали возникать концентрационные лагеря. Хедин заявил: «Я любил немецкий народ, но не хочу иметь с ним ничего общего, пока во главе его находится Гитлер. С Гиммлером я и вовсе не хочу иметь никаких дел, так как я в курсе, во что он превратил Норвегию»».

Следовательно, шведский исследователь к 1942 году имел определенные сомнения относительно необходимости дальнейшего развития сотрудничества с эсэсовскими учеными. Но при этом он не прекращал поддерживать связи с высокопоставленными национал-социалистами. Ситуация в высшей мере странная. Возможно, он решил сдерживать свои реакции, так как Шефер представил ему план создания в Мюнхене «Института исследования Центральной Азии имени Свена Хедина». Скорее всего, для гордого и честолюбивого шведа это было огромным успехом. Но Хедин должен был понимать, что идет по «тонкому льду» и в любой момент может провалиться. Его послевоенные записи, предназначенные в первую очередь для отмывания своей фигуры, сообщают о второй встрече с Гиммлером, которая состоялась, по его высказыванию, 2 июня 1940 годав Берлине. Исходным пунктом этой длинной беседы вновь стала идея поддержки молодого ученого Шефера. Во время этой беседы Свен Хедин попытался заступиться за арестованного гестапо эрцгерцога Карла Альбрехта фон Габсбурга. Но в итоге беседа вновь перешла к азиатским делам и лично к Шеферу. Хотя бы одно это обстоятельство наглядно показывает, насколько много значил это

исследователь и для Гиммлера, и для Хедина. В своих записках Хедин воспроизвел слова Гиммлера: «Мы должны договориться о том, что Вы сообщите Шеферу неприятную новость — в течение двух последующих лет он в своих разработках должен опираться на материал, который у него уже имеется в распоряжении. Лишь затем мы можем подумать о дальнейших планах». В свете посещения Хедином в 1940 году отдела Центральной Азии «Аненербе», во время которого он обещал поддержку проектам Шефера, подобное предложение со стороны Гиммлера могло означать только одно — попытку заинтересовать Хедина в долгосрочном сотрудничестве с «Наследием предков».

Но почему Хедин умолчал в своей книге о многих подробностях своего общения с Шефером? Шведскому путешественнику нельзя отказать в мужестве, когда после 1945 года он опубликовал свои записи, в которых он откровенно рассказал о своих контактах с политиками Третьего рейха. Это не был только Гиммлер и офицеры СС. В числе знакомых Хедина значился, например, Геринг. Но Шеферу в данной книге уделяется особое внимание. Понятно, что сам факт появления данной книги был вызван общественным мнением, которое давило на Хедина. Но в данной ситуации непонятно, зачем так детально реконструировать встречи с человеком, который отнюдь не являлся ведущим политиком Третьего рейха. Слишком частое появление на страницах воспоминаний фигуры Шефера вызывает ощущение некой диспропорции.

Если Хедин после войны вел речь о том, чтобы оправдать свои отношения с СС, то это обстоятельство могло говорить в пользу Шефера, так как швед говорил только о сотрудничестве с научными подразделениями охранных отрядов НСДАП. По этой причине нет ничего удивительного, что, кроме Вюста (если не считать Шефера), Хедин вообще не упомянул никого из высокопоставленных сотрудников «Наследия предков». К тому же он мог это сделать, чтобы хоть как-то объяснить, почему его именем был назван немецкий институт, тесно связанный с деятельностью «Аненербе». При этом он во многом выгораживал Вюста и Шефера. Сам Хедин якобы не сразу согласился на присвоение его имени мюнхенскому исследовательскому учреждению. Он утверждал, что ему пришлось справиться с отвращением, чтобы пойти на этот шаг. К этому его вынудили просьбы Шефера и Вюста, которые утверждали, что в случае отказа у них могут возникнуть очень серьезные проблемы, так как был бы нарушен приказ, отданный лично рейхсфюрером СС и имперским министром пропаганды Йозефом Геббельсом. «Мне ничего не оставалось, как выразить благодарность за оказанную честь и ожидать, когда произойдет учреждение и открытие данного института. Это должно было стать торжеством, на котором мое присутствие было обязательным. Это произошло в январе 1943 года».

Есть несколько пунктов, благодаря которым можно установить, что Хедин лукавил в своих мемуарах. На самом деле он думал и даже предполагал более тесное сотрудничество с СС вообще и с Шефером в частности. Личные беседы между Гиммлером и Хедином, визит Шефера в Стокгольм, награждение шведа почетной медалью Баварской Академии наук, учреждение исследовательского института, названного его именем, — все эти события, происходившие в разгар Второй мировой войны, были признаком того, что обе стороны пытались извлечь максимальные выгоды из этого двухстороннего сотрудничества. К тому же развитие отношений между Шефером и Хедином могло способствовать сотрудничеству Швеции и Третьего рейха. Кстати, остается непонятным, о чем таком интересном мог докладывать Гитлеру Эрнст Шефер? Не о планах ли, которые были много важнее организации кавказской экспедиции? Даже если это было именно так, то после войны об этом предпочли умолчать и Шефер, и Свен Хедин. В любом случае, во время войны внешняя изоляция стран «оси», организованная странами антигитлеровской коалиции, могла быть прорвана даже незначительными действиями вроде налаживания научных связей между двумя странами. К тому же подобные контакты выгодно использовались СС, по меньшей мере, имя Свена Хедина было неплохой рекламой для Гиммлера и Шефера.

После того как Свен Хедин согласился, что его именем будет назван мюнхенский институт, то Эрнст Шефер и Бруно Бегер стали искать с ним контактов уже как с ученым. Бруно Бегер как перспективный эсэсовский антрополог хотел содействовать прежде всего реализации собственных проектов. В письме к шведскому исследователю он просил по возможности дать изучить собранные им во время многочисленных зарубежных поездок антропологические материалы — Шефера в первую очередь интересовали кости и черепа. Хедин дал неутешительный ответ — все собранные им антропологические образцы находились на тот момент в США. Он мог бы попытаться связаться с тамошними коллегами, но вступление Америки в войну оборвало и без того не самые прочные связи.

Несмотря на то что сотрудничество между Шефером и Хедином шло по частным вопросам, оно играло едва ли не решающую роль в налаживании шведско-германских научных связей. В перспективе планировалось, что академические контакты должны были способствовать сближению двух стран, а началом всему было бы положено совместным изучением Азии. Нельзя не заметить, что связи со Швецией шли на пользу СС. Благодаря деятельности Шефера поднимался престиж охранных отрядов НСДАП, которые стали восприниматься в определенных кругах не только как карательная и боевая, но и как научная организация.

Со временем Эрнсту Шеферу удалось сделать карьеру в «Наследии предков». К 1942–1943 годам он был не просто начальником одного из отделов «Аненэрбе», а фактически руководителем всех естественно-научных проектов, реализуемых в рамках данного эсэсовского общества. При этом его личные и научные интересы совпадали с устремлениями руководства СС. В годы войны Гиммлер все чаще и чаще стал проявлять недоверие к гуманитарным наукам в их традиционном понимании. Этим недовольством умело воспользовался Эрнст Шефер, который превратил своей отдел Центральной Азии и экспедиций в еще один центр власти (наряду с кураторством Вальтера Вюста и организационным управлением Вольфрама Зиверса).

Уже в своем отчете о шведской командировке в апреле 1942 года Шефер предложил Вольфраму Зиверсу более активно устанавливать связи со Швецией. После консультации с Гиммлером он предложил, чтобы «Наследие предков» пригласило в Зальцбург шведских ученых. Во время этой встречи Шефер должен был рассказать гостям об отличительных чертах национал-социалистической трактовки науки и сути научных исследований, осуществляемых в рамках СС. Но Хедин, ссылаясь на преклонный возраст, отказался выступить в качестве организатора данного мероприятия со шведской стороны. В итоге Шефер лишился возможности вербовать новых молодых сотрудников для естественно-научного сектора «Аненэрбе». Сложно установить, произошла ли эта встреча. Несмотря на заверения Шефера о сугубо научном характере данного мероприятия, большинство молодых шведских специалистов оказались безучастными и невосприимчивыми к эсэсовской агитации. Сохранилась только речь Шефера, которую он планировал зачитать на открытии данной встречи. В ней он говорил о больших возможностях «экспедиционной науки» — именно так Шефер обозначал комплекс научных дисциплин, связанных с его отделом, а затем и с институтом. Для потенциальных слушателей, которыми, по его замыслу, в большинстве должны были быть иностранцы, он формулировал принципы осуществления «тотального исследования». Но если повнимательнее вчитаться в сохранившийся текст, то видно, что Шефер выполнял исключительно пропагандистскую задачу, пытаясь обратить молодых иностранцев в «национал-социалистическую веру». Это делалось не только посредством призывов, но и жесткой критики противников национал-социалистической науки. В частности, он кидал упреки зарубежным государствам, которые «по идеологическим причинам лишили Германию возможности расширять свои научно-исследовательские проекты». Вместе с тем он обрушивался и на современный ему тип экспериментального исследователя, который, про его мнению, «чах в лабораториях, сторонясь полевых

изысканий». Кроме этого Шефер должен был объяснить зарубежным гостям, почему элитарное мировоззрение СС и научная деятельность не только не исключали, но дополняли друг друга. «Оба эти проявления присущи первопроходцам, пионерам. Оба эти проявления используют для отбора физические, умственные, духовные и психологические ценности, которые дарованы нам германским наследием. Истинный первопроходец должен быть столь же мудрым как исследователь и эсэсовец. То, что связывает нашу работу с СС и лично рейхефюрером СС, который сам является великим ученым, надеюсь, вы поймете из следующих тезисов…. На тело нашей земли надеваются одежды флоры, фауны и мира человека. Изучение последнего являетсянашей важнейшей задачей как исследователей. Для этого привлекаются антропология, которая рассматривает человека как наивысшее проявление животного мира, этнография, этнология, история, языкознание, религиоведение. Но при этом биологическая и национальная судьба человека, его сознание, психика тесно переплетены с особенностями строения земли. Суть человека во многом зависит от наличия в ареале его проживания горных массивов, долин рек, климата, специфики фауны и флоры». В данном пассаже Шефер формулировал трактовку науки, в которой, с одной стороны, он опирался на опыт собственных экспедиции, а с другой стороны, исходил из необходимости разделения сфер при осуществлении «тотального исследования» одного объекта. Именно этот принцип он хотел заложить в основу будущей национал-социалистической науки. По его мнению, определенная связь между физическим и духовно-моральным миром изученных им туземцев позволяла «навести мосты» между гуманитарными и естественными науками, способствуя складыванию новой науки. В конце текста речи он предлагал вывести науку на принципиально новый уровень: «И еще. Если мы стремимся к синтезу ума и тела, если физическое не может быть отделено от психического, если мы проникнуты верой в науку и точно убеждены в том, что ученый может быть символом своего народа только тогда, когда в нем чувствуется национальная и мужская суть. Только в этих условиях исследователь может стать образцом для подражания молодежи. Путь, на который мы вступили как первопроходцы экспедиционной науки, должен стать нашей целью во имя народа… Беспомощный человек, ум которого зрел в теплицах университетских библиотек, будет беспощадно погублен самой природой». Как видим, в этой речи (скорее всего, так никогда и не произнесенной) Шефер очень близко подошел к идеям фашистского мировоззрения: наука должна окончательно потерять свою самостоятельность, научные задачи должны быть воспитательными; восхваление движения и отбора; насмешки над традиционными научными институтами. Данная речь Шефера была странной мешаниной из расистских постулатов и социал-дарвинизма. Он полагал, что работа ученого должна подчиняться высшей политической (или идеологической) цели, а сами исследователи должны были быть идеалом для подрастающего поколения.

Процитированный выше отрывок позволяет понять, что Шефер очень сильно хотел представить работу своего института как идеального национал-социалистического научно-исследовательского учреждения. Это было не только заигрыванием с режимом. Шефер хотел вырваться из «Наследия предков», в рамках которого ему становилось тесно. На крайний случай Шефер при помощи Бруно Бегера планировал «перепрофилировать» «Наследие предков» и значительно расширить сферу его деятельности. Попытки Шефера установить тесные связи со Свеном Хедином привели ктому, что 16 марта 1943 года он был назначен неофициальным руководителем всех естественно-научных проектов, осуществляемых в рамках «Аненэрбе». Надо сразу же заметить, что таковых с каждым днем становилось все больше и больше. Показательный отъезд Шефера со всеми своими сотрудниками в замок Миттерзилль намекал, что в истории «Наследия предков» начиналась новая эпоха.

Глава 7

«Зондеркоманда К»

Война против Советского Союза, начавшаяся с операции «Барбаросса», с самого начала мыслилась верхушкой рейха как война идеологическая, как «крестовый поход» национал-социализма против большевизма. Первые успехи германской армии, равно как и общая недооценка возможностей советских войск, привели к тому, что в Берлине готовились в ближайшее время праздновать скорую победу. С этой точки зрения нет ничего удивительного, что уже в июле 1941 года в Третьем рейхе началась подготовка к военным действиям против британской Индии. Ожидая быстрого и благоприятного для Германии исхода войны, немецкие части, оказавшиеся на Восточном фронте, должны были продолжить свое наступление. На этот раз удар должен был наноситься через Кавказ по Ирану Некоторое время спустя военные акции должны были начаться в Афганистане. Отброшенные (согласно планам Гитлера) за Урал советские войска не могли серьезно помешать этому продвижению. Гиммлер не был бы Гиммлером, если бы не попытался извлечь из военных успехов вермахта выгоду для себя и доя своих эсэсовских структур. Продвижение немецких войск все дальше и дальше на восток стало поводом для планирования Гиммлером еще одной оригинальной акции. 10 августа 1942 года Гиммлер отдал Приказ о начале подготовки к «тотальному исследованию» Кавказа. Отдел Центральной Азии и экспедиций «Наследия предков» должен был начать готовить «военно-научную экспедицию», которая должна была исследовать все кавказские народы и этносы по образцу тибетской экспедиции 1938–1939 годов. В то время как немецкие части захватили нефтяные месторождения Майкопа, а отдельные соединения вермахта не только взяли Крым, но и активно продвигались в сторону Нижней Волги и Кавказа, руководству «Аненэрбе» казалось, что подобная экспедиция была вполне осуществимой. Более того, в «Наследии предков» не планировали привлекать к организации данной экспедиции никакие другие структуры. В августе 1942 года под руководством Эрнста Шефера. началось снаряжение так называемой «Зондеркоманды К(авказ)». Как и все предыдущие запланированные экспедиции, эта акция должна была быть секретной. Ученые различного уровня и служащие СС с самого начала принимали участие в так называемых «зондер командах» (не путать с карательными отрядами СС — айнзацкомандами, оперативными командами). Большая часть из них создавалась в недрах германского Министерства иностранных дел, но была на практике подчинена соединениям Ваффен-СС. В задачи этих «зондеркоманд» входил вывоз с оккупированных территорий в Германию предметов искусства или фондов научных учреждений (музеев, архивов, университетов).

Для Гиммлера «Зондеркоманда К» имела исключительное научное и идеологическое значение. Он вообще полагал, что вряд ли кто в рейхе мог оценить данный проект по достоинству. Сам собой возникает вопрос: почему специалисты, которые долгое время занимались проблемами Тибета, должны были руководить операцией на Кавказе? По мнению Шефера и Бруно Бегера, Кавказ был своего рода расовым и биологическим мостиком, который был перекинут между Европой и Центральной Азией. Кроме этого, Бруно Бегер за эти годы приобрел репутацию крупнейшего специалиста по расовым вопросам в составе «Наследия предков». Так что Гиммлеру не терпелось применить его знания на практике. Принимая во внимание развитие немецкого наступления на юге России, для СС предоставлялся удобный повод провести «расовое освидетельствование» Кавказского региона. Кроме этого деятельность «Зондеркоманды К» должна была стать своего рода «полевыми испытаниями» «экспедиционной науки», о которой так много говорил в своих выступлениях и докладах Эрнст Шефер. Теперь на практике надо было доказать, что синтез нескольких научных дисциплин давал лучшие результаты, нежели эти дисциплины по отдельности. Единственным новшеством было то обстоятельство, что естествоиспытателям «Аненэрбе» предстояло работать на ограниченной области в боевых условиях. Впрочем, костяк «Зондеркоманды К» уже проходил в свое время военную подготовку в лагерях «Лейбштандарта». В рискованных условиях ученым поначалу надлежало выяснить лишь

«биологические, сельскохозяйственные вопросы, а также проблему культивирования фруктовых деревьев».

Итак, формальным началом подготовки к кавказской экспедиции можно было считать 10 августа 1942 года, когда, собственно, и поступил приказ от Гиммлера. Но надо отметить, что уже весной 1942 года в «Аненэрбе» началось планирование акции именно в данном регионе. Сложно сказать, кто выступил действительным инициатором формирования «Зондеркоманды К». Некоторые факты говорят в пользу того, что эта инициатива исходила от организационного руководителя «Наследия предков» Вольфрама Зиверса.

Как из протокола заседания начальников отделов «Аненэрбе» от марта 1942 года, так и из показаний Шефера в 1947 году следует, что Вольфрам Зиверс, воодушевленный продвижением немецких войск, настаивал на том, чтобы сотрудники отдела Центральной Азии и экспедиций предприняли экспедицию «на востоке».

Нельзя не признать, что среди исследователей «Наследия предков» работа конкретного отдела во многом оценивалась по количеству предпринятых акций и осуществленных проектов. После начала планирования новой тибетской экспедиции в 1940 году и перед началом германской военной агрессии в Европе в 1941 году Бруно Бегер считал необходимым провести серию расовых и антропологических исследований на оккупированных немцами территориях. Он был готов для этого воспользоваться любой удобной возможностью. Только этим намерением можно объяснить появление двух документов, подготовленных именно Бегером. В одном из них эсэсовский антрополог предлагал заняться расовым исследованием норвежского народа. Другой предусматривал возобновление работ по осуществлению тибетской экспедиции, которая должна была стартовать после того, как «была бы одержана победа над Россией и Англией». Поскольку запланированная в самом начале Второй мировой войны тибетская экспедиция откладывалась на неопределенный срок, то молодым ученым из СС срочно требовался хоть какой-то повод, чтобы продолжить свою деятельность. В то время Бруно Бегер, как начальник антропологического сектора в отделе Центральной Азии, прилагал множество усилий, чтобы занять свою нишу в тибетских исследованиях. Он должен был доказать руководству «Наследия предков» свою незаменимость.

Уже в марте 1941 года Бегер составил докладную записку, в которой он выстраивал связь между будущей тибетской экспедицией СС, как образцом национал-социалистического научного предприятия, и конкретными научными планами, которые надлежало осуществить после победы над Англией (военная агрессия против СССР еще не началась). При этом он позволял себе критиковать уже прошедшую тибетскую экспедицию 1938–1939 годов за то, что поставленные перед нею цели не предполагали взаимосвязанной работы отдельных ученых и исследователей. В качестве главной цели предполагаемого путешествия в Тибет Бегер выделял поиски остатков нордической расы в данном регионе. При этом он предполагал, что Тибет был лишь отправной точкой целой серии исследований, которые должны были найти подобные следы во всей Азии. Он намеревался «научно» доказать гипотезу о родственности тибетцев и народов нордической расы. В итоге он предполагал провести антропологические замеры всех азиатских этносов. Бегер хотел установить степень смешения расовых групп в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. Кроме этого он намеревался выяснить, как на данный процесс влияли окружающая среда и условия жизни.

Данная расово-биологическая гипотеза должна была быть доказана посредством повторения путей «нордической миграции». Если между европейскими народами и тибетскими племенами существовало некоторое родство, то маршруты данных миграций должны были пролегать по южным районам России.

По этой причине Бегер полагал, что первая экспедиционная группа (пока еще при советской поддержке) должна была проделать путь по территории Украины, затем пройти по северному берегу Аральского моря, завернуть в Самарканд, затем оказаться в Ташкенте, и лишь затем из Восточного Туркестана направиться в Тибет На обратном пути немецкие

ученые должны были исследовать другие районы, в частности Сибирь. Возвращение экспедиционной группы предполагалось завершить через Ленинград, откуда она направилась бы в Прибалтику, а оттуда в Германию.

В той же самой докладной записке был изложен план и второй экспедиции, которая должна была происходить одновременно с первой. За два-три года она должна была проделать очень длинный путь. Начавшись в Берлине, она должна была проследовать через Альпы, Балканы, затем оказаться в Турции, перейти в Кавказский регион и закончиться в Азербайджане. Обратный путь немецких ученых должен был пролегать через Армению, «понтийский регион», Карпаты, чтобы в итоге закончиться в Судетской области. Методики исследования должны были быть, как принято сейчас говорить, междисциплинарными. Участники обеих экспедиции должны были разбираться в психологии, истории, биологии, расовой гигиене. Для удобства их работы должны были быть изданы специальные методические пособия. Размах запланированных экспедиций впечатлял: кроме обязательных антропологических замеров их участники должны были записывать народные сказки и легенды, проводить археологические раскопки и т. д. Одновременно с этим должны были изучаться условия жизни в каждой конкретной местности. При этом должна была выявляться зависимость традиций и обычаев от климата и географических условий.

Главным итогом экспедиции, как уже говорилось выше, должно было стать подтверждение гипотезы о наличии в Азии нордических расовых компонентов, а также выявление приблизительных путей доисторической миграции «нордических племен». Но собственно у Бегера не было никаких сомнений относительно истинности данной гипотезы, а стало быть, экспедиция должна была лишь собирать материалы, ее подтверждающие. В итоге сама экспедиция и сделанные ею выводы должны были способствовать укреплению наци он ал-социалистического мировоззрения. Все ученые и исследователи должны были подчиняться изначальной политической установке. В этой связи Бегер позволял себе критиковать организацию тибетской экспедиции 1938–1939 годов. «Цели прошлой экспедиции в своей основе не имели ни одного национал-социалистического принципа, а именно, истинного товарищества, обмена мнениями, признания национал-социалистического мировоззрения. Общей целью экспедиции было всего лишь желание стать первыми немцами, посетившими Лхасу Такие цели достойны разве что для туристов, спортсменов и журналистов светской хроники. Если конечной целью было намерение всесторонне исследовать до сих пор не изученную часть Земли, то это очень обыденно и пошло. Но оказалось, что экспедиция СС как раз лучше всех исследовала Тибет и Гималаи. Поэтому отныне возможно лишь углубление уже полученных знаний. Сегодня мы находимся на пороге кардинального переворота как политической системы мира, так и принципов исследования Земли… Эта экспедиция, где каждый ее участник преследовал свои личные научные цели, была слишком индивидуалистической, чтобы быть национал-социалистической». Следовательно, все участники зарубежных экспедиций должны были быть не только достойным представителями Германии, но и следовать четко установленному канону зарубежных поездок, которые могли привлечь к себе общественное внимание. В Бегере говорил не столько ученый, сколько эсэсовец. Поэтому он хотел требовать от каждого ученого и исследователя не только следования научным целям экспедиции, но и должен был обладать обширным запасом знаний, которые бы помогли справиться со всеми непредвиденными проблемами. По мнению Бегера, подбор участников будущих экспедиций должен был осуществляться только после того, как они прошли бы многонедельные курсы в специальном лагере. Речь шла не о военной, а именно об идеологической подготовке. Накануне отъезда экспедиций ее участники, по мнению эсэсовского антрополога, должны были давать что-то вроде клятвы, в которой обязались следовать принципам национал-социализма. Ученые ни на минуту не должны были забывать о том, что являются «представителями немецкого народа и выразителями идей национал-социализма». При этом

Бегер полагал, что каждая экспедиция, которая бы начала действовать в предложенным им масштабах, должна была в своей работе опираться прежде всего на расовые теории, как «самую важную научную дисциплину национал-социалистического мировоззрения». Впрочем, постулат Бегера о превалировании расовых теорий во многом совпадал с мыслью Эрнста Шефера, что национал-социалистическая наука должна была стремиться к соединению академических методов работы и «полевых исследований». Однако появление докладной записки Бегера привело (что было вполне логично) к охлаждению его отношений с Шефером. На совещании начальников отделов «Аненэрбе», к которому, собственно, и была составлена эта докладная записка, Шефер во многом согласился с прозвучавшей критикой. Но при этом сделал свой ход. Желая еще больше дистанцироваться от «Наследия предков», он подчеркнул, что все крупные экспедиции могли проводиться с согласия Генриха Гиммлера, но без согласования с руководством исследовательского общества СС. Бегер возразил, что рейхсфюрер СС мог отдавать приказы по осуществлению крупных проектов только исследовательским структурам, но отнюдь не отдельным исследователям. Заметим, что Шефер и Бегер никогда не обсуждали шансы на успех экспедиционных проектов, подготовленных эсэсовским антропологом. Но уже после года работы в отделе Центральной Азии «Аненэрбе» между двумя исследователями возникла вполне ощущаемая конкуренция. Причем каждый из них пытался доказать уникальность и оригинальность своего проекта. Если бы предложенная Бегером экспедиция, точнее экспедиции, в Азию действительно бы состоялись, то он почти сразу бы занял место «любимчика» Шефера. При этом записка Шефера не была какой-то отвлеченной теоретической наработкой, идеи Бегера вполне могли быть воплощены в жизнь. Но сам Бегер при этом преследовал вполне прозаичную цель—он хотел в 1941 году усилить свои позиции в «Наследии предков» и обрести еще большее влияние. Расовые исследования были весьма конъюнктурным явлением. Даже если бы предложенные экспедиции никогда бы не состоялись, Бегер все равно обратил на себя внимание рейхсфюрера СС.

Нападение Германии на Советский Союз ставило крест на возможностях эсэсовских исследователей добраться до Тибета по суше — возможности добраться по морю они лишились еще в сентябре 1939 года. Но в те дни в Германии усиленно курсировали слухи, что «война будет недолгой и Россия капитулирует в ближайшие недели». А пока сотрудников «Аненэрбе» прельщала возможность получить богатый исследовательский материал на оккупированных советских территориях. В те дни «Наследие предков» активно участвовало в разграблении южных земель СССР и России. Бегер вновь пытается сформулировать оригинальную идею. Летом 1941 года он пишет Шеферу, что все вывозимые из СССР материалы, относящиеся к Центральной Азии, должны передаваться в их отдел «Наследия предков». Он опасался, что, вступив в Москву и Ленинград, представители других ведомств тут же растащат все материалы.

В августе 1942 года, словно продолжая эту тему, Бегер стал проявлять повышенный интерес к коллекции черепов, которые во время своей поездки по Азии собрал Адольф фон Шлагинтвайт. Позже эта коллекция была принесена в дар русскому царю. В 1942 году это собрание находилось в Ленинграде. Бегер требовал, чтобы Шефер «забронировал» за «Наследием предков» эту коллекцию, состоящую из 253 «экспонатов», а также утварь ламаистского храма. Бегер не хотел ждать, когда Ленинград падет, и уже делил шкуру неубитого медведя.

Впрочем, Шефер не возражал, чтобы его отдел в составе «Аненэрбе» получил хоть какую-то пользу от начала войны с Советским Союзом. Предчувствуя большой куш, почти все сотрудники отдела стали уходить с периферии научного мира. К тому же, чтобы вдруг не оказаться на фронте, надо было обязательно выполнить хотя бы одно особое поручение Гиммлера. Длительное пребывание в тылу могла обеспечить только непрерывность данного процесса. А для этого требовалось, чтобы реализация проектов шла более-менее успешно.

Летом 1941 года Бегер кроме составления докладных записок и работы в «Аненэрбе» все больше и больше погружался в дела своей бывшей инстанции — Главного управления СС по вопросам расы и поселений. Он проводил массовые обследования на предмет «расового освидетельствования» в Норвегии.

Летом 1941 года он даже специально задержался в горах, чтобы у руководителя данного расового проекта штандартенфюрера СС профессора Гольфельдера познакомиться с оригинальной методикой расового обследования при помощи рентгеновского аппарата. Увиденное настолько впечатлило Бегера, что тот по собственному почину ввязался с Генрихом Гиммлером, дабы убедить рейхсфюрера СС в необходимости повсеместного внедрения подобной практики: «Я поражен возможностями и результатами, которые можно получить при проведении обширного обследования норвежского народа. Однако аналогичные исследования в Германии и других европейских странах могут начаться только осенью этого года или вообще после окончания войны… Но для работ в Норвегии штандартенфюрер СС профессор Гольфельдер использует рентгеновские~аппараты, которые в количестве четырех штук смог достать для норвежских СС. Данный проект может осуществляться круглогодично: летом в Северной Норвегии, весной и осенью — на южном и западном побережье и в центральной части страны, в зимние месяцы — в крупных городах. Освидетельствование всех норвежцев надо начать с 11 — летнего возраста. Планируется проводить его каждый год».

Но в Главном управлении СС по вопросам расы и поселений поручили «норвежский проект» все-таки не профессору Гольфельдеру, а именно Бруно Бегеру. Если это назначение является признаком того, что Бегер постепенно становился признанным эсэсовским «расоведом», то его следующее письмо указывает, что он проявлял на этом поприще изрядное рвение. В поисках расового статистического материала Бегер действительно планировал за год обследовать всех норвежцев. Он не допускал никаких сомнений относительно того, каким целям будет служить его исследование: «Для проведения столь важной работы в рамках мероприятий по сохранению и приумножению нордической расы вряд ли представится еще такой удобный случай. Но вся эта деятельность должна осуществляться крайне осторожно, чтобы не запугать местное население. Поэтому на первый план должно выдвигатьсярентгенологическое обследование, которое формально служит прежде всего делу здравоохранения. В итоге было бы весьма целесообразно мае-кировать расовые измерения иод обычные медицинские мероприятия». Судя по всему, Бегер осознавал, что норвежское население не будет никогда готовым добровольно участвовать в безумных планах СС. Поэтому он предлагал маскировать «расовое освидетельствование». Во время якобы медицинского осмотра фиксировался ряд важных расовых показателей: вес, рост, цвет волос и глаз. После этого делался рентгеновский снимок головы, что позволяло избежать сложных процедур с краниологическими инструментами. Со временем, по мнению Бегера, норвежское население привыкло бы к подобным процедурам. В итоге каждый из норвежцев должен был получить «расовую оценку». Бегер писал по данному поводу: «Для этого, не раздумывая, можно использовать расовую схему, которая уже давно и успешно применяется в Главном управлении по вопросам расы и поселений. Я только предлагаю несколько модифицировать формулу самой расовой оценки. Она как бы должна состоять из десяти расовых долей, на основании которых можно сбставить представление о расовой принадлежности человека. Например, 6 — нордических, 4 — восточно-балтийских долей (6N40B). Или 5 — восточных, 3 — фальских и 2 динарские доли (503F2D)». Как видим, Бегер не просто стоял на службе расистской идеологии СС, но пытался ее модернизировать, вносить в нее собственные поправки, поражавшие своей невероятной радикальностью.

Занимающийся расовым «учетом» Бегер должен был установить этнические составляющие норвежского народа. Правда, он не формулировал свои дальнейшие планы, но, учитывая интерес Гиммлера к остаткам германских протоплемен, которые находились вне

Германии, можно предположить, что наиболее «нордическая» часть норвежцев должна была использоваться для службы в Ваффен-СС. В данной ситуации не вызывает никаких сомнений то, что фундаментальные исследования Бегера имели вполне определенные военно-политические цели.

Сам Бегер последовательно развивал свой план провести расовую проверку всего немецкого народа с целью последующего составления некой «расовой карты». Используя несколько модифицированный профессором Гольфельдером рентгеновский аппарат, он надеялся завершить этот грандиозный проект за три года, но уже после окончания войны. В данном вопросе он рассчитывал на активную поддержку со стороны Главного управления по вопросам расы и поселений, что в итоге должно было привести к созданию собственного исследовательского отдела по вопросам рас и народностей в составе «Наследия предков». В другом своем письме Бегер подчеркивал, что в Германии уже существовало достаточное количество структур, занимающихся расовыми вопросами. Однако, заявлял он, только при помощи методики Гольфельдера можно было осуществить обширный и стандартизированный «расовый учет» немецкого народа. В строках своего письма он намекал на возможные последствия подобных «научных» исследований: «После окончания составления расовой карты в любом случае потребуется анализ и ее интерпретация, в каких областях мы в первую очередь должны осуществить изменение структуры населения, а на какие области должны опираться в осуществлении расовой политики в будущем. Однако эта карта имела бы для нас большее значение, если бы мы могли ее составить с учетом возрастной динамики населения, чтобы наблюдать расовые процессы, идущие в Германии… Во время создания расовых карт, что со временем должно стать унифицированным процессом, представляется уникальный случай применить в обширных масштабах методику исследований, разработанную профессором Гольфельдером. Кроме всего прочего, мы можем в дальнейшем получить предельно ясную картину наследственного соотношения Германии и Европы, а в перспективе провести научное изучение каждого из расовых компонентов».

Этот документ показывает, что в Главном управлении СС по вопросам расы и поселений вынашивались грандиозные планы, которые должны были осуществиться уже после окончания войны. Бегер был не просто оппортунистом, который в целях собственной безопасности или благополучия предоставил себя в распоряжение национал-социалистов. Он верил во все высказываемые им идеи.

Установить реакцию руководства Главного управления СС по вопросам расы и поселений, равно как и самого Гиммлера, на прозвучавшие в письмах Бегера предложения затруднительно. Но даже если эти планы не получили в дальнейшем никакого развития, то они примечательны хотя бы с той точки зрения, что Бегер пожелал выйти за границы круга сотрудников Эрнста Шефера и начать свои собственные исследования. То обстоятельство, что его проекты так и не начали реализовываться, было связано, скорее всего, с весьма взыскательными требованиями к персоналу и необходимостью значительной финансовой поддержки, которой в тот момент ему не могли оказать. Все это ставило под сомнение необходимость осуществления данных работ именно во время войны.

Эти сюжеты в рамках данной книги интересуют нас только с той точки зрения, что планы Бегера оказали очень сильное влияние на подготовку деятельности «Зондеркоманды К». Впрочем, в ней Бегер мог принимать участие лишь как подчиненный Шефера. Но в результате кавказской экспедиции Бегер планировал укрепить свои позиции и стать одной из центральных фигур как в Главном управлении СС по вопросам расы и поселений, так и «Аненэрбе».

Изучив предысторию возникновения «Зондеркоманды К», вряд ли можно удивляться тому, Шефер представил Гиммлеру план осуществления кавказской экспедиции уже 10 дней спустя после того, как данная идея была впервые озвучена Вольфрамом Зиверсом. Если сравнивать планы Шефера с документами, подготовленными Бруно Бегером, то можно найти

принципиальные различия. По мнению Бегера, «Зондеркоманда К» должна была иметь только одну-единственную целевую установку, а именно — заниматься расовыми исследованиями многочисленных кавказских народов и этносов. Шефер же как руководитель будущей кавказской экспедиции предполагал, что в ее программе должны были быть представлены различные научные дисциплины. Он не намеревался ориентироваться на интересы «отдельного человека», подразумевая Бегера, который был его заместителем в данном проекте. Свой план Шефер озвучил на совещании, в котором принимал участие в том числе и Бруно Бегер. На вооружение была взята лишь часть предложений, поступивших от Бегера. «Каждый из расоведов, принимающий участие в экспедиции, должен уметь лично измерять, описывать и фотографировать. Для обучения методике проведения расовых исследований все они должны быть направлены в специальный лагерь, а затем во время поездки постоянно контролироваться специальным куратором. В распоряжении каждого расоведа должен иметься помощник, который будет помогать в фотосъемке и выполнять функции переводчика… Все исследованные люди должны быть описаны, учтены. Их голова должна быть снята фас, профиль, в полуповорте. Кроме этого надо снять на фотокамеру и кинокамеру их фигуру целиком (желательно в обнаженном виде). С наиболее типичных представителей каждой этнической группы и каждой расы должны быть сняты слепки лица и головы». Для проведения подобных исследований предполагалось создать группу из 14 человек (без учета помощников, ассистентов и переводчиков), которые должны были представителями самых различных дисциплин.

Направление экспедиции на Кавказ в условиях шедшей войны было для ее организаторов весьма затруднительным обстоятельством. Поскольку исследовательское общество СС «Аненербе» планировало предприятие, связанное непосредственно с Восточным фронтом, то формально экспедиция должна была подчиняться Ваффен-СС. Для охраны экспедиции различные структуры Ваффен-СС должны были предоставить своих солдат. В основном это были служащие расположенного в Дрездене спаренного батальона СС. Чтобы помогать ученым, саперы должны были освоить хотя бы начальные навыки осуществления научных исследований. В итоге Шефер запросил для охраны не менее 50 человек. Следующей проблемой стал поиск переводчиков. Так как в данной экспедиции не могли принимать участие гражданские лица, то в СС в срочном порядке перевели нескольких человек, имевших венгерские корни. С не меньшими проблемами организаторы столкнулись при поиске военных врачей, которые должны были ассистировать эсэсовским расоведам. Почти всех пришлось отзывать с фронта. При этом фольксдойче из числа венгров и военные врачи должны были пройти ускоренный курс подготовки в уже известном нам пражском лагере «Лейбштандарта». Но уже на этом этапе стали возникать трудности. Оказалось, что командование частей Ваффен-СС не было поставлено в известность о готовящейся экспедиции на Кавказ. Однако для осуществления деятельности «Зондеркоманды К» требовалось откомандировать нескольких младших офицеров Ваффен-СС. В итоге Шефер пошел по проверенному пути — он просил Гиммлера предоставить в его распоряжение трех офицеров СС. Этот пример показывает, как соблюдение секретности могло препятствовать оперативному и эффективному планированию операции.

Кроме этого, Шеферу пришлось позаботиться о том, чтобы участников экспедиции не призвали на фронт. Он предполагал, что ядро «Зондеркоманды К» должны были составить участники тибетской экспедиции СС 1938–1939 годов. И опять стали возникать проблемы. Так, например, Винерт в то время по поручению рейхсфюрера СС в рамках деятельности «Аненербе» занимался поиском золота в реках Верхней Баварии. Но при этом было учтено, что деятельность «Зондеркоманды К» была важнее, нежели старательские работы. В итоге в августе 1942 года Винерт был зачислен в участники кавказского проекта. Но тут выяснилось, что распоряжения Гиммлера было отнюдьне достаточно, чтобы солдаты и ученые, в годы войны являвшиеся военнообязанными, были освобождены от направления на фронт. В итоге

до конца года Шефер занимался не тем, что составлял научные планы экспедиции, а тем, что пытался все-таки собрать вместе ее предполагаемых участников. Ему приходилось постоянно разъезжать между Персональным штабом рейхсфюрера СС и различными учреждениями. Это была обыкновенная бюрократическая работа. В те дни Шефер и Бегер считали очень важным «застолбить» за собой ученых из самых различных научных сфер, дабы те смогли принять участие в их экспедиции. У Шефера уже была определенная репутация, поэтому ему лучше удавалось контачить с различными структурами СС. Но тут ему приходилось проявлять чудеса дипломатичности, чтобы, с одной стороны, заполучить в свое распоряжение ученых, которых надо было еще «спасти» от призыва, а с другой стороны, хранить в тайне не только подробности, но и сам факт подготовки кавказской экспедиции. Между тем проблема с кадрами стояла очень остро. Даже среди ученых-расоведов, придерживающихся национал-социалистического мировоззрения, бьшо немало тех, кто не мог попасть в «Зондеркоманду К», так как они формально были неподконтрольны рейхсфюреру СС. В этой связи можно привести пример некоего ассистента по имени Эндрес, который работал у профессора Хауэра, руководителя Арийского института при университете Тюбингена.

Тем временем, пока состав «Зондеркоманды К» собирался в специальном лагере при Дахау, Гиммлер приказал Шеферу направляться в Ростов-на-Дону, чтобы встретиться там с группен-фюрером СС Корземаном, командующим южным абшниттом Ваффен-СС Восточного фронта. Они должны были договориться о начале подготовки кавказской экспедиции.

Судя по всему, обстоятельность и энергичность Шефера приятно поразили Генриха Гиммлера и Рудольфа Брандта. Некоторые обстоятельства и детали говорят в пользу того, что Гиммлер втайне от всех предусмотрел для «Зондеркоманды К» совершенно иное задание. При этом необязательно, что во время экспедиции должны были доминировать именно расовые исследования. Еще в самом начале планирования кавказской экспедиции была составлена специальная группа геологов, которая должна была в будущем подчиняться только Шеферу. Не исключено, что именно это обстоятельство было истинной причиной того, что руководство С С отвергло (к великому удивлению Шефера) его обширный план исследований, который предполагалось провести на Кавказе. Уже клету 1942 года в силу неблагоприятного (для Германии) положения на фронтах предложенный план был неосуществим. В те дни Рудольф Брандт в своем письме Вольфраму Зиверсу сообщал, что «Шеферу, возможно, придется в рамках предстоящей операции выполнить важное военное задание». Даже после войны, в 1964 году, Шефер утверждал, что истинной целью «Зондеркоманды К» был учет и изучение горских евреев. Но это утверждение базируется только на заявлении Шефера. В документах «Аненэрбе» можно найти несколько признаков того, что научные цели «Зондерко-* манды К», втом числе и расово-этнографические, были всего лишь прикрытием. Так, например, Бруно Бегер в телефонном разговоре с сотрудником ведомства Альфреда Розенберга, отвечавшего за создание особого университета, произнес фразу: «Запланировано не подробное изучение кавказского региона, а лишь научная поддержка айнзацкоманды СД». В своем более позднем письме, адресованном в мюнхенское СД, Бегер описывал цель кавказской экспедиции следующим образом: «Для осуществления предприятия, которое при политических установках имеет чисто военный характер, научные исследования, с одной стороны, являются маскировкой, а с другой стороны, действительно способствуют изучению вопросов, связанных с местными народностями. Экспедиция должна быть снабжена разнообразными научными приборами и инструментами». Поскольку экспедиция «Аненэрбе» на Кавказ так и не состоялась, то сейчас сложно говорить о том, что же все-таки на самом деле подразумевал Бегер, когда писал такие строки. Можно наивно предположить, что Бегер лишь пытался найти подходящее финансирование для экспедиции, но в данном случае это никак не объясняет формирование группы геологов.

Насколько мучительно трудно шел подбор персонала для экспедиции, показывает следующий пример. Бегер хотел получить в свое распоряжение сотрудника СД, который по

совместительству был стеклодувом. Эсэсовскому расоведу он потребовался для того, чтобы составить доску с цветовыми образцами глаз. При помощи этого приспособления можно было упростить и значительно ускорить процесс расового обследования. В итоге, чтобы соблюсти пресловутую секретность операции, Бегеру пришлось ссылаться на рейхсфюрера и исключительную значимость предполагаемых работ. Только после этого он смог хотя бы на время приостановить призыв на фронт указанного стеклодува. Все-таки очень сложно установить, имела «Зондеркоманда К» военное задание или нет. По крайней мере, в определенный момент было решено, что экспедицию «Аненэрбе» будут охранять подразделения дивизии СС «Лейбштандарт», элитного воинского соединения. Из отдельных фрагментов данной мозаики очень трудно составить всю картину. В тоталитарной системе осуществление тайных операций всегда служило трамплином для карьеры молодых честолюбцев. В данных условиях обстановка на Восточном фронте делала это предприятия весьма небезопасным и во многом вообще не осуществимым.

И тем не менее Кавказ, в силу своего стратегического положения и разнообразности народностей, там проживавших представлял для руководства СС большой интерес. По специальному приказу Гиммлера в «Аненэрбе» из штаба Главного управления СС по вопросам расы и поселений был направлен оберлейтенант по фамилии Курпанек. Он консультировал одного из сотрудников «Наследия предков», Рюбеля, относительно долгосрочных планов Германии в Кавказском регионе. В свое время он досконально проработал историю северокавказских племен, чтобы, опираясь на эти знания, составить «расовый атлас Кавказа». Курпанек занимался преимущественно проблемами отношений немцев с кавказскими мусульманами. Но поскольку на Кавказе проживали как христианские, так и мусульманские народы, в «Аненэрбе» решили занять нейтральную позицию в вопросах религии. По крайней мере это касалось Кавказского региона. Если же говорить о Ближнем Востоке, то Германия здесь активно поддерживала мусульман, чтобы способствовать их антибританским настроениям. Разумеется, в исследовательском обществе СС не могли обойти стороной глубокую религиозность кавказцев. Но в данном случае немцы предполагали использовать ее (без разницы, христианскую ли, мусульманскую ли) против «безбожной большевистской власти». Рюбель рекомендовал постоянно акцентировать внимание «на советской политике, которая привела к порабощению некогда независимых кавказских народов». Религиозные традиции должны были дополняться политическими устремлениями. По мнению Рюбеля, германское командование не принимало никаких принципиальных решений в данном регионе, «что должно было доказать желание немцев вернуть кавказцам их самобытность».

Подобный тезис был во много вызван исключительной этнической пестротой Кавказа. Впрочем, выводы этого малоизвестного сотрудника «Аненэрбе» вряд ли можно было проецировать на планы СС относительно Кавказа. Но подобные посылки показывают, что в «Зондеркоманде К» кавказское предприятие считали очень важным. В то время к деятельности «Зондеркоманды» начинают проявлять интерес и в других учреждениях. Действительно, для успешного осуществления экспедиции надо было поставить в известность о ней как минимум несколько эсэсовских ведомств. В данной ситуации, как правило, удавалось обходиться общей фразой, что речь шла о тайной операции, которую спланировал сам Гиммлер. В первую очередь это требовалось, чтобы обеспечить охрану частями Ваффен-СС и поддержку местных структур СД.

Но при этом сведения о предстоящей экспедиции просачивались в эсэсовские структуры, которые не имели ничего общего с тайной операцией. Осенью 1942 года один из руководителей Главного управления СС по вопросам расы и поселений, штандартенфюрер СС Шульц, в разговоре с Вольфрамом Зиверсом попросил по завершении кавказской экспедиции предоставить ему некоторые итоги данного предприятия. Сложно установить, по какому каналу произошла утечка информации. Можно было бы подумать, что информация

просочилась через Бруно Бегера — ведь именно он поддерживал наиболее тесные контакты с данным Главным управлением СС. Но тот настолько дорожил этим проектом, что перестраховывался не раз. Так, например, он как-то спросил у Шефера, имеет ли смысл продолжать сотрудничество с РуСХА (Главное управление СС по вопросам расы и поселений, не путать с РСХА— Главным управлением имперской безопасности). Подобная осторожность поражает: ведь еще до экспедиции 1938–1939 годов Бегер считался человеком РуСХА, а после экспедиции он ни на минуту не прерывал связи с этим ведомством.

К сожалению, очень мало известно о переговорах, которые шли между «Аненэрбе» и службой безопасности СС (СД). Но именно на них должен был определяться маршрут экспедиции, так как СД должно было предоставлять «Зондеркоманде К» охрану. В силу отсутствия документов по данному вопросу нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть предположение, что кавказская экспедиция «Наследия предков» была лишь подготовительным этапом для развертывания боевых действий на территории Ирана и Центральной Азии.

Несмотря на огромные трудности с подбором участников проекта и согласованием некоторых моментов, осенью 1942 года Шефер мог констатировать, что его подготовка вошла во вторую, завершающую фазу Но Шефера все-таки продолжал волновать персонал «Зондеркоманды К». Кроме этого, он настаивал на том, чтобы была названа конкретная дата, когда должна была стартовать экспедиция. В октябре 1942 года он вновь развивает неимоверную активность, чтобы все-таки снять накопившиеся проблемы. Он постоянно курсирует между различными эсэсовскими структурами. В этот момент за завершение подготовки к экспедиции отвечает Бруно Бегер, который, обладая хорошими связями в Главном управлении СС по вопросам расы и поселений, захотел несколько скорректировать планы «Зондеркоманды К». Дело в том, что РуСХА, в свое время активно курировавшее только что появившееся на свет «Аненэрбе», в годы войны занималось переселенческими проектами. Структурная конкуренция 30-х годов во время войны сменилась взаимовыгодным сотрудничеством. Обе стороны хотели извлечь максимальную пользу из кавказской экспедиции. Руководство РуСХА было прямо заинтересовано в том, чтобы их бывший сотрудник Бегер играл ключевую роль в «Зондеркоманде К». Шефер, в свою очередь, всеми силами хотел отстоять «независимость» своего проекта. Ему уже пришлось смириться с его реализацией в рамках «Наследия предков», а потому он хотел дистанцироваться хотя бы от расового управления СС. Но при этом он не мог сбросить со счетов авторитет «научных» исследований Бегера, которого становилось все сложнее и сложнее контролировать. Постоянно увеличивающееся влияние Бегера в «Аненэрбе» стало смущать Шефера. Уже в своем проекте экспедиции, подготовленном Бегером 18 августа 1942 года, он заявлял о своих амбициях. Шефер полагал, что как начальник отдела Центральной Азии и экспедиции он и только он должен быть центральной фигурой в деле организации новой экспедиции. Впрочем, подобные доводы мало что значили для Бегера.

По мере того как осенью 1942 года обострялась обстановка на Восточном фронте, все меньше оставалось шансов, что «Зондеркоманда К» вообще начнет свою деятельность-О кавказской экспедиции почти забудут, когда 2 февраля 1943 года капитулирует фельдмаршал Паулюс и немцы проиграют Сталинградскую битву. Но осенью 1942 года в Германии все еще надеялись на благоприятный исход. Однако, принимая во внимание уровень потерь на Восточном фронте, многим (в том числе Гиммлеру и Шеферу) становилось ясно, что возможность осуществить запланированную кавказскую экспедицию была ничтожно мала. В итоге решение о дате начала проекта во многом зависело от обстановки на Восточном фронте. В ноябре 1942 года Гиммлер выделил для охраны и поддержки «Зондеркоманды К» 78 человек из состава Дрезденского резервного саперного полка СС. Но во время медицинского осмотра выяснилось, что в экспедиции могут принять участие только 26 человек, остальных надо было вернуть обратно в Дрезден. Гиммлер не мог предложить

Шеферу ничего другого. Из-за огромных потерь, которые несли части Ваффен-СС (да и не только) он не мог дать в сопровождение «Зондеркоманде К» ни одного более-менее боеспособного подразделения.

Многие полагали, что все могло поменяться в одночасье. В любом случае, первая фаза планирования подошла к концу, а потому ожидалось, что в ближайшие месяцы (желательно до наступления зимы) экспедиция должна была начать свой путь. В конце сентября Бегер в одном разговоре сказал, что «все готово, надо было только дождаться соответствующего приказа». Четыре недели спустя тот же самый Бегер писал в письме Эндресу, что экспедиция «выдвинется где-то после Рождества». Днем ранее, 23 октября 1942 года, Шефер был вызван Гиммлером. Во время встречи, как и стоило предполагать, обсуждалась подготовка к кавказской экспедиции. Шефер обращал внимание рейхсфюрера СС на то, что его группа наполовину укомплектована венгерскими фольксдойче, а потому для поддержания дисциплины ему требовалось несколько унтер-офицеров или младших чинов СС. Вечером того же дня Шефер сообщил Бегеру, что кавказское предприятие начнется в декабре 1942 года.

Однако и Шефер, и его сотрудники напрасно ждали приказа о выступлении. С каждый днем им становилось все очевиднее, что запланированная экспедиция срывается. Гиммлер не мог себе позволить послать столь важных для него людей в регион, где шла ожесточенная Сталинградская битва. Более того, на юге России в срочном порядке стали сворачивать свою детальность и все остальные зондеркоманды, которые грабли музеи, архивы и институты. 4 февраля 1943 года Гиммлер сообщил Шеферу о том, что экспедиция на Кавказ откладывается: «Уважаемый Шефер! Из сводок Вермахта и прочих источников Вы наверняка знаете, каково наше нынешнее военное положение. А потому я полностью исключаю возможность, что в ближайшие месяцы Ваша экспедиция может отправиться в путь. По этой причине я отдал приказ главному управлению СС не распускать «Зондеркоманду Кавказ», а использовать ее в каких-нибудь других целях. Поддерживайте постоянные связи с членами команды, чтобы они могли в случае необходимости в предельно сжатые сроки начать новую операцию». Не упоминая ни словом Сталинград, Гиммер возлагал всю ответственность за срыв экспедиции на сложившуюся военную обстановку. Даже если и делались намеки относительно последующего возобновления деятельности «Зондеркоманды К», то это было всего лишь попыткой скрыть тот факт, что в своих научных притязаниях рейхсфюрер СС потерпел поражение.

Впрочем, подобное решение Гиммлера не стало неожиданностью. Еще 20 января 1943 года в Главном управлении СС в Берлине Шеферу сообщили, что по решению рейхсфюрера СС дата начала экспедиции переносилась на неопределенный срок. «Выезд на Кавказ вряд ли возможен в обозримом будущем». Но при этом руководство СС приказывало сохранять команду для выполнения кавказской миссии, для которой в будущем предполагалось выделить подразделения дивизий СС «Гогенштауфен» и «Фрундсберг».

Уже в январе 1943 года, буквально накануне приказа Гиммера, Шефер сдал командование «Зондеркомандой К». По-видимому, он уже получил некие распоряжения не продолжать подготовку к экспедиции. Шефер и Бегер очень болезненно восприняли крушение своих планов. «С таким трудом составленная команда фактически распускалась в момент, когда все было готово для начала экспедиции». В разговоре в Эгоном Фораурэром, служащим Имперского министерства оккупированных восточных территорий, Бегер высказывал глубокое разочарование, которое было характерно почти для всех сотрудников «Аненэрбе». Бегер с грустью говорил, что «нынешнее положение на фронте, к сожалению, поставило крест на планах, которые вынашивались целое десятилетие».

Сложно сказать, верили ли сотрудники «Наследия предков» в то, что данный проект будет когда-то возобновлен. Если они и высказывали подобную мысль в переписке, то это было всего лишь желанием верить в победу Германии. Возможности повторного

«освобождения» Кавказа немецкими войсками активно обсуждались в «Аненэрбе» едва ли не до мая 1943 года. В официальной переписке говорилось об оперативных мероприятиях, которые позволили бы стартовать экспедиции в считаные дни. Но отказ Гиммлера от кавказской экспедиции вновь поставил перед многими сотрудниками «Наследия предков» вопрос: что можно было сделать, чтобы избежать призыва в действующую армию? Многие из них реально опасались, что, невзирая на некое привилегированное положение в СС, их пошлют на фронт. Опасения оказались не напрасными.

Шеферу удалось избежать призыва в силу двух причин. Он решил придерживаться в данном вопросе очень хитрой тактики. С самого начала ему было понятно, что он не сможет обеспечить «бронь» всем своим сотрудникам. По этой причине на следующий день после получения письма от Гиммлера он пишет ответное послание. В нем Шефер говорил: «Я благодарю Вас за то, что Вы поручили мне руководить оставшимися членами «Зондеркоманды Кавказ». В течение многих дней мне не давала покоя мысль, что множество молодых энергичных людей находятся без дела. От всей души благодарю Вас, что могу использовать этих людей в случае, если проект будет возобновлен». А вот с выделенными для экспедиции солдатами Шефер мог расстаться без лишних колебаний. Он пытался без лишней на то необходимости не использовать свои связи.

В качестве второго пути для продолжения своей исследовательской деятельности Шефер избрал достаточно вольную, но в то же время дословную трактовку приказа Гиммлера. Он решил прикрыться наименованием своей рабочей группы «Зондеркоманда К». Даже если кавказская экспедиция не могла состояться в силу поражения немецких войск в Сталинграде, то это вовсе не означало прекращения деятельности самой команды. При каждом удобном случае Шефер мог сослаться на тайный проект рейхсфюрера СС Действительно, Гиммлер приказал прекратить подготовку к кавказской экспедиции, но он не распускал саму «Зондеркоманду К». Шефер мог продолжать заниматься расовыми или техническими изысканиями. И те и другие попадали под определение «тайного задания» Гиммлера.

В итоге, после повальной мобилизации сотрудников гуманитарных отделов «Аненэрбе», центром исследовательского общества СС стал замок Миттерзилль в Пинцгау. При этом возглавляемый Шефером Институт исследования Центральной Азии имени Свена Хедина использовался им только для продолжения академической карьеры, что также позволяло в определенной мере продолжать исследования. После открытия в январе 1943 года Института Свена Хедина Шефер был постоянно привлечен к таким мероприятиям, как чтение лекций или ведение семинаров. Примечательно, что отмена кавказской экспедиции и основание в Мюнхене нового института происходили почти одновременно. Возможно, это было не простым совпадением. Шефер уже давно вынашивал планы о создании собственной исследовательской структуры. Но в глаза бросается тот факт, что он активизировал пропаганду собственных достижений именно в тот момент, когда под угрозой оказалась дальнейшая деятельность «Зондеркоманды К». Показ фильма Свену Хедину, равно как и само появление шведского путешественника на открытии мюнхенского института, вызвали большой резонанс. Шефер надеялся, что, грамотно организовав работу с общественностью, он мог избежать повальной мобилизации среди сотрудников его отдела.

Но когда выяснилось, что «Зондеркоманда К» была распущена не полностью, а Шефер и Бегер получили от Гиммлера своего рода карт-бланш на осуществление дальнейших исследований, то Шефер более не мог (да, наверное, и не хотел) быть связанным Мюнхенским университетом. В летнем семестре он должен был читать студентам курс лекций «Евразийская зоологическая топография». Но буквально накануне начала нового учебного семестра Шефер обращается к декану естественнонаучного факультета Мюнхенского университета с просьбой освободить его от чтения лекций. В своем заявлении он привел следующее обоснование: «В настоящее время наряду с исследованиями в институте Свена

Хедина я выполняю поручение рейхсфюрера СС по подготовке экспедиционной группы из состава «Зондеркоманды К». Выяснилось, что как руководитель данной команды я буду обязан пребывать в месте подготовки экспедиционной группы (Габахталь — Зальцбург). Поступление на службу в Вермахт не позволит мне прочесть запланированный на летний семестр курс лекций. Поэтому прошу Вас, господин декан, освободить меня от данных учебных мероприятий». Вообще не удалось выяснить, читал ли действительно Шефер лекции в Мюнхенском университете или только собирался сделать это по конъюнктурным соображениям. На допросах после войны он утверждал, что чтение лекции осуществлялось непосредственно в замке Миттерзилль. В мае 1944 года из-за массированных бомбардировок баварской столицы центральные офисы Института исследования Центральной Азии имени Свена Хедина окончательно переносятся в этот замок. В итоге Шеферу так и не удалось сделать университетскую карьеру, о которой он мечтал всю жизнь.

Если говорить о «Зондеркоманде К» то, несмотря на то что она так никогда и не направилась в путешествие, все равно она была очень значительным экспедиционным проектом. В большом числе участников и неимоверном количестве оборудования нашли свое выражение тщеславные замыслы Шефера и Бегера. До настоящего момента так и не удалось выяснить, какой же была истинная цель запланированной кавказской экспедиции. Можно с уверенностью утверждать лишь одно — эта цель носила ярко выраженный идеологический характер и была очень важна лично для рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. По сути, «Зондеркоманда К» стала последним крупным проектом Эрнста Шефера.

Вместо послесловия

Финал в замке Миттерзилль

Научная деятельность «Аненэрбе», связанная с тайными операциями, сыграла в конце войны с Шефером злую штуку. Когда центр «Наследия предков» переместился в замок Миттерзилль, среди местного населения поползли недобрые слухи. В то время, как «Аненэрбе» должно было доказывать свое право на продолжение исследовательских проектов во время войны, в окрестностях Миттерзилля становилось неспокойною. В итоге Шеферу пришлось выступать в роли специалиста по связям с общественностью. На Рождество 1944 года он был вынужден обратиться с праздничным поздравлением к местной католической общине. Уже один этого шаг указывает на то, в каких непростых условиях приходилось работать сотрудникам «Аненэрбе» в Митгерзилле. За несколько месяцев до окончания Второй мировой войны в руках Шефера оказалось сосредоточено множество властных полномочий. Он был не только руководителем одного из крупнейших отделов «Аненэрбе» и всего естественнонаучного сектора в данной организации, но и директором Института исследования Центральной Азии имени Свена Хедина, а еще фактическим командиром «Зондеркоманды К», которая официально так и не прекратила свою деятельность. Хотя Шефер и поздравил католиков с Рождеством, но сам он праздновал зимнее солнцестояние, которое входило в национал-социалистический календарь торжеств. По этому поводу Шефер произнес речь, которая больше напоминала доклад.

Его выступление было разделено на две части. «Мы действуем и творим, побуждаемые внутренним источником. Но все-таки мы ставим свои стремления и свой труд на благо нашей общности, на благо немецкой культуры и нашего немецкого народа. Вновь приближается самая долгая ночь в году. И это заставляет нас тосковать по солнцу. Но мы верим в победу солнца, и эта вера в победу света над тьмой должна укрепляться в нас, когда в тиши нашего старого замка мы зажигаем свечи. Огни на зеленых ветвях должны перекинуть мост к нашим сердцам, к нашим товарищам, сражающимся на фронте, ко всем людям нашей Родины. Таким образом, это час обращения к истинной силе творения… также как для германцев когда-то свеча была символом торжества света над тьмой и холодом, так и свастика станет символом нашей победы, великого упорства и мужества». В этой речи Шефер произнес целый набор излюбленных национал-социалистами лозунгов и фраз. Может быть, он просто хотел придать

уверенности своим сотрудникам, которые с ужасом взирали в будущее, но в итоге получилась некая присяга на верность Третьему рейху. Шефер из ученого и амбициозного исследователя превратился в проповедника национал-социалистической веры.

Во второй части своей речи Шефер перечислил те исследовательские проекты, над которыми он и его сотрудники трудились в замке Миттерзилль. В этой части речи он обрушился на слухи, которые витали вокруг замка: «В долине говорят, что все нами сделанное здесь является лишь маскировкой, что в наш замок перенесена ставка фюрера. До моих ушей дошли слухи, что в замке Миттерзилль творятся тайные дела. Там судачат, что у нас работает слишком много женщин, что наши молодые сотрудники скрываются в замке от призыва на фронт, в то время, как крестьянские дети насмерть сражаются с врагом… Перечень этих слухов можно было бы продолжать еще очень долго. Смею заверить, что болъшинствотних нелепые выдумки… У меня нет никакого желания что-то доказывать тем, кто их распускает. Я лучше останусь здесь в кругу друзей. У меня есть другие средства, чтобы остановить поток грязи, обрушенной на нас». Шефер не просто оправдывался, он угрожал местным жителям! Несомненно, напряженные отношения между сотрудниками «Аненэрбе» и местными жителями стали результатом того, что Гиммлер, а вслед за ним и все его «паладины», пытались сделать тайну из каждой операции, из каждого проекта. К нелестному мнению о «пришлых эсэсовцах» добавлялись и личные обиды. Местное население не могло без зависти и раздражения смотреть на достаточно обеспеченную жизнь новых владельцев замка. Население Германии в те дни вообще было склонно распространять слухи про тайны СС. В конкретном месте они оказались обращенными против обитателей замка Миттерзилль. Так как недовольство населения постоянно возрастало, то Шеферу имел смысл позаботиться о безопасности замка и своего института. То, что эсэсовский чин, «любимчик» Гиммлера, был вынужден выступать перед каким-то озлобленными крестьянами, наглядно показывало — проблема требовала оперативного вмешательства.

Комментируя отдельные исследовательские проекты, Шефер сделал акцент на идеологическом элементе. Говоря о «Наследии предков», он определял свою организацию как научно-боевой инструмент, который «должен предотвратить во время самой величайшей культурной борьбы в истории человечества скатывание Германии в пропасть чумного большевизма». И тут же Шефер перешел к восхвалению Генриха Гиммлера, который, по его мнению, «в полной мере нес груз ответственности и перед народом, и перед фюрером». «Он помог, — продолжал Шефер, — придать немецкому человеку его внутреннюю форму, которая и в духовном, и в нравственном, и в умственном отношении гарантирует нам не только военную победу над противником, но и позволит однажды обрести долгожданный мир». Перечисляя проекты «Аненэрбе», он делал упор на собственные исследования. Так, например, он упомянул институт в Ланнахе, попытки вывести новую породу лошадей, а также Имперский институт(!) имени Свена Хедина. Шефер упомянул также факт существования «Зондеркоманды К». Впрочем, в подробности деятельности ее он не вдавался. Но он не преминул упомянуть, что она как служебная инстанция Ваффен-СС подчинялась непосредственно приказам рейхсфюрера Гиммлера. Шефер специально намекал на секретный характер команды, «чья деятельность имела исключительное военное значение». Но о расовых исследованиях он предпочел умолчать.

Чем очевиднее становилось, что в ближайшие месяцы Германия проиграет войну, тем настойчивее в Миттерзилле пытались найти оправдание собственной деятельности. Не исключено, что именно поэтому надменный исследователь все-таки решил снизойти до обыкновенных крестьян. После того как Красная армия и войска союзников появились на границах рейха, в замке предпочли прекратить все отношения с эсэсовскими структурами, в том числе с эвакуированным в Вайшенфельд (Верхняя Франкония) правлением «Наследия предков».

Ожидая неизбежного поражения Германии, находившиеся в Миттерзилле сотрудники «Аненэрбе» завершали сортировку и исследование материалов, привезенных еще из тибетской экспедиции 1938–1939 годов. Не исключалось, что они могли пригодиться при подготовке научных материалов. Собственно в Институте Свена Хедина тогда работало не очень много людей — семь сотрудников и два секретаря. Несмотря на прекращение контактов с Мюнхенским университетом, Шефер продолжал получать положенные ему деньги едва ли не до самого конца войны. Ежегодно на все институтские затраты, включая фонд заработной платы, из имперского бюджета выделялось 230 тысяч рейхсмарок. Точно такая же сумма была заложена в бюджет и на 1945 год. Но чтобы получить эти деньги, Шеферу все-таки приходилось хотя бы иногда выбираться в Мюнхен.

В апреле 1945 года американские солдаты приблизились к баварской столице. Шефер как раз находился в Мюнхене. Он пытался получить деньги, чтобы даже в данной критической ситуации его институт продолжал работу. Его подвело то, что в свое время помогло сделать карьеру. Шефер был офицером СС, а стало быть, «автоматически подлежал аресту». Вскоре в Баварии была установлена новая власть. Замок Миттерзилль перешел в управление некоему Вили Рикмеру. Примечательно, что обширная коллекция азиатских экспонатов и собрание Шефера были почти сразу же вывезены.

Последующие годы Эрнст Шефер провел в лагере для интернированных. Затем его перевели в Нюрнберг, где должен был состояться процесс над немецкими военными преступниками. Шефер не был в числе обвиняемых, но проходил свидетелем по делу Фридриха Флика и других немецких промышленников, которые входили в «круг друзей Генриха Гиммлера». Позже Шефер опишет свое пребывание в заключении в самых мрачных цветах. Во время допросов он изображал из себя «латентного» борца Сопротивления, который при каждом удобном случае пытался (конечно, если позволяли обстоятельства) сорвать планы руководства СС. На «самом деле» он хотел лишь заниматься наукой, но емуприходилось защищать своих сотрудников. В конце апреля 1948 года во время судебного процесса по денацификации Эрнста Шефера квалифицировали как «попутчика», который отбыл свой положенный срок в лагере. Во время процесса на имя судьи пришло множество писем. Их писали приятели и знакомые Шефера. Среди них были и бывшие сотрудники из Миттерзилля и однокурсники по Геттингену. Все они заступались за исследователя, свидетельствуя, что тот с самого начала весьма негативно относился к национал-социализму.

Такая поддержка не оказалась лишней. Дело в том, что во время допросов в Нюрнберге следователи союзников характеризовали Шефера как «скрывающегося под маской науки бесцеремонного германского агрессора и ярого нациста». После войны подобные характеристики были весьма небезопасными. Ситуацию в некоторой мере исправил известный деятель Сопротивления австрийский ученый Генрих фон Фикер, который заверил трибунал в том, что Шефер очень хорошо обращался с посланными из располагающегося близ замка Миттерзилль концентрационного лагеря «толковательницами Библии» (так в Германии в те времена называли «свидетелей Иеговы»). Еще во время своего пребывания в 1946 году в лагере для интернированных Людвигсбург, в котором Шефер находился под именем Германа Кампледера, его бывшие сотрудники Гельмут Хоффман и Фелькмар Вареши добровольно сделали заявление, которое в те времена равнялось показаниям, данным под присягой. Они дали своему бывшему шефу характеристику как «искусному противнику нацизма», который постоянно жил на «вулкане», но, рискуя своей жизнью, все-таки помогал молодым ученым. Во время слушаний комиссии по денацификации было представлено письмо некого Греда Генриха, который до 1939 года проживал в Польше. Автор письма выступал в защиту Шефера, подтверждая, что исследователь использовал свое положение, чтобы спасать его от облав гестапо и СС. Помощь беглецу была оказана, несмотря на то, что они пересекались всего лишь пару раз на берлинской квартире Штреземана.

Определенный как «попутчик нацистского режима» Шефер покинул лагерь 29 апреля 1948 года, в тот же самый день, когда комиссия по денацификации фактически оправдала его. Впрочем, некоторое время спустя данное решение попытались опровергнуть. Но на этот раз Шеферу удалось добиться повторного рассмотрения его дела в Нижней Саксонии, куда он переехал вместе с семьей. Очередное судебное разбирательство закончилось тем, что Шефера классифицировали как «исследователя Тибета», который не может быть ущемлен в правах. Впрочем, суд все-таки признал, что Шефер поддерживал национал-социалистический режим, но из-за уважения к его работам и его имени его отпустили на свободу Суд полагал, что это надо было сделать, даже если бы общественность настаивала на обратном. Впрочем, в данном отношении у Шефера было все спокойно. «Из проверенных источников стало известно, что он оказывал сопротивление СС, помогая личностям, преследуемым по расовым или политическим мотивам».

В целом нет ничего удивительного в том, что Шефер, стремившийся к научной карьере, по оппортунистическим соображениям вступил в СС. Не исключено, что из тех же самых соображений он решил «стать» участником Сопротивления. В письменных источниках, датированных периодом до 1945 года, не сохранилось ни одного документа, который бы мог доказать оппозиционную деятельность ученого.

Опасаясь дальше оставаться в Германии, в 1949 году Шеферу с семьей перебирается в Венесуэлу Правительство этой страны само предложило ему на несколько лет переехать в Латинскую Америку В итоге Шефер поселился в вилле близ бывшего летнего правительственного дворца в парке Ранчо Гранд. Там он в основном занимался изучением мира птиц: в нем наконец-то взял верх орнитолог. Но в своей работе он так и не смог отказаться от «тотального принципа». Он исследовал не отдельные виды птиц, а совокупное влияние экологической среды на животный мир. В 1954 году Шефер, как страстный и умелый охотник, принимал бывшего бельгийского короля Леопольда. Между двумя «бывшими» завязалась дружба. Шефер стал его личным егермейстром. Идиллия длилась недолго. В 1959 году в прессу просочились слухи, что свергнутый немцами в 1940 году со своего престола бельгийский монарх финансирует отставного эсэсовца. Шефер был вынужден покинуть Бельгию, куда он переселился из Венесуэлы, и направился обратно в Германию. У себя на родине он тщетно пытался продолжить свою научную карьеру. Двери университетов оказались для него закрытыми. В итоге до самой пенсии талантливый исследователь должен был подрабатывать смотрителем естественно-научной экспозиции в земельном музее Ганновера (Нижняя Саксония). Он неоднократно пытался вырваться из нищеты, накануне своей кончины публикуя книги о Тибете, но все они не пользовались особой популярностью. О нем начинали забывать. С Шефером даже не считали нужным вступать в дискуссии об обстоятельствах тибетской экспедиции СС 1938–1939 годов, об «Аненэрбе» и об Институте Свена Хедина. Во многом все публикации были окутаны романтическим ореолом, который был присущ всем авантюристам. Со временем специалисты начали находить в его заметках и публикациях огромное количество интересных этнографических деталей. По мере того как удалялись ужасы войны, имя Шефера все прочнее и прочнее входило в мировую тибетологию.

Другим сотрудникам отдела Шефера все-таки посчастливилось продолжить свою научную карьеру. Так, например молодой исследователь Гельмут Хоффман, занимавшийся в замке Миттерзилль проблемами языкознания, после войны стал едва ли не идеалом германской тибетологии. Бруно Бегер благодаря супруге Шефера Урсуле смог некоторое время избегать ареста. В 50-е годы он попытался вернуться к исследованию Азии. Но его репутация мешала продолжить научные изыскания едва ли не до 60-х годов. Но все же Бегеру в отличие о Шефера удалось сделать хоть и не блестящую, но научную карьеру. Отношения бывших участников тибетской экспедиции СС до конца жизни оставались натянутыми. Оба они заочно обвиняли друг друга, но по соображениям безопасности не

выносили свои споры на публику. В то время как Шефер работал в Венесуэле, Бруно Бегер, поддерживаемый своим учителем Людвигом Фердинандом Клаусом, в 1952 году (то есть всего четыре года спустя после выхода из лагеря) в Бонне смог убедить Министерство внутренних дел в необходимости продолжения исследования Тибета. Во время «обследования» американцами замка Миттерзилль в США было вывезено несколько тысяч уникальных экспонатов: книг, рукописей, ритуальных предметов, утвари, одежды и т. д. Стараниями Бегера часть этих тибетских находок была возвращена в Германию. Сейчас они большей частью находятся в Мюнхенском музее этнографии и в Баварской государственной библиотеке (если речь шла о книгах и манускриптах). После возвращения из США многие эти предметы были в удручающем состоянии. Для их консервации и реставрации надо было срочно создавать «тибетский институт». В данных условиях Министерство внутренних дел стало наводить справки о работах, проходивших в рамках Института исследования Центральной Азии имени Свена Хедина. Многие ученые стали предостерегать чиновников от поддержки Бруно Бегера, так как «речь могла идти о возрождении национал-социалистической науки». Прошло много лет, прежде чем Бруно Бегер попал на скамью подсудимых. Его посадили в тюрьму в 1970 году за пособничество убийствам в Освенциме. Но ирония судьбы заключалась в том, что Бруно Бегер намного пережил своего бывшего начальника Эрнста Шефера, который скончался в 1992 году

Список использованной литературы и материалов

Engelhardt, Isrun. Tibet in 1938–1939: The Ernst Schдfer Expedition to Tibet: Serindia Publications, 2007.

Greve, Reinhard.Das Tibet-Bild der Nationalsozialisten, in: Mythos Tibet. // Wahrnehmungen, Projektionen, Phantasien, Hg. von der Kunst-und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland GmbH, Bonn in Zusammenarbeit mit Thierry Dodin und Heinz Rather, Kцln 1997, S. 104-1 IS.

Greve, Reinhard.Tibetforschung im SS-Ahnenerbe. // Thomas Hauschild (Hg.): Lebenslust und Fremdenfurcht. Ethnologie im Dritten Reich, Frankfurt/M. 1995, S. 168–199.

Hale, Christopher. Himmle r's Crusade: The Nazi Expedition to Find the Origins of the Aryan Race: John Wiley & Sons, 2003.

Hedin, Sven.Ohne Auftrag in Berlin. Begegnungen mit Maechtigen des Drittes Reiches. Buenos Aires, 1949, 3. Auf. Kiel, 1991.

Heinemann, Isabel. «Rasse, Sidlung, deutsche Blut». — Gottingen, 2003.

Kateri Michael H.Das «Ahnenerbe» der SS: 1935–1945; ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches. Heidelberg: DtAferl.-Anst. 1966.

Mierau, Peter.Nationalsozialistische Expeditionspolitik: Deutsche Asien-expeditionen 1933–1945: Herbert Utz Verlag GmbH, 2006.

Rudiger Sunner. Schwarze Sonne.Entfesselung und Mibbrauch der Mythen in Nationalsozialismus und rechter Esoterik. Freiburg, 1999.

Schafer; Ernst.Geheimnis Tibet: Erster Bericht der Deutschen Tibet-expedition, Ernst Schдfer, 1938/39: F. Bruckmann, 1943.

«Geheimnis Tibet». Ein Film-Dokument der Schaefer-Expedition 1938–1939 (101m 03s), «Tobis Filmkunde», 1943.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Первый отчет о немецкой экспедиции Эрнста Шефера на ТИБЕТ 1938–1939 Годов под патронажем РейхсфюрерА СС[68]

Сикким как база экспедиции

Нет сомнения в том, что Сикким, сказочная страна, является одним из самых прекрасных мест на Земле. Она расположенна посреди Гималаев, в ней есть и тропические джунгли девственных лесов Индии на юге, и степные области, лишенные какой-либо растительной

жизни, на севере. Сикким граничит на западе с недоступным Непалом, а на востоке — с неизученным Бутаном. Климат в нем колеблется от невыносимо жарких долин тропических Терай[69] до невообразимых ледяных вершин Канченджанги. Эта область объединяет в себе все жизненные пространства: тропики нетронутых цивилизацией лесов, субтропики, изобилующие различными орхидеями; умеренную зону со светлыми березками и мрачноватыми ельниками, что напоминает о нашей Родине, растянувшиеся на много километров чащи рододендрона, покрывала альпийских лугов, пустые выщерблины горных пород и, наконец, вечные снега. Едва ли какая-то страна мира может тягаться с Сиккимом по богатству красок, изобилию форм растительного и животного мира, который кроется в укрытиях горных лабиринтов.

Во время сезона муссонных дождей, который длится с июня по сентябрь, из джунглей подобно чуме выползают миллионы кровососущих пиявок и прочих гадов. Сикким превращается в преисподнюю. Тогда запуганные туземцы дрожат, опасаясь гнва горных духов, которые обрушивают лавины вокруг Канченджанги, высшего повелителя и божества данной страны. Если углубиться в джунгли, то путь будет прегражден мутными потоками грязи, повсюду будут происходить оползни, мосты снесены, а дома смыты, даже автодорога, которая тянется от долины Тисты до Гангтока, столицы тех краев, будет перегорожена в эти месяцы обломками и мусором. Непрерывные ливни превращают маленькие горные ручьи в выходящие из берегов бушующие потоки, а главная водная артерия этих краев, река Тиста, которая пронзает Гималаи в северо-восточном направлении, становится грохочущим чудовищем. Мы пережили ужас муссонных дождей, когда в июне—июле 1938 года пересекали Гималаи, чтобы поставить наши палатки к северу от заледенелых гор, которые являются природным рубежом между дождливым тропическим Сиккимом и сухим Тибетом. Когда к осени заканчивается ужас муссонных дождей, то горный мир Сиккима предстает во всем своем величии и великолепии. Над насыщенно темными джунглями возвышаются закованные в снежную броню горы-великаны, чьи ледники сверкают, как короны. В мае есть время, когда можно увидеть простирающееся в джунглях на многие мили сказочное великолепие цветущих рододендронов. Их только в Сиккиме можно насчитать не менее 30 видов.

Даже в фауне этой маленькой страны встречаются самые неслыханные контрасты. На юге коварный тигр крадется сквозь непроходимые девственные леса, опутанные лианами, чтобы разорвать робкого самбарского оленя. В то же время на севере гибкий снежный леопард в вечных снегах охотится на голубых баранов. А бескрайние степи, простирающиеся от пределов ледяных барьеров до самой «крыши мира», содрогаются под топотом копыт великолепных киангов, самых прекрасных диких лошадей Азии.[70]

Подобно тому, как пестро смешан и сжат в одно маленькое жизненное пространство мир резко отличающихся между собой животных и растений, так же таинственны и причудливы по своей сути люди Сиккима. С расовой точки зрения мы можем выделить три различные этнические группы. Во-первых, речь идет о предполагаемом коренном населении сиккимских горных районов — лепчасах, которые когда владели всем Сиккимом, но в силу своей слабой биологической устойчивости были вытеснены в самые отдаленные горные районы. Лепчасы из всех расовых групп, проживающих в Сиккиме, являются самыми древними, а потому их умственные способности, равно как и материальная культура, находятся на самом примитивном, низком уровне. Они весьма суеверны. Их религия представляет сложную смесь из архаичных духовных представлений и веры в духов, которая только поверхностно посредством влияния буддизма, смогла приобрети некую законченную форму.

Во-вторых, надо упомянуть сиккимских бхутиа. У них тибетские корни, но по расовым признаками и по культурному уровню они фактически не отличаются от тибетцев. В настоящее время сиккимские бхутиа, к которым принадлежит и сама королевская семья, являются истинными хозяевами страны. Благородные семьи этой народности не только

владеют большинством недвижимости в стране, но и оказывают доминирующее влияние на примитивный народец диких лесов — лепчасов. Среди местной знати бхутиа распространена традиция заключения брака с тибетскими девушками.

Наряду с относительно небольшим количеством индусов, которые вместе с бенгальцами проникли в эту страну как торговцы и предприниматели, подавляющее большинство населения состоит из непальцев, которые составляют около 80 % жителей Сиккима. Частично индоарийские, частично монголоидные непальцы являются высокоразвитым как в духовном, так и биологическом отношении народом. Их солдаты, гуркхасы с раскосыми глазами, являются отважными воинами, которые на протяжении многих веков не давали спокойно жить бхутиа. По сравнению с более монголоидными бхутиа непальцы более усердны, невзыскательны и грубы. Они настоящие первопроходцы, которые как крестьяне смогли захватить почти весь Южный Сикким. Напряженные отношения между бхутиа и непальцами объясняются не только экономическими и хозяйственными проблемами, но и вопросами веры. Непальцы являются индуистами, а бхутиа — буддистами. До тех пор пока англо-индийское правительство Сиккима мирится со своим полузависимым положением и позволяет контролировать собственную внешнюю политику, вряд ли стоит опасаться открытых политических и военных конфликтов между этими двумя этническими группами.

В середине прошлого века британско-индийские интересы распространились на Гималаи, к чему стремился еще Уоррен Гастингс. Английские политики стремились к тому, чтобы Тибет стал естественной преградой на пути все более расширяющейся на юго-восток власти русского царя. Тибет, как самая высокогорная страна мира, должен был стать либо вассалом, либо союзником. Вытянутая территория Сиккима связывает жаркие бенгальские джунгли с высокогорными степями Тибета. На востоке горные проходы на высоте едва ли не 4600 метров ведут через Чумбитал на юг, напрямую к ламаистской стране. Испокон века формально независимый Сикким был пролегшей далеко на юг частью Тибета. Реализации английских интересов в Центральной Азии способствовало не только центральное положение Сиккима, как входных ворот на Тибет, но и близкое родство сиккимской и тибетской династий. Препят-ствование торговле, введение специальных таможенных пошлин, грабежи английских торговцев, убийства некоторых британских граждан и, наконец, открытое противостояние англичан и тогдашнего махараджи Сиккима вынудило британцев заключать торговые договоры, экономически развивать эту дикую горную страну, скупая самые плодородные земли на юге Сиккима. В итоге Англия приобрела не только сильного союзника в деле реализации своих амбиций в Центральной Азии, в первую очередь касающихся Тибета, не только великолепные земли от Силигури до Калимпонга и Дарджилинга, которые известны на весь мир, но и смогла осуществить чрезвычайно перспективный план британско-индийского производства чая. Даржилинг еще известен как летная резиденция бенгальского правительства, укрытие белых женщин и детей, которые скрываются там от убийственно жаркого климата индийской долины и Калькутты, ища спасение и освежение как от миазмов и болезней Индии, так и от жутких холодов Гималаев.

Накануне наступления XX века Дарджилинг превратился в великолепный курорт» который постоянно посещает индийское правительство, еще более укрепляя свои отношения с Сиккимом. Вынужденные дружеские отношения стали развиваться еще активнее, когда махарадже Сиккима был предоставлен благосклонный консультант, что позволило правителю самостоятельно давить на тибетцев и правительство Лхасы.

Культурные и политические отношения Тибета с Китаем и в меньшей степени с Россией вызывали тревогу в Индии. Эти опасения усилились, когда были жестко отвергнуты все предложения англичан, предполагавшие сближение с Тибетом. Англичане терпели подобное отношение достаточно долго, до тех пор, пока оскорбления тибетского правительства не перешли все мыслимые и немыслимые границы. Отсутствие подобающей реакции могло натолкнуть тибетцев на мысль о сладости британских позиций. Письма, которые вице-король

Индии направлял его святейшеству Далай-ламе, возвращались полгода спустя так и не открытыми. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения. Вскоре полковник Френсис Янгхасбэнд[71] с хорошо вооруженной армией, состоящей из кадровых индийских военных, после долгого ожидания в Кампа-Дзонге, где тибетцы закрыли вход в долину огромной каменной глыбой, вступил на территорию Тибета. Вооруженное сопротивление отчаянно сражавшихся тибетских отрядов было почти сразу же сломлено, так как британский экспедиционный корпус был не в пример лучше вооружен. В 1904 году полковник победоносно вступил в Лхасу, где в Потале, огромной резиденции священного правителя, были заключен договор, скрепленный печатями, который урегулировал отношения между Тибетом и Британской Индией. Договор действует и по сей день. Несмотря на то что Далай-лама в первую же ночь вступления англичан в Лхасу бежал в Китай, тибетское правительство впоследствии уверилось в дружеских намерениях англичан. Священный правитель проследовал в свою старую резиденцию Потала, где несколько лет прожил в мире за религиозными и политическими делами.

Однако в 1910 году китайцы под предводительством молодого, честолюбивого и весьма бесцеремонного генерала Чжао Эр Фэна через Сетчван вторглись в Восточный Тибет, отбросили наскоро сформированные тибетские отряды в Кхам и начали жечь монастыри. Несмотря на суровый климат, он смогли захватить районы Янцзы, Меконга и Салуина. Китайцы намеревались достигнуть Лхасы и осуществить свою давнишнюю геополитическую мечту, так внезапно разрушенную экспедиционным корпусом Янгхасбэнца. Деятели Англии и Индии пребывали в шоковом состоянии. Там не были в состоянии поверить в факт энергичного захвата Тибета изнеженными, и, как считали, неприспособленными к войне китайцами. Британцы оказались озадаченными, но предпочли придерживаться старой выжидательной тактики: «Ждать и смотреть!» И вот в Китае произошла революция. Маньчжурская династия была свергнута. Чжао Эр Фэн, теперь уже вице-король провинции Сычуань, остался верным императору. Но он находился в Тибете, слишком далеко от мест боев. Его солдаты взбунтовались. В итоге при помощи британских властей они были эвакуированы через Чум-битал и Сикким в Британскую Индию. Власть Чжао Эр Фэна пошатнулась. Он покинул бегством эту негостеприимную горную страну. В беспримерном пешем походе по тибетским пустынным ландшафтам он направился на восток, собрал там новую армию, после чего захватил Чэнду, столицу провинции Сычуань. Но там он был обложен со всех сторон революционными силами молодой республики и в итоге был арестован. Несколько часов спустя на рыночной площади Чэнду при большом скоплении народа, под проклятья, выкрикиваемые республиканцами, был казнен один из самых талантливых генералов Китайской империи. Когдая в 1934 году направлялся в Литанг по пути, который в свое время залил кровью Чжао Эр Фэн, мне показали фотографию тибетской королевы. Она присутствовала на казни в Чэнду. Когда люди стащили обезглавленное тело узурпатора, то она наступила на него ногой.

Именно с этого времени между Китаем и Тибетом не существует четких границ. Неизбежным результатом этого являются партизанские акции и бандитские налеты, с чем мне самому пришлось не раз столкнуться за годы путешествий. Даже английское посредничество не смогло остановить опустошительные набеги китайцев на Восточный Тибет.

Для понимания политических взаимосвязей между Индией, Тибетом и Китаем очень важно учитывать стратегическое положение Сиккима. Эта маленькая страна, затерянная глубоко в Гималаях, сыграла очень важную роль во всех этих беспорядках. Тот, кто, ошибаясь, утверждал, что Сикким транзитная страна, виноват во всем, что творится на протяжении последних 50 лет на азиатском пространстве от Индийского океана до Китайского моря. Когда генерал Чжао Эр Фэн приближался к Лхасе, то Далай-лама, охваченный страхом, что его схватят передовые отряды китайцев, бежал. Его путь на этот

раз лежал через Сикким и Дарджилинг, по которому он следовал, пока не нашел защиту и покровительство у англичан. Только когда ужасы, вызванные китайской оккупацией Лхасы, отступили, Далай-лама, убедивший англичан, с их согласия вновь направился через Сикким в тибетскую столицу. В Тибете тотчас. началась борьба за власть между двумя «живыми божествами»: Далай-ламой и его противником Панчен-ламой (или Таши-ламой), резиденция которого располагалась в Ташилумпо. Это противостояние закончилось бегством в 1924 году Панчен-ламы в Китай. Далай-лама умер в 1933 году в Лхасе. После смерти своего соперника Панчен-лама в 1937 году пожелал вернуться в «страну великих горных ледников». Но некоторое время спустя преследуемый богочеловек скончался в Чжекундо в верховьях Янцзы, не успев вступить на родную землю. От смерти не могут скрыться даже «живые Будды». Впрочем, души этих первосвященников до сих пор продолжают парить над горами Тибета. Индийские правительственные войска, расположенные для защиты британских представителей в Ятунге и Гьянцзе, не решаются произвести ни одного выстрела, так как ожидают возрождения Далай-ламы в маленьком ребенке, который должен быть найден тибетскими ламами. Англичане высокомерно издеваются над этим преданием. Они остаются хоть и вооруженными, но все-таки гостями, чуждыми этой стране.

В данном случае, пожалуй, только политические офицеры, эти старые колониальные вояки, искусные дипломаты и знатоки душ тибетского народа, могут реально отстаивать интереЛ»! Англии. Впрочем, они позволяют тибетцам следовать путем, заповеданным их средневековым мистицизмом: «Жди и смотри!» Махараджа и (милостью англичан) король Сиккима — это невысокий человек средних лет. Но влиятельные британцы рассказывали мне, что у него железная волы и кипучая энергия. Он ведет свое необременительное земное существование в высоком дворце, затерянном в джунглях на склоне одной из гор Гангтока. Из достоверных источников мне стало известно, что его семья происходит из восточнотибетской провинции Кхам, где живут самые свободолюбивые, но в то же время самые дикие племена, промышляющие разбоем. Наверное, мягкий субтропический климат Гангтока на протяжении многих поколений сказался на характере местных правителей, так как мы нашли, что махараджа был миролюбивым и даже нерешительным человеком. Он, как правоверный буддист, покорно смирился с трудностями, которые мы ему доставляли во время охоты, отстреливая животных для нашей зоологической коллекции. Он шел по тропинке и только прикрывал глаза ладонями. В этой связи я очень ему благодарен. Я нашел странное противоречие в том, что личность и величие махараджи должен был символизировать дикий, скалящий зубы, воинственный тибетский бог Шагдор. Только когда один из пяти «государственных секретарей Сиккима» в глубоком почтении склонялся перед своим правителем, едва ли не касаясь лбом земли, я замечал в глазах махараджи, спрятанных под круглыми темными очками, повелительный блеск. В это время я видел проявление давно ушедших времен. Как бы то ни было, но мы в качестве официальных гостей Его Величества великолепно провели время. С особым удовольствием я вспоминаю вечера, когда махараджа в своем дворце рассказывал мне о высшем божестве Канченджанги и о таинственном снежном человеке «мигю», в которого он свято верил и который когда-то должен был навлечь страшную беду на Сикким. Его Величество утверждал это совершенно серьезно.

На меня махараджа Сиккима произвел впечатление совершенно нормального и в чем-то не очень уверенного человека. Наверное, мне не представился случай познакомиться с его главной чертой характера. Местные жители верили в то, что он одним мановением своей хрупкой руки был способен остановить бурю и разогнать грозовые тучи. Сам я не решился задать этот вопрос махарадже. Но один из его министров, посещавший английский колледж, очень хитро подмигнул, когда я спросил его об этом.

Для того чтобы описать соотношения сил в Сиккиме, важно отметить, что предшественник нынешнего махараджи, учившийся в Англии и бывший очень способным

человеком, трагически погиб буквально после своего вхождения во власть. Обстоятельства его гибели был весьма загадочными и таинственными. Я слышал много историй о гибели любимого простолюдинами правителя. Но никто не смог рассказать чего-то конкретного. В любом случае можно констатировать, что сиккимская знать стремится (по понятным причинам) к прогрессу. Злые языки в Гангтоке утверждают, что нынешний махараджа не притрагивается ник одному блюду, не дав его предварительно попробовать какому-нибудь камердинеру. Лишь после этого он приступает к еде. Другие утверждают, что даже махарани (королеве) нельзя готовить для ее повелителя и супруга никаких съестных блюд. Но мы не видели ничего подобного.

Сейчас махараджа и махарани живут отдельно друг от друга. Для этого, собственно, нет никаких причин, так как тибетский предсказатель, который должен составлять гороскоп накануне каждого бракосочетания, перед королевской свадьбой выдал пророчество, что Его Величество будет иметь шесть детей, но Ее Величество — семь детей.

Теперь махарани находится в тянущемся почти год паломничестве в Лхасу. Там находятся ее семейные владения. На обратном пути она сообщила своему господину и повелителю, что находится в положении и готова дать жизнь новому Далай-ламе. Но из данной затеи ничего не получилось, так как у махарани родилась девочка. Сиккимские принцы и принцессы являются прелестными детьми, миловидными, с безупречными манерами. Отчасти их воспитывают в Калимпонге, в Британском Бутане, отчасти в английских школах Силмы.

Официальной государственной религией Сиккима является буддизм. Индуизм, который повсеместно распространен среди непальцев, никак не учитывается при проведении государственной политики, он не финансируется из казны и не получает никакой другой финансовой поддержки. Однако многие признаки указывают на то, что буддизм в Сиккиме утвердился не так давно. Эта религия прибыла в Сикким не из Индии, как во всю Азию, а уже с севера, когда ламаизм закрепился в Тибете.

В тибетском ламаизме существует множество сект. Самой влиятельной из них является желтая, «реформистская» секта Гелюжпа, которая широко представлена в Центральном Тибете, в то время как «ортодоксальная», красная секта Нимапа имеет сторонников преимущественно в Восточном Тибете. В противоположность тому, что в Южном и Центральном Тибете преобладает желтая секта, что вызвано близостью Лхасы и Шигацзе, в Сиккиме мы обнаруживаем исключительно старую форму ламаизма. Поэтому само собой напрашивается, что семейство королей Сиккима принесло свою религию из Восточного Тибета, которая попала туда, проделав долгий исторический путь. Главное различие между этими двумя сектами состоит в том. что приверженцы желтой секты должны следовать более строгому образу жизни, а монахи должны соблюдать принцип ритуального безбрачия Сторонники красной секты чувствуют себя значительно свободнее. В строгом понимании здесь даже не существует обязательного безбрачия. Данный культ в большей мере связан с верой в духов и демонов, что очень гесно переплетается между собой Красная секта является более архаичной формой ламаистской религии.

Несмотря на то чю разница между двумя направлениями является чисто догматической, касающейся только отдельных святых и буддийских трактатов, что в повседневной жизни вряд ли может заметить обыкновенный тибетец, религиозные церемонии сект очень сильно различаются между собой. Интересно хотя бы с географической точки зрения, чю связанная с культом демонов, изданием нечистых духов, анимизмом и шаманизмом красная секта доминирует в тех районах, где окружающая среда с ее демоническими силами господствует над человеком: посреди высокогорных лереватов, затерянных долин п заросших непроходимыми джунглями горных лабиринтов. В низинах и на более открытых пространствах, где явственнее видна жесткость природы и есть возможность ее естественной интерпретации, преобладают сторонники желтой секты. В момент, когда каждый год

божество Канченджанги спускается к людям с трона «пяти священных вершин вечных снегов», чтобы даровать им силы и свое благословение, а в ответ принять прославление человечества, ламы собираются в храме Гангтока. Они проносят в торжественной процессии позолоченную статую бога Чамба и сто восемь свитков ламаистской энциклопедии по вечнозеленым улицам столицы. В жестком ритме звучит стилизованная буддийская музыка. Ламы приносят в окружении ста восьми свитков закрытое ширмой грядущее божество обратно в храм.

Военный танец богов

В сентябре, в пятнадцатый день седьмого тибетского месяца, когда закончились ужасы муссонных дождей, само провидение пошло нам навстречу. На большой просторной площади перед храмом, что располагается недалеко от дворца махараджи, мы увидели «военный танец богов» — одну из самых впечатляющих и красивых церемоний буддийского ламаизма, которая проходит с размахом и помпой. Самая красивая маска, надетая на одного из танцоров, символизирует собой божество Канченджанги. Ритуальные пляски группы лам, обкаченных в красные одежды и желтые митры, сопровождаются звуками бубенцов, флейт, дудок, барабанов. Над площадкой непрерывно звучит дикая и совершенно безумная музыка, которая рвется ввысь к небу Всей этой чудесной церемонией руководит настоятель древнего овеянного множеством легенд монастыря Пемаянгцзе, который располагается в горах недалеко от Гангтока. Здесь верят, что сиккимцы были порождены святым волшебником Падма-самбхавой.[72]

Наверху на границе лесов ночью из земли вылезли тысячи лазурных колокольчиков горечавки, звезды эдельвейсов засверкали во всем великолепии, а в тусклых хвойных чащах редеет туман. Период дождей заканчивается. Это как раз то самое время, когда ожидается «прибытие» божественного покровителя Гангтока на большой праздник. Уже в сиккимских горах нас догоняет приглашение махараджи принять участие в больших танцах, посвященных Канченджанги.

Благочестивые ламы тихо и усердно бормочут молитвы, которые великий Будда произнес множество веков назад. Со стоическим спокойствием тысячи фанатичных монахов в длинных, струящихся одеждах сидят и медитируют. Они стремятся к вечности и отреклись от этого мира.

Десятки тысяч сгорбленных от старости мужчин и пожилых женщин крутят в одинаковом ритме молитвенные ручные мельницы, в которых скрыты священные знаки. Бесчисленное количество крестьян, спустившихся с гор, твердят еле шевелящимися губами в надежде на счастье формулу молитвы: «Ом мани падме хум (Славим тебя, о драгоценность в чаше лотоса)». Безропотно они полагаются на свою судьбу. Они несколько месяцев несли не себе бремя забот, когда горы их повелителя были сокрыты и только грохот лавин возвещал им, что боги еще живы.

Через расселины Гималайских гор на головокружительной высоте еще виднеются последние дождевые тучи. Мимо утесов и скал проносятся ведьмы тумана, они подстегивают ливневые облака, чтобы те в последний раз излились на тесные чащи лесов. В это время ни один благоразумный европеец не решится войти в лабиринт скал самого огромного на Земле высокогорья. Однако мы появляемся там, посреди насыщенной силами стихий божественной природы, и хотим идти еще дальше, еще выше.

С нами произошла неприятность. Один из наших верных шерпасов[73] чуть было не свалился с обрыва. Его успели спасти. Вечером, когда уже потухли последние лучи дневного света, сижу подперев голову и размышляю. Закончен ужин, и мои приятели вернулись к работе. Напротив меня присел Винерт. Наверное, его терзают те же чувства, что и меня. Впрочем, как и любого человека, осознавшего цену жизни. Все мысли крутятся вокруг одного: что есть жизнь человеческая, и от каких малых обстоятельств она зависит?

Я слышу за собой шлепанье босых ног. Пеней, начальник наших шерпасов, повар и еще один носильщик незаметно вошли и смотрят на меня большими, словно увеличенными от ужаса глазами. Мы уже видели как Пеней, сидя прямо на земле, листал наши книги. Теперь он протягивал книги, написанные англичанами. На обложке одной из них изображена страшная маска, на другой — сход снежной лавины. Читаю название одной книги — «Канченджанги, горы и боги». Тут все трое хором начинают говорить.

Их решительный вид и тихий язык нравятся мне. Но то, что они говорят, является для меня горьким обвинением. Они утверждают, что нас ожидает большое несчастье, так как мы не верим в Канче, страшного бога дикого Сиккима, который держит судьбу людей в своих ледяных пальцах. Поэтому сегодня Канченджанги послал нам неудачу, так как мы были язычниками. Когда они произносят последнюю фразу, я понимаю, что туземная команда колеблется, что может вспыхнуть бунт. Я говорю одному из этих детей природы, что мы также верим в великого Будду, в душу мира и в Бога. Мы верим, как и они в Канче, как часть всевластной природы. Поэтому мы, как одна большая семья должны идти либо навстречу жизни, либо вместе встретить смерть. Сегодняшняя неприятность и благоприятный исход являются лишь знаками того, что Бог и Будда хотят испытать нас, являемся ли мы достаточно смелыми.

Они остались довольны, так как нуждаются в поддержке. Когда на следующий вечер мы сели все вместе и стали беседовать о будущем, Пеней заверяет нас, что мы можем порезать их всех на куски, но они будут стоять за нас горой, пока жив хотя бы один из шерпасов. Барасахиб[74] может быть в них уверен. Канче — это не только одна из высочайших гор в данной стране, а еще олицетворение демона, который является божеством и злодеем одновременно, все зависит от того, пребывает ли он в хорошем или плохом настроении. Он этого зависит, страдают или процветают люди. От этого зависел и исход нашей экспедиции. Туземцы полагают, что Канче является сторожем-великаном. Его голова находится на Эвересте, тело — в Канченджанги, а ноги протянулись по Силигури в индийской долине. Во время муссонных дождей этот внушающий ужас великан спит, мягко устроившись на облаках. Горе тому человеку, который по недоумию или по неосторожности разбудит его. Тогда небо разверзается, горы неистовствуют, град уничтожает урожай, а все результаты летних трудов крестьян смывает паводками. Поэтому ламы постоянно молятся. Они во всевозможных формах превозносят Канче. Они пытаются приглушить его ужасную музыку в горах и на равнинах, делая все возможное, чтобы задобрить великана.

Ламы делают это неделями напролет. День и ночь звучат трубы, а глухой звук барабанов несется от одиноких монастырей по долинам. Монашеская жизнь достигает своего апогея в большом храме в Гангтоке. Повсюду идет подготовка, чтобы достойно встретить божество страны. В середине августа великий настоятель Пемаянгцзе в сопровождении 50 лам появляется в Гангтоке, чтобы по древнему обычаю самому командовать праздником.

Говорят, что древние великие ламы неделями не знали сна, так как выполняли задание, которое состояло в том, чтобы умирить Махакалу,[75] гордого защитника «южных перевалов», и всемогущего Канченджанги, чтобы те изгнали страшных демонов муссонных дождей и спустились к людям в день полнолуния, и во время парада победоносных бойцов приняли человеческое почтение и поклонение.

Ламой был первый махараджа Сиккима, который после захвата власти в стране ввел в ней буддизм. Он умолял оба этих всемогущих божества дать ему благословение и раз в году спускаться из своих ледяных дворцов и являть народу свое всевластие. С этого времени раз в году, в начале осени, в Сиккиме происходит «военный танец богов». Богов изображают не ламы, а лучшие молодые бойцы из числа сиккимской знати.

В канун большого праздника я находился в доме одного высокопоставленного сиккимского кхаси,[76] личного секретаря Его Величества махараджи, Раи Сахиб Таши Дадула. «Видите, — сказал хозяин дома, — «Сикким, по сути, является частью Тибета. Даже

если бы наше культурные развитие было предопределено только географическим положением, то мы все равно гордились бы этим фактом».

«Прекрасно, — отвечаю я ему, — но Сикким граничит не только с Тибетом. Значительная доля населения — это выходцы из Непала, которые иммигрировали в окрестности Дарджи-линга в прошлом столетии из Катманду и принесли с собой индуистскую веру. Кроме этого, вряд ли подлежит сомнению тот факт, что на юге просторные долины граничат с Бенгалией. Кроме этого, имеются коммерсанты-мауари, торговцы из Пенджаба, а также нельзя недооценивать влияние Бутана, который находится на востоке. Я уж не говорю о загнанных в джунгли лепчасах, коренном населении Сиккима. Даже такой примитивный народ, как лепчасы с их темными суевериями, все еще сохраняли следы древнейшей культуры».

«Определенно, все эти факты очень сложно отрицать», — прервал меня Раи Сахиб. А затем продолжил торжественным голосом, преисполненным гордости: «Но мы являемся правящим классом, бхутиа-кхазис, уставным дворянством тибетского происхождения. Наши предки прибыли из Тибета и захватили Сикким. Мы принесли буддизм и даровали культуру этой стране. Женщина, которая родила нашему махарадже четверых сыновей, является чистокровной тибеткой, происходящей из древнейшего благородного рода. Все наши родственники — это либо влиятельные люди в Лхасе, Гьянцзе и Шигацзе, либо высокопоставленные офицеры в тибетской армии. Мы сочетаемся браком только со своими и чувствуем отвращение к прочим расовым элементам. Если мы не находим подходящих девушек с Сиккиме, то направляемся в Тибет и выбираем жен именно там, по ту сторону границы. Действительно, нас не очень много, но у нас впасть, что является гордостью, а несение культуры является нашей привилегией». «Да, но все же имеются непальцы и лепчасы», — осмеливаюсь. я возразить в ответ. Однако Рай Сахиб настолько бурно прореагировал, что я не могу говорить дальше. «То, что касается лепчасов, — продолжает он с пренебрежительным выражением лица, — то они не рождены для правления. Они хорошие граждане — скромные, усердные, послушные. Но они не воины, они избегают любых опасностей, а потому находятся там, где в итоге оказались — посреди джунглей, где никому не мешают. Они даже буддизм восприняли от нас. Их знать считает собственными только джунгли. Они не доставляют нам хлопот. Напротив, они самые добросовестные налогоплательщики. Они точно следуют всем нашим указаниям, хотя имеют все причины быть недовольными».

При этих словах лицо Раи Сахиба помрачнело. Несколько резко он продолжил: «Несколько иначе дела обстоят с непальцами. Пожалуй, они весьма усердны и невзыскательны, но их становится все больше и больше. Они борются за каждую пядь земли. Они усердные рабочие, что позволило некоторым из них занять высокие посты в государственном аппарате. Их знать преследует более далекие цели, нежели наши собственные. Они делают это хотя бы потому, что эти цели придуманы не нами. Хорошо, что среди непальцев, как в самом Непале, так и Сиккиме, существует множество каст, что не дает им возможность объединиться. Даже если непальцы сейчас не представляют угрозы для Сиккима как для буддийской страны, то я не исключаю, что опасность все-таки возможна, особенно тогда, когда они откажутся от кастовой системы. Во всяком случае, мы являемся и останемся правителями этой страны. Мы — буддисты, которые терпят, но отнюдь не поощряют чужую религию». «А что Вы думаете о христианстве?» — спросил я собеседника. «Я не могу слишком много рассуждать на эту тему, так как очень слабо разбираюсь в ней. Я соглашусь с тем, что миссионеры сделали очень много добра. Они познакомили нас в целом с медициной и гигиеной. Но все их последователи вряд ли разделяют их веру. Большинство таковых мы зовем «рисовыми христианами». На самом деле они являют собой самых ленивых, самых неполноценных, самых жалких представителей низов: паразитов и трутней. Они приняли христианство, чтобы бесплатно получать рис в миссионерских пунктах. Теперь

они могут еще больше лентяйничать. А еще это сказывается на воспитании молодежи, так как мальчики и девочки, воспитывающиеся в миссионерских школах, свободно общаются между собой, хотя здесь это рассматривается как постыдное действие». «Не слишком много Вы поведали о полезной деятельности миссионеров», — усмехаюсь я. «Мои слова — еще не приговор*, — парирует тактичный азиат. «Но факт остается фактом. На весь Сикким имеется три миссионера. Все трое должны раз в полгода продлевать документы для пребывания здесь».

«Впрочем, мы, кажется, хотели попить чая», — говорит Раи Сахиб и ведет меня под руку в завешенное коврами помещение. Там на столе стоит ваза с печеньем и свежеиспеченный пирог. «Я расскажу Вам о военных танцах все, что знаю, или все, что пожелаете узнать Вы. Это исключительно сиккимское явление. Чего-то подобного Вы не найдете ни в одной стране мира, даже в Тибете, хотя сама идея военных танцев позаимствована именно оттуда».

В священных книгах первый махараджа Сиккима Чагдор Намгьял записал следующие указания относительно повторяющихся каждый год танцев: «Военный танец совершается только буддистами северной школы.[77] Он является символом сиккимского ламаизма. Его высшая цель состоит в том, чтобы почитать бога Канчен-Дзод-Нга (Канченджанги). Бог появляется в красных одеждах, с красным (окровавленным) копьем в руках верхом на белом коне или на белом горном льве. Он — сиккимский бог войны. Ему регулярно должны возноситься разнообразные хвальбы и приноситься жертвы теми, кто еще в состоянии носить оружие. С танцами связано развитие воинской помпезности, что должно понравиться богу войны, который должен повысить боеспособность и гордость нации. Чтобы торжество не свелось к банальному богослужению и заклинанию демонов, ламы просят черного кровожадного Маха калу, повелителя всех духов и демонов, чтобы тот развернул свое знамя и помог Канченджанги защищать буддийскую веру и государство. В итоге народу должны быть дарованы мир, богатство и благополучие.

Кроме этого, военный танец должен способствовать физической закалке. Он должен отрывать лам и молодежь из семей знати от лени, праздной, оседлой жизни. Напоказ должны выставляться и в итоге культивироваться сноровка, дисциплина, энергичность, сила и выносливость. Но в первую очередь танец должен поднимать дух и улучшать мораль в воинских частях. В искусном объединении воспитания физической силы с религиозными мотивами и безоговорочной преданностью в богослужении оказались заложены важные государственные устремления. Во время тренировок танцоры должны вести уединенную жизнь, тесно связанную с религиозными запретами. Им запрещены половые отношения. Им нельзя употреблять алкоголь. Каждый отдельный танцор — это представитель государства, который должен быть безупречным. Он должен воодушевляться своей верой. Танцор должен быть рад и горд за то, что выполняет всеобъемлющую волю бога войны, который подвигаем к действию самим Махакалой, покровителем всех духов. Танцоры должны быть облачены в шлем, нести меч и щит, должны быть одеты как настоящие воины, то есть походить один в один на победоносных завоевателей Сиккима. Шелковые шарфы, перехватывающие их грудь крест-накрест, должны быть затянуты настолько туго, что образуют защиту от ударов меча, а в случае ранения являются повязкой. Яркие пестрые цвета одежд символизируют принадлежность к разным частям, которыми командовали различные полководцы. От ликующих триумфальных выкриков над полем висит: «Ки ки ху ху — Ки ки ху ху». Так возвещают о победе, что должно порадовать сердце великого Махакалы».

Утром многообещающе го'дня ярмарочную площадь перед большим храмом Гангтока окутывает густой туман. Кажется, что бог погоды не услышал молитвы лам. Но появившееся солнце начинает разгонять влажные клубы низковисящего тумана, прежде чем мы успели закончить завтракать в резиденции для официальных гостей махараджи: становится понятно, что нас ожидает день, который будет радовать солнечной погодой. Настал день, который в течение долгих месяцев мы представляли себе и нетерпеливо ожидали его приближения. Это

очень большое событие. То, что ожидает нас сегодня, в действительности является одним из самых ярких и запоминающихся впечатлений, которые едва ли возможно в полной мере передать рассудительному европейцу.

Картины быстро сменяют друг друга. Они превращаются в хаос ярких кричащих цветов и отрывистых звуков, которые мечутся из стороны в сторону, вызывая ощущение огромной бурлящей массы. Предвкушая что-то необыкновенное, мы уже с самого утра направились на площадь, чтобы увидеть это танцевальное представление с самого начала. Постепенно собирается толпа празднично одетых зрителей. Перед нами предстает завораживающее зрелище. Завершаются последние приготовления. Услужливые прислужники снуют туда-сюда. Армия пестро одетых чиновников и полицейских ставит палатки для почетных гостей праздника. Все пребывают в состоянии крайнего возбуждения.

Посреди всех палаток стоит роскошный шатер махараджи, в котором специально для нас поставлены мягкие кресла, на которые в суете праздника мы так и не присели. Рядом из зеленых папоротниковых ветвей и хвойных лап возводится еще один шатер, в котором после полудня мы должны сесть за трапезу. Рядом расположена палатка для знати и высших чиновников. Все эти строения расположены полукругом вокруг храма, так что нам предоставляется возможность хорошо разглядеть центральную танцевальную площадку со всех сторон.

Наши глаза не сразу привыкают к пестроте и буйству цветов, которые превращаются в дикую неразбериху Мы не успеваем поприветствовать всех кхаси, так как на площади появляется пара «азаров»,[78] чтобы шутками и дурашливыми выходками прогнать с ярмарочной площади злых духов и проложить путь танцорам. Эти два клоуна, которые показывают мужчину и женщину, регулярно изображаются молодыми ламами. Но они не принимают никакого участия в религиозных танцах. Наряду с официальными функциями им предстоит выполнять еще одно благородное задание — достаточно долго развлекать публику всяческими задорными выходками. Танцы являются испытанием терпения не только для принимающих в них участие молодых людей, но и для самих зрителей. Азары начинают свое выступление с невинных проделок. Они гоняются друг за другом, танцуют в нелепых позах и делают смешные жесты, намекая тем самым на самые различные ситуации в человеческой жизни. Затем они могут схватить какую-нибудь собаку за хвост и таскать бедное животное несколько минут, к немалой радости собравшейся публики.

Мы медленно оглядываем всех собравшихся, пока наш взгляд не вылавливает из толпы группу хорошо одетых тибетцев, которые держат за узду двух изукрашенных жеребцов. У азиатских пар ней дикие и решительные лица. Они осознают ту знаменательную роль, которая во время танцев отведена им и вверенным им гордым животным. Эти два жеребца — это верховые лошади для двух высших божеств. На этих жеребцах никогда не будут ездить люди, их никогда не будут использовать в работах. Это священные животные, предназначенные только для божества, а потому за ними ухаживают в конюшнях махараджи. Канченджангская белая лошадь — это дикое, весьма своенравное животное, которое было выведено именно в Тибетском регионе. Племенной жеребец украшен красными шелками и несет на себе символ царской милости — пучок павлиньих перьев, который закреплен на его прекрасной, породистой голове. Боевой конь Махакалы, напротив, черный как смоль. Его голова, как и сам победитель демонов, украшена изображением человеческих черепов. От изобилия людей и чувствуя приближение сатанинских сил, жеребец бьет копытами, раздувает ноздри. Он чувствует приближение зла, и его вряд ли можно успокоить. Когда мы изучали священных жеребцов, гром музыки, — издаваемый тремя группами музыкантов, возвестил о том, что наступило время нового действа. Ряды зрителей начинают сплачиваться. Храм полностью облеплен пестрой толпой. Все присутствующие с нетерпением глядят на дворец, ворота которого начинают медленно открываться. Его Величество

махараджа, за которым следует длинная шеренга знати, медленно, с осознанием собственного достоинства направляется к храму, чтобы помолиться и вызвать богов.

Знаменосцы в огненно-красных облачениях с ярко-желтыми тибетскими шапками на головах, лепчасские гвардейцы в багровых куртках и шлемах с павлиньими перьями, крепкие воины бхутиа в боевой раскраске отдают салют. В этот момент музыканты начинают играть. Музыка, возвещающая прибытие божеств, больше напоминает какофонию. Лепчасы, набирая полную грудь воздуха, дуют в рога. Непальские волынки режут слух высокими, визгливыми звуками. Со стоическим спокойствием грукхас бьет в большие литавры. Его лицо, застывшее как лед, не меняет своего выражения. Мы снимает все это на кинокамеру, до тех пор, пока музыка не раздается в храме. Махараджа со своей свитой приближается к нам. Мы здороваемся с ним и вновь продолжаем снимать эти фантастические картины.

Из храма вытекает пестрое шествие. Ламы в красных и желтых одеяниях завернуты в зеленые и синие покрывала. Солнце освещает их, и нашему взору предстают непостижимые сцены, исполненные магической силы. Священники выстраиваются. Инструменты продолжают издавать ужасную музыку. Танцоры бога войны в вихре дикой пляски начинают теснить собравшихся. Они начинают игру, полную беззаветной самоотдачи, которой мы никогда до этого не видели и вряд ли увидим еще. Медленно, словно выверяя каждый шаг, шумя щелками, двадцать вассалов Канченджанги начинают дико кружиться, поблескивая своими мечами. В танцевальном шаге они совершают круг, становятся в ряд и возносят громкими криками первое почитание божеству войны. Мимика на лицах фанатичных воинов, которые преданы танцу и божествам, является жестокой и непостижимо-загадочной. Серьезность данного исполнения усиливается непреклонными чертами монголоидных лиц. Звучит команда. Мечи направляются к центру, щиты блестят как золото, цвета расплываются в неистовом импульсивном движении.[79] Едва ли возможно выхватить из этого вихря отдельные безумные прыжки. В этом хаосе цветов нельзя уловить даже отдельных движений. Но в каждом из них чувствуется законченность и гармоничность.

В каждом их выпаде, в каждом внезапном повороте чувствуется самоотверженность. Иногда из вихря танца взгляд вырывает лица. Даже под огненно-красными шарфами видно, что они покрыты капельками пота. Шаги начинают замедляться, и вновь раздается команда. Вновь блестят мечи, сверкают щиты, на шлемах развиваются пучки. Все это созвучно тому, что требует от своего воинственного народа Канченджанги: выносливости, силы и самообладания.

Не делая ни одной остановки, танцоры кружатся все в новых и новых позах, набирая то неистовый темп, то сбавляя его, то издавая неистовые крики, то кружась в полном молчании. Мы зачарованы этим захватывающим представлением, которое втягивает нас все глубже и глубже в сферу магических явлений. Однако апогеем истинного военного танца является пленительный и фантастический таинственный танцевальный ход «дорж гро дорджидрос». Это экстатическое и невероятно дикое переживание, когда пять танцоров, каждый из которых символизирует одну из вершин Канченджанги,[80] начинают символическое действо, которое провозглашает победу правды над ложью, добра над злом. Я чуть было не посчитал оскорблением, когда личный секретарь Его Величества дернул меня за рукав и вырвал из плена этого увлекательного представления. Тем не менее, заботясь о нашем физическом самочувствии, он пригласил нас в почетный шатер, где нам надо было подкрепиться отменной китайской пищей.

Мы предпочитаем пить кофе из термосов, чтобы не пропустить появление божеств. Внезапно группа лам начинает издавать глухие звуки. Все зрители напряжены и волнуются. Горнисты занимают свои позиции по обе стороны от храма. Военные танцоры обнажают мечи. Тяжелые занавеси распахиваются. В плавном движении появляется нереально огромный бог войны. Он танцует с мастерством и грацией, которые не должны быть присущи такому гиганту. Энергичные, но элегантные движения божества являют собой полную

противоположность неистовым па его воинов. Во всем чувствуется его повелительность. Роскошные одеяния Канченджанги поблескивают в лучах солнца, которое уже начинает клониться к закату. Неожиданно небо окрашивается в янтарный цвет. Кажется, что облака разошлись, чтобы сам гора взирала, выражают ли люди покорность своему повелителю! В начале танца к божеству войны подводится жеребец. Великолепное животное с уздечкой, украшенной драгоценностями, тоже отдает честь своему божественному повелителю. Вновь звучит музыка, и в такой же торжественной манере появляется Махакала, демон всех демонов. Его сопровождают несколько лам. Он кружится в беспорядочном танце. Его кровожадную голову черного цвета венчает корона из человеческих черепов. Черты его лица страшные и резкие. Он держит смертоносное копье. Одеяния, контрастирующие по цвету с украшениями божества войны, еще сильнее подчеркивают символичность Канченджанги. После того как два самых могущественных божества заканчивают свой танец, они водружаются на золотые тронные кресла, чтобы принять парад воинов. Махакала сидит справа, а Канченджанги — слева. Первым из группы танцоров выпрыгивает герольд Махакалы. Вновь блестит оружие, а он сам глубоким, сильным и проникновенным голосом возносит хвалу божеству: «Сегодня ты, гордый и непобедимый Махакала, заботящийся о мире и человеке, вновь находишься среди нас, чтобы исполнить свои тяжкие обязанности. Стрелы, копья, мечи и кинжалы вновь блестят, и, как прежде, они направлены на врагов. Горы мертвых тел станут твоим пиршеством на этом празднике. Ты запьешь их морями крови, а твоими лакомствами станут глаза, уши и языки. Тот, кто любит жизнь, будет приведен сегодня к тебе, но тот, кто готов умереть, будет приближен тобою. Махакала разорвет красный поток твоей жизни и пожрет твое тело на божественном праздничном пиршестве. Это он, опьяненный кровью, сокрушительный демон демонов. Слава Махакале, духу всех мертвецов. Ки ки ху ху! Ки ки ху ху! Ки ки ху ху!» Едва только заглохли звуки боевого клича, как вперед из рядов воинов выступил герольд Канченджанги и начал свое восхваление божества: «О, победитель врагов, совершивших все десять прегрешений! О, высочайший хранитель страны риса! О, властитель всех гордых существ, которым ты являешься в ледяном великолепии в образе непобедимого великана горы Дзод-нга (Канченджанги)! Увидь, что сегодня мы все склонились перед тобой. Ты наш вечно молодой бог войны, а твое сердце мягко так же, как Дхарма-кайя.[81] Ты светишь пятикратной чистотой нашей стране. К тебе устремляются победоносные отряды всех духов и богов, однако ты подобен штормовому ветру и ездишь верхом на белом жеребце целомудрия. В неистовой ярости ты являешь врагу свои три глаза до тех пор, пока мы не одерживаем победу. Теперь ты величественно возвышаешься на своем золотом троне, о наш повелительДзод-нга, наш бог войны, наш пятивершинный символ верности, чести, смелости, великодушия и победы! Все четыре ветра возвещают нам о твоей милости. Твой трон будет возвышаться так же крепко, как крепки алмазы в твоей короне. Ки ки ху ху. Ки ки ху ху. Ки ки хи ху!»

И тут со всех сторон раздается боевой клич: «Ки ки ху ху! Ки ки ху ху!» В вечернем солнечном свете блестящие мечи вспыхивают ярким светом и преклоняются перед божествами. Но один меч блестит больше других. Его обладатель начинает кружиться и возносить песнь оружию. «О, мое пропитанное кровью лезвие! О, мой меч жизни! Тысячи демонов ковали тебя из громового металла,[82] тысячи богов тебя заклинали и заговаривали. Летом белые горные владыки закаляли тебя, а зимой земли вечного моря раскаляли тебя. Ты впитал в себя жар огня и прохладу озер. Тебя окунали в чудесные яды и шлифовали человеческими черепами. Ты значишь для нас больше, чем все сокровища мира. Когда я размахиваю тобой, то сыплются искры. Когда я опускаю, то с тебя стекает кровь. Ты лишаешь жизни врагов, ты сносишь ветви инжира, ты разрываешь в клочья нечистых духов. Ты ужасный нацеленный меч. Для меня ты самый верный и самый дорогой из всех моих друзей. Твое страшное имя — «блестящий луч смерти». Ки ки ху ху. Ки ки ху ху. Ки ки ху ху».

Божества встают со своих мест и, танцуя, направляются обратно в храм. Год спустя они вновь выйдут из него вечно молодыми, чтобы снова явить себя народу. Воины ликуют, звучат сигнальные выстрелы, летит глухой бой в барабаны. Теперь, когда боги вернулись обратно на свои ледяные вершины, махараджа приглашает нас изведать традиционного «мувара», сиккимского пшенного пива. Оно пьется при помощи длинных и тонких бамбуковых палочек, которые, после сушки на жарком субтропическом солнце, выполняют функциисоломинок. Напиток нам приходится по вкусу. Тем временем все воины, танцоры и удерживавшие жеребцов люди собрались приносить последнюю благодарственную жертву, для чего направляются торжественной процессией к храму, где исчезли божества. Впереди идут лепчасские воины, за ними следуют конюхи, танцоры.

Процессия заканчивается толпами ликующего и кричащего народа. Они совершают три ритуальных обхода храма.[83] С концом церемонии последние солнечные лучи падают на ярмарочную площадь. Теперь знаменосец выходит вслед за красными ламами из храма. Важно вышагивая, он несет в руках корыто с белоснежной мукой. Он приближается к центру танцевального круга. Вокруг него собираются воины, которые окунают острия мечей в муку, которая является символом святого снега. Подобно молниям мечи взлетают вверх. Взлетает облако «снега». Оно как бы направляется вверх к Канченджанги. При этом над толпой проносится ликующий крик: «Ло-за-ло, боги победили!» Покрытый белой мукой знаменосец неспешно направляется назад, за ним следуют военные танцоры. Прежде чем вассалы великих божеств исчезают в храме, их мечи, шлемы и щиты успевают еще раз блеснуть на солнце. Военный танец богов закончен принесением великой жертвы.

Мы от всего сердца были благодарны, что смогли столкнуться с этим кусочком Средневековья, увидеть истинную Азию.

Но не только в Гангтоке, но почти во всех крупных населенных пунктах и монастырях Сиккима после окончания чудовищных муссонных дождей были проведены «чертовы танцы», целью которых было. задобрить демонов гор, уничтожить зло и приманить добрых духов. Если сиккимцы в целом все-таки пришли к соприкосновению с испорченной европейской цивилизацией, то все же они продолжают пребывать во власти своих древних традиций и преданий. В желтых, синих, красных, зеленых одеждах, сделанных из тяжелого старого китайскрго шелка, танцоры с мечами повсюду вытекают из мрачных храмов, чтобы в лучах заходящего солнца продолжить свое культовое торжество. Одичавшие реки перестают шуметь, леса на горных склонах вновь тянутся вверх, а где-то высоко встречаются блестящие вечно заснеженные горные вершины и синее гималайское небо.

Прорыв на Север

Непроходимые леса Сиккима, где природа этой горной области почти не тронута человеком, во много раз пестрее и фантастичнее ламаистских танцев. Они вызывают восхищение во всем, с чем приходилось столкнуться. Из Гангтока, столицы Сиккима, расположенной в южной части страны, мы направляемся на север. Нашему каравану предстоит сделать несколько суточных переходов. И почти каждый день мы сталкиваемся с чудом. Вечером первого дня мы разбиваем лагерь в нижней части ущелья долины реки Тиста. Мы находимся где-то в 560 метрах над уровнем моря. Мокрые от прошедших дождей джунгли заполнены оглушительным стрекотом бесчисленных цикад. Мы пытаемся спастись от укусов малярийных комаров. Жужжа, они роятся вокруг нас, не давая возможности ни заснуть, ни закрыть глаза. Буквально за один день мы попали из типичных тропиков в субтропическую зону. Папоротники становятся заметно меньше, а мхи — значительно больше. Меняется сам характер растительного мира. Мы, конечно, могли ошибиться, но на третий день перехода на высоте в 2800 метров стали замечать первые признаки родной нам флоры и фауны. Внезапно исчезает вечнозеленая растительность. Нас окружают мрачноватые и обширные хвойные чащи. На краю дороги все чаще и чаще встречаются метровые ели, которые смогли приспособиться не только к местному климату, но и

продувным ветрам. В небольших долинах, которые встречаются нам по пути, в невероятном количестве и разнообразии красок цветут примулы, цветы, которые мы привыкли считать домашними. Сердце не может нарадоваться. На высоте в 4000 метров мы жадно втягиваем воздух и грезим. Нам кажется, что сейчас наша северная Родина ближе, чем когда-либо раньше. Из-за резкого подъема у нас начинаются приступы горной болезни. На несколько дней мы должны остановиться на отдых. Вопреки всем трудностям, и несмотря вынужденную задержку, эта область палеарктических лесов, украшенная пестрыми цветами где-то в большей степени, где-то в меньшей, существенно поднимает нам настроение. Она позволяет нам предчувствовать, какие блистательные результаты исследований ждут нас впереди. Но нам не чужды и простые человеческие чувства. Мне гораздо ближе скалы гор и могущество высокогорий Тибета и Гималаев, нежели пестрое изобилие жарких тропических стран.

Мой дневник рассказывает о рывке на север.

Горный лагерь под Тангу. 12 июля. 4500 метров над уровнем моря. Основные горные массивы Гималаев остались у нас за спиной на юге. Мы приближаемся и тибетской физико-географической области. Флора, фауна и человек принадлежат здесь непостижимому горному массиву, самому огромному высокогорью Земли, Тибету.

21 июня прошло ровно два месяца с тех пор, как мы, стоя на палубе парохода, помахали на прощание Европе. Сейчас наш караван, состоящий из полусотни нагруженных ящиками и чемоданами мулов — нашего главного приобретения в Гангтоке, направляется на север. Последний отзвук западной цивилизации — дворец любезного махараджи Сиккима — остался у нас за спиной. Теперь нам ничего не остается, как отращивать бороды.

Вовсю светит солнце, что после недель проливных дождей кажется чудом. Мы видим в этом доброе предзнаменование и с легким сердцем двигаемся на север, навстречу дикой горной природе. В ближайших долинах мы видим клубы синего тумана. В утренних лучах солнца виднеются одетые в тропическую шубку гребни отдельных скал.

Но погода радовала нас недолго. Вечером, когда мы достигли долины реки Тиста, которая глубоко разрезает горный массив, начался муссонный дождь. На этот раз он еще сильнее, чем прежде. Только когда над джунглями сгустились сумерки, дождь стал ослабевать. И тут же повсюду, на кустарнике, на опушке лесов, начали мерцать бесчисленные огоньки святого Эльма. Картина была фантастическая. Нас окружала целая армия тропических светлячков. Совершенно мистическая картина. Это ощущение усилило глухое уханье филина, которое донеслось из-за скалы. В то время, когда для нас уже наступила ночь, и, казалось бы, остальная природа тоже должна была заснуть, в мокрой от дождя тьме раздается резкий крик «муссонной птицы». Этот пронзительный, заставляющий застыть кровь звук является голосом тропической кукушки. Он настолько зловещий, что мы просыпаемся иеще долго не можем заснуть. «Brain-Fever-Bird» (птица, воспаляющая мозг) — так зовут англичане эту ночную пичугу. Теперь я согласен, что они полностью правы. Наверное, этот полуночный звук должен раздаваться в ушах больного малярией, который мечется в бреду по кровати.

Бушующая Тиста, чья грязная коричневатая вода несется со скоростью 25 километров час, где-то разбивается на поворотах об уходящие в неба скалы, покрывая их грязной пеной, а где-то встает на дыбы, чтобы преодолеть завалы из обломков и мусора. Иногда раздается угрожающий грохот, который напоминает ужасную музыку ламаистских монастырей. Бурный горный поток вымывает из почвы и уносит с собой груды щебня', которые обтачивают и шлифуют некогда угловатые обломки скал, придавая им округлые формы. Эта неистовая река на несколько дней становится нашим провожатым. Иногда она шумит так, что невозможно разобрать свои собственные слова. Ее буруны норовят покрыть нас водными брызгами с ног до голов. Река неистова до самых низовий. Они сама прокладывает себе путь через скалы, бурля и вознося свою грозную песню к покрытым джунглями скалам. Это пьянящее и непередаваемое впечатление! Это переживание достигает своей высшей точки, когда мы

добираемся до рискованных висячих мостов. Нагруженные животные одно за другим переходят с узкой тропинки на канатную переправу, угрожающе качающуюся из стороны в сторону Мулы испуганно шатаются на мосту Когда они видят между гнилыми потрескивающими досками бурлящие потоки воды, их охватывает дикий страх.

Когда мы оказываемся вновь в джунглях, покрывающих зеленым ковром влажные скалы, то нас поглощает царство ползучих растений и плауна. Количество и разновидность растущего здесь папоротника кажется невероятным. Самые мелкие из его видов могут достичь кроны деревьев. Некоторые виды, более напоминающие деревья, достигают высоты 15 метров. Такое ощущение, что мы перенеслись на миллионы лет назад в рос-кошные леса каменноугольного периода. Происхождение некоторых цветущих растений было и вовсе непонятно. Одни виды растений извивались, подобно змеям, по покрытым мхом стволам великанов, стремившихся куда-то в небо. Другие папоротники высотой в человеческий рост создавали непроходимые препятствия. В их зарослях можно было по пятнадцать минут искать подстреленную птицу, не найти ее, а в итоге обнаружить, что к твоим ногам присосалось с дюжину пиявок, которые уже напились твоей крови. В один день эти гады поставили рекорд. Тот день принес мне не только множество редких птиц, но и 53 раны на правой ноге и 45 — на левой. Тропические пиявки присасывались не только лодыжкам, но даже к пяткам. Там, где кожа не толстая, а подкожные ткани тоньше всего, эти мучители вгрызаются в плоть, подобно циркулярной пиле, и впрыскивают в кровь, чтобы та не сворачивалась, вызывающий весьма неприятные ощущения хирудинин. В итоге кровь струйками заливает носки и гетры, так что вечером их можно выжимать. Но наши босые проводники выглядят просто ужасно. Их лодыжки покрыты толстой кровавой коркой, которая уже приобрела черный цвет. Хорошо, хоть лошади и мулы не страдают от этих кровопийц! Их спасают копыта и толстая кожа, покрытая шерстью. Надо отметить, что у пиявок неимоверно тонкое обоняние. Нередко я наблюдал, как не заходящий в чащу караван выманивал из джунглей жаждущих крови пиявок. Нередко дорога кишела этими похожими на шило червями. Поэтому караван было лучше собирать плотной группой. Только изредка мы имели возможность насладиться дурманящей голову природой.

Но только удавалось забыть о боли, как все начиналось заново. Стоило только однажды пролить кровь, как не помогала никакая защита. Если присосалась одна пиявка, то можно было быть уверенным, что вскоре прибудет целая армия этих мучителей.

Быстрое движение каравана или другие меры предосторожности мало помогают. Как только кровь станет пробиваться через шнуровку ботинок, то тут наступает момент, когда время. от времени приходится разыскивать и отрывать самых толстых кровососущих гадов. Иногда помогали соль и банка табака. Гетры и специальные голенища могли бы предохранить от многих пиявок, но я нашел, что это была слишком тяжелая одежда для нашего пути, в котором мы должны были пополнять нашу коллекцию. Если ценой задобычу новых видов птицбыла моя кровопотеря, то я смирился с ней. Я был готов заплатить эту цену. Однако я понял, что не смогу долго выдержать этого. К вечеру третьего дня эти мучители настолько истерзали меня, что мои ноги распухли и сильно болели. В итоге я был вынужден прибегнуть к услугами Бегера, «доктора сахиба». А Тиста только поднималась, так как каждую ночь шли проливные дожди. Появлявшееся каждый день на несколько минут солнце не успевало высушить джунгли, которые превращались в итоге в парилку.

Круглые сутки мы ехали верхом и видели только капающие серые облака. Реакции притупились. Фантастические виды девственных лесов стали привычной картиной. Единственной радостью после долгой регистрации научных находок и наблюдений, атакже заполнения путевого дневника было забраться в спальный мешок. Около 5 часов вечера, за редким исключением, начинались «большие дожди», которые стихали только под утро. Но, на наше счастье, мы были удачливы. В этот сезон погода могла быть значительно хуже. В итоге мы достигаем места назначения прежде, чем небо снова разверзлось. Мы находимся в

пути уже с неделю, с надеждой, что вскоре наш путь на север закончится. Мы больше не обращаем внимания ни на горы, ни на цветы, ни на великолепие природы. Мы чувствуем только удушье гор, которые взирают на нас своими пустыми глазами демонических расселин да кидают нам в лицо холодные лохмотья тумана. Мы видим дождь, дождь и снова дождь.

Здесь, в Центральных Гималаях, при удалении от побережья почти в тысячу километров, царят такие муссоны, которые могли бы стать классическим примером в климатологии.

В Цунгтанге, где мы работаем несколько дней, проводим антропологические замеры, геофизические исследования, собираем и фотографируем, впервые показались голые горы. Для нас они едва ли не избавление.

Мы замечаем огромных бабочек «парусников» (Papilionidae), которые в густом тумане почти без взмахов крыльев перебираются с цветка на цветок. Эти гигантские бабочки, как таинственное видение, появляются в тумане и так же таинственно исчезают в нем. Мы надеемся, что в снежных горах будем чувствовать себя бодрее. А пока мы укрываемся от дождя в маленькой палатке. Мы находимся на речном полуострове. Со всех сторон шумит и клокочет река Сик Ким. Здесь она вливается в Тисту, чтобы дать рождение новой реке в далеких скалистых просторах. Оба бушующих речных родителя дают своему дитяти — реке Лачен — все силы, что есть в них.

Нам остается еще два этапа пути. Наш путь проходит по кромке скал между небом и землей. Если взглянуть вниз, то видно, как на глубине в сотню метров бушует и беснуется река. Пока мы следуем еще по непролазным джунглям. Но вскоре папоротниковый лес начинает редеть. В некоторых местах мы замечаем небольшие луга и полянки. Теперь флора и фауна больше напоминают альпийские.

Уставшие и потемневшие от загара и грязи, мы разбиваем лагерь под огромными хвойными деревьями неимоверного диаметра. Мы все отчетливее понимаем — мы приближаемся к Тибету.

Мы рвемся дальше, к Тангу, который располагается на высоте 4 тысячи метров. Первая часть каравана уже прибыла туда. Предстоят еще несколько дней пути. Четыре дня и четыре ночи в пути с юга на север нас сопровождает туман. Дождевые облака, плотной завесой скрывающие от нас вершины гор, грозят обрушиться новым ливнем. Там внизу, в Тистатале, почти непрерывно идут дожди. Из ночи в ночь дождемеры показывают, что выпадает от 17 до 33 миллиметров осадков.

Последнюю часть каравана в Тангу ведет Винерт. Но дальнейший путь может быть прерван обвалами и селевыми потоками. Целые глыбы срываются вниз, перегораживая нам дорогу. Нам приходится расчищать путь. Валуны с шумом летят вниз в расселину, погружаясь в беспокойную реку. Винерт вынужден задержаться, так как караванщики отказываются идти дальше в дождливый ад. Опасность обвалов угрожает не только животным, но и людям. Шансы прорваться на север слишком малы. Носильщики, которые против того, чтобы продолжать путь, требуют огромных сумм. Казалось, начался всемирный потоп. Винерт решается на последний рывок. Даже если он опоздает на несколько дней, то он все равно достигнет цели. Мы уже начинали беспокоиться, когда, к нашей великой радости, вошел веселый бородатый парень. Это было форменное испытание для Винерта. Посреди селевых потоков, напоминающих лаву, и падающих глыб он стал прорваться вперед. Для него начался сущий ад. Внезапные обвалы, грохочущие глыбы, треск и грохот сопровождали его. Винерт скакал, бежал, падал, обдирал кожу, рисковал, но двигался вперед. Он верил в свою судьбу.

В Тангу ощущались перемены. Несмотря на туманы и холодный ветер с гор, они были приятными. Перемены произошли в нас самих, ставшими людьми, которые не просто верят в свою победу, но могут смело смотреть в лицо горному миру Перемены произошли и в

природе. Она стала настолько прекрасной и возвышенной, что на нас вновь нахлынули чувства.

Когда в ущельях Сиккима между отвесными скалами раздавалось дикое звучание Тисты, то мы должны были быть предельно осторожны, пробираясь по джунглям. Мы всегда помнили о кобрах. В любой момент такая змея могла подняться из плотных тростниковых зарослей с распущенным капюшоном, готовая совершить свой смертоносный бросок. Я помню, как каждый вечер мы были вынуждены глотать атербин и плазмохинин, чтобы не заболеть малярией.

А здесь? Горы-великаны были полностью в цветах! Бабочки, которые порхают по воздуху над матовыми склонами. Эти горы были невыразимо красивы. Впрочем, муссоны еще не прошли. Каждый день плыли тяжелые дождевые облака, которые напоминали титанические воздуходувные меха. На южных склонах гор они поднимались ввысь, чтобы уплотниться и сквозь проемы долин устремиться дальше на север, где они должны были разбиться о Тибетское нагорье.

Мы опять в горах. Наше внимание привлекает королевская курица,[84] которая, издав резкий крик, прячется за грудой камней. Нас окутывают холодные туманы, которые не редкость на горных хребтах. Но взгляд радуется. Сквозь них я вижу пламенный мяч солнца, который поднимается над морем тумана. Буквально миг, и все меняется. Ошметки тумана разлетаются в разные стороны. Солнце скользит по ожившим откосам. Оно пылает, чтобы позволить восхититься этим прекрасным моментом. В его свете видно, что склоны покрыты цветами, напоминающими альпийские розы, чей цвет колеблется от нежно-розового до насыщен но-пурпурного. Маленькие мохнатые листики цветов издают живительный аромат — запах Гималаев, благоухание тибетских Альп. Над ответной пропастью навис скальный выступ. Камни здесь синеватого цвета. Но хочется думать, что они почерпнули лазурь у неба. Здесь виднеются маленькие фиолетовые примулы, там — целый пучок серебристых звезд эдельвейса. Рядом растут цветы, похожие на колокольчики, а чуть дальше — желтые лапчатки и золотистые лютики. На высоте в 5000 метров над уровнем моря кажется странным соседство столь великолепных цветов и холодных, безжизненных скал. Жизнь и смерть всегда шли рука об руку. Цветы используют короткое местное лето, чтобы распустить свои бутоны. Но морозы опять превратят эти края в голые скалистые отроги. Кажется, что эти цветы имеют свое скромное право на очарование, так как пристально смотрят в лицо смерти. Они отчаянно приживаются на бедной каменистой почве, будут плодоносить, распространять семена, до тех пока неожиданно нагрянувшая с севера пурга не прекратит их жизненный цикл. Цветы ищут своими корнями пропитание в щелях скальной породы. Но затем на три четверти год они уничтожаются холодами. Но настает час, и цветы вновь распускаются, повторяя из года в год великое колдовство природы. Дуновение ветра будит меня. Я больше не вижу цветов. Мой взор устремляется к горам, чтобы обозреть их в целом. Он скользит по отвесным стенам, высоким хребтам, ослепительным ледникам. Эти горы всегда зовут. Смелые и дерзкие люди, балансируя между жизнью и смертью, тешили свое честолюбие тем, что они смогут быть ближе к солнцу. Поднимаясь на вершину, они испытывали великий триумф, который стоит души маленького человека.

Сиккимские ледяные великаны придают этой стране магический ареол. Это горы, где восседают боги и господствуют духи. Но отнюдь не человек, который прячется в убогих жилищах в долине, чтобы влачить жалкое существование, полное покорности и суеверий. И все же эти горы остаются недоступными. Мне кажется, что божества возвели их так высоко только для того, чтобы сковать желание человека действовать и скрыть от него все удивительное, что было в состоянии появиться в этой стране.

Люди штурмуют этих гордых богатырей, но каждый раз возвращаются побежденными из мира льда, стремительно покидая эту страну, чтобы вновь вкусить благ цивилизации. Они не хотят смотреть ни направо, ни налево. У них только одна цель — штурмовать Вершины мира.

В Тангу мы повстречали участников английской экспедиции, которая хотела покорить Эверест. Мы любовались их жаждой деятельности, их ребячеством, их непреклонной жесткой волей. Мы восхищены идеей, рабами которой они являются, но которая при всем этом делает их несгибаемыми и заставляет их глаза светиться.

«Ло-за-ло! Ло-за-ло!» — «Боги победили. Боги победили!» — так звучат призывы доверчивых тибетцев, если они вступают на горные перевалы. Они поклоняются всевластию гор. Однако белые полагают, что победят именно они. Многие из них не видят святую волю Создателя, которая царит в этой оторванной от всего мира местности. Нашей же целью должны были стать исследования закулисья этой чудесной страны. Мы должны были собрать о ней новые сведения.

Киноохота на голубого барана

О млекопитающих Сиккима известно очень мало. Их почти не описывали. Есть неизвестные биологические виды, чьи следы тянутся далеко в стороне от караванных троп, проходящих по горам Гималаев. А потому они представляют особый интерес. В самых недоступных и далеких районах, там, где горы упираются ледяными стенами прямо в небо, обитают голубые бараны — дикие животные голубого цвета, над которыми, кажется, взяли свое покровительство ведьмы тумана и облаков. Неведомые серо-голубые животные с белыми ногами. Идеальные животные, которые каждый день проявляют альпинистскую ловкость. Немолодые самцы живут отдельно, а потому на них очень трудно охотиться. Однако самки постоянно со своими детенышами. В течение дня они пасутся на «альпийских» лугах. Они могут умело прятаться на утесах и в расселинах, если надо ускользнуть от жаждущей крови стаи красных волков[85] или притаившего снежного леопарда.

Несколько недель мы шли по следу голубого барана. Высотомер с изрядной регулярностью сообщал, что мы поднимались на 4600, а иногда и на 5500 метров. Над нами возвышается еще один великан — вершина Канченджау, чей «рост» составляет 6920 метров. Где-то под нами находится едва заметная серебряная петля — там внизу поет свою неистовую песню река Лачен. Я сижу на валуне и мечтаю. Внезапный громкий крик улара отрывает меня от фантазий. Я слышу хлопанье крыльев и лротяжный свист. Птица, быстрая как стрела, летит в сторону долины. Она свистит, и этот звук отражается от каменных стен. Когда мне казалось, что птица должна была врезаться в скалу и на такой скорости полета разбиться, она отклоняется, огибает скалу, ныряет вниз, где скрывается от моего взгляда в одной из трещин. Между местом, где исчезла птица, и местом, где мы отдыхаем, зияет глубокая долина, которая внезапно освободилась от власти тумана. Земля там усыпана желтыми первоцветами, склоны светятся розовыми бутонами еще каких-то цветов.

На голых глыбах мелькнуло что-то серебристое. Это растет широколистная соссюрея. В этой долине очень много этого растения. Просматриваю через бинокль с восьмикратным увеличением всю долину. Я рассматриваю каждую глыбу, каждую нишу в скале, все перевалы, где могли бы спрятаться днем стада голубых баранов. Но все напрасно. Опять ничего нет. Иногда мне кажется, что я все-таки увидел раскидистые рога голубого барана. Но каждый раз это оказывается либо причудливая глыба, либо тень от каменных обломков. Порой мне сдается, что где-то на перевале близ хвойного леса показалось стадо баранов, но на деле это оказывается не чем иным, как обросшими камнями, которые дурачат меня своим беспорядочным расположением.

Всем нам ясно, что надо решаться продолжать наши поиски на горных хребтах, расселинах, в лабиринтах гор и попадающимся нам на пути горных долинах. Мы крадемся дальше осторожно, как горные кошки. За мной следует Краузе, который постоянно держит кинокамеру наизготове. Затем прибывает Мигма, верный помощник Краузе. Он приносит пленки, объективы, приспособления — одним словом, все то, что может потребоваться кинооператору, когда он хочет быть во всеоружии во время охоты за редким животным.

Сколько дней мы пребываем здесь, наверху? Сколько унылых часов мы провели здесь, в тумане? Нам это уже безразлично. Мы потеряли представление о времени. В своем фанатичном терпении мы стали похожи на азиатов. В нас сохранилась лишь энергия и воля к победе. И именно эти качества должны привести нас к успеху. Может быть, великолепные, робкие дикие бараны заключили союз с ведьмами тумана, которые скрывают их среди камней, предупреждая о нашем приближении отрывистым свистом, который вновь и вновь звучит в наших ушах, как злая насмешка?

День и ночь мы блуждаем по туману, что портит нам настроение и фактически лишает сна. Час идет за часом. Мы уже больше не можем видеть бородатые усталые лица друг друга. Почти на каждом волоске висит капелька тумана, который стекает струйками по нашим загорелым физиономиям. Минута сменяет минуты. Наши нервы на пределе, но мы не теряем надежды. Мы лежим на голой скале и всматриваемся ввысь, пытаясь проникнуть за пелену тумана. Где-то там находится солнце. Сквозь клубы оно просвечивает в виде фееричной короны, составленной из нескольких кругов. Долгожданное, любимое, спасительное солнце. Но между ним и нами находится туман, который мы прокляли. Мы готовы его расстрелять, только чтобы испытать одно счастливое мгновение — когда сквозь него прорвется золотистый поток света. Мы стоим, мы сидим, мы лежим на горном лугу в небольших углублениях. Мы защищаем линзы и объективы от запотевания и влажного налета. Иногда мы протягиваем руки навстречу друг другу. Мы пытаемся увидеть тень, что означает приближение восхода солнца. Но каждый раз нас ждет разочарование. Одно разочарование за другим. Наши глаза воспалены.

В какой-то момент мы доели последнюю плитку живительного шоколада, жалкие остатки раскрошенной булки и несколько кусочков виноградного сахара. Нас одолевает голод, мы замерзаем на ветру а наши лица горят как огонь. Каждый шаг грозит нам катастрофой. Мы рискуем сорваться вниз. У Краузе настолько сильные головные боли, что он едва может двигаться, не говоря уже о том, чтобы преодолеть горные перевалы, за которыми находится наш лагерь. Волей-неволей мы должны идти в обход, для чего нам надо спуститься в долину Эта идея возникает в воспаленных мозгах многих почти одновременно. Но для начала надо устроиться на ночевку в мокрой одежде в одной из горных пещер. Нам предстоит рискованный и непредсказуемый спуск по гладкому и скользкому склону. Нередко мы падаем. И чем дальше мы продвигаемся, тем сложнее получается идти вперед. Наверху, где рододендроны в полном своем великолепии еще цветут своими крупными бутонами, нам казалось, что все будет проще. Нам также казалось, что будет очень просто пересечь ручей в самой низине. Но мы вторично обманулись. Внизу мы попадаем в такие запутанные и колючие заросли, что через них не смог бы прорваться даже самый сильный такин.[86] Кустарник переплетен тысячами ветвей. Мы чувствуем себя пещерными людьми, так как пытаемся протиснуться сквозь заросли. В большинстве случаев нам приходится ползти на животе. Поднимаемся, но затем снова падаем, чтобы протискиваться между гнилыми ветвями и осколками камней. Мы ползем, пыхтя как паровозы. Ползем метром за метром, теряя последние запасы энергии. Когда мы наконец-то добираемся до «ручья», то видим, что это речка, причем глубокая и бурная. Чаща из рододендронов закрыта от нас обрывистым берегом. Нам ничего не остается, как ползти дальше до тех пор, пока к вечеру мы все-таки не достигаем лагеря.

Теперь все осталось позади. Голод утолен, весело дымят курительные трубки, забыт тягостный труд, и после того как из рук и тела вытащены все занозы и шипы, мы вновь болтаемся и смеемся вплоть до самой ночи.

Ко всем этим внешним проблемам, которые нам создает окружающая нас природа, добавляются чисто физические различия между отдельными участниками экспедиции, сказывающиеся на результатах нелегкой киноохоты в горах. Для некоторых она оказывается нелегким испытанием. Один дышит медленнее, другой — быстрее. Один привык действовать

быстро, а другой склонен к рассудительности и осмотрительности. Каждый из них по-своему прав. Каждый стремится добиться успеха. Более тяжелый предпочитает высокогорные ботинки, а более легкий, надевая обувь на толстой подошве, время от времени обрушивает камни в пропасть, что делает его беспричинно нервным. Впрочем, сами голубые бараны, приученные легко скакать по камням, каждый раз скрываются, когда кто-то ненароком нарушает их покой. И как быстро они скрываются! Как-то, потеряв самообладание, я проворно устремился вперед. Краузе хочет, чтобы я сбавил темп, я же настаиваю, чтобы сам Краузе двигался побыстрее. Один видит ландшафт в целом и выслеживает баранов, другой рассматривает каждый цветок, а если видит редкого шмеля, то все бараны Земли становятся ему безразличными. Он гоняется с сачком за мохнатым насекомым до тех пор, пока оно не выбьется из сил и не закончит свою жизнь в нашей коллекции.

Энтомолог Эрнст Краузе, который в экспедиции выполнял функции фотографа и кинооператора

Наш высокогорный лагерь разбит на границе лесов. Из маленьких палаток вверх поднимается синеватый дым. После проделанной работы в лагерном городке мы намереваемся заслуженно отдохнуть. Анг Бао, один из наших шерпасов, чье фирменное блюдо в промозглую погоду мы ставим на огонь, пытается навести порядок в нашей палатке. Лагерь Краузе разбит несколько поодаль, несколько позади моего. Мой чемодан является одновременно и обеденным и письменным столом, складом патронов, подсвечником и еще много чем. Из другой полезной и универсальной мебели в моей палатке находится еще где-то

двадцать различных предметов. Все они находятся вразброс, но все-таки каждый на своем месте. Только так можно быстро найти необходимые для жизни и продолжения исследований вещи: инструменты, камеры, винтовки, сачки, книги, продукты, патроны, футляры, кипятильники и т. д. Пасанг — это наш повар. Он делает лапшу, всегда только одну лапшу. Он раскатывает ее, режет, варит и пристально следит за чистотой своих рук. Но его действительное умение заключается втом, что он в состоянии подать эту замечательную лапшу на стол горячей при любой погоде. Даже если идет проливной дождь и капли, падающие нам под ноги, говорят о том, что крыша нашего шатра прохудилась и начинает активно протекать.

Часами мы заполняем свои путевые дневники и зачитываем их друг другу. Это наше единственное развлечение, которое в определенной мере заменяет нам театр.

Затем часами мы беседуем о нашей жизни. Все истории напоминают нам, что у нас есть обязательства, что мы вопреки всему тому, что творится вокруг, все же правильные люди.

Мы поём и потешаемся над нашими физиономиями, которые с каждым днем становятся все более отвратительными. Мы составляем планы на будущее. Мы проклинаем дождливую погоду, надеемся на солнце. И постоянно выглядываем наружу, чтобы посмотреть, не начала ли рассеиваться сплошная стена тумана. В итоге некоторые из дней мы проводим, забравшись поглубже в спальные мешки. И тут я прихожу к выводу, что резиновые надувные матрасы являются идеальными для того, чтобы спать на каменистой почве.

Знаешь ли ты что-нибудь о сверкающих и слегка голубоватых, ледяных горных перевалах? Завораживал ли тебя когда-нибудь синеватый блеск ледников, когда висячие снежные карнизы отражаются в сине-зеленых озерах, когда толстые шмели, бурча, перелетают с розового бутона одного цветка на другой, когда мотыльки своими крылышками купаются в нахлынувшем горном свете, когда солнце освещает весь райски лучащийся мир гор, а ледяные дворцы упираются прямо в небо? Такой день нам был дарован после длившейся неделями утомительной работы, после многих напрасных попыток найти голубых баранов и мучительных часов тщетного ожидания успеха. Такой день, который позволил сложить все собранные нами фрагменты в нечто цельное.

Бегер и Винерт проводили свои изыскания где-то недалеко от нашего постоянного лагеря в Гайоканге. Наш кинооператор Краузе, комендант по лагерю, мой приятель из числа шерпасов Пеней и я направились в горы, поднимаясь все выше и выше. Наши сердца ликовали. Горные галки купали свое блестящее оперение в лучах восходящего солнца, долины словно встрепенулись. Пара ворбнов, которая сопровождает нас некоторое время, кувыркаются в воздухе. Иногда эти большие черные птицы издают мелодичный звук, более напоминающий глухой удар в гонг.

А мы все поднимаем и поднимаемся. Позади нас остается ледниковое озеро, которое теперь больше напоминает круглое зеркальце. Задыхаясь, мы преодолеваем перевал и продолжаем искать и вновь искать. Солнце уже давно миновало свой зенит и медленно склонялось на запад. От усталости мы стискивали зубы, но не видели никаких баранов. Да, настал день, по которому мы так долго тосковали, но наши действующие лица — голубые бараны, загадочные бараны — так и не появились. Зеленеющие долины, которые является идеальными для того, чтобы снимать со стороны вечных снегов пасущихся там баранов, пребывают в величественном безмолвии. Там есть всё — нет только голубых баранов.

Я продвигался вперед, не отрывая бинокля от глаз. Мы разменивали километр за километром. В глазах начинает рябить. Проклиная все на свете, я ложусь на спину и глубоко втягиваю воздух. Ветер обдувает меня. Я собираюсь мыслями и встаю. В полевой бинокль уже привычно обыскиваю все окрестности. Где-то на расстоянии в 2–3 километра на каменных стенах я замечают светлое пятно, затем еще и еще. Пятна быстро двигаются, и я

уже могу различить у них характерные широко раскинутые рога. Я не мог поверить в свою удачу Это были двенадцать зрелых, спокойно пасущихся голубых баранов.

Я соскальзываю со склона и устремляюсь назад к моим спутникам. Каждый нерв напряжен. Откуда ни возьмись, появились силы. Краузе, Краузе, ты где? Нам представился долгожданный шанс! Почти вприпрыжку я бегу по каменистому склону. Я вижу Геера. Я машу ему, и он понимает все без слов. Через несколько минутмы уже обсуждаем план действий. Лицо Краузе почти ничего не выражает. Он проверяет еще раз камеру и объективы. Он напряженно, словно окаменев, всматривается вперед. Только ветер развевает его длинные волосы. Мы устремляемся к заветному месту. Перескакиваем, бежим, приближаясь к нему все ближе, и ближе.

На этот раз все должно получиться. Мы укрываемся за огромным валуном. Один за другим, проверяя ветер, чтобы не идти по нему, мы выскальзываем из-за скалы. Поднимая голову, мы замираем в изумлении. В каких-то 200 метрах от нас пасутся двенадцать великолепных голубых баранов, каждый из которых увенчан огромными рогами. Время от времени один из них закидывает голову вверх, чтобы жадно вдохнуть горный воздух и напряженно бить землю своими почти железными передними копытами. В итоге животное обозревает все в округе. Мы предельно осторожны, так что бараны не видят ничего подозрительного» Нам удается подкрасться к нам на расстояние в 40–50 метров. Вот оно, долгожданное мгновение!

В напряженном ожидании мы продолжаем лежать. Тем временем дикие горные животные выходят на солнце. Оказавшись на фоне ленты молочно-белых облаков, дикиеживотные смотрятся очень эффектно. Я с надеждой смотрю на Краузе. Теперь все зависит только от него! Его правый палец лежит на кнопке кинокамеры, но Краузе выжидает. Наконец я чуть не закричал от радости. Кинокамера зажужжала, поймав в кадр целую дюжину этих загадочных животных. Было запечатлено все: как они пасутся, как двигаются, как убегают, почувствовав опасность, как виртуозно скачут почти по отвесным скалам, пока наконец не превращаются в маленькие точки где-то на горизонте, окончательно скрывшись за горным перевалом.

Наконец мы можем дать волю своим чувствам. Смеется Краузе, смеется Геер, смеется даже Пеней — все радуются. Это наше избавление. В трехнедельном противостоянии с горами мы все-таки одержали победу.

На обратном пути к лагерю нас накрывает неимоверной силы ливень. Ледяной ветер бьет нам в лицо. Мгновенно мы промокли до нитки. Что сейчас можно надеть на себя? Неужели божества гор снова рассердились на нас? Но мы добились того, чего хотели.

Большое решение

Прежде чем я расскажу о нашем первом проникновении в Тибет, хотелось бы поведать о его географическом положении, структуре его гор, которые являются самой большой горной системой на нашей Земле. Некими штрихами хотелось бы еще проинформировать о взаимосвязи ландшафта, растений, животных и человека. Если я говорю о Тибете, то подразумеваю под ним огромное высокогорье в Центральной Азии, чья высота в среднем составляет 4 тысячи метров над уровнем моря. При этом безразлично, относятся ли эти области в политическом отношении к Сиккиму, Бутану, Китаю, Непалу или Кашмиру, для меня это все равно Тибет. Это — удаленный малоисследованный горный регион, который простирается между горными цепями Гималаев на юге и Кунь-Лунем на севере. Ландшафт здесь определяется обширными степями и бороздами долин, которые пролегают в горах. Хотя обветренные плоско-волнистые гигантские горы Тибета определенно имеют древнее геологическое происхождение, но сама основа тибетского высокогорья относительно молода. Она возникла в недалеком геологическом прошлом во время третичного вздымания Гималаев. Многие из протяженных горных складок, которые в основном тянутся с востока на

запад, а в областях Восточного Тибета в северо-западном и юго-восточном направлениях, можно рассматривать как геологическую волну, которая в свое время пошла из Гималаев. В данном случае нас интересует тот факт, что район Тибета возвысился как огромное плато, что привело к его полной изоляции от внешнего мира. С биологической точки зрения этот регион занимает совершенно особое положение, междисциплинарное исследование которого имеет очень большое значение для всей науки. Тибет с его высокогорным ландшафтом — это не только область, где сохранился во многом архаичный уклад жизни, но и место вероятного возникновения целого ряда видов растений и животных, которые впоследствии значительно расширили своей ареал обитания. Но некоторые животные, которых мы не напрасно характеризуем как «живые ископаемые», смогли сохраниться до наших дней только в границах тибетского высокогорья. При биологическом рассмотрении Тибета можно обнаружить, что эта горная страна при продвижении на юг делится на три принципиально отличных друг от друга района. Самый северный из них, так называемый «Янг-танг», в силу своего пустынного характера и плохого климата слабо населен людьми. Там живут бесчисленные стада могучих яков, огромных диких буйволов, которые придают этому негостеприимному району неподражаемый шарм. Чуть далее на юг пролегает широкая степная переходная зона, которая населена кочующими полудикими племенами, промышляющими разбоем. Третья, самая южная часть Тибета, к которой с самого начала экспедиции мы и устремились, может быть обозначена как зона горного земледелия. Здесь имеется достаточное количество речушек, которые делают возможным возведение системы искусственного орошения. Летом же здесь выпадет достаточное количество осадков, что в свою очередь позволяет разводить многие зерновые культуры, характерные только для данной таинственной страны. Почти половина тибетского населения, которое составляет около 2 миллионов человек, проживает именно в данном районе. Но и здесь, подобно более северным районам, сказывается недостаток воды.

Большие перепады между горами и долинами Южного Тибета предполагают более выгодные условия для жизни человека, нежели север, который очень беден с точки зрения растительности. Если говорить о расовом образе тибетцев, то он не является единым. Это подтверждает гипотезу о том, что на формирование местного населения оказывалось как индоарийское, так и переднеазиатское влияние. Внешний облик некоторых племен прекрасно это подтверждает. Особое внимание на себя обращает тот факт, что данные племенные различия очень сильно сказываются на культурной и духовной жизни тибетцев. Все тибетцы — буддисты, которые принадлежат к северной школе — Махаяна. Ранее уже упоминалось, что высокоэтическое учение Будды здесь смешалось с анимизмом проторелигиозных представлений тибетцев. Это смешение было настолько сильным, что первоначальный буддизм был нанизан на древнейшие природные культы. Мы называем этот трансформированный буддизм, по названию монахов, ламаизмом. Сам ламаизм распадается на множество сект и течений. О двух самых массовых и важных мы уже рассказывали выше.

Август 1938 года. Лагерь Гайоканг. 4600 метров над уровнем моря.

Мы прорвались с юга на север Гималаев. Вопреки всем трудностям создана целая сеть геомагнитных станций, исследованы и описаны странные племена и народности, постоянно пополняется наша биологическая коллекция, отсняты тысячи метров кинопленки, что должно после нашего возвращения стать наглядным подтверждением нашей воли к победе и нашего творчества.

Мы объехали весь Сикким. Внизу долины буквально заливало днями и ночами напролет. Дожди, дожди и еще раз дожди! Непрерывный муссон гнал опустошительные водные массы, которые превращали небольшие ручейки в урчащие чудовища, отрывал от скал огромные глыбы и швырял их в глубину рек, перегораживал узкие дороги широкими потоками селя и выгонял, словно по взмаху волшебной палочки, из непролазных, душных джунглей миллионы кровожадных пиявок. Во время путешествия по джунглям мы утомились от дикой

вечнозеленой растительности. Я радовался, когда наступил конец этому этапу путешествия, но мои товарищи опасались, как бы нас не ждали еще худшие приключения впереди. В любом случае, мы сделали очень многое, к тому же даже в самых отчаянных ситуациях мы не теряли чувства юмора.

Когда мы достигли высоты в 4 тысячи метров над уровнем моря, то нам приходилось долго акклиматизироваться в лагере в Гангу. Тогда нашими спутниками стали густые туманы и промокшая от влаги одежда. Муссон никак не хотел отступать! Кажется, все боги и демоны, подчиненные кровожадному Махакале и могущественнейшему Канченджанги, поклялись закрыть нам путь в божественную страну. Между тем на юге цепь уходящих под самое небо гор превратилась в ледяные капельки. Нечистые духи и демоны должны были рано или поздно успокоиться! Теперь над нами солнечный свет. Даже если во второй половине дня из небесных мехов выливается дождь, то мы все равно понимаем, что мы достигли физико-географической зоны Тибета, с его засушливым континентальным климатом. Перед нами на севере, где-то далеко, виднеется растворяющаяся в небе полоска тибетского высокогорья. Она простирается от края до каря горизонта и кажется нам бесконечной. Вечером начинают дуть холодные ветра, и последние солнечные лучи вспыхивают пастельными красками на пустынных просторах. Ночью температура падает, и наутро степь предстает нам играющей в лучах восходящего солнца отблесками тысяч замерзших кристалликов. Мы провели здесь несколько недель. Осуществляя научные исследования, мы добились неплохих результатов, что доставляло нам даже большую радость, чем условия, приспособленные для жизни человека.

В этой героической среде обитания можно обнаружить многих диких тибетских животных: огромных архаров; стремительных газелей, которые срываются с места подобно серебряной стреле, если чувствуют приближение охотника; диких тибетских лошадей кианов, чьи великолепные жеребцы начинают нервно бить копытом, если предчувствуют опасность. Сколько часов я посвятил этих животным, обитающим на «крыше мира»? Высоко наверху в Янгтанге находятся истоки рек Янцзы, Ян-лунг. Теперь мы находимся на землях нголоков, которые, несмотря на свою внешнюю отрешенность, не уступают упоминавшимся мною районам ни по дикости, ни по своему колдовскому очарованию. Когда я был один, то ко мне из раза в раз возвращалась старая степная мелодия:

Они гордые, эти дикие лошади,

Неутомимо топчущие «крышу мира».

Здесь мы подходим к границам Тибета. Это — страна нашей сокровенной мечты. Там, выше, лежат пограничные горные хребты. Здесь нет ни пограничников, ни барьеров, ни таможни, ни шлагбаумов, только молитва на каменном изваянии, воздвигнутом когда-то, сотни лет назад. Именно оно и делит эти земли между двумя государствами: территориями нашего друга и покровителя махараджи Сиккима и землями Бога в человечьем обличии. Я обещал вице-королю Индии, атакже министру иностранных дел британской Индии и политическому офицеру в Гангтоке, что не буду пересекать границу с Тибетом. Точнее, не буду пересекать ее, не имея на это «официального разрешения». Я, как немец, не был намерен изменять своему слову. Но никто не объяснил мне, что такое «официальное разрешение».

Ночью, когда свет луны падает на крышу нашего шатра, заливая его призрачн ым сиянием, когда крики диких гусей не дают мне заснуть, я размышляю над этой проблемой. В действительности мы все думаем об этом. Но с днями проходит наше опьянение от прошлых успехов, а решение так и не найдено.

Однако судьба была к нам благосклонна. Наше решение явилось едва ли не как гром среди ясно тибетского неба, как «Deus ex machina» («Бог из машины») в человеческом обличии. Все, что будет описано ниже, произошло в очень красивый день. Заканчивалось

лето. Каждый занимался привычной ему работой. В лагере царило спокойствие, адалекие горные ледники ослепительно сияли. Я, как орнитолог, возвращался с ближайших болот и предвкушал радость чашки горячего чая. Но, не успев достигнуть наших палаток, я вижу, что мне встречу бежит Геер, наш практичный и покладистый «шторесахиб». Он шепчет мне на ухо, что у нас в лагере находится очень высокопоставленный тибетец, министр влиятельного короля Таринга, что наш антрополог Бегер оказывает ему медицинскую помощь. В моей голове тут же созрел план.

Речь шла об «официальном разрешении». Мне было безразлично, как дикому яку зимняя пурга, будет ли оно получено от английской стороны или от тибетской. Итак, вперед! В то время как Бегер занят тибетским аристократом, я при помощи Геера, Краузе и Винерта готовлю свою палатку к официальному визиту, для этого в ней раскладываются различные инструменты, которые должны были произвести впечатление. Я. суматошно ищу хотя бы пару подходящих друг другу гетр, чтобы достойно представлять экспедицию. После того как все готово, на стол, который на самом деле является экспедиционным кофром, водружаются кинокамеры, полевые бинокли, высотомеры, объективы, чашки с горячим чаем и коробка с печеньем. В палатке имеется несколько стульев. Я накидываю на один из них свой надувной матрас, что по тибетскому обычаю должно было стать почетным местом» для «большого человека». Подготовка закончена, занавес поднят, представление начинается.

Эта история не была бы полной и нуждалась бы в дополнениях, если бы яне рассказал о некоторых подробностях моего пребывания в Калькутте. Во-первых, я там должен был изображать само «смирение и покорность». Во-вторых, мне в письменной форме ответили, что правительство в Лондоне отклонило мою просьбу на выдачу разреше ния для въезда в Тибет Это мотивировалось тем, что тибетское правительство не желало нашего визита. То есть мне отказывали в «официальном разрешении». Но намекнули как бы между прочим, что для прохода в горную страну не имело значения, какая сторона выдавала разрешение. Между тем Бегера проинформировали, чтобы он привел ко мне в палатку слегка удивленного тибетского вельможу. За стол водрузились все сахибы, и начался разговор. Поначалу это был обмен дежурными фразами вежливости, который каждая из сторон пыталась использовать для того, чтобы выяснить истинные намерения друг друга. За чаем и печеньем мы перешли к цели визита тибетского министра. Он от нас не хочет ничего, за исключением овощей, которые он доставит своему повелителю. К счастью, он не подозревает, что я хочу от него много больше. Наше представление идет бесподобно. Мы посылаемкоролю желаемые им овощи, в том числе 80 фунтов картофеля и других продуктов, в Тибете ценятся как изысканные деликатесы. В итоге министру удается все сложнее и сложнее скрывать под маской непреклонного азиатского вельможи свое радостное возбуждение.

Я считаю, что настал нужный момент, и обрушиваю на министра, через своего непальского переводчика Кайзера Бахадура Тапу, целый ливень вежливых просьб и вопросов. Причем каждый из этих выстрелов я сопровождаю своим искренним и глубоким почтением к Тибету, тибетцами, Далай-ламе и Панчен-ламе. В итоге министр не выдержал такого натиска. Он обещал, что попробует добиться у короля разрешения на въезд в Тибет. Чтобы подстраховаться, на следующий день мы решили устроить почтенный прием в честь министра, который на этот раз ушел без особых подарков, которые мы должны были вручить завтра. Причем, чтобы заинтересовать его, мы подчеркнули, что несколько подарков полагаются лично ему.

Переводчик Кайзер Бахадур Тапа

Подарки для короля, королевы, принцессы и господина министра стали готовить буквально сразу же. Каждый жертвует тем, чем может: овощами, шоколадом, печеньем, соевыми булочками, сахаром, рисом, медикаментами, и другими жизненно необходимыми вещами. Мы отдаем все, в чем сами очень нуждались: кожаные перчатки, шерстяные рукавицы и носки, единственное оставшееся белым полотенце, мыло, которое мы почти не используем, так как оно пахнет цивилизацией, резиновые сапоги и вельветовые гетры. В подарках оказывается даже наш туристический несессер, в котором недостающие бутылочки и предметы заменяются медицинскими коробочками. Верхом аристократизма среди подарков выглядел тюбик крема «Ни-вея». Короче, собранная коллекция должна была вызвать зависть любого модника. Я же пополнил ее воистину королевским пожертвованием — надувными резиновыми матрасом и подушкой. Когда подарки упакованы, мы горды собой. Для нас, достаточно странных людей, не так уж часто настают мгновения в жизни, когда мы полностью довольны. Полное удовлетворение испытываю не только я, но и все мои товарищи. В тот памятный вечер, сидя между палатками и взирая на Канченджанги, я раскурил толстую, хотя и слегка заплесневевшую сигару. У всех отличное настроение. Когда становится почти совсем темно, я собираюсь с мыслями и решаю написать письмо королю Тарингу. Я направляюсь в большой шатер, который мы в шутку называем «немецкой залой», и диктую Кайзеру Бахадуру Тапе:

«Лагерь Гайоканг.

Северный Сикким.

Ваше Величество,

сегодня мы имели честь в нашем лагере принимать министра Вашего Величества Нгерпа Чанхла. Мы выражаем искреннюю радость, что нас поддерживают самыми различными вещами чудесной тибетской страны, которая с давних пор является предметом нашего повышенного интереса и моего личного восхищения. Я ценю те возможности, которые выпали мне в предыдущие годы, чтобы путешествовать по восточнотибетской провинции Хан, гдея посетил такие крупные монастыри, как Батанг, Дерчже, Канизе, Сешу, Дзогчен и Чжекундо. Мне также выпала великая честь считать умершего Панчен-ламу своим личным другом. Благодаря этой благословенной дружбе, его святейшество выдал мне паспорт, позволявший посещать владения князей Восточного Тибета. Но во время этой поездки из-за китайско-японского конфликта я не мог въехать в «страну великих ледников» через восточные провинции. С другой стороны, британско-индийское правительство было настолько любезно, что выдало мне разрешение на посещение Северного Сиккима, где я пребываю и в настоящий момент. В действительности мы, как участники немецкой экспедиции, были бы безмерно рады, если бы смогли лично выразить почтение и признательность нашей страны Его Величеству, тибетскому правительству и тибетскому народу. В этой связи я осмеливаюсь покорнейше просить Вас выдать нам благосклонное разрешение на продолжение путешествия в стране вечных снегов и великих ледников. Для меня было бы великой честью и наградой, если бы Ваше Величество было готово дать мне аудиенцию. И я был бы также безмерно благодарен, если бы Ваше Величество смогло сообщить о целях, планах и добрых намерениях нашей экспедиции Высочайшему правительству Лхасы. Мы были бы безгранично рады, если бы смогли в качестве гостей Тибета посетить эту великолепную страну и ее священную столицу Лхасу, как первые представители своего народа. Это письмо будет передано Вашему Величеству нашим первым переводчиком. Одновременно с этим я позволяю себе преподнести Вашему Величеству несколько скромных подарков, которые я прошу принять как знак нашего почтения и уважения к Вашему Величеству, а также к Тибету и тибетскому народу в целом.

С почтением к Вашему Величеству

Эрнст Шефер».

К нашему великому стыду, надо признать, что когда утром в половине седьмого министр вновь появился у нас, то мы еще спали. Это произошло отнюдь не из невежливости, а потому, что накануне мы действительно очень устали. После прошедшего длинного вечера я спал как никогда крепко. Мои мысли уже не крутились вокруг «официального разрешения», что само по себе было очень хорошим знаком.

Когда мы сидим при солнечном свете за завтраком, то подмигиваем друг другу. Работа на время отложена. Для короля и министра собрано два мешка подарков, которые водружены на мулов. Когда мы прощаемся с нашим переводчиком, то я, пожимая ему руку, шепчу на ухо, что он должен правильно воспользоваться представившимся нам шансом. Я даю ему недвусмысленно понять, что в случае удачи его ожидает повышение денежного содержания. Министр и Кайзер Бахадур Тапа садятся верхом и вскоре исчезают из нашего поля зрения.

Следующие дни проходят в привычной, казалось бы, для нас работе. Но мы ждем с нетерпением решения.

Краузе и я высоко в горах, под одной из каменных глыб, соорудили себе идеальное убежище, чтобы снимать на фоне огромного ледника золотистых ягнятников и огромных белых гималайских коршунов. Под конец дня с проклятиями вылезаем из нашей тюрьмы,

куда мы себя сами заточили на много часов, отряхиваемся и видим Мингму, одного из помощников Краузе.

Мингма приносит весть: Кайзер Бахадур Тапа только что вернулся от короля Таринга. Из суеверия, во власти которых мы оказались в окружении этих детей природы, я позволил спуститься со скалы только моему приятелю. Он уговаривает меня пойти с ним вниз. Но я направляюсь собственным путем, чтобы прихватить для своей коллекции еще несколько небольших птичек. Только когда стало смеркаться, а промозглая погода сменилась мокрыми снегом, который шел вперемешку с градом и дождем, я, преисполненный тревог и ожиданий, гордо спускаюсь в лагерь и позволяю Кайзеру Бахадуру Тапе доложить мне новости.

Он доставил мне от короля большой мешок жирного, но очень вкусного валеного мяса. Все мои приятели собираются вокруг виновника торжества, грызут сухое мясо и внимательно слушают рассказ нашего смелого переводчика, который после трудной поездки был хорошо принят у короля. Его превосходно угощали. В конце рассказа он торжественно достает письмо, написанное собственноручно королем, которое в знак глубокого уважения завернуто в белый шелковый шарф, так называемый «хадак». После этого наш переводчик начинает читать. В письме, написанном тибетскими буквами, говорится, что Его Величество остался доволен подарками и на три дня настойчиво приглашает нас в свою летнюю резиденцию в Доптру. Король просил сообщить предварительно о дате нашего прибытия, так как должна быть проведена подготовка. А также должны были быть урегулированы все вопросы с нашими въездными документами. Ответ на приглашение мы должны были дать желательно в максимально короткие сроки, если возможно, в десять дней, так как Его Величество собирался на паломничество в один из крупных монастырей. Наша радость не знала границ. Мы получили «официальное разрешение». Тибет был для нас открыт. При этом не было никакой необходимости ставить в известность о данной лазейке ни вице-короля Индии, ни британско-индийское правительство. Я воздерживаюсь сообщать об этом даже нашему генеральному консулу, так как он заранее предупредил меня, что Тибет не входит в сферу его компетенции.

Несмотря на то что король пригласил к себе всех пятерых участников экспедиции, визит мы решили нанести вдвоем, чтобы на всякий случай заранее не вызывать подозрений у англичан. Теперь все зависело от того, насколько нам удастся воспользоваться приглашением, чтобы не прослыть в глазах короля бестактными или невежливыми. Дабы добиться своих целей, мне показалось логичным придерживаться золотой диплома-тичной середины. Не могу не отдать должное моим замечательным товарищам: они, видя необходимость для меня этого визита, сами от него отказались. Было решено: в Доптру я отправлюсь один, чтобы, во-первых, выразить наше почтение королю, а во-вторых, чтобы вести переговоры о нашем посещении Лхасы. Только продолжение нашего путешествия стоит того, чтобы пуститься в этот рискованную поездку. Из-за недостатка времени в выборе своего спутника я отдаю предпочтение Краузе, фотографическое мастерство и кинематографическое умение коего мы оцениваем как самые важные навыки, могущие быть ценным дополнением к переговорам, которые предстоит вести лично мне. Визит к королю Тарингу должен был стать нашим триумфом. И он станет нашим большим успехом.

Пока мы собираемся в путь, Геер направляется в двухнедельную поездку, чтобы пополнить наши припасы, а Бегер и Винерт решают основательно исследовать все районы Северо-Восточного Сиккима.[87] Но получалось, что главный лагерь некоторое время оставался пустым и всеми покинутым, что могло вызвать ощущение сбежавшей экспедиции. Впрочем, утром второго дня наш маленький караван, окутанный плотным туманом, начинает свой путь на север. Мы едем по диким и почти пустынным просторам, преодолеваем два горных перевала, каждый высотой по 5000 метров. Мы одни в этой высокогорной степи. Радуют глаз пастельные краски этих бескрайних далей. 1де-то далеко на севере, над блестящими горами, тянутся вереницы облаков. Кажется, что мы попали в совершенно

другой мир, где законы мира земного не имеют никакой силы. Все это напоминает лунный ландшафт Такие же странные формы, непостижимые в своих гигантских размерах. Я не нахожу слов, чтобы выразить свое настроение. Поэтому мы едем верхом и молчим.

Под нашими ногами находится «крыша мира». Здесь зловеще-тихо и таинственно-торжественно. Но какая-то магическая сила тянет нас, старается, чтобы мы продолжили свое путешествие. Чем длиннее становятся тени от гор, тем удивительнее делается игра тени и света. Здесь не видно ярких цветов, которые бы, наверное, соответствовали этому ландшафту столь же мало, как и порывы теплого ветерка. Ветер, который свистит здесь, холодный и пронзительный. Только яркие лучи солнца еще в состоянии поддерживать тут какую-то жизнь. Но воздух остается здесь холодным даже в самый разгар лета. Цвета этих краев тяжелые, приглушенные, начиная от фиолетового неба и заканчивая красно-коричными скалами, сероватой зеленью и охряными полутонами вечерних пейзажей, которые прекрасно передают мягкое и все же грустно-печальное настроение западного неба.

Настоящее лето никогда не наступает на этой земле. Этот ландшафт странных контрастов можно постичь только в движении. Здесь все изменяется, все перетекает во что-то. Так и длящееся здесь два-три месяца лето стоит посредине между зимой с ее арктическими морозами и ледяными штормами, сходящими с гор, которые здесь читаются весной. Что сейчас? Весна или осень? А может быть, зима? Или все-таки лето? Тибет почти всегда одинаков. И только биологу под силу увидеть сезонные различия. Горная страна остается горной страной. Здесь весна — как осень. Здесь нет того очаровательно колдовства, которое на наших широтах сопровождает смену времен года, заставляющую людей то веселиться, то грустить, то тянет к романтике, то заставляет мыслить о судьбах мира. Тибет почти не меняется, он такой же, как и всегда. Но только здесь можно понять непостижимую силу природы, которая иногда дарует маленькие прелести, которые греют душу человек и радуют его сердце. Здешняя природа формирует своего человека, она строит его тело и вырабатывает его характер. Тибет такой огромный и могучий, как и большой океан. Однообразный, непостижимый, фантастический и дикий. Это страна для людей, которые хотят испытать свою судьбу.

Незаметно сгущаются сумерки. На севере бледно-свинцовый свет, который льется между темными чудищами облаков и ярко сверкающими серебряными шпилями горных вершин. Небо за нами на юге светится каким-то нереальным желто-зеленым блеском. Мы никогда его не видели таким, а потому это поражает. Это не нежная вечерняя заря родного северного неба, и не горящие пурпуром закаты южных широт. Это небо ледяных Гималаев, самой большой крепости на нашей планете. Я не могу оторвать глаз от небосвода. Я впитываю в себя воздух этих редких небесных расцветок. Я чувствую, как в душе начинают реветь лавины, выть ветра и вздрагивать горные великаны. Эти цвета зловещи, неимоверно мощны и стихийны. При взгляде на них чувствуется мороз и холод. Эти цвета — символ жизни в данных краях.

Мы должны двигаться дальше, чтобы достигнуть Гиру, прежде чем совершенно стемнеет. Огромная равнина раскидывается перед нами на множество миль. Сложно сказать, где мы и сколько проехали, пока прямо перед нами совершенно неожиданно не возникает долина с изъеденными эрозией террасами скал. Мы оказываемся перед домами первого тибетского населенного пункта. Сотни разноцветных флажков с молитвами колышутся на вечернем ветру. Уже в сумерках мы разбиваем палатку. Мы закрываемся в ней вместе с туземцами, которые поят нас «джо» — кислым молоком.

На следующие день мы много снимаем на камеру К вечеру мы достигаем крепости Кампа-Дзонг — строения, которое резко возвышается на фоне тусклого неба.

Здесь нас дожидается Кайзер Бахадур Тапа, которого мы выслали вперед, чтобы он предупредил о нашем прибытии короля. Кайзер Бахадур Тапа ехал верхом два дня и две ночи, но выполнил порученное ему задание просто идеально. Но здесь нас ожидает и плохая

новость. Генерал и губернатор провинции Кампа-Дзонг намерены отказать нам в продолжении поездки. Он не готовы выдать нам разрешение на посещение Доптры, несмотря на то, что переводчик вручил им щедрые подарки.

Хотя тот факт, что подарки были приняты, не лишает нас надежды. Пока наши туземцы разбивали палатку, мы совершили первый осмотр местности. У палатки собралось множество любопытных. Мы сидели на спальных мешках, когда появился генерал и гражданский губернатор Кампа-Дзонга, который является ламой. Слуги ламы тут же ставят перед нами муку Чамбы,[88] вяленое мясо и яйца. Мы вскакиваем и низко кланяемся, пожимаем руки знатным тибетцам, — один словом ведем себя так, как будто бы мы старые друзья. Тибетцы во многом наивны и очень восприимчивы к подобным проявлениям дружбы. Их очень легко захватить врасплох, демонстрируя свою расположенность.

Без каких-либо промедлений оба эти правителя садятся рядом с нами на надувные матрасы и как дети начинают играть вентилями надувных подушек. Пока мы жуем мясо, они курят сигареты. Они являются самим радушием. По понятным причинам во время нашей первой беседы я вообще не упоминаю о продолжении нашей поезду в Доптру. Это очень щекотливый момент. А пока для серьезных опасений нет никаких поводов. Пока тибетцы настроены весьма дружественно. Когда мы прощаемся, то они приглашают нас в свою совместную резиденцию,[89] на ночной обед (в дословном переводе — «ночная еда»). Наша просьба сделать на этом мероприятии несколько фотоснимков со вспышкой весьма охотно приветствуеися.

Уже поздно вечером нас забирает большая толпа служителей культа. Они должны позаботиться о нашем благополучии, а потому ведут нас темной ночью по ухабистой дороге под руки.

Наш путь заканчивается у правительственного здания.

Там нас проводят через темные, пахнущие чем-то затхлым коридоры в большую гостиную, где перед картинами и статуэтками святых горит бесчисленное количество маленьких масляных ламп. От них идет уютный приглушенный свет. Некоторое время мы убиваем время, пока не появляются оба властителя. Они очень богато одеты. Вежливым жестом нам предлагают сесть на почтенные места. Все является настолько понятным, что не требуется никакого специального переводчика. Поначалу ведется непринужденная беседа. Но разговор идет на таком ломаном языке, что даже Кайзер Бахадур Тапа не всегда в состоянии понять, что говорят хозяева дома.

Поэтому волей-неволей все официальные вещи, которые мне кажутся наиболее важными, ему приходится озвучивать на придворном тибетском наречии.[90]

Все идет хорошо. Мы отпускаем хозяевам комплименты, а они говорят о религии и угощают нас воистину превосходным цангом — светлым тибетским ячменным пивом. В полумраке Краузе начинает хлопотать, чтобы снарядить свою фотокамеру. Но у него что-то не получается. Отказывает фотовспышка. Краузе отпускает сквозь зубы проклятия. Когда через несколько минут она все-таки заработала, то обстановка начинает накаляться. Вероятно, тибетцы боятся нас. Не исключено, что даже ненавидят, как «белых чертей». В любом случае, настроение уже испорчено. Гражданский губернатор сидит, как идол. Он взирает на нас с гневной гримасой. Она настолько выразительна, что не требуется никаких слов, чтобы понять его мысли. Ситуацию даже с большой натяжкой нельзя было назвать благоприятной, с каждой минутой она становилась все более критичной. Дело в том, что Краузе то ли случайно, то ли в силу своей демонической сущности, то ли под воздействием выпитого «цанга» (сам он придерживался именно такой версии) разбивает вдребезги ценную древнюю китайскую чашку. В силу стечения столь неблагоприятных обстоятельств мы вынуждены констатировать, что сегодня вряд ли удастся исправить ситуацию. По этой причине мы предпочитаем ретироваться настолько быстро, насколько было возможно в

данной обстановке. Перед этим мы пытаемся убедить тибетцев, что очень благодарны им. Мы отвешиваем несколько поклонов. Спокойно вздохнуть нам удается только на улице, когда в лицо нам подул свежий ветер.

Я хочу избавить Краузе от мыслей, что именно он испортил этот вечер. Я говорю, что это было стечение обстоятельств. Но он сам, впрочем, как и я, не верит в это. Все слишком хорошо читалось по лицу властного губернатора. В палатке я говорю, что в силу плохой обстановки нам надо подкрепиться. Но по понятным причинам у Краузе плохой аппетит. Но оба мы спали исключительно крепко.

Мы просыпаемся очень рано и используем великолепное утро, чтобы сделать кинозарисовки и фотографии. Мы как раз снимали несколько сцен из жизни диких тибетцев (они загоняли овечье стало, чтобы, связав животных, срезать с них длинными ножами шерсть), когда меня к себе пригласил губернатор. «Так, значит, наши дела не столь уж безнадежны», — мелькает у меня мысль. Я расчесываю бороду и водружаю на голову пробковый шлем. И прошу доложить обо мне. Я внутренне мобилизован и изливаю в типично азиатской манере всю лесть, на которую только был способен. А начинаю издалека, постепенно сжимая круги, чтобы перейти к нашей истинной цели. На помощь мне приходит только что прибывший переводчик, которого я сердечно приветствую. Кайзер Бахадур Тапа, всегда предельно тактичный в подобных вещах, просовывает в длинный рукав губернатору несколько серебряных рупий. К заседанию правителей в дальнейшем присоединяются командир форта в чине полковника и влиятельный аристократ из Шигаце, постоянного местопребывания Панчен-ламы.

«Они хотят меня окружить», — является моей первой мыслью. Но я гоню ее от себя. После почтительного приветствия я начинаю развивать клубок: Шигацзе — Ташилунпо — монастырь маленького Панчен-ламы — Китай. Я свожу всс к предельно понятным вещам, которые могли бы их заинтересовать.

Я кручу свою «граммофонную пластинку» без перерыва до тех пор, пока хмурые физиономии присутствующих не начинают добреть. Чтобы их лица окончательно просветлились, мне пришлось беспрерывно говорить почти полтора часа. Я лил водопад мягких слов, пока окончательно их не задобрил. Когда пришло время расставаться, мы поклонились друг другу. Для них я был полной противоположностью белых, которых им приходилось видеть. Они поняли, что я неплохо разбирался в религии. К тому же я путешествовал больше, чем кто-то из известных им людей. И когда победа у меня уже почти в кармане, я решил рассказать несколько забавных, но совершенно невинных историй про маленького Панчен-ламу. Я поведал им, что Панчен-лама изображен в одной из моих книг на особом месте. После этого меня хором спрашивают, высказывает ли каждый немец почтение этому изображению. На этот вопрос, к радости всех присутствующих, я даю утвердительный ответ. Я продолжаю и говорю, что я, несмотря на то что являюсь немцем, весьма почитаю маленького Панчен-ламу как буддистское божество. После этого переводчик, отвешивая поклоны, заявляет, что я вопреки своему белому происхождению очень сильно чту Панчен-ламу. Это окончательно растопило лед недоверия. И теперь я решаю бить прямо в цель. Я прошу выдать нам въездные паспорта, чтобы продолжить поездку в Доптру После некоторого раздумья гражданский губернатор, который, судя по всему, из всех присутствующих является самым главным, объясняет, что, к сожалению, не может выдать нам никаких документов, так как для этого должен направить запрос в Лхасу Чтобы избежать осложнений, он предложил нам спокойно следовать дальше. Но при этом он просил никому не рассказывать об оказанной нам услуге. Прежде чем я успеваю попрощаться, генерал заверяет меня, что для него было бы большой честью, если бы на обратном пути мы три или четыре дня погостили у него в замке. После этого все участники почтенного собрания снимаются на фотокамеру В знак высшей благодарности каждому из них я протягиваю обе руки. Я уверен, что правители

Кампа-Дзонга дали нам лучшее из всех пожеланий, которые только можно было сделать отправляющимся в путь: «Всех Будд Вам в дорогу. Езжайте» И мы двинулись дальше.

К этому моменту наши мулы совсем изголодали. Это объяснялось тем, что в окрестностях крепости Кампа-Дзонга было строго запрещено пастись чужим животным,[91] хотя для тибетских пастбищ они ни разу не сделали ничего плохого. В итоге наших мулов едва ли не силой пришлось заставлять двигаться в направлении Доптры. Вероятно, мул Кайзера Бахадура Тапы рассказал моему мулу, что им предстоит впереди.

Если бы мы знали, что нас ожидает на следующий день, то назло всем генералам и губернаторам выпустили бы наших мулов на несколько часов на свободу, так как ни один даже самый сильный мул не может на пустой желудок перебраться через тибетские болота, ни рискуя закончить свою жизнь на их дне.

В силу нашей самонадеянности мы вбили себе в голову, что сможем достичь Доптры в тот же самый день. Мы торопились и гнали мулов через пески. Переднему мулу мы завязали глаза, чтобы он не замечал и не пугался ящериц, которыми кишела эта местность. Вокруг был песок, один песок, перемешанный со скудными жесткоколосницами. Ветер был такой сильный, что мы почти ничего не видели и не слышали.

Через час мы достигаем небольшого поселка Танга, где каждый человек, имея пять чувств и здравый рассудок, непременно разбил бы лагерь. Однако у нас нет ни разума, ни слуха, ни зрения. Трагедия начинается с того, что, не выдержав многочасовой езды, подо мной рухнула лошадь. Чтобы симфония степи стала более звучной, начинается сильный дождь. Теперь неприятности преследуют нас едва ли не каждую минуту. Караван разбредается. Мою лошадь за уздцы ведет Кайзер Бахадур Тапа. Неизбежным следствием этого является то, что наш переводчик сильно отстает и мы теряем его из виду почти на целый день.

Дождь усиливается. Я иду вперед сам и веду за собой людей. Я набросил на плечи прорезиненный плащ и двигаюсь навстречу отвесной, свинцово-черной стене непогоды. Я готов задать хороший темп, чтобы увлечь за собой остальных. Но это может длиться только до тех пор, пока все не теряются из виду. Время от времени раздается гром, который своими раскатами бежит по равнине и отражается где-то впереди от невидимых гор. В сумерках я вижу дикого гуся, крачку и травника.[92] Это единственные живые существа, которые предстают моему взгляду.

Становится все угрюмее и угрюмее. Без сомнения, мы приближаемся к какому-то болоту или большому озеру у Доптры, появление которого полевую руку я ожидаю уже несколько часов. Согласно нашей карте, мы должны были уже давно достигнуть его. Но в действительности оно находится совершенно в другом месте. Ни одна карта Тибета не может претендовать на исключительную точность! Пески и пустынные земли становятся мягче. Несмотря на то что на мне достаточно легкие ботинки, при каждом шаге я погружаюсь в грязь почти по самые лодыжки. Шквальный ветер бьет мне в лицо. Но я все еще надеюсь на лучшее. Ведь где-то в данной долине должен находиться этот трижды проклятый Доптра. Когда же он, в конце-то концов, появится? В какой-то момент мне кажется, что мы кружимся по кругу, настолько однообразным и унылым является ландшафт, окружающий меня. Несмотря на высокогорный воздух и полностью промокшую одежду, я чувствую себе свежим. Но вот только я не нахожу дорогу. Километр за километром я ступаю по зыбким пескам, туда, где до сих пор должна быть дорога, пролегающая между болот. Пытаюсь ориентироваться на болотные кочки, но напрасно. Только длинные ряды полос, заполненных водой, намекают, что здесь некогда была «дорога». Эти полосы мне напоминают рельсы, которые убегают до горизонта и теряются где-то вдали, сливаясь с дождливым небом. Когда пепельное хмурое небо омрачает все вокруг и свинцовые облака изливают километровые струи дождя на бесплодную землю, тогда по тибетским горным долинам сложно двигаться вперед. Этим миром правят бледные духи и жестокие мстительные демоны. Здесь свой смертельный танец

танцует шторм и человек становится жертвой природных стихий. Когда видишь все это, то начинаешь ощущать себя лишь тенью, которая была отброшена в какой-то момент. Глаза видят лишь шторм, а уши слышат только пронзительное завывание ветра, но все эти ощущения укореняются в душе. И если спросить себя, как можно описать такое всемогущество, то не можешь дать на него ответ хотя бы в силу того, что на это не решается твоя душа.

Воистину я начинаю понимать жестких, как сама погода, краснокожих тибетцев, когда они описывают свою страну как оплот богов. Почти бессильные, мы, белые люди, пытаемся противостоять разгулу стихий, а трезвый европейский ученый непременно ошибется, когда попытается постигнуть эти края. То, что он сформулирует, будет всего лишь жалким людским творением. Это будет подобно жемчужине, утратившей свой притягательный блеск. Ни один живущий человек не сможет погрузиться на такие глубины, но, пожалуй, только художник может попробовать передать тень или отражение этого величия. В действительности надо изучать душу этой страны, но она так же мало постижима, как душа тибетца, сияющая тысячами мистических видений. В ней происходит неимоверная игра света и теней, это почти первобытная душа, которая могла появиться только в Тибете. Не случайно мистическое сияние Тибета тянет к себе представителей всех цивилизованных стран, а сама запретная страна воспринимается как нечто сверхъестественное, загадочное и демоническое.

В изобилии и разнообразии жизненных форм тропиков мне интересно как исследователю. Но если сравнивать многообразие тропической Азии с этой героической страной, то первая проигрывает. Местная природа тоже может дать очень многое исследователю, но гораздо больше она дает человеку, так как успеха ему придется мужественно добиваться здесь в одиночку.

Дождь продолжает шуметь, но его струи ослабевают. Наконец, посреди непроглядной ночи, окруженные водой, мы решаемся устроиться на ночлег. Это не самая простая затея, так как дождь атакует и брезент вырывается из мокрых пальцев. Во мраке очень сложно согнать животных. Еще сложнее их разгрузить. Но почти совершенно невозможно в такую погоду поставить палатку. Забивание колышков и натягивание канатов превращаются в мучительное испытание. Когда же мы наконец поставили ее и с чувством успокоения плюхнулись на мокрую землю, я чувствую себя почти счастливым. Мы радуемся, что в такую ночь у нас есть хоть какая-то крыша над головой. Мы раздеваемся и развешиваем полностью промокшую одежду Кайзера Бахадура Тапы нет, он отстал. Мы начинаем скромную трапезу Мы поглощаем плохо пахнущую соевую массу, которую купили в крепости у грязного уличного торговца, делаем по глотку шока-колы, которую запиваем из единственной фляги (все остальные ушли на подарки губернатору) чаем, отдающим ячьим навозом.

Лошади связаны между собой и отпущены в темноту.[93] Пеней раскинул спальный мешок между нами. И вот мы погружаемся в праведный сон, о котором мы так давно мечтали.

Когда ранний свет наступающего утра пробивается в палатку, мы видим, что идет непрерывный моросящий дождик. Он стучит по нашей брезентовой крыше и поет свою занудную, монотонную песню. Выглядываю и вижу плотную стену ужасного зеленоватого тумана. Раздающиеся из него крики водоплавающих птиц говорят мне, что мы находимся близ берега озера. Но более четко сориентироваться не удается. Нет даже никакой надежды, что нам удастся найти наших вьючных животных. Мы вынуждены ждать, когда прояснится небо. Почва не вызывает особых опасений. Духи не могут более скрывать от нас Доптру и в любом случае сегодня мы должны добраться до резиденции короля Таринга.

Нам ничего не остается, кроме как подкрепиться холодной и невкусной едой, которой у нас оказалось предостаточно, а затем снова забраться с спальные мешки и продолжать спать дальше. Второй раз мы просыпаемся уже в районе 8 часов. Мы поднимаемся и начинаем готовиться к достижению Доптры. Временный ночлег разбирается. Мы начинаем финишный

рывок по великой равнине. Я почти уверен, что Кайзер Бахадур Тапа, хорошо знающий эти края, смог еще ночью добраться до Доптры и с ним не случилось никакой беды. Ночная температура была около нуля градусов, так что не было серьезной опасности переохлаждения. Кроме этого, у этого 21-летнего сорванца настолько большой опыт, что вряд ли стоило беспокоиться. В то время как мы разбираем палатку, Пеней занимается поиском лошадей и мулов. Вряд ли можно описать мое удивление, когда перед нами предстали изможденный Кайзер Бахадур Тапа и его уставшая кляча. Он, как всегда, протягивает руку, говорит «салам», снимает шапку и низко кланяется. Он делает это так, как будто бы ничего не произошло. Даже в такой ситуации наш переводчик не отступал от принятых ритуалов. Чувствовалось, что он происходил из непальской благородной военной касты.

Еще вчерашним вечером Кайзер Бахадур Тапа натолкнулся на какой-то караван. Холодную ночь он провел в палатке погонщиков без еды и питья. Но теперь он выглядит снова свежим и бодрым, словно с ним ничего не произошло. Он является именно таким парнем, который нужен нашей экспедиции. Проходит некоторое время, прежде чем прибывает Пеней с животными. Довольные этим, мы начинаем готовить холодный противный суп из затхлой некипяченой озерной воды и промокшей под дождем муки. Получается нечто ужасное, но в силу того, что желудок почти пуст, я засасываю его в себя как насосом. Но трапеза не пошла мне впрок, от подобной похлебки начинаются непредвиденные последствия, как будто бы я выпил поллитра касторового масла. Уже перед отъездом в желудке возникают острые боли, странное ощущение кишечной слабости, что сопровождается сильным головокружением.

Так как к этому времени небо прояснилось и на горизонте можно было заметить руины старого замка Доптры, до которых было почти рукой подать, я принимаю решение. Несмотря на усиливающие боли в желудке, надо приложить все силы, чтобы найти караванную тропу, от которой в дождливой темноте мы отошли на несколько километров. Расстояние до Доптры Пенси оценивает в три-четыре мили. Я и Краузе и приходим к выводу, что должны добраться до цели в данных условиях[94] часа за полтора. С этой установкой я, полный надежд, направляюсь в путь по мягким от влаги пескам. Не успели мы проехать час, как меня скрючивает от кишечной колики. Она меня не отпускает. Но самое ужасное, что расстояние до Доптры почти не уменьшилось. Надо мной раскидывается ясно-синее, сияющее тибетское небо, покрытое бесчисленными снежниками, плывут перистые облака цвета слоновой кости. Они простираются от края до края горизонта, что делает эту необозримую безграничную страну еще более безграничной. Но вокруг меня только пески, вода да болота. Ужасная пустыня. Где-то начинает дрожать воздух, и мне кажется, что мне является призрачная фата-моргана. Время от времени эту коварную тишину разрывает металлический крик орлана-белохвоста.

Как только мои внутренности начинают успокаиваться, я замечаю, что надо мной кружит золотистый ягнятник. Я смотрю ему вслед и продолжаю свой путь. Далеко над болтами звенят призывные крики степных куриц. Где-то, выгибая шеи, курлычут черные журавли. Я продолжаю двигаться по зыбким пескам, пока не замечаю Кайзера Бахадура Тапу, который ведет наших животных на веревке, так как вскоре начнется болотистая почва. Не успеваю я сесть верхом, как мой живот снова пронзает колика. Я остаюсь в седле и хватаюсь за гриву, пока живот не отпускает. Краузе и другие караванщики не должны ничего заметить.

Нам повезло, и мы быстро находим потерянную дорогу, которая ведет нас через болота. Но чем болотистее становится местность, тем условнее становится дорога. В какой-то момент она исчезает полностью, а вокруг нас начинают свою пляску болотные пузыри. Двигаться в данном направлении больше нельзя. Нам надо пересечь огромные песчаные дюны, которые своими белыми песками напоминают мне пустыню Гоби. За ними мы обнаруживает реку шириной в 60–80 метров. Ее форсирование на первый взгляд кажется несложной задачей.

Итак, вперед! Вода доходит нашим животным до живота. Течение реки настолько сильное, что нас относит где-то на 100 метров. Мы внезапно оказываемся посреди грязной стремнины, переходящей в болото.

Первым упал самый сильный мул Кайзера Бахадура Тапы. Когда я хочу повернуть, моя кляча теряет равновесие и падает. Ее тащит потоком, который норовит утопить животное. Мул нашего переводчика мощным рыком поднимается на ноги. Но от этого мощного движения он погружается в грязь почти по самое седло. Смертельно испуганный мул рвется изо всех сил до тех пор, пока не начинает ощущать под своими ногами относительно твердую почву Я вижу, что мой мул того гляди утонет. Я выскакиваю из седла и сам погружаюсь по колено в песчаную болотину, которая засасывает меня все глубже и глубже. Пытаясь вытащить животное, я погружаюсь почти по пояс в ледяную жижу. Наконец задние ноги моей животины сантиметр за сантиметром вырываются из плена зыбких песков. Мне на помощь спешит Кайзер Бфсадур Тапа. Теперь мы тянем из болота мула вдвоем.

Когда мы переводим дух, то от неимоверных усилий во мне начинается очередная реакция. Мои кишки пронзает острая боль, мне кажется, что живот вот-вот разорвется на множество кусочков. В эти ужасные минуты мне видится, как в желудке у меня топорщатся сотни иголок. Меня охватывает приступ слабости, и я оседаю в седле посреди реки. Со лба капает холодный пот, я теряю контроль над собою. В итоге я вручаю себя в руки судьбы.

Только когда я прихожу в себя, меня охватывает отвращение — отвращение к самому себе. Кайзер Бахадур Тапа помогает мне очиститься, и я оседаю на берегу. Собравшись с силами, я продолжаю поиски перехода через реку. Мы находим новое место. Там река глубже и течение стремительнее, но животные чувствуют под ногами твердую, каменистую почву. Здесь мы успешно форсировали реку.

Вновь начинаются пески и тянущиеся вдаль склоны дюн. Вдобавок ко всему мы в очередной раз обнаруживаем, что Доп-тра не стала к нам ближе. Меня охватывает отчаяние. Я проклинаю себя и сотрясаю воздух, что был настолько глуп, поступив безрассудно. Но это отнюдь не исправляет ситуации, в которой мы оказались. У нас есть только один путь попытаться найти проход в болотистой почве В итоге мы хлещем наших мулов, чтобы вытащить их из хлюпающей жижи. Но впереди испытание — это раскинувшееся от горизонта до горизонта полуболото-полуозеро. В свете солнца оно весело поблескивает, но картина нас отнюдь не радует. У нас есть только один путь. Там, за этой преградой, лежит все-таки приблизившаяся к нам Доптра. У нас нет выбора!

Мы пробуем перейти водную преграду как минимум в десяти местах. Но каждый раз, начав вязнуть, мы возвращаемся. Мы пробуем снова и опять отступаем. Еще раз, и вновь неудача. Кайзер Бахадур Тапа занят тем, что изо всех сил пытается тянуть за собой животных. Но выбившиеся из силы мулы отказываются сделать хотя бы один шаг.

Наконец, после многочисленных попыток, когда мы уже стали терять надежду, находится сносный брод. Наши мулы не один раз падают. Окруженные водой со всех сторон, мы следуем по болоту, со злости отпуская ругательства в адрес любопытных крачек. После того как большая часть болота осталась у нас за спиной, мы оказываемся на сухом островке. Теперь нашей самой большой заботой является Краузе, мул которого везет на себе очень ценные в экспедиции фото-и кинопленки, которые весьма чувствительны к влаге. Мы позволяем нашим животным «попастись» на островке. Когда караван отдохнул, возвращается наш смелый и верный Кайзер Бахадур Тапа. Наш отчаянный непалец со слезами ярости не раз пускался в рискованный путь, чтобы найти нам брод. Каждый раз Кайзер Бахадур Тапа делал это добровольно и всегда отлично справлялся со своим заданием.

Но в тот момент я падаю на мокрую землю и засыпаю. Я настолько утомлен, что мне все кажется бесполезным. Выбившись из сил, я стал трусливо-малодушным. Засыпая, чувствую, как горит у меня в животе.

Прошел где-то час. Проснувшись, я вижу скопившихся вокруг меня воронов и светлоголового орлана-белохвоста,[95] которые ждали момента, чтобы поживиться мной. Я замечаю сияющих от счастья Краузе, Пеней и Кайзера Бахадура Тапу Они смогли преодолеть все трудности, и теперь вернулись за мной. Судя по положению солнца, сейчас вторая половина дня. Вот теперь до Доптры остается действительно полтора часа пути.

Мы едем верхом и пытаемся держаться вместе. Выглядим мы ужасно. От сапог до самых воротников мы заляпаны грязью, котораявперемешку с илом превратилась в толстую корку. Наши мулы падали еще несколько раз. Но теперь, когда опасность миновала, мы можем сделать несколько фотоснимков. Но большую часть пеленки мы хотим сохранить на обратный путь. Мы едем дальше и дальше, приближаясь к Доптре. Нам навстречу кто-то едет. Это спешит наш друг министр, которого король Таринг послал нам на помощь. Дело в том, что Его Величество несколько часов наблюдал за нашей битвой за жизнь в болотах. «Первый человек государства» решил прийти нам на помощь. Мы находим это весьма трогательным. Господин министр, идущий босиком, перепачкан грязью не меньше, чем мы. С радостью мы пожимаем друг другу руки. Это очень странная встреча. Министр, более-менее хорошо знающий местные дороги, сопровождает нас до самой королевской резиденции, где нас готовятся встретить не только король и его семья, но и все население Доптры. Когда мы приближаемся к замку, то начинаем различать его мощные стены, монастырь и близлежащие дома. Нас охватывает смущение, что в таком непотребном виде мы должны предстать перед королем. Однако министр настаивает на этом. При любых условиях мы должны нанести визит королю, так как наша встреча должна была состояться еще вчерашним вечером. Мы опоздали ровно на сутки, а потому Его Величество. стал опасаться за нашу судьбу. Именно это заставило короля взять в руки полевой бинокль, который он не выпускал несколько часов. В итоге мы должны был смириться с нашим ужасным видом.

Вырвавшись из болота на ширь степей, мы внезапно обнаружили дорогу шириной метра в три, которая с обеих сторон была обрамлена камнями. Она вела нас непосредственно к королевской резиденции. Теперь мы не позволяем нашим мулам свернуть направо и налево, что они хотят сделать с завидной частотой, а заставляем их следовать по прямому пути. Под конец пути мы их почти не контролируем. Но водрузившись в седла и поддав им каблуками под ребра, мы торжественно въезжаем в Доптру. Перед воротами скопилось с полтора десятка королевских слуг. Все они одеты, в отличие от нас, в чистые одежды. Одни подхватывают наших животных под уздцы, а другие ведут нас через красивые зеленые сады. У нас фактически не находится времени, чтобы восторгаться чистотой и ухоженностью этих роскошных рощ. Они окружают со всех сторон небольшой замок, к которому ведут посыпанные светлым гравием дорожки. Из него уже вышел встречающий нас король. Кроме него нас встречают шуршащая шелками королева, на голове которой гигантский головной убор, и принцесса, которая облачена в вечерний наряд монахини.[96] Они спускаются по лестнице и любезно приглашают нас войти. Мы почтительно раскланиваемся и самым сердечным образом жмем друг другу руки.

При этом король в знак глубокого почтения кладет мне на руки свой первый подарок, белое шелковое покрывало. Король самым сердечным образом приветствует даже Кайзера Бахадура Тапу, который ведет себя очень тактично. Мы поднимаемся по лестнице в большую комнату. В это время я не перестаю кланяться и говорить королю комплименты, которые быстро сменяют друг друга. В великолепно обставленной гостиной нас угощают чаем.

На этой земле все еще есть люди, которые полностью замкнуты в своей культуре и не знают, да и не хотят ничего знать о проблемах большого мира. Эти люди, весьма деятельные в духовном отношении, обладают утонченными манерами, но предпочитают жить только в своем мире. Они ведут счастливое, пусть в чем-то и ограниченное существование, и не проявляют никаких симпатий или антипатий к западным нациям, ведущим активную борьбу между собой. Они предпочитают пребывать в покое. Они живут в магических местах и

распространяют вокруг себя таинственный ореол. Эти люди, которых мы должны чтить, живут гордо и властно в духе времени, который соответствует нашим давно минувшим столетиям. Когда внезапно перед таким влиятельным тибетцем предстает измученный целеустремленный европеец, то он начинает ощущать всю атмосферу этих краев, которая воплощена в одном азиатском человеке. Самое удивительное в подобных встречах, которых на протяжении последних десяти лет во время своих азиатских экспедиций я имел великое множество, — это, что мы начинаем проникаться тем глубоким уважением, которое эти тибетцы выказывают совершенно незнакомым им людям.

Такие носители высокой чести из древних тибетских благородных родов являются правителями маленьких территорий.

Они превосходят всех властителей нашего мира в том, что они действительно являются королями. Неограниченными в свой власти и зависимыми лишь от фанатичной религиозной веры. Нередко они жестокие, но в большинстве случаев справедливые вожди, которые дисциплинируют своих людей и никому не позволяют вмешиваться в собственные дела. Эта полная самостоятельность, связанная лишь естественным уважением, которым они пользуются у местного населения, делает подобных людей весьма приятными в общении. Они не расспрашивают меня о нашей стране, не интересуются нашими обычаями и традициями. Им хватает вполне собственных знаний. Они живут по законам, которым тысячи лет. Они впитали в себя через сотни поколений культуру, живыми носителями которой они являются. Одним словом, в этом мире еще имеются люди, которые ведут мирную, но по-мужски гордую жизнь. Они счастливы и живут без забот, так как их мысли крутятся вокруг других вещей, нежели у нас, европейцев. Такие первые, несколько хаотические впечатления возникли у меня, когда мы встретились со сказочным королем Тарингом, правящим княжеским государством с центром в Доптре.[97] Нам предстояло три дня быть его гостями.

Все дни пребывания в Доптре я почти не занимаюсь собственными исследованиями. Почти все время уходит на переговоры. Но несмотря на это, я испытываю редкостное спокойствие. Я уже почти добился выполнения великой цели. Ведь ни в Германии, ни в Англии, ни в Индии мне не удалось добиться разрешения попасть в Тибет. Однако больше всего я радуюсь за Краузе, у которого просто глаза разбегаются. Он снимает и снова снимает. Когда я свободен, я выполняю функции послушного ассистента оператора. Иногда мне приходится самому побыть режиссером.

Но вернемся к нашему чаепитию. Королева, постоянно шепчущая молитвы, почти не принимает участие в нашей беседе. Сам же король оказался весьма веселым и открытым человеком. Он многое рассказывает о Лхасе, чье правительство уведомил о целях и задачах нашей экспедиции. Наша первая аудиенция длится где-то часа полтора. Когда мы наконец прерываемся и расстаемся, то, к великому нашему удивлению, обнаруживаем, что нас ждут множество слуг, которые должны нам помогать и прислуживать. Они ведут нас к специальной палатке, которая возведена на английский манер, где мы закрываемся, чтобы помыться.

Там нас ожидали теплая вода, японское мыло, белоснежные полотенца, которые, к нашему великому стыду, после использования надолго остались грязными. Тибетцы позаботились и о других гигиенических средствах, которые вряд ли стоит описывать на этих страницах. Все эти вещи кажутся нам необычными, но, к нашей радости, мы вновь к ним привыкаем. Отмывшись от корки грязи, мы только готовились отдохнуть от множественных трудностей в нашей уютной палатке, как нам подали еду. Все последующие дни, которые мы провели в Доптре, нас кормили воистину по-королевски. Узнав о моем больном желудке, король перед трапезой собственноручно намотал мне на живот шелковый плед, что почти сразу же помогло. По крайней мере, в Доптре я никогда не жаловался на отсутствие апатита. Нам подавали китайские блюда самого тонкого приготовления, коих каждый раз было от десяти до пятнадцати штук. Нас потчевали великолепными огурцами, нежными салатами, вкусными овощами, бобами, бараньей грудинкой, свининой и неизменным «миен», китайским

блюдом, состоящим из смеси риса и макарон. Наша трапеза длится долго. Мы сидим за столом, накрытым идеально белой скатертью, и вытираем капающий на бороду жир настоящими столовыми салфетками.

Позже я узнал, что король содержит целую армию собирателей деликатесов, которые достают лакомства в Шигацзе, Лхасе, Кхаме, Западном Китае, Непале, Бутане, Сиккиме. Именно этим объясняется тот факт, что в диком Тибете мы можем порадовать себе изысканной едой, которая приготовлена настолько искусно, что составила бы честь лучшим китайским поварам.[98] По моему мнению, многие из этих блюд были неповторимы. Позже мне сообщили, что для нас все три дня каждый раз готовили новые, ранее не подававшиеся нам на стол блюда. Если снаружи выли холодные ветра, то мы попали в какую-то тибетскую сказочную страну, где текли молочные реки. Я редко доверял своему желудку, но на этот раз мне пришлось полагаться на исключительный вкус короля Таринга. Желудок Краузе начал бастовать уже на второй день. Я соглашаюсь, что даже самому большому обжоре было бы сложно после стольких дней голода уничтожить за несколько часов такое количество деликатесов. После каждой трапезы нам подавался светлый чудесный «цанг», которому Краузе был особо рад. Не буду утаивать, и мне самому пришлось по вкусу это превосходное тибетское пиво. В итоге ни один» вечер не проходил для нас в скучной обстановке. Мы много смеемся и шутим. Я даже не предлагаю напеть Его Величеству несколько немецких песен. Король в диком восторге. У Краузе лучше слух, но у меня более звучный голос — в итоге мы даем неповторимый концерт. Даже Кайзер Бахадур Тапа, голос которого больше напоминает «регенсбургских соборных воробьев», со всей своей нерешительностью затягивает непальскую песню о любви. По глупости я прошу короля тоже что-нибудь спеть. Но он тут же принимает королевскую осанку и делает серьезное лицо, которое подобает сохранять в присутствии королевы. Мы прощаемся за руки, чтобы направиться спать. Тут мы замечаем луну и затягиваем с Краузе: «Добрая луна, ты идешь так тихо». После этого Его Величество почтенно удаляется в свои покои.

Три дня полетели незаметно. Когда мы едем к озеру или проводим киносъемки в окрестностях крепости, за нами следуют слуги, которые несут термосы с горячим чаем. Если мы объезжаем близлежащие монастыри, то молодые тибетцы несут наши камеры и кино-принадлежности. Наше любое желание исполняется моментально. Осталось решить еще одну задачу. Но наш заботливый король предполагает осуществить нашу просьбу и послать рекомендательное письмо в Лхасу, только если мы преподнесем ему еще несколько подарков: цейссовский бинокль с десятикратным увеличением, дорожную аптечку и большое металлическое зеркало для королевы.

По старому доброму дипломатическому рецепту все переговоры ведутся только после еды, так как на сытый желудок в большинстве случаев можно что-нибудь выторговать. Но переговорам мешает пышнотелая и весьма энергичная королева, которая дает своему супругу советы, время от времени адресуя ему короткие реплики. После этого с неизменной регулярностью мы получаем отказ. Для нее это была задорная игра, во время которой она вставляла свои возражения в слова стандартных молитв.

Хотя покойный ныне английский поэт Киплинг не был другом немецкого народа, но наряду со своими бессмертными произведениями он ввел в оборот словосочетание «Female of the species» («Женщина с рождения»), что должно соответствовать немецкой пословице «Женщины хуже мужчин». Я прошу извинения у дам, так как я знаю, что имеется множество исключений, но в отношении махарани Сиккима и королевы Таринга это изречение является исключительно верным. В итоге нам приходится менять тактику и подлизываться к этой знатной матроне. В этом мы преуспеваем. Накануне нашего отъезда вся королевская семья провожала нас подарками в виде ковров и серебряных изделий, которые должны были весьма существенно пополнить нашу этнографическую коллекцию. Мы прощаемся на рассвете с нашим прелестным хозяином, который удостаивает нас великой чести. Он

провожает нас до лошадей, после чего накидывает каждому на шею белоснежный широкий шелковый шарф.

Открытие Шали

Следуют несколько месяцев, в которые, вдоль и поперек объездили глубокие долины и горные перевалы гималайского массива. В это время через Лхасу, Лондон, Силму и Гангток идут дипломатические переговоры. Мы с нетерпение ожидаем ответа регента и короля Тибета, которому я подал длинное прошение. Кроме этого, были отправлены богатые подарки совету министров в Лхасе и его святейшеству регенту Хутукту Римпоче.

Почему бы в это время в радостных ожиданиях не предаться рассказам при свете мерцающего костра?

Мы упиваемся нашими ежедневными научными успехами. Трудные и очень сложные задания заставляют забыться, отгоняя печаль и заботы. На юге высятся гималайские гиганты, на севере расплывается в бесконечность океан тибетских степей.

Наши продукты подходят к концу. Рис, который мы едим едва ли не каждый день, надоел всем настолько, что с общего согласия я принимаю решение послать на юг за деньгами и свежими продуктами. Думаю, это сможет нам поднять настроение.

Несмотря на то что мы упустили момент, чтобы совершить еще одни визит вежливости, добрая финская миссионерка из Лачена, прознав о наших трудностях, посылает своего воспитанника-туземца с множеством незамысловатых продуктов (собственноручно выращенные овощи и свежевыпеченный хлеб), которые в тот момент нам кажутся чудом. Какие это были превосходные дары! Каждый раз, когда мы наполняли ими рот, наши сердца переполнялись благодарностью, и мы чувствовали бы себя злыми мальчишками, если бы принципиально отказались от подарков христианской миссии. Мисс К., добрая душа, прислала нам милое заботливое письмо, в котором говорила, что, наверное, мы не откажемся «во льду и снегах» принять небольшой подарок и Божие благословение. Мы принимаем первое и покорно сносим второе. Мы отвечаем ей сердечным письмом.

Отныне дела у нас пошли, как у вошедшего в поговорку «Бога во Франции». Можно по-разному думать о миссионерах, об их более-менее полезной деятельности. Но нельзя не осознавать, что внутренние миссионеры и миссионеры, заброшенные в дикие края, были издавна одинокими исследователями, помогающими нам. Было бы глупо повернуться к этим идеалистам спиной. Если мы хотим не предвзято оценивать итоги их научно-исследовательской деятельности, то это было бы еще и весьма неблагодарно.

Для нас, на наше нахальное счастье, деятельность финской миссионерки в Лачене вышла далеко за рамки ежедневного благословения. О чем я и хочу рассказать. Стараясь быть беспристрастным, о чем, собственно, судить самим читателям, я не могу все-таки удержаться от сострадательной улыбки. Все, что я расскажу дальше, является правдой. По ходу рассказа вы сами должны решить, верить в это или все-таки нет. Сам я не берусь выносить суждения по данному поводу, ибо, как ученый, должен строго придерживаться только фактов, которые я и перечислю далее.

Итак, христианин-туземец, посланник финской миссионерки, прибыл к нам. Он поднялся к нам в горы с выпечкой. На его умной голове надета лихая шляпа. Он немного говорит на английском языке. По-тибетски его звали Лопе, но после крещение он принял звучное имя Тимоти (Тимофей). Так как все наше последующее приключение будет непосредственно связано с «черных духом гор», что имеет очень много общего с религией и исконными тибетскими религиозными представлениями, то мы будем называть нашего героя менее христианским, но более коротким именем Тимо.

Памятным вечером июля 1938 года, после целого дня утомительных работ в горах, я встречаю Тимо в нашем лагере. Этот малый мне понравился с первого взгляда. В итоге мы сели поболтать у костерка, огонь в котором поддерживался высушенным ячьим навозом. В

ходе беседы я расспрашиваю его обо всем, что уже знаю сам, и обо всем, что мне хотелось бы еще узнать: о животных, об охоте. Оговорюсь, что при разговоре с туземцем всегда надо уточнять, лжет ли он в надежде на хороший «бакшиш»,[99] или же все-таки говорит правду.

Вопреки или все-таки в силу его христианского вероисповедания мы приняли Тимо за непригодного ни к чему бродягу. Но он стал одним из наших лучших людей: остроумный, выносливый и стремящийся к хорошим поступкам парень 29 лет. Он счастливый отец двух крепких мальчишек, которых он тоже крестил. Во время вечерней беседы у костра темы нашего разговора перепрыгивают с одной на другую. Все начинается с королевского архара, затем переходит к киангам, голубым баранам, газелям. И тут я спрашиваю Тимо, предки которого иммигрировали из Бутана, знает ли он что-нибудь про стремительных такинов? Это дикое, легендарное высокогорное животное — наполовину корова, наполовину антилопа, длинноволосое и очень Мрачное по своему внешнему виду Науке было известно лишь несколько экземпляров данного вида. Нет, Тимо ничего не слышал про такинов. Позже мне удастся локализовать место обитания такина в Лачунге в Восточном Сиккиме.

Но, — Тимо понижает голос и говорит очень загадочно, — в Сиккиме есть еще одно очень редкое животное, чем-то похожее на буйвола или на яка. Оно появляется внизу близ Цунг-танга в районе проживания лепчасов, на высоте в 4000 метров в самых крутых и самых недоступных горах. Туда никогда не осмеливался ходить ни один белый человек. «Шали» — это сказочное существо, о котором лепчасы хранят гробовое молчание, так как оно живет на святой горе и такое же святое, как божество. Шапи — это черный дух гор, которому никто не мог причинять обид. Имелось только четыре или пять лепчасов, которые могли похвастать, что видели его. Мне всегда хотелось соприкоснуться поближе с народом, который уединился в джунглях, знал все уловки диких гор и мог жить, месяцами не разводя огня. Так вот он, Тимо, был единственным ныне живущим лепчасом, который собственными глазами видели шапи. Я тут же воодушевляюсь, во мне разгорается неистовый огонь — ярче, чем в самом костре. Шапи-шапи-шапи — мычу я, как бык, чувствуя, как кровь во мне начинает бурлить. Я моментально созвал всех сахибов у себя в палатке и пригласил Тимо, он должен был повторить им все то же самое, что рассказал мне. Мне представилось, что все волшебные духи Гималаев собрались на совет.

«Я верю этому парню, — вскакиваю я с места, — он не мог такого придумать. Я, конечно, не полностью разделяю его фантазии. Но, господа, это может стать самым большим успехом нашей экспедиции. Если это животное существует, то мы хотим и мы должны его обнаружить. И неважно, насколько трудным это будет. Я уже давно предполагаю, что в средней высоты горах живет неизвестный нам крупный зверь. Результаты исследований указывают именно на это». Мы встречаемся взглядами. Я вижу, что у всех горят глаза, в которых пульсирует энергия. «Черт побери, это может стать вещью, которая будет означать научный триумф Германии. Что тогда скажут господа англичане, которые отстаивают приоритетное право осуществления научных исследований в Центральной Азии? Которые считают себя слишком умными и верят, что никто лучше их не знает Тибет и Гималаи?»

О, святые небеса, а если это действительно правда, если шапи — не порождение азиатской фантазии, не какой-то «мигю», как называют снежного человека, не какая-то прямоходящая обезьяна? Это было бы чудесно.

Тимо утверждает, что четыре года назад он действительно видел шапи своими собственными глазами. Как-то ему потребовался по хозяйству лишайник уснея, которым женщины красят одежды в красивые цвета. Он собрался в дорогу, взяв с собой мешок муки цзампа и длинный нож «хау» (мачете). Он два дня шел по джунглям, до тех пор, пока не достиг в поиске нужных растений палеоарктической зоны. Когда на третий день густые джунгли закончились, а лианы сменились елями и рододендронами, он первый раз столкнулся с первыми следами сказочных шапи. Когда он рассматривал снежные вершины, чтобы вовремя уклониться от опасных оползней, Тимо первый и последний раз столкнулся

глаза в глаза с этими загадочными существами, которые растворились в горах, прежде чем он успел что-то сообразить. Их было целое стадо. Размером они были как «маленькие яки». Но в растрепанной шерсти они выглядели очень дикими.

Больше Тимо ничего не мог рассказать. Он даже не знал, обитают л и в тех местах шапи до сих пор. Он только раз за разом повторял, что те края были опасными, очень опасными. Он вообще сомневался, стоило ли туда идти с нашими носильщиками и палатками. Как он утверждал, там не было ни одного ровного места, чтобы можно было поставить палатку. Когда я подхожу к нему и говорю, что он должен вместе с нами направиться к тому месту, где видел шапи, то Тимо загорается этой идеей. Но для начала я беру с него слово, что он никому не скажет о наших планах. Я начинаю с того, что заучил слова Тимо о шали наизусть. Теперь они постоянно крутятся в моей голове

Теперь мы приглашаем к себе всех наших людей: носильщиков, караванщиков и проводников. Мы спрашиваем их, слышали ли они когда-нибудь о животном, которое на языке лепчасов звучит как «шапи». Все отрицательно мотают головами. Только Акхей, браконьер из Гангтока, навострил уши и, подумав, сказал: «Да». Ему было знакомо такое название животного. Но он не стал утверждать, что шапи было до сих пор существующим животным, равно как и не знал, что это слово относится к животному. В одном оторванном от всего мира селе лепчасов он слышал, как люди ругались и обзывали друг друга «шапи». Кроме этого, лепчасы называют самых безобразных людей «шапи»: у тебя лицо, как у шапи.[100] Даже в цивилизованном мире в зависимости от темперамента, уровня образования и местопребывания мы можем назвать наших любимцев, равно как и закоренелых неприятелей, звериными именами.

После услышанных слов настроение у нас улучшилось. Но когда воодушевление стихло, стали возникать вполне закономерные колебания. В итоге все сахибы должны были высказать свое мнение по данному поводу. При этом мы договорились о нескольких вещах. Во-первых, шапи могут нас подождать достаточно долго, а вот оставлять начатую работу недоделанной было нехорошо. Во-вторых, при любых обстоятельствах мы должны были дождаться конца сезона муссонных дождей, чтобы начать данное рискованное предприятие не в начале этого ужасного сезон а/а хотя бы под его окончание. В итоге операция по поиску шапи откладывается, возможно, на следующий год. Надо дождаться момента, когда погодные условия будут наиболее благоприятны для данной экспедиции. Кроме этого, мы должны были иметь гарантию, что к тому моменту количество удачных научных проектов оправдает все наше тибетское предприятие в целом. Решаться на рискованную операцию можно было в условиях, когда, как говорят альпинисты, «делаешь шаг, когда подстрахован следующий». Затем мы от руки набрасываем карту и пытаемся определить место обитания шапи. При этом Бегер вспоминает, что он, как-то глядя вниз с высокой скалы, на которой даже кружилась голова, заметил бредущих на север двух странных животных, которых, возможно, мы сейчас обсуждали. Наверное, он все-таки видел горных антилоп, которые в тех краях водились в изобилии. В результате мы почти все соглашаемся с предположением, что загадочное животное должно обитать в труднодоступных горах между долиной Талунг и долиной Лачен. Эти горы были белыми пятнами. Неизвестно, забредал ли кто-либо из европейцев сюда до этого. Теперь мы ведем себя как альпинисты, которые хотят покорить уже давно известную альпийскую вершину так, как этого никто не делал ранее. Если верить описанию Тимо, то можно было с уверенностью говорить, что речь шла о новой группе или даже виде такинов. Поэтому на обложке моего дневника я рисую загадочное животное в стиле первобытной наскальной живописи. Я описываю его так, как себе представляю. После этого Тимо с живым удовлетворением подтверждает, что и рисунок и мое описание очень похожи на увиденное им существо.

Краузе полагает, что это могла быть какая-то особая панда — он уже мечтает о Восточном Тибете. Винерт, напротив, как человек, работающий с четкими числами, слушал

нашу беседу весьма скептически. Он не произнес ни слова, только тряс своей бородой и шевелюрой, которая больше напоминала гриву льва. Затем с важным видом жителя Восточной Пруссии он вымолвил: «Ну что же… вера движет горами». Геер, как всегда, был самым большим и неисправимым оптимистом. Он был типичным баварцем, которым не знакомы сомнения. Когда пришло время действовать, именно он стал моим спутником.

В течение следующих месяцев мы пребываем в уверенности, что шапи — это разновидность такина. Мы возлагаем на эту версию большие надежды. Не проходит и дня, чтобы мы не вспоминали о сказочном животном. Вечером, когда красные отблески костра играют на наших загорелых лицах, мы строим планы. Нас охватывает воодушевление, которое не знает границ.

Месяцем позже мы прибываем в Лачен. Там Тимо показывает мне старую, абсолютно облезшую шкуру молодого щапи, который много лет назад забрел в долину. Попав в охотничьи угодья лепчасов, он тут же был убит камнями и ножами. Теперь начинается разгадывание ребусов. Я сразу же отказываюсь от версии, что это был такин. С этого времени я начинаю думать о животном, связанном с Кашмиром, Непалом и горами Симла. Оно называется «тар» и известно своим резким и весьма специфическим запахом. Среди английских охотников, которые подстрелили его, тар пользуется славой благодаря своему мускусному запаху Облезшая шкура пахнет именно так! Благодаря своему весьма восприимчивому органу обоняния я получил первые подсказки, в каком направлении двигаться дальше.[101] Дни идут медленно, пока наконец не настает тот момент, когда мы, полные энтузиазма, с полным правом можем приступить к нашему самому большому зоологическому мероприятию. В горах между тем выпал снег, чья глубина иногда достигает метра. Десять дней нас заметает в Канченджанги. В итоге из-за снега не видно даже нашей самой большой палатки — «немецкой залы». Общая численность нашей экспедиции к данному моменту разрослась до 60 ртов. В итоге продовольствия вновь стало не хватать. Если бы святой Хуберт не послал нам несколько толстых голубых баранов, то мы оказались бы весьма в затруднительном положении в горах, где ночью Морозы колебались между 12 и 18 градусами ниже нуля. Наутро наши окладистые бороды покрыты белым инеем.

Когда ветра разогнали облака и наконец тропическое высокогорное солнце начал палить и греть во всю силу, мы оказались неожиданно поражены снежной слепотой. Она вывела из строя ряд наших туземцев. Несмотря на наличие темных очков, пострадали и двое из нас. Время от времени нам приходится прерываться, чтобы отдохнули глаза. Когда слепота проходит, мы вновь принимаемся за работу, чтобы успеть закончить начатое.

Нагруженные научными трофеями, мы победоносно спускаемся на высоту в 2700 метров. Теперь у нас есть время выспаться и начать строить более конкретные планы по поиску шапи. Предстоящий путь нам приходится намечать весьма приблизительно. Туземцы не хотят или не могут указать нам ни точного направления, ни дать каких-нибудь ориентиров, чтобы прийти к месту, где обитают шапи. В итоге мы должны идти почти наугад в невидимые дали. Некоторые лаченцы, которые искали заблудившихся яков в этих жутковатых районах, описывают эти места как дьявольски опасные. В итоге Краузе едва ли может надеяться на то, что у него есть хоть какие-то шансы заснять на кинопленку неведомых шапи. В итоге он предпочитает сосредоточиться на диких джунглях вокруг Лачена. Бегер занимается своими антропологическими и этнографическими изысканиями. Винерт решился на поездку к восточным хребтам, которые он наделся перейти в каком-нибудь месте, если ему позволит погода. В итоге наша команда разделяется. Наше продовольствие разумно делится на несколько частей. Вечером, перед началом поисков, я стучу по плечу моему верному товарищу Гееру: «Старик, пора начинать». Геер свято убежден, что всегда, когда за дело беремся мы вдвоем, то оно начинает почти сразу же ладиться.

На следующее утро мы помахали рукой нашим приятелям, временно остающимся в лагере. Они кричат нам «ни пуха, ни пера», и наша маленькая походная колонна направляется в южном направлении.

Из-за обилия снега, который покрывает все горные хребты, а также джунгли и чащи рододендронов, мы почти сразу же отказываемся от плана двигаться вперед, в сторону перевалов. Теперь мы хотим осуществить опасный подъем непосредственно из субтропической долины. Мы прощаемся с палеоарктическим регионом и направляемся к Маншитангу, маленькой равнине, расположенной посреди джунглей. Здесь мы оставляем большинство наших носильщиков из числа лаченцев, которые были бы незаменимы в районе Канченджанги или Синиолчу, но в районе, куда мы устремляемся, они почти моментально выбились бы из сил, даже не приблизившись к намеченной нами цели. В нашей свите остаются Тимо и еще три коренастых браконьера.

Геер вместе с Тимо направляется в Цунгганг, где нанимается четырнадцать крепких лепчасов. Они упорные, как дикие кошки, и способны карабкаться по деревьям, как обезьяны. Только они соответствуют требованиям, которые мы предъявляем в данном походе.

Между тем я хочу изучить долину и примыкающие к ней джунгли, которые почти вертикально возносятся по скалам вверх, на предмет возможности подъема. Кроме этого, я не забываю про свои орнитологические задачи и попутно изучаю птиц. Но затем я поручаю это задание трем лепчасам, которые не только чинят висящий над бурной рекой мост из лиан, но и, облачившись в тряпье, почти целый день продираются сквозь джунгли в направлении реки, тем самым готовя нам «дорогу». За 12 часов утомительно работы они умудряются расчистить от 3 до 3,5 километров пути. Это поразительная производительность, которую мы не можем оплатить им слишком высоко, так как по ту сторону реки нас ожидает самое примечательное в данной ситуации — многоэтажные джунгли. Когда эти трое лепчасов в шипах и колючках возвращаются к вечеру, утомленные и полностью выжатые, в наш лагерь, я могу им только пожать руку, поблагодарить и выдать по три сигареты. Затем наступает ночь.

Прежде чем тусклые тени полностью покинули тесную долину, я уже проснулся и покинул палатку, чтобы посмотреть, как первые лучи солнца, словно забирающиеся друг на друга, окатывают багряным оттенком величественные соборы скал. Именно туда мы и должны направиться. Там, где горные хребты под острым углом уходят в лазурное небо, должны обитать эти сказочные существа. По мнению людей, ни одно живое существо не может найти там убежища. Эти каменные стены и утесы, чьи снежные карнизы синеватыми отблесками мерцают в моих глазах, могут обеспечить место разве что королевскому беркуту, который в расселине или большой трещине может свить себе гнездо. Но, ради всех святых, как там может обитать крупное млекопитающее? И как мы его должны там разыскивать? От этой картины у меня начинает кружиться голова.

К черту все! Мы должны справиться, это стоит того. Пусть лучше я останусь здесь внизу, в долине, нежели голова начнет кружиться там, наверху. Выбора нет, в этой выси мы должны провести три или четыре дня. Что тогда для rідс будет значить жалкая земля, которая останется далеко под нами!

Я беру одеяло и расстилаю его. Когда лежишь горизонтально на спине, вещи выглядят совсем по-иному. В нашей жизни все зависит от того, с какой стороны смотреть на вещи, как и с каким настроения браться за дело. Я лежал так почти битый час, пока наш повар не позвал на завтрак. Я созываю нашу команду: Лозор — наш повар, он лепчас; Мандхой — непальский препаратор; Акей — проводник из числа бутанцев. «Итак, юноши, видите, где солнце касается обрывистой скалы, где острый выступ скалы упирается прямо в небо? Там несколько дней будет находиться наш лагерь. Вы рады?»

«Однако очень опасно», — после раздумий соглашается наш повар. Мандхой не говорит ничего, он только улыбается. Акей выхватывает у меня из рук бинокль и долго смотрит вдаль, затем делает шаг назад, словно бы потерял равновесие, и вопросительно взирает на меня. «Ну а что думаешь ты?» — спрашиваю я его. «Я — как барасахиб». Я киваю ему и кладу руку ему на плечо. Акей произносит: «Да, да!» Этот сорванец в полном порядке, с ним можно и лошадей воровать, и на шапи охотиться!

Завтрак был превосходный, что в последнее время было редкостью.

Несмотря на то что в течение двух последующих дней в пути мы пополняем коллекцию еще 60 птицами[102] и у нашей группы не было ни минуты свободного времени, мое настроение тяжелое, как глубокий вздох природы. А может быть, это упоительное спокойствие только предшествует буре? Это ведомо только Всевышнему. Я ненадолго задерживаюсь у одной из скал. Моя голова свободна, только охватывает легкая небесная тоска, когда я оглядываюсь назад. Тополя стояту дороги уже без листьев, но джунгли зелены и полны жизни. Вокруг абсолютно тихо, только ветер время от времени шумит в кронах деревьев да листья падают на землю, чтобы снова стать землей. Кое-где еще стрекочут цикады. Наступает осень. Мягкая осень тропиков. Без ярких северных расцветок, но с той же самой тишиной. Было бы прекрасно, если бы такие дни не кончались.

Завтра возвращается Геер. Надо надеяться, что тогда все и начнется. Длительное ожидание в подобных ситуациях не является хорошим фактором. В прозрачном воздухе тихо кружатся семена чертополоха. Эти дни мне кажутся вечностью, а ночи — нестерпимой пыткой. Час медленно сменяется новым часом, а прошедший тонет в безграничном океане времени. Все должно получиться! Если у людей не было бы надежды, чем тогда являла бы их жизнь?

Не создаем ли мы себя из надежды и тоски, из грусти и исполнения сурового мужского долга, за что мы держимся, чтобы черпать новые надежды?

Прежде чем наступает вечер и огромные летучие мыши начинают взмахивать своими кожаными крылами, мелькая в густых джунглях, большой тропический крапивник заводит свою песню в тишине лесов, будто бы желая вырвать диких животных из дневного сна. И тогда огромные тимелиевые кустарницы начинают издавать свои адские звуки, орут обезьяны. Все это продолжается до тех пор, пока не подает свой голос ночная сова и ночные тени не закрывают ущелья.

На следующий день на равнине среди лесов Маншитанга царит оживление. Приближаются морозы, и тибетцы погнали свои стада с высокогорных пастбищ. Начинается сезон больших переходов. Краснокожие сыновья горной страны направляются верхом из Гималаев в Гангток, Калимпонг, Дарджилинг, чтобы продать шерсть, шкуры, ковры и другие пожитки. Рядом с моей палаткой расположилась целая ватага тибетцев со своими детьми и домочадцами. Их лошади пасутся. Высоко наверху сияют белым цветом острые зубцы гор Кулмен. Тишину залитого солнцем дня лишь иногда прерывают унылый крик канюка да звонкий свист боязливого фазана, доносящийся из джунглей. О нашей лишенной отпечатка времени осени напоминает богатство фиолетовых красок цветущих на мшистых столах деревьев орхидей. Девственные леса кишат пестрыми птицами, которых ранняя зима, спускающаяся с ледяных гор, заставляет спускаться ниже к земле. Ландшафт оживает цветными разнообразием: дятлами с ярко-алыми головами, какими-то неведомыми солнечными птичками, чье оперение переливается всеми цветами радуги, робкими дроздами, целой армией пищащих йеночек и красногрудыми поползнями. Небо пронзительно голубое, оно уравновешивает темные джунгли, сверкая белыми облаками, плывущими над нагромождением отвесных скал. А внизу продолжает шипеть прозрачная вода сине-зеленого цвета, которая продолжает свое вечное путешествие. Здесь можно было бы неделями предаваться мечтанием, если бы нас деятельно не побудили к дальнейшим действиям.

Во второй половине дня прибыл Геер, который нанял носилыщиков в Цунгганге и распределил между ними задачи. Прибыв в лагерь, он приносит радостную весть, что наша свита буклет на месте завтра в 8 часов утра, а стало быть, тогда и надо будет выступать. Боже мой, надо же все привести в порядок и собраться, чтобы к завтра быть готовыми к походу. Проверяются все банки (плотно ли закрыты), а обувь смазывается. Только тогда мы готовы.

На следующее утро: «Подъем! Подъем!» Наши носильщики берут свои грузы и молча направляются к шумящей реке, где мост из лиан, раскачиваемый даже легким ветром, разделяет два наших мира. Мы принадлежим к тому, где обитают робкие лепчасы, которые иногда воруют вещи, но, завидев белого человека, тут же скрываются в джунглях. Торговый путь живет своей жизнью, позволяя нам свернуть на другую дорогу, которая вздрагивает, когда обрушивается скала и ведет нас в сопровождении дикой песни реки, которая плещется где-то прямо под нами. Но у нас другие планы. И если мы снова пошли этой дорогой, то хотим найти шапи или… Все в руках Божьих! Но не в лапах темных демонов горного мира, в которых верят наших носильщики-лепчасы.

Переход через реку, покрытую белой пеной, — занятие, которое щекочет нервы. Мост угрожающе раскачивается в обе стороны. Мы едва ли не ощупью находим дорогу по прогнившим стеблям бамбука, которые служат настилом, наброшенным на лианы. Все качается, трещит и вибрирует, а под нами с диким ревом несутся пенные буруны неистовой реки. Большинство европейцев испугалось бы — их по мосту несли бы не менее испуганные носильщики. Но наши туземцы доверяют нам. Мы идем первыми, улыбаясь и подавая пример своим поведением. Повар совершает забавные кульбиты на мосту, даже крошечный Мандхой перебирается через мост, ни разу не скривив лица. Небольшие проблемы возникают с нашими новыми носильщиками. Они несут на себе слишком большой груз. Наши пожитки снимаются, перераспределяются, а затем несколько раз перехватываются крепкой лианой. Но через полчаса форсирование завершается и начинается форменная битва с джунглями. Выхвачены ножи «хау», м, под их стальными лезвиями трещат и рушатся все преграды. Все-таки хорошо, что мы накануне послали сюда наших туземцев, чтобы они проложили путь. За этот день мы едва ли прошли более 500 метров. Мы были все в шипах и легких ожогах от каких-то ядовитых растений. Но предвидя, что нам предстоит пройти по джунглям еще 3,5 километра, наше настроение портится. Лазанье по отвесным скалам, покрытым джунглями — занятие очень опасное. Наше продвижение напоминает какой-то нелепый хоровод — то вверх, то вниз. То бушующая река ревет буквально в метре от нас, то мы видим ее вертикально под нами где-то на глубине в сотню метров. Иногда наши туземцы падают кувырком. Они пытаются хвастаться за гнилые ветки, но груз опрокидывает их и на время погребает под собой. В затхлом полумраке нельзя разобрать ничего на расстоянии в 20 шагов, а зловещий лабиринт джунглей никак не хочет заканчиваться. Не видно ни неба, ни земли. Повсюду господствуют только глухие серо-зеленые цвета. Жара стоит как в теплице, мы обливаемся потом, который струится по нашим лицам.

Тимо и я отрываемся от всех остальных далеко вперед. Когда он устает, то длинный нож беру я и начинаю орудовать им, расчищая путь, до тех пор, пока мы оба не останавливаемся, чтобы передохнуть. Мы взмокли от пота и влажности. Остановившись, вслушиваемся в эту дикую природу и иногда оглядываемся, не догнали ли нас наши туземцы-носильщики. Только когда поблизости раздается трек веток и мерный стук ножей, сопровождаемый глухими проклятиями, мы берем себя в руки и вновь продолжаем свой путь. Девственные леса почти вымерли. Лесной вальдшнеп, который выныривает из чащи где-то в метре от меня и так же стремительно исчезает, чуть было не испугал меня. Иногда мы видим недавно открытый нами вид пересмешника, да изредка слышим веселую песнь водного дрозда, но даже она не в состоянии заглушить рев бушующей реки. Медленно мы продвигаемся вперед. Травы, плауны и папоротники покрывают землю на многие мили, и ветки кустов и противные лианы

постоянно бьют нас по лицу. Джунгли поднимаются на высоту в 60 метров, а потому лианы и корни деревьев свисают до самой земли как канаты. Ни одна птица не могла бы здесь летать прямо. Они обитают в этом призрачном лесу где-то на высоте в 50 метров, но и там им нет простора. Вдобавок ко всем этим неприятностям присоединяются небольшие болотца, в которые мы погружаемся по щиколотку. Для пущего разнообразия кое-где встречаются обломки скал, которые, преграждая нам путь, лежат, опутанные растениями. Расселины, затянутые мхом и ковром из травы, могут в любой момент поглотить неосторожного человека. Очень редко встречаются открытые пространства, которые тянутся не более 20–30 метров. Там мы можем видеть реку, примыкающую прямо к скалам. Залитые внезапные светом, мы тяжело ступаем по мягкому песку, на котором оставлена масса следов горалов и сероу,[103] до тех пор, пока полумрак джунглей вновь не поглощает нас. Сопровождаемая грохотом воды, эта дорога тысячи видений ведет нас в многокрасочную вечность. Но вряд ли может быть что-то более зловещее, чем дикие, непролазные джунгли. Они венчают все то, что мы здесь ранее видели. Если бы мы двигались в куртках, которые могли спасти от шипов и крапивы, то мы, наверное, утонули бы в собственном поту. Облаченные только в легкие рубашки цвета хаки, мы вынуждены полагаться только на собственную сноровку. Любая неловкость тут же наказывалась. В этих огромных чащах возникают собственные маленькие леса из тропической крапивы, которые достигают высоты в 2–3 метра. Каждое неосторожное движение превращается в мучительную пытку. Эта гигантская тропическая крапива обжигает как огонь. Воистину дьявольское порождение. Ее даже нельзя сравнивать с нашей маленькой, безвредной европейской крапивой. Я проклинал все на свете. Я бы предпочел голым залезть в заросли нашей крапивы или сесть на муравейник, нежели испытать еще раз прикосновение этого тропического монстра. Что же нам может помочь? Джунгли смеялись над нами. Но мы должны были продвигаться вперед.

После того как первые километры этой ужасной местности, сопровождавшиеся упорным многочасовым трудом, остались у нас за спиной, мы увидели наконец-то просвет и почувствовали под свои ногами камни. Садимся на валу и ждем наших носильщиков. Ожидание длится очень долго. И вот, к нашей радости, мы видим выплывающее из темноты джунглей лицо выбившегося из сил Геера. Он был арьергардом нашей группы. Несмотря на то что наши носильщики несли вполне посильные груз и вызвались идти с нами добровольно, а потому не должны были жаловаться, мы оказываемся перед опасностью возникновения бунта. Носильщики не хотят идти дальше. Они уже были сыты по горло этим походом и требовали немедленно разбить лагерь. Их вожак говорит: «Многоуважаемые господа, будьте благосклонны и войдите в наше положение. Мы, носильщики, очень устали. Там наверху, — он указывает на высоченную горную стену, — мы не сможем найти ни одного подходящего места, чтобы разбить лагерь, а потому замерзнем. Лучше было бы встать завтра рано утром и за один день добраться до места обитания шапи».

Тем временем перед нами исчезают джунгли и появляется открытое небо. То, что предстает нашему взору, вызывает у нас оторопь, по спине побегает холодок. Перед нами неимоверных размеров отвесная стена, от одного вида которой веет темной силой. На первый взгляд, там действительно негде разместиться. Но я разыскиваю взглядом там небольшое ущелье. Оно может брать свое начало у подножия этой дьявольской скалы. «Бедные парни, мне жалко их, но я полагаю, что мы должны двигаться вперед. Что думаешь?» — спрашиваю я Геера. «Ясно дело, они хотят продлить экспедицию надень, чтобы получить больше денег, мал, надо разбить лагерь», — эти носильщики знали, что каждый день обходился нам очень дорого. Мы же должны были экономить наше богатство, нашу валюту, отказываясь от траты каждой третьей рупии.[104] Если бы у нас было бы больше денег, то наши дела шли не в пример быстрее. Однако нам ничего не остается, как призвать на помощь «магию», которая очевидна для детей природы, но в действительности является только хитроумным трюком.

В итоге я продолжаю: «Если вы полагаете, что мы не найдем так места для лагеря, то смею заверить, что, здесь на этой лесной дороге, не менее опасно. Посмотрите на эту трость!» Я указываю на бамбуковую палку, которую держит в руках Геер. «Вы же все слышали, что шторесахиб может при помощи ее останавливать смертоносные горные обвалы». В самом деле, о Геере и его трости в этих краях ходили просто фантастические истории. Всюду, где бы мы ни появлялись, он был известен как «великий лама». В Зему, где гигантский ледник длиной в 20 километров отходил от Канченджанги и терялся в хаосе огромных гор, не раз приходилось сталкиваться с лавинами и облавами. Однажды наши носильщики были на волосок от гибели. Но Геер, приняв мужественное, волевое решение, спас их. Когда караван с нашими пожитками и провиантом, которым командовал шторесахиб, приблизился к 500-метровой скале, начался обвал. Глыбы и камни летели прямо на маленькую кучку людей. Туземцы, застряв по пояс в снегу, обезумели от страха. Они потеряли голову и уже было хотели, подобно стаду тупых овец, броситься в ледяную речку, где непременно погибли бы, но Геер инстинктивно оценил ситуацию и понял, что только его личное самообладание может спасти их от беды. Он крикнул Акею: «Удержи носильщиков! И смотрите внимательно, что я делаю». Он стоял посреди камнепада. Вокруг него рушились глыбы, а он не двигался с места. Небеса ему благоволили, так как во время этого бедствия в него попал лишь маленький камешек, угодивший в колено. Но Геер не сдвинулся с места. Когда сверху катился огромный валун, который летел прямо на нашего товарища, тот поднял свою знаменитую бамбуковую палку и указал на эту глыбу. В тот же момент огромный камень ударился о другую глыбу и остался лежать на месте. Произошло чудо, которое туземцы видел своими собственными глазами. Отныне они были уверены, что шторесахиб был в состоянии останавливать камнепады и обвалы. Тогда туземцы лишь втянули голову в плечи и, не озираясь, пыхтели, как яки, посреди обвала, который был шириной в 60–80 метров. Они имели непоколебимо веру в шторесахиба, который явил им чудо, как великий лама страны божеств. Но Геер, с его нестерпимо болевшим коленом, не был таким. Однако смертоносные глыбы умчались прочь.

Спасенные носильщики облепили Геера как репейники и целый час не отступали от него. Когда же Геер прибыл в Цунг-танг, чтобы навербовать там людей для участия в нашем походе за шапи, там не было отбоя от желающих, так как все прослышали рассказы о чудесах, которые творятся в большой немецкой экспедиции. Эта чудесная история, к которой я апеллирую, приводит к весьма успешному результату. Наши носильщики без лишних слов берут груз и, выгнув спины, продолжают путь. Я смог убедить их в том, что наш «наш великий лама» при помощи своей волшебной трости уже подготовил нам место для лагеря.

Без каких-либо намеков на ворчание и возмущение наши усердные лепчасы выстраиваются в ряды и мерным шагом начинают нелегкий подъем.

В целом этот восхождение стало для нас самым большим испытанием из всех, которые только были ниспосланы нам. Узкая долина, которая принимает нас, почта со всех сторон замкнута отвесными скалами. Нам приходится вставать друг другу на плечи, чтобы, используя такие импровизированные ступеньки, подниматься наверх. Лепчасам гораздо легче — они карабкаются по скалам, как обезьяны. Наверху ужасно холодно и пустынно, здесь могут обитать разве что суровые сарау. Эта версия подтверждается многочисленными следами и признаками пребывания здесь этой робкой горной антилопы. Над нами возвышаются на сотни метров крутые стены скал. Они притягивают нас как магнит!

Если бы мы не поставили себе задачу найти загадочных сказочных существ, если бы в данных условиях подъем на эти горы не был первым этапом к нашему успеху, тогда бы, как благоразумные люди, мы отказались бы от данной затеи. Мы бы просто сказали себе: «Не получилось. Но удругих ведь тоже не получилось. Почему мы должны быть первыми, кто осуществил это рискованное предприятие?» Но разве оно не стоит того? Знаем, что стоит. И этого нам вполне достаточно.

И мы воодушевляемся этим дьявольским аттракционом, когда нам надо карабкаться по утесам, зубцам и выступам. Гонимые своим желанием, мы будем обходить опасные горные участки. Нам не раз придется вброд форсировать горные реки, когда наши носильщики будут скакать за нами, как белки.

Трудности, с которыми мы сталкиваемся, лишь помогают нам перенести наш путь. Мы оказываемся в самом диком месте этих диких гор, от чего испытываем легкомысленную радость. Если эти шапи жили не так высоко, разве их уже не открыли бы для науки? Чем удаленнее, тем лучше. Чем больше становится водопадов, чем круче становятся горы, чем глубже становятся пропасти, чем сильнее идут более похожие на густую лаву селевые потоки, тем активнее становится наш азарт. Чем труднее для подъема становятся покрытые водорослями скалы, чем неприступнее делаются бастионы гор и хребты, которые божественная природа возвела вокруг этого сказочного животного, тем сильнее нам хочется его обнаружить. Наш интерес к «черному духу гор» усиливается с каждым часом.

В итоге мы ползем все выше и выше. Нагруженные нашим багажом носильщики давно отстали от нас. До нашего слуха доносится лишь удаляющийся с каждым часом рев реки. Я решаю остановиться у высохшего потока селя и дождаться Геера, который весьма рискованно скачет с глыбы на глыбу. Солнце, которое, пожалуй, только летом в зените освещает эту узкую долину, поднялось уже очень высоко. Рвущиеся в небо зубцы гор поблескивают пурпурным цветом. На их склонах сбиваются в плотную массу покрывала облаков.

«Собственно, теперь можно подумать о том, чтобы разбить палаточный лагерь», — едва ли не хором говорим мы. Мы озираемся. Смотрим наверх и по сторонам. Геер посылает вопросительный взор. Все настолько хорошо, что даже смущает. Мы планируем расположиться у небольшого водопада близ одной из скал, где течет вода.

«Что думаешь?» «Да, — отвечает Геер задумчиво. — Если мы навалим камней, то может получиться родник».

Когда мы решаем приблизиться к журчащему горному ручейку, чтобы получше изучить эту местность, скала метает вниз несколько огромных обломков. Они, поднимая кучу пыли и разваливаясь на несколько кусков, падают именно туда, где час спустя стояла бы наша палатка. «Ну что за подлость!» «Ты слишком рано радуешься, старая скала! Тебе никогда не переломать нам кости!» «Надо бы подняться на сотню или двести метров выше, там должен быть такой же небольшой водопад».

И действительно, мы находим почти идеально ровную площадку в несколько квадратных метров, на которой нет риска быть засыпанными камнями. «Я бы обосновался здесь, — говорит Геер. — Когда носильщики доберутся, мы уберем валуны. Из джунглей сверху мы принесем дрова, и все будет в полном порядке». Тимо остается с Геером. Он хочет помочь ему в подготовке площадки для лагеря. В это время я вместе с охотником-лепчасом поднимаюсь еще на 500 метров, чтобы прикинуть наш завтрашний путь, а заодно попытаться приблизиться к горалам и серау.

На нашу беду, начинает моросить дождик. Но нам все-таки удается добраться до выбранной цели, и тут, я готов признать с великим стыдом, я не знаю, что делать дальше. Подниматься еще выше не представляется возможным, так как путь завален обломками скал и любое приближение к ним является большой опасностью. С высоты 100–150 метров падает горный ручей. Он падет на камни и разбивается на тысячи брызг, превращая эту тесную площадку в сплошную изморось. Слева находится отвесная скала. Справа рискует начаться оползень, так что подниматься с грузом по нему является опасной затеей. Пути дальше нет».

Нам только и остается, что войти в пещеру, чтобы выкурить там по одной полупромокшей сигарете и посмотреть на все происходящее глазами двух фаталистов. Нужно было основательно поразмыслить, что делать в данной ситуации, не особо полагаясь на

помощь богов. Языком жестов — ревущий водопад не давал возможности разобрать ни одного слова — я в соответствии со всеми правилами мимического искусства пытаюсь объяснить лепчасу, что мы застряли на этом горном карнизе и пути дальше нет. Я подозреваю, как окажется, не беспочвенно, что суеверные лепчасы хотят сбить меня с пути. Они делают это для того, чтобы проклятые белые в их дьявольской спешке не смогли в конце концов заполучить их священного животного. В качестве ответа лепчас с хитрой лисьей физиономий вытягивает руку из пещеры, как бы проверяя направление ветра, а затем отряхивает ее и, улыбаясь, качает головой. Он словно хочет сказать; «Я сделал все, что мог, но боги сильнее нас». Я понимаю, что мне может помочь только один человек, и его зовут Тимо. Во всяком случае, я знаю, что завтра к вечеру мы должны были быть уже посреди мест, где обитали шапи. В то, что Тимо наврал нам, я никогда бы не поверил.

На обратном пути мы находим еще несколько источников, вода в которых очень сильно отдает минеральной солью. Известковый налет покрывает тонким слоем тропы горалов и серау. В одном месте на соляной почве я вижу почти метровое углубление, подобное тем, что делают горные антилопы, чтобы отдохнуть и освежиться. В другом месте из гранитной скалы бьют небольшие молочно-белые источники. Именно там во впадине у скалы я обнаруживаю старый, почти окаменевший помет животного. Он особой формы, которой я раньше никогда не видел.[105] Как это часто делают туземцы, я поднимаю засохшие испражнения, растирая их между пальцами. Нет никакого сомнения, они здесь с прошлой зимы.

«Что это?» — я показываю помет лепчасу. Он тут же делает непроницаемое лицо и таращит на меня глаза. Лицо старого браконьера ничего не выражает. У меня возникло желание съездить ему по физиономии, но я только лишь кричу: «Какому животному принадлежит этот помет?» Его глазки начинают бегать; понимая, что отказ ответить может иметь для него печальные последствия, лепчас соглашается, что это помет шапи. Я тут же набил своею сумку этими старыми испражнениями.

Когда мы спускаемся с каменного карниза, то я нахожу место, просто идеально подходящее для того, чтобы разбить палаточный лагерь. Тут Геер еще раз отличился: он был почти внесен в пантеон лепчасов, так как умудрился поставить палатку без единой складки. Выбоины и неровности на каменной площадке были заполнены песком, так что ночь мы проводим-в сладком сне. Мы собираемся с силами для нового дня, которому было суждено стать одним из самых удачных дней нашей экспедиции. Днем, который никогда не сотрется из нашей памяти. Если он не был самым знаменательным днем нашего путешествия, то все равно был богат событиями настолько интересными, что я вряд ли испытывал нечто подобное раньше.

Все началось с исключительно чистого и прозрачного неба. Когда красное солнце роняло лучи на стены скал, то те бросали на нас сотни мерцающих искорок. Встав рано, буквально на заре, мы радостно прислушивались к бушевавшему рядом водопаду и видели, как смягчаются и отступают черные тени. Находившиеся над нами небольшие джунгли были опутаны туманом.

Мы торопливо завтракаем и собираемся в путь. Тимо пытается убедить лепчасов прочитать христианскую молитву, чтобы избавить их от суеверий. Он то угрожает, то сулит все блага мира. После вчерашней находки у нас нет никаких сомнений в том, что шапи — не выдумка. Они реально существуют. Но нам предстоит найти их, а для этого нам нужны лепчасы, хотя бы для того, чтобы окончательно не заблудиться. Лабиринты в этих горах просто ужасные. Наш лагерь, располагающийся посреди скалистого ущелья, словно оказался в мышеловке.

Нам не помешал бы добрый совет. Но спрашиваем мы совсем немного. Мы подбадриваем нашу команду и набираемся мужества. Лепчасы тем временем набивают свои животы жареным рисом.[106] Они карабкаются, как акробаты, по скалам и только иногда ищут место, чтобы присесть. Мы тем временем идем в разных направлениях, чтобы

осмотреть при помощи биноклей максимально возможную площадь. Все кажется безнадежным, но мы предчувствуем, что нам предстоит что-то великое. Это просто чувствуется. Вскоре мы возвращаемся в покинутый нами лагерь, откуда уже начинает тянуться синеватый дымок костра, который быстро разносится ветром.

Даны последние указания. После этого я, Тимо и наиболее лояльно настроенный охотник-лепчас, в полном смысле слова надежный парень, направляемся по тому же пути, что я проделывал вчера. Пересекая небольшой горный ручей, мы вновь приближаемся к горному водопаду. По моему мнению, дальше пути нет. Я спокойно позволяю Тимо и лепчасу попробовать подняться наверх чуть левее высокого грязекаменного нагромождения. Мне самому это не удается, по крайней мере до тех пор, пока я не встречаюсь с этими детьми природы. Я всегда удивлялся их спокойствию и осмотрительности. Очень осторожно, чтобы не вызвать обвал, они преодолевают одну глыбу за другой. Такое ощущение, что они делали это ежедневно. Я следую за ними. Я начинаю подозревать, что лепчасы, с лица которых постоянно не сходит легкая улыбка, обладают каким-то особым шестым чувством. Их взор, острый как у орла, способный даже из камня выдавить воду, непрерывно устремлен куда-то вверх.

Когда лепчас наконец останавливается и дает мне время перевести дыхание, в голове мелькает: «Ну вот, все закончилось. Теперь он скажет, что не знает, что дальше делать». Но юркий азиат наклоняется, поднимает ногу и упруго прыгает, как дикая кошка. Чудится, что он знает здесь каждый камешек, каждую точку опоры. Когда подпрыгивает Тимо, я считаю его безумцем. Когда они приняли все меры, чтобы подпереть камни другими камнями, я начинаю карабкаться за ними. На мне тяжелые сапоги, а потому мне не удается двигаться столь же точно. Поэтому я поднимаюсь очень медленно, я выверяю каждый шаг, прежде чем делаю его. Иногда они оба буквально втаскивают меня наверх, я почти взлетаю.

Босой лепчас помогает поддерживать себя широкими плоскими пальцами ноги. Словно гимнаст, он скачет все выше и выше. Тимо следует за ним едва ли не след в след. Я плетусь где-то позади. Иногда я рискую сорваться. Вот-вот, и полетел бы вниз. Я проклинаю свою обувь. Сползание на каких-то пять сантиметров может означать неминуемую смерть. Но я стискиваю зубы и ползу, пока мы не достигаем высоты 40–50 метров над руслом речки и спасительный карниз не становится значительно ближе. Но тут появляется новая проблема — в скалах фактически исчезли все выступы и трещины.

Скользкая стена высотой в 10 метров кажется неприступной даже для лепчаса. Будь она неладна!

Придерживаемый с двух сторон своими спутниками, я бросаю взгляд вниз. Наши носильщики, приведенные в движение Геером, кажутся мне крохотными черными точками, которые лезут на скалы. Они держат направление на нас! У меня только одна мысль — только бы им удалось.

Наши пальцы хватаются за стену и соскальзывают, не находя опоры. Меня охватывает душащее чувство безнадежности и беспомощности, какое бывает только во сне.

Но тут мы осматриваем друг друга и громко смеемся. Откуда-то у нас появились новые силы. Итак, вперед!

Тимо и я сцепляем руки и подсаживаем лепчаса. Он встает на наш замок двумя ногами, после чего мы начинаем медленно поднимать его. Он встает нам на плечи, на головы… Толчок… и парень приклеивается к отвесной стене всеми четырьмя конечностями. Теперь он мне напоминает поползня, который скользит по стволу дерева. Но лепчас спрыгивает. Он считает, что слишком широко расставил ноги. Снова толчок, прыжок, и туземец достигает стебля бамбука. Ему удалось забраться на стену.

Теперь снизу я подсаживаю Тимо. Лепчас протягивает ему сверху жесткую бамбуковую палку. И несколько минут спустя Тимо стоит на твердой почве. Оба они отламывают длинные

стебли бамбука, за которые я мог бы ухватиться. В итоге они почти безопасно доставляют меня наверх.

У нас позади самое трудное. Но что мы имеем? Геера, носильщиков и наше оборудование? Удастся ли?

Ну почему мы оставили в Лачене канат и веревки? Сейчас они нам ой как пригодились бы! Но с другой стороны, это значительно уменьшило вес нашей поклажи, которая в силу ограниченного количества носильщиков не должна быть слишком тяжелой. Но сейчас это может стоить нам головы.[107] Что-то не так, и нас могли по частям собирать где-нибудь внизу.

Итак, вскоре нож хау выхвачен, нарублены и расщеплены длинные стволы бамбука. Они растрепаны на волокна, из которых сплетены веревки, которые привязываются к корням деревьев и сбрасываются по отвесной стене. Чтобы проверить прочность данной конструкций, лепчас и Тимо дважды поднимаются и спускаются по ним. Только так мы можем помочь нашим носильщикам, которые и так являют чудеса трудолюбия и выносливости.

Волнительный момент. Некоторые носильщики противятся, чтобы им помогали. Они сами плетут веревки и поднимают на них наш груз. Это представление продолжается почти целый час, пока все носильщики и Геер не прибывают благополучно в высокогорные джунгли. Наш авантюрный поход в горы продолжается.

Если вчера нам приходилось продираться через чащи лесов с тропической крапивой и беспорядочно переплетенными лианами, то теперь мы оказываемся в субтропических джунглях, где преобладает бамбук. Их лучше всего сравнивать с титаническим пшеничным полем. Теперь нам предстоит прорываться через лес тысячи кинжалов. Длится это шесть или семь часов. Всюду, куда ни кинь взгляд, бамбук. Он даже на земле. Под листвой гниют твердые обломки бамбуковых ветвей, которые постоянно втыкаются в подошвы босых ног наших носильщиков.

Но действительно опасными являются лишь пересечения покрытых толстым слоем водорослей канав, по которым можно соскользнуть на сотни метров вниз. Кругом болотистая местность. Стебель бамбука, за который, пошатнувшись, я хочу ухватиться, вырывается из земли вместе с корнями. Меня охватывает паника, я теряю равновесие. Сейчас для меня все закончится трагически. Но тут подскакивает храбрый охотник-лепчас, который хватает меня за руку, дергает меня и придает мне устойчивую позицию. Не случись этого, я бы скатился по самой длинной горке. Катание, скорее всего, было бы последним в моей жизни.

Солнце слепит нам глаза, и мы почти ничего не замечаем. Попадая в полумрак, мы тоже ничего не видим. Я вижу только бесконечные полосы. Мы почти весь путь молчим. Мы слышим только стук ножей хау, рубящих бамбук, да гнилую воду, хлюпающую у нас под ногами. Лепчас, идущий передо мной, с фанатичным остервенением сносит стебли бамбука, расчищая путь нашей группе. Каково же мое удивление, когда я замечаю острый сруб уже почерневшего от времени бамбукового побега. Это значит, что здесь до нас были люди. Кто знает, может быть, много лет назад наш охотник сам поднимался в эти края, чтобы выследить шапи и убить его ради мускуса? Старый лис многозначительно молчит и лишь расплывается в хитрой улыбке, когда я говорю, что много лет назад срубленный бамбук — это его рук дело.

Многое мне-не понятно. Мне неясно, чем я должен восторгаться больше: невероятным чутьем этих недоверчивых людей, являющихся почти хищными животными, или упорством и выдержкой, едва ли понятными европейцу, с которыми наши носильщики продолжают свой трудный путь. Каждый раз, когда мы опускаемся, чтобы перевести дыхание и немножко потянуться, наш отдых длится не более 5—10 минут, до тех пор, пока нас не догоняет первый носильщик. Они всегда идут вслед за нами, улыбаются. А когда они опускают свою ношу и мы угощаем их несколькими сигарами, то они вне себя от счастья. Все сигареты тут же

скуриваются без остатка. Не сетуя и не ворча, они приседают на корточки, как стая больших обезьян. Они чистят свои раны, которые нанесли им кинжалы сломанных бамбуков, и так же покорно продолжают свой путь.

Геер и я не перестаем поражаться лепчасами. У нас не укладывается в голове, что эти люди добровольно пришли к нам на службу, что они последовательно исполняют все наши приказы со страдальческими отрешенными лицами. При этом они выносливы, как кошки. Даже наш повар, сам из лепчасов, и непалец Мандхой хором утверждают, что никогда с подобным не сталкивались. При этом, несмотря на то что оба не несут никакой поклажи, они еле держатся на ногах.

Под вечер мы достигаем новой климатической зоны, и растительность меняется. Заросли бамбука, которые до этого момента простирались насколько хватало глаз, становятся редкими. Все чаще попадаются рододендроны, чья высота составляет 8—10 метров, а листья по своему размеру достигают 40 сантиметров в длину и 15 сантиметров в ширину.[108] Они приедают окружающей местности зловещий и унылый вид. Их полуметровые в обхвате стволы извиты и изломаны настолько причудливо, что не можешь избавиться от мысли, что ты попал в сказочный лес. Все напоминает о заколдованных чащах из наших детских историй, где тайком под корнями вели свое незаметное существование забавные кобольды и хитрые гномы.

Как только солнце стало садиться и коснулось крон деревьев, посреди нашего пути выросла огромная скала. В ней виднелась пещера. Наломанные и засохшие ветви у входа в пещеру говорят мне, то здесь когда-то ночевали охотники-лепчасы.

Именно здесь мы хотим разбить свой лагерь. Поэтому мы просто оставляем всю лишнюю одежду и предметы и, соблюдая все меры предосторожности, пробираемся вперед по крутому склону, чтобы забраться там на деревья и оглядеться. Там, на другой стороне ущелья, мы видим открытое пространство. Высоко над густой листвой сверкает белый снег. Самое удивительное состоит в том, что мы почти с высоты птичьего полета взираем на наш старый лагерь. К этому моменту мы поднялись на высоту около 3000 метров. Завтра нам предстоит подняться еще на 1000–1300 метров, чтобы достичь границы, на которой заканчиваются леса.

Чтобы быть более уверенным в завтрашних планах, я забираюсь на дерево еще выше. В самом деле, я вижу, как заканчиваются джунгли и моему взгляду предстают неслыханно дикие края. Слева внизу видно продолжение вчерашней теснины, которая возвышается как минимум на 2000 метров. Вся эта природная конструкция увенчана почти идеальной пирамидой. Вот она, священная гора лепчасов — Пиму Канчен!

Правая сторона долины представляет собой единый, голый каменный оползень, груду обломков скал, которая почти на тысячу метров поднимается ввысь по склону. Даже сейчас до меня доносятся звуки камнепадов и гром падающих глыб.

Через расколотую гору были видны горные дворцы, где, как я надеялся, на осеннее стойбище остановятся шапи. Так как там лежало еще не очень много снега, то можно было предположить, что эти животные не ушли в удаленные уголки джунглей. Буквально незадолго до этого мы нашли на одной квадратной глыбе большое количество старых экскрементов животных, что еще раз подтверждало мою версию. В сумерках уходящего дня я разрабатываю вплоть до мельчайших деталей план действий на завтра.

Это рискованный план, но он дает гарантию того, что мы сможем в кратчайшие сроки обнаружить места обитания разыскиваемого нами животного. Но здесь, наверху мы, вряд ли сможем находиться более четырнадцати дней, так как мы не предусмотрели трудностей, которые могут возникнуть с продовольствием.

Задание Геера заключалось в том, что он со своими туземцами должен был подняться еще на тысячу метров, пробиться через джунгли и хвойные леса, чтобы разбить новый

лагерь как можно ближе к линии снегов. Кроме этого, он должен был подыскать ровную площадку, где вечером должны были расположиться я, Тимо и охотник-лепчас. Мне самому не оставалось ничего иного, как двигаться к находящемуся в серой тени оползню и преодолеть его.

Все было несложно в планах, но на практике осуществить данную затею оказалось не так уж просто. Никто из нас не имеет ни малейшего представления, возможно ли вообще пробраться наверх и поставить палатки в безопасном от камнепадов месте. Осторожный лепчас пытается меня отговорить. Извергая целый поток слов, он пытается меня убедить в том, что несколько дней было бы целесообразно работать, выдвигаясь из данного лагеря. По-видимому, он боится, что мы причиним вред его шапи, а потому хочет предотвратить наш поход любыми средствами. С другой стороны, он находится под моим влиянием, а потому вряд ли решится обвести нас вокруг пальца. Это вдвойне сложно, так как я уже имею представление о том, в какой местности нам предстоит работать. Тимо, напротив, очень воодушевлен. Он отвергает все сомнения лепчаса о том, что там слишком опасно, что за линией снегов мы можем не найти воду. Тимо рвется в бой.

Ближе к ночи мы возвращаемся в лагерь у пещеры. Геер каким-то чудом умудрился поставить палатки посреди джунглей на крутом склоне. Под защитой крон деревьев, при свете разгорающегося костра наше жилище кажется каким-то уютным кукольным домиком. Скудный ужин сготовлен, и мы позволяем себе после тяжелых дневных трудов поболтать. После того как путевые дневники заполнены, а наш верный повар сообщил, что завтрак на будущее утро уже почти готов, мы, успокоенные, ложимся спать. Завтра будет не только очень тяжелый день, но и очень ранний подъем. Если мы, конечно, хотим справиться с заданиями, намеченными на будущий день. Ночь выдалась очень тихая.

Утром нас будит крик трагопанаш, который раздается совсем близко с лагерем. Мы поднимаемся с рассветом, чтобы начинать действовать. Предусмотрительно я упаковываю термос с еще дымящимся рисом и кроме прочего захватываю с собой еще два свитера. В этот день у меня гораздо больше шансов, что я буду ночевать в холодном снегу или в морозной пещере, нежели во влажных джунглях, как в эту ночь. Эти веселые перспективы отнюдь не портят нам настроения, а значит, не должны портить и сам день.

Кроме этого, мы преисполнены уверенности, и потому с чистой совестью готовы посвятить себя нашим заданиям.

Моим самым заветным желанием в этот день является намерение получить предельно ясный ответ на вопрос: есть здесь шапи или все-таки их здесь нет? Бодрые и целеустремленные, жадно вдыхая горный воздух, мы входим в ослепительно прекрасное высокогорное утро.

Когда после длящегося часами упорного карабканья наверх я присел на камень, чтобы отдохнуть, в спокойствии и невозмутимости рассмотреть дикий пейзаж, раскинувшийся вокруг меня, мне впервые в голову приходит осознанная мысль. Разве не чудо, что этот дикий благородный зверь Сиккима, шапи, до сегодняшнего дня совершенно ускользнул от наших английских предшественников? Один уже этот факт как нельзя лучше характеризует Сикким. Его дикие долины еще никогда не посещались белыми людьми. Отсюда даже орел вряд ли мог долететь за час до Золотого храма столицы.

Таким образом, эта маленькая страна самых возвышенных природных красот и самых больших контрастов остается все еще страной загадок и тайн. Как призраки, по джунглям бродят лепчасы, которые так строго оберегают свои тайны, будто бы речь идет об охране их королевства. Я мечтаю и слушаю нашего охотника-лепчаса, который в почтении преклоняется перед вершиной Пимпу Канчен. Для него она — божество. Оно охраняет шапи, животное тумана царства расколотых гор, зияющих трещин и необозримого великолепия цветов. Здесь голубые примулы распространяют свое колдовство небесного цвета даже в

ноябре. Здесь бесформенные рододендроны имеют титанические размеры. Здесь обрывки облаков блуждают в бешеном танце, а холодные скалы звенят от бьющей их воды и грохота многочисленных камнепадов. Высоко над нами золотистый ягнятник плывет в кругах полета. Но мы должны идти дальше по селю, по камням, по оползням. Под нашими ногами исчезает зияющее ущелье, которое мы вскоре теряем даже из вида. Мы поднимаемся по крутым слонам и видим, как под нашими ногами вниз соскальзывают многотонные глыбы, которые утаскивают за собой лавину более мелких камней. Мы сидим, ползаем, ходим, но мы постоянно обыскиваем почву. Мы делаем это до тех пор, пока я, сияющий от счастья, не поднимаюсь, держа в пальцах темный волос шапи. У нас появляется новая надежда. Чем выше мы поднимаемся, тем живописнее становится пейзаж. Скалы вокруг такие чудесные, что это сложно себе даже представить.

Не здесь ли, меж сверкающими снежными лужайками и нависающими камнями, пасутся шапи? Нужно понимать, что так оно и есть. Следы на жесткой почве, которые мы встречаем все чаще и чаще, являются доказательством этого предположения. Итак, нам надо все выше и выше.

К этому времени я потерял ощущение реальности. Для меня все уже не имело ни начала, ни конца. Но мы должны подниматься по склонам. И мы поднимаемся, с каждым часом приближаясь к месту нашего назначения.

Сейчас я удивляюсь, как мы не сломали себе шею в первые же полчаса пути. Иногда прерываясь на отдых, мы поднялись на 600 метров, чтобы обыскать новую местность. Можно было бы оглянуться назад, вниз, но мне становиться страшно, и я еще сильнее впиваюсь подошвами ботинок, в которые специально вбиты гвоздики, в каменистую почву. Мои спутники, босые как гекконы,[109] легко карабкаются по скользкому склону. Внезапно оба устремляются ко мне, будто бы за ними гнался нечистый дух. Они тяжело дышат, не могут произнести ни слова, только отчаянно смотрят наверх и указывают туда руками. Они тычут в район границы снегов, где имелся небольшой источник.

Я перехватываю их взгляд, и мы тут же все приседаем, затем — тихо ползем в одну из щелей в скале. Там, наверху, выстроившись в длинный ряд, двигаются темные точки. Они напоминают нитку жемчуга, которая протянулась от скалы до водного источника. «Шапи! Шапи!» — срывается с уст дрожащего как осиновый лист охотника. Тимо и лепчас придерживают меня с двух сторон, чтобы я не сорвался вниз. Я слегка приподнимаюсь и пытаюсь в бинокль разобрать неуклюжие очертания сказочных животных. Я насчитал девять животных. Через некоторое время их остается только пять. Остальные исчезают в скалах. Сбитые их копытами камни катятся нам навстречу, таща за собой новые камни. Но оползень быстро остановился, подняв облако пыли. Испугавшись грохота камней, шапи с дивной сноровкой скачут с валуна на валун, сохраняя свое построение цепочкой. Животные черной окраски пристально вглядываются вниз. Они неподвижно смотрят прямо на нас.

Божественная картина! Незабываемый вызывающий взгляд этих самым великолепных существ сиккимского неисследованного горного мира, в котором читалась инстинктивная робость, запомнился нам на всю жизнь.

У большинства зрелых баранов раскидистые рога, длинная шерсть, которая производит впечатление, что голова этих животных без шеи переходит непосредственно в черное сильное, мускулистое тело. Теперь я могу разобрать самок шапи и подросших детенышей. Все смотрят вниз, чтобы найти возможную опасность. Наконец животные, в которых не менее 200 фунтов веса, начинают легко прыгать по скалам, словно они резиновые мячики, а не бараны. Когда я нахожу их взглядом через несколько минут, то эти искусные скалолазы поднялись где-то на высоту в 100 метров. Они преодолели это расстояние за невероятно короткий промежуток времени и готовы скрыться за скалами. Для нас это непостижимо. При более близком изучении местности я обнаружил, что нет никакой возможности приблизиться к этим пугливыми животным на расстояние выстрела. Да и на охоту в этой обманчивой

скалистой местности мог решиться только безумец. В итоге нам ничего не остается, как подняться на 600–800 метров, чтобы попытаться выследить диких животных непосредственно у скал. Хотя момент для этого выбран не самый подходящий, без каких-либо сомнений мы решили им воспользоваться.

Наша поспешность вызвана тем, что над долиной в 20–30 километрах от нас начинают собираться тучи. Приблизительно через три-четыре часа они должны были достигнуть нас! Но тогда мы едва ли сможем еще раз выследить шапи. Вперед и только вперед, даже если мы при этом переломаем себе все кости! Мы поднимаемся стремительно, фактически не организуя привалов, во время которых мы могли хотя бы толком отдохнуть. За нами следуют призраки облаков, которые длинной темной вереницей приближаются к нам. Как раз когда мы оказались на самом опасном участке нашего пути, над нами начал накрапывать дождь. Очевидно, что шапи предпочтут перебраться в другое место. Я не могу точно оценить расстояние на этой дьявольской местности, я даже не могу прикинуть, когда эти черные животные окажутся на расстоянии выстрела. Это какое-то сумасшествие! После того, как шесть пуль безрезультатно шлепнулись в далекие скалы, мы начинаем на полном серьезе задаваться вопросом, не отводят ли нам глаза горные духи. Хотя лепчас, кажется, уже знал заранее, что шапи были невосприимчивы к данным пулям.

Мы продолжаем карабкаться по скалам, и через несколько часов достигаем их гребня. На несколько мгновений нас окутывают плотные облака. С быстротой молнии они поднимаются наверх и достигают нас. Мы ничего не можем разобрать на расстоянии в двадцать шагов. Вдобавок ко всему дует ледяной ветер. Мы потеряли видимость почти на целый день.

На другой стороне гребня скал мы приседаем в запутанной чаще кустарника. Становится холодно. Выждав момент, мы продолжаем свое движение. Но прорываться при помощи ножей. хау через заросли в два человеческих роста кажется нам слишком длинным и весьма утомительным занятием. Поэтому мы выходим из кустарника, огибаем его и свободно спускаемся по каменным склонам. Камни под нашими ногами не держатся на месте! Они летят вниз на тысячу метров. Жутковато. Но скоро мы попадаем в неудобное место, где нам путь преграждает скала. Мы вынуждены ее огибать. Приходится вытаскивать ножи и вновь погружаться в запутанный кустарник. Лезвия ножей издают громкие звуки — нам приходится рубить крепкие как железо сучья. В итоге нам все-таки удается прорваться. Мы крадемся к выступающему гребню. Справа от нас море рододендронов, а слева — неприступная скала. Нам приходится прыгать по покрытым мхом каменным глыбам. Внезапно одна из них оседает под Тимо, который идет рядом со мной. Раздается гром и грохот. Каменная лавина устремляется вниз. Тимо на моих глазах начинает соскальзывать вниз. Я хватаю его за голову двумя руками, остановив буквально перед пропастью, где бесследно исчезают камень за камнем. Я покрепче упираюсь ногами в землю, чтобы дотащить Тимо до линии рододендронов. Я останавливаюсь и пытаюсь все осмыслить, только когда под ногами земля становится мягче, а сам слышу, как трещат корни и ветки. Значит, мы выбрались из обвала, конструкция из корней деревьев сможет нас удержать. Внезапно лепчас издает страшный крик, который до сих пор стоит в моих ушах. Он напоминает вопль человекоподобной обезьяны, которая предчувствует свою смерть. Он ужасный и г горестный. От него перехватывает дыхание. Нов секунду смертельной опасности все силы мобилизуются.

В отчаянии я швыряю Тимо из всех сил, так что несколько мгновений он буквально парит. То, что случается дальше, очень сложно описать словами. Все происходит слишком быстро. Во всяком случае, я чувствую, как лепчас хватается за мою руку. Мы образуем цепь. Мы устремляемся все втроем, сцепившись друг с другом, от предательского гребня вверх, в безопасную чащу. Мы спасены.

У меня в висках стучит кровь. Тимо скривился в странной улыбке. Только лепчас, встряхнув головой, ставит свои босые ноги на снег и продолжает путь. Для него это само

собой разумеющееся. Чуть позже мы сидим на скалах и внимательно прислушиваемся к туману. Время от времени мы кидаем взгляд и зияющую глубь, но облака закрывают ее от нас. Последующие пять дней мы идем в холодном, плотном тумане, который на самом деле является облаками. Мы прячемся в пещеру, чтобы готовиться к привалу. Время от времени мы прислушиваемся. Некоторое время спустя до нас доносятся приглушенные голоса. Несколько минут мы сомневаемся. Однако до нас все ясней доносится стук топоров. Это наши носильщики. Мы ликуем. Для нас это значит, что не надо спать в промозглой ледяной пещере, а можно будет забраться в теплый спальный мешок. Сейчас для нас не надо чего-то большего. Как мы только передохнули, мы выходим из пещеры и По пояс в снегу направляемся к двум носильщикам, которых Геер выслал на наши поиски. Когда мы возвращаемся в лагерь, я рассказываю сияющему от радости Гееру, как все было.

Но заполучить шапи оказалось нелегко. Почти пять полных дней нас окружает влажный туман. Мы сидим в своих двух палатках и страдаем от бездеятельности, которая начинает нам действовать на нервы.

Но внутри холодной палатки все выглядит замечательным. С потолка падают капли и загоняют нас поглубже в спальные мешки. Так что едва ли не целыми днями можно писать путевые дневники. В путь я направляюсь, имея в провожатых Геера. Он является самим спокойствием. Его фатализм в подобных безвыходных ситуациях является просто сокровищем. По ночам он спит спокойно, как медведь в берлоге, лишь иногда издавая храп. Я же, напротив, не могу заснуть. Все мои мысли крутятся вокруг Лхасы. Я начинаю в буквальном смысле слова изводить себя. Утром Геер привычно выходит в наш палаточный лагерь. Посмеиваясь, он читает мне лекцию о благодатности смирения. Он предлагает не думать о вещах, на которые нельзя повлиять и которые нельзя изменить. После этого он вновь забирается в спальный мешок и продолжает спать. Позже, днем, я декламирую отрывок из «Фауста», после чего между нами вспыхивает спор о мстительных горных духах. Но прежде чем мы начали спорить, мой приятель от души выспался. В эти дни он спит сном праведника. Просыпаясь, он думает, что это лучшее, что он мог бы сделать в данных условиях. Он никогда не нервничает и не портит себе настроение.

После еды мы спонтанно начинаем шуметь. В тот день мы ели на первое рисовый суп с луком, а на второе — рис с яблоками. Никакого мяса. Изо дня в день мы едим одно и то же. Каждый день мы не пьем ничего другого, кроме чая, который имеет привкус древесной золы. Да и то этот чай является едва ли не десертом. Изо дня в день одно и то же.

Так проходят эти пять ужасных дней. Мы уже едва ли можем передвигаться по палаткам, которые высотой чуть больше метра.

Вечером мы долго сидим у костра и беседуем с лепчасами. От них мы узнаем, что бог Канченджанги дал в жену божеству Пимпу Канчен свою единственную дочь, приданым которой как раз являлись шапи. Поэтому шапи являются священными животными. Особенно они чтятся в окрестностях горы Пимпу Канчен.

На пятый день мы направляемся к месту большого оползня. Геер видит впервые в своей жизни шапи. Мы находим их там, где и сами увидели в первый раз. Они, как и прежде, легко двигаются по смертельно опасной для жизни местности. Когда я указываю на разрыв в облаках, который находится на расстоянии в километр, он радостно кричит: «Да они же похожи на медведей!» Сравнение не самое плохое, так как эти доисторические горные животные, хотя и являются жвачными, но в своих длинных темных шкурах (у самцов с длинными светлыми гривами, спадающими до колен) они действительно похожи на медведей, только травоядных. Но когда мы охотимся на них последующие десять дней, то понимаем, что охота на шапи гораздо сложнее, чем охота на медведя. По сравнению с тем, что нам предстояло, охота на медведя была просто детской забавой. И хотя выпавший снег загнал животных в более низкие районы гор, но это не меняло факта, что предстоявшая нам охота была очень опасным для жизни делом.

Однажды Геер чуть не сорвется в Пропасть. В последний момент его подхватит ловкий лепчас.

Целыми днями мы ползаем по джунглям и по обваливающимся скалам. Целыми днями мы ведем опасную для жизни игру, но все тщетно. Каждый раз шапи оставляют нас с носом. Нам кажется, что никогда не удастся поймать шапи. Я даже начинаю подумывать о проклятии лепчасов. Сами же они посмеиваются над нами. Так длится до тех пор, пока старый охотник не сообщил мне наутро, что молил ночью божество Пимпу Канчен, чтобы он нам ниспослал одного шапи, в качестве платы за наше усердие и труды.

Этим утром я почему-то склонен доверять этому старому охотнику с внешностью хитрого лиса. Но к вечеру я возвращаюсь в лагерь пустой. Я вынужден, к своему стыду, признать, что промахнулся. Пуля не попала в черное как смоль животное. Я вновь сомневаюсь, подействовала ли молитва старого охотника. Но я поклялся узнать размеры шапи, как бы сложно это ни было.

На следующий день мне повезло. Мой первый шапи с пулей в правом боку с высоты в сотню метров падает вниз. Упав, он остается лежать. Я ликую. Но теперь предстоит многочасовая работа, чтобы извлечь из пропасти убитое животное, вес которого составлял не менее 250 фунтов. Когда в свете садящегося солнца мы стоим перед «черным духом гор», то сердце мое выпрыгивает от радости. Это настолько странное и причудливое животное, что я никогда не видел в своей жизни ничего подобного. У меня нет никаких сомнений в том, что это сказочное животное с закрученными рогами, чем-то похожее на тара, является не известным науке новым видом. Наша многодневная рискованная операция увенчалась успехом. Мы оставляем эти страшные места. Иногда у меня замирало сердце, когда я видел, как несущие мою драгоценную добычу лепчасы скакали по шатким камням, рискуя свалиться вниз. Нагруженные, они шли целыми днями до тех пор, пока все-таки не заработали по серебряной рупии. Мы охотно платим им эти деньги, так как они очень рисковали в походе, который увенчался нашим открытием.

Мы были довольны и смогли только благодарить горное божество. После 15-дневного пребывания в горах нам удалось составить необходимую для науки серию шапи.[110] Наши сердца были переполнены радостью и гордостью.

Наш поход в Лхасу

Я никогда не забуду тот день, когда услышал радостный победный крик моего приятеля Геера. Он, задыхаясь, бежал по высокой траве. В руке он держал долгожданное письмо, запечатанное пятью печатями. Он вручает мне официальное сообщение тибетского правительства. Позволю себе привести его буквальный перевод.

«Для ознакомления передать немецкому господину,

доктору Шеферу, мастеру ста наук.

От всего сердца благодарим за Ваше письмо, которое мы получили 12-го дня 9-го английского месяца вместе с двумя ящиками подарков, которые содержали граммофон, музыкальные пластинки и два полевых бинокля.

То, что касается лично Вас и сопровождающих Вас немцев: господина Винерта, господина Геера, господина Краузе и господина Бегера (всего не менее пяти персон), вместе с которыми Вы намеревались в качестве первых немцев посетить Лхасу и осмотреть священные тибетские монастыри, то мы доводим до Вашего сведения, что въезд в Тибет раз и навсегда запрещен всем иностранцам.

Хотя из опыта мы знаем как трудно заниматься хотя бы двумя делами сразу же, но желаем, чтобы все Ваши начинания сбылись. Мы понимаем, что Вашей истинной целью является желание увидеть нашу святую страну, познакомиться с ее религиозными учреждениями, а также укрепить дружбу. Для ознакомления с ней мы даем Вам разрешение посетить Лхасу и оставаться там в течение 14 дней. Разумеется, это делается при условии,

что Вы обязуетесь не причинять горя тибетскому населению, не убивать никаких птиц и животных, что могло бы в высшей мере оскорбить религиозные чувства тибетцев, причем не только духовенства, но и обычных граждан.

Отнеситесь к этому благосклонно/

Отправлено кашагом, тибетским советом министров в 3-й день 1-го месяца года огненного тигра».

Это был огромный успех.

У нас на руках было приглашение тибетского правительства, и нас, как первых немцев, желали видеть в священной столице Лхасе. Наше ликование было неописуемым! Наши текущие научные проекты в Северном Сиккиме завершались. Форсированными темпами мы возвращаемся в Гангток, чтобы начать готовиться к большой экспедиции в Лхасу. Мы не можем планировать конкретные сроки, но, принимая во внимание политическую напряженность, возникшую в отношениях между Германией и Англией, мы считаем необходимым отправляться в путь безотлагательно, чтобы достичь Лхасы как можно быстрее. Караван нашего самого большего предприятия стартует в декабре 1938 года, несмотря на то, что ожидалось наступление морозов.

Ко всему этому можно добавить, что 21 декабря 1938 года в праздник зимнего солнцестояния мы пересекли тибетскую границу и направились к горному озеру, которое располагалось на высоте в 4000 метров. Для нас это великий день. Мы сидим вокруг нашего маленького радиоприемника и слушаем слова рейхсфюрера СС Г. Гиммлера, который является нашим покровителем. Его спокойный голос, переносимый, радиоволнами, звучит откуда-то из Судетской области. Мы молча хватаем факелы и направляемся, сопровождаемые нашей верной туземной командой, к берегу озера, где в отблесках огня мы клянемся, что вопреки всем трудностям и самой смерти мы выполним наше великое задание. В начале нового светового года мы стоим на границе огромной таинственной страны. Все зимние заботы забыты. Нам предстоит что-то грандиозное и чудесное.

Когда тяжелые ночные тени, окутанные долинным туманом, начинают таять и исчезать, 22 декабря 1938 года наш караван продолжает свой путь. Несколько часов спустя мы поднимемся на высшую точку в этих краях — вершину Натула, отделяющую Сикким от Тибета. Лучащийся солнечный свет заливает горы, когда наши верные провожатые останавливаются у обо,[111] чтобы привязать флажок с молитвой и принести жертву горным божествам. Далеко на юге, над индийской равниной, раскинулось безграничное море серебристых облаков. Но на севере и на востоке небо безоблачно.

Перед нами лежит долина Чумби, которая, как клин тибетского ландшафта, идет далеко на юг, пролегая между Бутаном и Непалом. Достаточно близко громоздятся зубчатые гребни бутанских Гималаев, которые постепенно растут в северо-во-сточном направлении, чтобы открыть нашему взору грандиозную панораму закованного в вечные льды могучего Чомо-лари. Эта красивая гора возвышается на расстоянии в 70 километров. В течение целой недели она будет нашей постоянной спутницей, нашей провожатом. У восточных проходов Чумби, прикрываемых с запада горным массивом Паухунри, виднеетсяэта самая величественная гора мира, которая даже прекраснее Синиолчу! Она возвышается над степями на высоту в 7300 метров, и в отличие от Синиолчу она не теряется среди соседствующих с ней гор.

Тибетский ландшафт немыслим без долины Чумби. Она уже давно является яблоком раздора между Бутаном, Сиккимом и Тибетом. Обрамленная с двух сторон горными хребтами, она ведет из Яунга через Сикким прямо в Индию. По сути, это единственные врата в Тибет. Жители этой плодородной местности, охраняемой почти со всех сторон величавыми горными хребтами, являют собой смесь тибетцев, бутан цев и сиккимцев. По этой причине очень сложно выявить их расовые корни. В прошлые времена махараджа Сиккима, чьи владения

некогда простирались до Чомолари, пребывал во время сезона муссонных дождей именно в долине Чумби. Но затем она была завоевана тибетцами. После этого воинственные бутанцы, используя проходы в горах, стали наводить ужас на жителей долины. Во время разбойничьих набегов из Бутана они убивали мирных жителей, угоняли их скот. Только англичанам удалось навести порядок в гималайском «треугольье»,[112] что они стали использовать в собственных целях.

Почти все крупные караванные пути, идущие по тибетским краям на высоте 4400 метров, проходят у подножия Чомолари. Но здесь располагается и Пари, населенный пункт, который наряду с Литангом в Восточном Тибете я считаю самым грязным местом на земле. Пари — это почтовая станция и перевалочный пункт для караванов, которые идут из Индии в Лхасу и наоборот. Дела здесь ведет тибетский губернатор, которого назначает правительство в Лхасе. Он должен здесь представлять интересыТибетский преступник,(в первую очередь торговые) отбывающий наказание Тибета. Мы знакомимся с губернатором и находим в его лице доброго друга и помощника. Весь день в степях вокруг Пари лютует пронзительный холодный ветер, что мешает моим товарищам работать. Винерт пытается вести наблюдения в своей палатке, которую он поставил несколько в стороне. Он трудится с усердием дикаря, пота наконец ему не удается завершить своим геомагнитные замеры. Мы несказанно довольны тем, что этот ужасный населенный пункт остался у нас за спиной. Миновав Тангла, мы углубляемся в степи. По пути мы снимаем киангов, этих диких тибетских лошадей-ослов, которые нашли свое место обитания в этой бедной растительностью местности у пойм рек. На их счастье, в этих краях зимой выпадает очень незначительное количество снега. В противном случае эти невзыскательные и выносливые животные были бы обречены на мучительную голодную смерть.

Совершенно замерзшие, но с приподнятым настроением, ближе к вечеру мы въезжаем в населенный пункт Туна, состоящий из нескольких плотно прижатых друг к другу домов.[113] Окрестности Туны являют нашему взору импозантную панораму блестящих вершин бутанских Гималаев, которые, как пальцы, устремлены в небо. Над ними скопились тучи, которые летом закрывают занавесом дождей все ледяные вершины. Более наглядно нельзя себе представить рубеж между двумя климатическими поясами. На юге, в Гималаях и Индии, царит ад муссонных ливней, а на севере простираются залитые солнцем высокогорные степи Тибета.

Это может прозвучать невероятным, но факт остается фактом. Здесь, в Туне, на высоте в 4800 метров над уровнем моря, весьма успешно выращивается ячмень.

Наш путь, проходящий через Дотчен, приводит нас в Калу, где мы надолго прощаемся со степными просторами. Мы берем курс на северо-восток, к Гьянцзе (4130 метров над уровнем моря), третьему по величине городу Тибета. Время от времени нам попадаются караваны с шерстью, которые направляются в Индию. Дикие тибетцы с огрубевшими от ветра лицами, в лихих лисьих шапках на головах, невозмутимо продолжают свой путь. Иногда нас обгоняют тибетские почтовые повозки, которые сделаны полностью из кожи. На символическом копье, возвышающмся над этими повозками, позвякивают колокольчики. Правящие повозкой тибетцы являются веселыми и неприхотливыми людьми. Именно благодаря им осуществляется обмен почтой между Лхасой и сиккимским пограничьем. Звук колокольчиков должен предупреждать шайки разбойников, что это не торговый караван. Это не только символ азиатских почтальонов, но и их специфическая защита. Чем дальше мы двигаемся на север, тем ниже становятся ландшафты. Небольшие горы, которые являются редкостью в этих степях, представляются мне могучими пристанями, которые с нескольких сторон окаймляют искусственно орошаемые поля и скудные поселки азиатов.

Неделю за неделей мы видим залитый солнцем ландшафт. Он почти не меняется с того момента, когда мы впервые пересекли тибетскую границу. Захватывающая игра света и тени, которая сопровождает нас с раннего утра до позднего вечера, примиряет нас с

безграничными просторами. Впрочем, летом над этой бескрайней страной иногда двигаются снежно-белые, скомканные облака, которые несутся, как табун лошадей.

Два дня спустя мы достигаем Гьянцзе. Справа и слева от нас громоздятся гранитные скалы. Эта величественная балюстрада окаймляет всю дорогу, ведущую нас в «красное ущелье». При выезде из этого ущелья мы видим одинокую статую Будды, которая должна благословлять усталых путников и караванщиков, охраняя их от угрозы камнепадов. Весной 1904 года в этих краях шло ожесточенное сражение между экспедиционным корпусом Френсиса Янгхасбэнда и отчаянно воевавшими тибетцами, которые хотели оградить свою страну от виляния жаждавшей власти европейской державы. Многие сотни тибетцев полегли здесь под ураганным огнем пушек и пулеметов, которым они могли противопоставить только древние кремневые ружья, которые заряжались вручную через ствол. Англичане штурмовали горные склоны и захватили весь Южный Тибет. После этого тибетская армия собралась у крепости Гьянцзе, чтобы дать свое последнее сражение. Несмотря на героическое сопротивление тибетцев, они были разбиты и путь на Лхасу был открыт. Именно там в 1904 году Великобритания навязала этой горной стране свои условия. С великим ужасом и горечью тибетцы вспоминают о тех временах. Один из них сказал мне, что это была неравная борьба: «Против хорошо вооруженных воинов вышли почти дети». Чем ближе мы приближаемся к Гьянцзе, тем шире становятся долины, тем больше мы встречаем людей. Повсюду виднеются села и деревушки. Внезапно появившаяся искусственная роща, которая окружена каменной стеной, является первым признаком роста благосостояния местных жителей.

Высоко на горных склонах или на скальных террасах вдали возвышаются небольшие ламаистские монастыри. Чем ближе мы приближается к Гьянцзе, весьма культурному городу, тем больше становится монастырей. Все чаще и чаще нам попадаются живописные руины. Мы непосредственно сталкиваемся с остатками древней культуры, которая не имеет ничего общего с современной тибетской архитектурой. На высокой горной террасе мы видим древний монастырь, который привлекает наше повышенное внимание. А рядом с ним находятся руины, остатки строения древней загадочной цивилизации. И то, и другое, соседствуя, одновременно попадет в поле нашего зрения.

Неожиданно горы расступаются, и перед нами открывается продуваемая ветрами земледельческая равнина окрестностей Гьянцзе. Пейзаж оживляется многочисленными кружащимися в диком танце смерчами, которые, как призраки, носятся над землей. Летом, когда посреди засушливой долины на песчаном грунте цветут небольшие рощицы, колосятся поля, укрытые голыми горами, это место должно быть раем, оазисом высокоразвитой человеческой культуры, который возник на лунном ландшафте Тибета.

Как для многих тибетских долин, так и дняГьянцзе весьма характерно, что на ней в результате когда-то бушевавшей вулканической деятельности вдруг появляются крутые горные вершины и возвышения каменной породы. Это остаточные вершины, которые находились когда-то в тесной связи с близлежащими горными массивами. Но сегодня они высятся лишь как острова геологического мусора, которыми покрыты все равнины Тибета. «Страна утопает в своих собственных обломках породы», — сказал как-то выдающийся тибетский геолог. И он был прав. Немногочисленные тибетские реки не обладают той разрушительной силой, которая способна тащить за собой к далеким морям каменные глыбы и валуны. В итоге страна задыхается в массе каменных обломков своих гигантских гор. Многие из далеких степных озер пересыхают именно по этой причине. Там, где сейчас располагаются поля, где деревушка примыкает к деревушке, где мозаично разбросаны крепости, некогда могучие природные стихии являли свою мощь и неистовство.

В этих южных краях тибетцы развивали не только земледелие, но и животноводство, итогами которого мы не можем налюбоваться. Наряду с ячменем, пшеницей, горохом и гречихой здесь возделывается также картофель, который пришел в Тибет через Бутан еще во

времена Уоррена Гастингса. Интересно отметить, что тибетцы вывели особый сорт ячменя, который вызревает всего за два месяца. Этот представляющий для нас исключительный интерес сорт «60-дневного» ячменя возделывается только в Халдене и Штайлхангене, где возможно наладить искусственное орошение. Лишь в июне, когда проходят первые слабые дожди, начинается сев этого ячменя, который убирают уже в августе, а в сентябре начинают новый сев.

Среди домашних животных наряду с собаками, кошками, курицами, свиньями и овцами здесь можно увидеть прирученных яков. В хозяйстве используются самые разные гибриды яка и коровы. Все зависит от того, какие функции ему отведены: должно ли животное давать молоко или мясо, или вообще использоваться как тягловое.

Весной можно увидеть, как яки, чьи рога и головы украшены разноцветными кистями, тянут за собой плуг, послушно двигаясь вдоль борозды. Тибетец, который пашет подобным способом, немногословен — можно слышать лишь, как он усердно бормочет под нос молитвы, а следующие за ним жена и дети сеют зерно.

Тибетцы — это весьма доверчивые и исключительно набожные люди. Для них ламаизм — это не только форма связи с духовным миром, но и суть всей их жизни. Поэтому животных украшают цветными кистями. Эти амулеты должны отогнать злых духов.

В Тибете все проникнуто религией. Каждое проявление жизни для тибетца связано с религиозными представлениями. Летом, когда тибетским крестьянам выпадает несколько спокойных дней между посевом и сбором урожая, они стекаются со всех окрестностей долины Гьянцзе в величественный монастырь Пелкор Чеде, чтобы принять участие в ламаистских танцах и быть свидетелями тому, как злые духи, которые могли бы собраться в долине, изгоняются. Во время этого летнего праздника, проходящего под открытым небом, тибетцы демонстрируют свой веселый национальный характер. Если есть на свете люди, которые могут презирать время, праздновать и находить успокоение и счастье в безделье, то это прежде всего тибетцы — люди, которые умеют жить.

Если есть в мире страна, где устанавливаются догмы и оглашаются законы, которые никого не направляют, и никто не забоится об их соблюдении, но они блюдутся, чтобы сохранить уважение себе и к своей семье, то эта страна — Тибет. Тибетцы не обременены условностями, им неведомы представления о морали и нравственности в их европейско-христианском смысле. Они живут в свое удовольствие, справляют праздники, пьют цанг, любят женщин и обожают побездельничать. Они счастливы и довольны, как маленькие дети во время веселой игры.

Даже ламы желтой секты в целом не обращают внимания на множество предписаний и запретов, которые возлагаются на них религией. Даже высшие служители культа являются здесь слишком человечными.

Фантастически красивые, дикие ламаистские танцы, которые проходят во время летнего праздника в Гьянцзе, сопровождаются пиршествами под открытым небом, стрельбой из лука, соревнованиями всадников, скачками и другим красочными, живописными играми.

Гьянцзе, несмотря на свое значение крупного торгового центра, также является центром тибетского ковроткачества. Тугая, плотная, почти жесткая «дикая шерсть» тибетских овец как нельзя лучше подходит для изготовления ковров. К счастью, европейские концерны не протянули свои щупальца до этих областей высокогорного Тибета. Тибетские ковры изготовляются при помощи естественных красителей, которые проделывают долгий путь из горных лесов Бутана и Сиккима. Там они добываются из коры, листьев, корней и таинственных плодов. Ковроткачество в Тибете не имеет фабричного размаха — оно привилегия состоятельных крупных семей. Сами ковры производятся ремесленным способом в специальных помещениях или прямо на низких крышах домов, в которых проживают знатные семейства. Ткачи сидят скрючившись перед своими станками и монотонно поют

грустные песни, считая звонкие хлопки челнока да иногда прерываясь на чтение молитв в таком же однообразном ритме. Есть что-то прекрасное в этой связи в знатных домах Тибета между господами и слугами, между дамами и служанками. Все принадлежат к одной семье, но каждый знает, где проходят границы дозволенного. Есть прекрасная тибетская пословица, которая гласит: «Если скончается господин китайского слуги, то тот умрет с голоду. Если умрет повелитель тибетской семьи, то слуги будут ездить на лошадях». Нет никаких сомнений в том, что тибетцы — это истинные азиаты, которые беспощадны и жестоки в обращении со своими врагами. Тибетцы — мастера выдумывать дьявольские пытки и бесчеловечные мучения, но при этом они очень мягко и приветливо обходятся с животным, слугами, женщинами и своими друзьями.

Изо дня в день над зимними просторами и пустыми пашнями близ Гьянцзе бушуют сильные ветра, поднимающие в воздух кучи песка и пыли. Мы, получив свежих животных, вновь поднимаемся в горы, чтобы на этот раз достичь Лхасы. Через величественную Карола едем в восточном направлении в районе сверкающего бирюзой озера Ямдрок Цо (4400 метров над уровнем моря). Даже днем становится холодно. Мы радуемся, если за сутки удается покрыть расстояние в 40–50 километров. Ледяные ветра так и норовят выбить нас из седел. Но какие незабываемые переживания нам доставляют виды озера Ямдрок Цо!

Когда заканчиваются границы тибетского земледелия, а вместе с ними и места проживания оседлых тибетцев, мы вновь встречаем многочисленных кочевников, которые передвигаются от выгона к выгону. Они ведут беспокойное путевое существование и изредка успокаиваются, чтобы дать своим коням отдохнуть. В этих заброшенных пустошах, продуваемых со всех сторон ветрами, мы все чаще и чаще встречаем путников — странников с копьем или посохом в руках, которые тащат все пожитки на своем Фотография бедного тибетца-горбе. Они направляются в далекие страны, чтобы влачить жалкое существование, выпрашивая милостыню или грабя одиноких путников. Имеются и фанатичные, полубезумные паломники, которые пытаются дойти до Лхасы, стоя на коленях. Такие в постоянном поклоне кружатся вокруг оплота ламаизма. Но есть и совершенно другие, волки в овечьем обличье. Они одеты в одеяния лам и держат в руках четки. Но за их поясом спрятан острый как бритва кинжад. Такие выходят на караванные тропы, чтобы дождаться доверчивую жертву. Но большинство паломников обоего пола — безвредные чудаки, которые увешаны амулетами и волшебными коробочками. Они прибывают из восточной провинции Кхам, где живут не только самые гордые и прекрасные тибетцы, но и самые жестокие и кровожадные разбойники.

Мы проводим в окрестностях озера последние дни. Синеватый призрачный лед, сковавший величественное Ямдрок Цо, и застывшие зубцы могучих ледников создают воистину фееричную картину. В какой-то момент дорога резко поворачивает, и озеро остается у нас за спиной. Направляясь на север, мы поднимаемся на перевал высотой в 4700 метров. Верховья Камбала являются исторической и естественной границей между двумя самыми большими и самыми важными провинциями Тибета: «Ю»[114] и «Цанг».[115] Здесь мы опять видим удивительную панораму За нами, где-то 300 метров внизу, тянутся степные горы и лежит ярко-голубое, удивительно спокойное озеро. По обе стороны мы видим гребни гор. Перед нами мы в первый раз замечаем серебряную блестящую петлю, которую образует река Цангпо (Брахмапутра) — главная водная артерия Южного Тибета.

Все принадлежат к одной семье, но каждый знает, где проходят границы дозволенного. Есть прекрасная тибетская пословица, которая гласит: «Если скончается господин китайского слуги, то тот умрет с голоду. Если умрет повелитель тибетской семьи, то слуги будут ездить на лошадях». Нет никаких сомнений в том, что тибетцы — это истинные азиаты, которые беспощадны и жестоки в обращении со своими врагами. Тибетцы — мастера выдумывать дьявольские пытки и бесчеловечные мучения, но при этом они очень мягко и приветливо обходятся с животным, слугами, женщинами и своими друзьями.

Изо дня в день над зимними просторами и пустыми пашнями близ Гьянцзе бушуют сильные ветра, поднимающие в воздух кучи песка и пыли. Мы, получив свежих животных, вновь поднимаемся в горы, чтобы на этот раз достичь Лхасы. Через величественную Каро-ла едем в восточном направлении в районе сверкающего бирюзой озера Ямдрок Цо (4400 метров над уровнем моря). Даже днем становится холодно. Мы радуемся, если за сутки удается покрыть расстояние в 40–50 километров. Ледяные ветра так и норовят выбить нас из седел. Но какие незабываемые переживания нам доставляют виды озера Ямдрок Цо!

Когда заканчиваются границы тибетского земледелия, а вместе с ними и места проживания оседлых тибетцев, мы вновь встречаем многочисленных кочевников, которые передвигаются от выгона к выгону. Они ведут беспокойное путевое существование и изредка успокаиваются, чтобы дать своим коням отдохнуть. В этих заброшенных пустошах, продуваемых со всех сторон ветрами, мы все чаще и чаще встречаем путников — странников с копьем или посохом в руках, которые тащат все пожитки на своем. Они направляются в далекие страны, чтобы влачить жалкое существование, выпрашивая милостыню или грабя одиноких путников. Имеются и фанатичные, полубезумные паломники, которые пытаются дойти до Лхасы, стоя на коленях. Такие в постоянном поклоне кружатся вокруг оплота ламаизма. Но есть и совершенно другие, волки в овечьем обличье. Они одеты в одеяния лам и держат в руках четки. Но за их поясом спрятан острый как бритва кинжад. Такие выходят на караванные тропы, чтобы дождаться доверчивую жертву. Но большинство паломников обоего пола — безвредные чудаки, которые увешаны амулетами и волшебными коробочками. Они прибывают из восточной провинции Кхам, где живут не только самые гордые и прекрасные тибетцы, но и самые жестокие и кровожадные разбойники.

Мы проводим в окрестностях озера последние дни. Синеватый призрачный лед, сковавший величественное Ямдрок Цо, и застывшие зубцы могучих ледников создают воистину фееричную картину. В какой-то момент дорога резко поворачивает, и озеро остается у нас за спиной. Направляясь на север, мы поднимаемся на перевал высотой в 4700 метров. Верховья Камбала являются исторической и естественной границей между двумя самыми большими и самыми важными провинциями Тибета: «Ю» и «Цанг». Здесь мы опять видим удивительную панораму. За нами, где-то 300 метров внизу, тянутся степные горы и лежит ярко-голубое, удивительно спокойное озеро. По обе стороны мы видим гребни гор. Перед нами мы в первый раз замечаем серебряную блестящую петлю, которую образует река Цангпо (Брахмапутра) — главная водная артерия Южного Тибета.

Зимой эта река, мягко текущая между горами, едва ли шире сотни метров. Однако летом, когда начинается таяние снега и грохочут сильные грозы, она превращается в бурный поток, который с ревом несется с запада на восток, чтобы пронести свои воды через Индию. Там от водопада к водопаду она меняет свое направление. В районе Калькутты она сливается с Гангом и широкой дельной впадает в Бенгальский залив, окончательно растворяясь в водах Индийского океана. В тихом благоговении и с внутренней радостью мы достигаем наивысшей точки данных мест. Теперь события сменяют друг друга с неожиданной стремительностью. Два дня назад на неуклюжих суденышках мы переправляемся через Брахмапутру. Вечером мы въезжаем в небольшую тибетскую местность Чусул, которая располагается к северу от реки. Комендант замка и гражданский губернатор встречают нас с распростертыми объятиями. По поручению правительства мне передают белое шелковое церемониальное покрывало.[116] В просторном чистом доме, куда нас проводила делегация высокопоставленных тибетских чиновников, я присаживаюсь на почетное место — под балдахином. В почтенном поклоне к нам приближаются несколько слуг, которые хотят нам вручить несколько подарков от тибетского правительства. Вскоре после этого появляется священнослужитель из Лхасы, который интересуется, в каком часу мы намерены на следующий день въехать в священную столицу. Поскольку тибетское правительство и высшие

духовные лица Лхасы хотели нам организовать подобающий прием, то я предельно точно сообщаю о времени нашего прибытия.

Я узнаю о том, что высшие чины правительства в генеральском звании и ламаистский аббат (именно так указано в отчете Шефера — А. В.) хотят встретить нас за 3–4 мили до города, чтобы выказать нам уважение Лхасы. Во время торжественной церемонии обмена белыми шелковыми покрывалами нам объявляют, что как первые немцы, посещающие священную столицу этой таинственной страны, мы являемся самыми желанными гостями. Именно тогда, когда мы почти достигли самой желанной цели нашей экспедиции, за нашими спинами начались политические интриги. Но об этом я расскажу отдельно. Но в тот момент нам ничто не могло помешать, чтобы утром второго дня в первый раз увидеть вдали башни и зубцы золотых крыш Потала. Там мы ведем себя как азиаты. Перед городом слезаем с лошадей и раскланиваемся перед оплотом ламаизма, этим Ватиканом буддийской религии. Несколько часов спустя мне предоставлена высокая честь ввести первую немецкую экспедицию под сень царственного дворца Потала.

За несколько дней пребывания в столице страны богов мне удается разрушить все интриги, которые тонкой паучьей сетью стали плестись вокруг нас. Из первоначально запланированного двухнедельного пребывания в Лхасе наш визит превратился в двухмесячное нахождение в этом священном городе. Почти сразу же с «живыми божествами» и представителями тибетского правительства нас стали связывать узы сердечной дружбы. Время, проведенное в Лхасе, — это самое большое мое научное переживание. Вряд ли мне придется пережить еще раз нечто подобное.

Мы покидаем гостеприимную Лхасу, когда священные черные журавли, зимовавшие здесь, собираются улетать. Потянулись косяками дикие гуси, начинают ворковать сизые голуби, а в гнездах воронов вылупились птенцы. Нас ждут впереди новые задания.

Я вбил себе в голову, что мне, как первому белому исследователю, надо изучить древнюю столицу Тибета Ялунг-Подранг. Несколько дней мы следуем на восток. За это время мы перешли перевал Гокар-ла, высота которого составляет 5200 метров. Прибыв в Самье, мы вновь оказываемся в долине величавой Брахмапутры. Мы следуем вниз по ее течению. Мы продолжаем свое весьма утомительное путешествие по песчаным пустыням до тех пор, пока не оказываемся в Цетанге на реке Цангпо, одном из крупных тибетских городов, в котором проживает более трех тысяч жителей.

Цетанг очень знаменит. Здесь, согласно верованиям тибетцев от связи самца обезьяны и демоницы произошел людской род. Именно здесь в Тибете возникло земледелие. Здесь рождалось множество святых. Этот город не раз посещал великий Падмасамбха-ва. Крыши города блистают новогодними украшениями. Повсюду шелестят флажки с молитвами. А на прибрежных ивах начинают набухать почки — первый признак того, что скоро наступит новый вегетативный период.

Для Цетанга являются характерными многочисленные чортены, которые живописно возвышаются над окрестностями. В этих строениях вечному покою преданы тела великих лам. По своей архитектуре они восходят к индийским ступам. В целом почти все религиозныепамятники похожи на пирамиды.

В данном случае они должны символизировать ламаистский пантеон и отдельные элементы Вселенной: землю, воду, воздух, огонь. Навершие этого сооружения должно обозначать эфир — трансцендентную материю Вселенной. Но это лишь одна из многих интерпретаций, которую тибетцы дают конструкции чортенов. Другая версия деления основной части постройки на четыре части является не чем иным, как архитектурным воплощением формулы таинственной молитвы: «Ом мани падме хум». За день мы тысячи раз слышим эти слова. Мы читаем их на камнях у обочины дороги, на скалах, на стенах домов — она почти повсюду. Она написана на каждой ручной молитвенной мельнице. Мы встречаемся

с ней в монастырях и на горных склонах, где она выложена гигантскими буквами из белого кварцита. Эта загадочная формула витает над страной. К чему ни прислушайся, куда ни глянь, рано ли утром, поздно ли вечером, в тусклых ли залах храмов или на заоблачных перевалах, в домах ли богатых или в хижинах нищих, из года в год миллиарды раз повторяется: «Ом мани падме хум — Ом мани падме хум».

Цетанг находится у входа в защищенную от всех ветров райскую долину Ялунг-Подранг. На половине пути между этими двумя городами находится некое подобие крепости, мощное знание с высокой наблюдательной башней, которая возносится над всей долиной. Это строение является еще одним свидетельством того, что здесь мы сталкивается с древнейшими пластами культуры Тибета.[117] Здание уже не раз реконструировано, но в народных представлениях оно остается «старейшим» строением Тибета, с которым связано множество древних сказаний и легенд. Именно здесь должны были жить первые люди — потомки волосатой обезьяны и скалящей зубы чертовки. Отсюда они сначала заселили долину Ялунг-Подранг, а затем и весьма мир. Сейчас в этом высоком здании находится храм во имя милосердной богини и любящей матери ламаизма тысячеглазой Долмы (Тара), историческим прототипом которой была одна из двух супруг тибетского царя Сронг-Цан-Гамбо.

Поначалу Ялунг-Подранг несколько разочаровывает. От руин древнего города и величественного царского дворца, к сожалению, почти ничего не осталось. Хорошо сохранились наблюдательные вышки, которые в свое время возводились близ дворца первых королей Тибета. Они должны были прикрывать самые важные стратегические направления. Сегодня же они оставшиеся свидетели того, как смелые воины помогали прежним правителям Тибета.

Далее мы следуем очень сложным маршрутом. Мощные ветра, более напоминающие песчаные бури, пытаются помериться с нами силами. Песок забивает нам глаза, уши, засыпается под одежду, скрипит на зубах, когда мы едим. На протяжении всего нашего пути мы видим гигантские дюны, которые достигают высоты 30–50 метров. В некоторых местах мы с немалым удивлением видим горные склоны, которые на сотни метров в вышину засыпаны волнистыми песками.

В нескончаемых пустынях долины Брахмапутры мы едем по светлому вьющемуся песку. Мы часто сбиваемся с пути и вынуждены заново искать дорогу. Только в небольших долинах, укрытых от ветров и песчаных бурь горами, мы находим небольшие оазисы земледелия. Именно там находятся редкие поселки, в которых все-таки живут люди. В один день мы въезжаем в Чамбалинг, где находится одноименный чортен, который является самым большим в Тибете. Могучее сооружение, в нижних павильонах которого находится монументальное изваяние ламаистского мессии — Чамбы. Высота статуи достигает 50 метров. На разных уровнях этого строения можно обнаружить культурные сокровища этой божественной страны.

После того как мы решили сократить маршрут нашей экспедиции, мы направляемся по ущельям в Римпунг, который расположен в верховьях Цангпо. На огромной скале, которая с двух сторон омывается реками, над городом возвышается «цзонг», замок тибетского губернатора. В тибетском языке слово «дзонг» имеет отношение не только к самому замку, где размещается резиденция местного правителя «цзонгнена», но и в переносном смысле относится ко всему району, который соответствует немецкому ландкрайзу. «Цзонгпены» назначаются и освобождаются от своей должности центральным правительством в Лхасе. Каждый год они должны отправлять в Лхасу определенные подношения в зерне, муке и масле, а также в зависимости от величины района выплачивать налоги. Но по сути «цзонгпены» являются маленькими королями, которые нещадно эксплуатируют свой район. Они повсеместно занимаются вымогательством, так как обладают полным правом на свое усмотрение сажать в тюрьму или отпускать на свободу, а также казнить и миловать.

Вокруг этих древних тибетских замков сама по себе возникает романтическая атмосфера. Они невольно навевают мысли о нашем европейском Средневековье. Гордо и повелительно они стоят на высоких скалах. Их каменные стены, возможно, проживут еще столетия, подобно тому, как они уже пережили не один век.

В Шигацзе нас застает тибетская весна. Птицы возвращаются на ручьи и болота, которые дают воду ячменным полям. За какую-то одну ночь окрестности покрываются тысячами фиолетовых цветочков. Кроме примул, расцветают синие вики и голубые касатики, которые в мае—июне превращают все пространство от Шигацзе до Гьянцзе в сплошное море цветов. Только горы не меняют своей цвет. Они так и остаются голыми и одинокими.

В Ташилунпо, в монастыре, который дает не только приют четырем тысячам монахов, но и является резиденцией Панчен-ламы, нас, как почетных гостей, радушно встречает его старый настоятель. На эти дни он станет нашим покровителем и верным другом.

Несколько недель мы успешно обследуем окрестности Шигацзе. Пока не начался сезон муссонных дождей, мы намереваемся изучить горы к северу от Брахмапутры. Но тучи сгущались не только в небе, но и над дальнейшей судьбой нашей экспедиции. До меня доносятся отголоски враждебных слухов, которые со временем растут и наконец превращаются в настоящий поток клеветы и злословия в мой адрес. День ото дня напряженность растет. Почтовое сообщение с нами насильственно прервано. Иногда мы ловим отголоски новостей по нашему коротковолновому радиоприемнику. Мы вынуждены спешно попрощаться с нашими тибетскими друзьями, после чего еще раз направляемся в Гьянцзе по самой короткой дороге. Оттуда после преодоления множества трудностей нам удается направиться в Индию.

В августе 1939 года, погрузив наш багаж на пароход, мы направляемся назад-Мы сами летим самолетом из Калькутты. Наш обратный путь в Германию лежит через Карачи, Басру, Багдад и Афины.

ФОТО

Благодаря сотрудничеству wikimedia и немецкого госархива в открытый доступ выложены все 1773 фотографии, привезенные Эрнстом Шефером из знаменитой экспедиции в Тибет 1938-39 гг. Здесь — некоторые из них.

Охотник с красным коршуном.

Экспедиция прибыла в Калькутту: слева направо Винерт, Шефер, Бегер, Краузе, Геер.

В Гангтоке Шефера принял магараджа.

Бриться, похоже, некогда.

Подготовка к путешествию в Тибет. Шефер прокладывает маршрут.

Краузе ловит мошек.

Это уже в Лхасе. Стоят Рабден Хази (проводник), Кайзер Бахадур Тхапа (переводчик), Шефер. Сидят Краузе, Геер, Винерт, Бегер.

Торжественный прием. Обратите внимание на вымпелы.

Фотография с министрами. Первый снимок от этого отделяет лишь полгода, но бороды и костюмы состарили путешественников лет на десять.

Шефер с настоятелем монастыря и мотоциклистом Мондре. Мондре в юности обучался в Англии и привез с собой мотоцикл, первый в Тибете. Но после того, как он врезался в лошадь тибетского министра, ездить на мотоцикле ему запретили, да еще и понизили в ранге.

Бегер за антропологическими измерениями.

Геер с козлом.

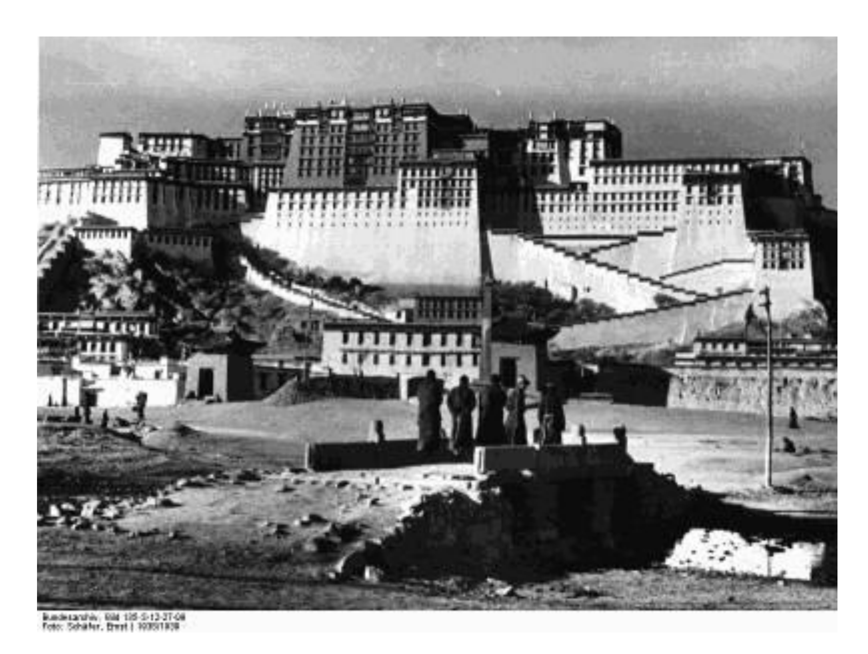

Винерт с чьей-то лошадью (возможно, Пржевальского).

Сушеные бараны.

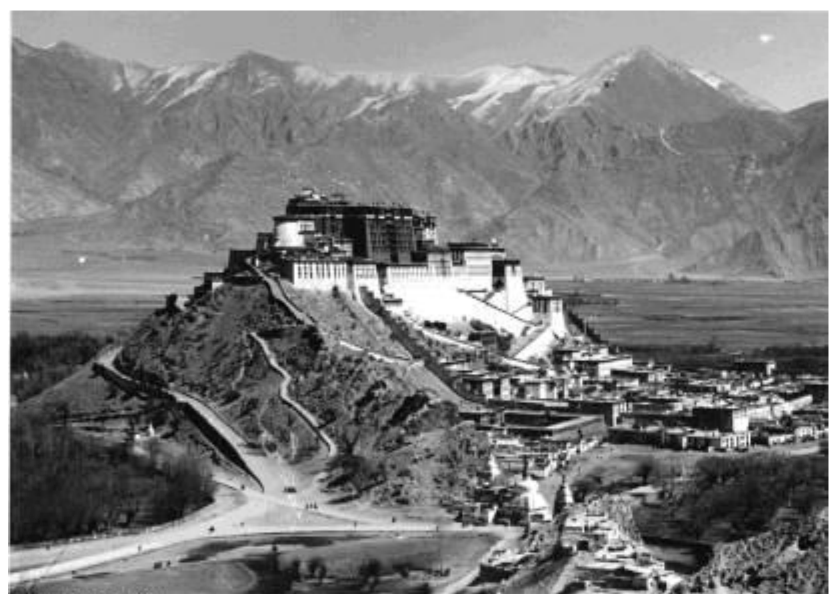

Лхаса.

Цель экспедиции достигнута! Удалось найти парную картинку к вымпелам!

Лхаса. Вид на Поталу.

Кажется, это фотография со съемок фильма Кин-Дза-Дза попала сюда по ошибке.

Эрнст Шефер и кинооператор Краузе снимают тибетские ритуалы

Примечания

1

Klages L. Rhythmen und Runen. Leipzig, 1944. S. 253.

2

Beger, Bruno. Mit der deutschen Tibetexpedition Ernst Schaefer 1938/39 nach Lhasa. Wiesbaden 1998. S. 112.

3

Давид-Неэль, А. Посвящения и посвященные в Тибете. — М.: Центрполиграф, 2004. С. 7

4

Schaefer Ernst. Geheimnis Tibet — Erster Bericht der Deutschen Tibet-Expedition Ernst Schдfer 1938/39 — Schirmherr Reichsfuhrer SS — Мьnchen 1943. S. 48.

5

Voelkischer Beobachter vom 2. 02. 39 — Beilage Illustrierter Beobachter Folge 5.130 f.

6

Hoefler, Otto.Kultische Geheimbuende der Germanen, Bd. I, Frankfurt/M., 1934.

7

Wolfram, Richard. Schwerttanz und Maennerbund. 2 Bde., 1936/37. S. 291.

8

Zschaetzsch, Karl. Atlantis, die Urheimat der Arier. Berlin, 1922 (= 1935 = 1996).

9

Wieland, Hermann. Atlantis, Edda und Bibel. Weisse nburg, 1925. S. 26.

10

Schmid, Frenzolf. Urtexte der Ersten Gцttlichen Offenbarung. Attalantische Ur-Bibel. Das Goldene Buch der Menschheit. Mit den ersten Offenbarungen aus der Paradieszeit zurьckreichend auf 85 000 Jahre vor Christi Geburt. Pforzheim im Baden, 1931. S. 177–188.

11

Gorsleben, Rudolf John. Hoch-Zeit der Menschheit. Leipzig. 1930. S. 255.

12

Newman, John Ronald. The outer wheel of time: Vajrayana buddhist cosmology in the Kalacakra Tantra-Madison 1987. P. 456

13

List, Guido von. Die Ursprache der Ario-Germanen und ihre Mysteriensprache. Wien. 1914. S. 47 ff.

14

Натай Рафаэль. Иудейская Богиня. — Екатеринбург У-Фак- тория, 2005. С. 166.

15

Klausen, Aneas und die Penaten (Hamburg und Gotha) IL S. 872 ff. В греческом языке слова, начинающиеся на **tro** и сходные по смыслу, встречаются еще чаще; для примера достаточно привести **trochos** (круг, конная дорожка, кругооборот, колесо, стена вокруг чего-либо, змеиные кольца), **trochmalos** (каменная ограда полей), **troullos** (круглый купол), **Trophonios** (мастер сооружения круглых строений).

16

Krause, Ernst (Cams Sterne). Die Trojaburgen Nordeuropas. Ihr Zusammenhang mit der indogermanischen Trojasage von der entfьhrten und gefangenen Sonnenfrau (Syrith, Briinhild, Ariadne, Helena), den Trojaspielen, Schwert- und Labyrinthtanzen. Glogau, 1893. S. 11–12.

17

Meyer, John. Ahnengrab und Brautstein. Halle, 1944.

18

Wille, Hermann. Germanische Gotteshaeuser. Leipzig, 1933. S. 76.

19

Русское выражение «ата-та», которым пугают детишек, когда те не в меру шалят, переводится с готского языка как «предок (отец) твой», в том, вероятно, смысле, что мир предков находится всегда рядом

20

Meyer, John. Ahnengrab und Brautstein. Halle, 1944.

21

Kirchner, Horst. Die Menhire in Mitteleuropa und der Menhirgedanke. Wiesbaden, 1955.

22

Подробнее об энергии Ур см. цикл исследований двух русских физиков под названием «Культ УРРА»: ***Панинев А.М., Гульков А.Н.*** Культ УРРА: Подходы к новой биологии, экологии и медицине. Изд. 2-е. — М.: Белые Альвы, 2004,***Паничев А.М., Гульков А. Н.*** Русский Путь. (Духовный аспект перехода к Новой эпохе). — М.: Белые Альвы, 2005,***Паничев***

А.М., Гульков А.Н. Религия и путь человека. Из цикла «Культ УРРА» Изд. 2-е. — М.: Белые Альвы, 2004.

23

Yori(Alexandervon Borckhoff). Ur We We. Uranische Weltwende — Vom Sinn dieser Zeit. Berlin, 1932.

24

На тему этой позднеантичной веры в грядущее появление «нового рода» имеется прекрасная книга Эдуарда Нордена:

Norden, Eduard. Die Geburt des Kindes. Geschichte einer religioesen Idee. (1924), Stuttgart, 1969.

25

Блаватская ЕМ. Тайная доктрина. Том 1. — М.: Эксмо,

2006. С. 138, 176.

26

Скорее всего, Либенфельс имеет в виду книгу Германа Лефельдта «Космическое изменение и образ жизни на Земле», вышедшую в одном из астрологических издательств Гамбурга незадолго до этого: ***Lefeldt, Hermann***. Kosmische Waltung und erdische Lebensgestaltung. Hamburg. Uranus-Verlag.

27

Kummer, Siegfried Adolf. Heilige Runenmacht: Wiedergeburt des Armanentums durch Runenubungen und Tanze. Hamburg: Uranus-Verlag, 1932. S. 5.

28

Вирт, Герман Феликс. Хроника Ура Линда. Древнейшая история Европы. / Пер. с нем. Кондратьева А.В. — М.: Вече, — 531 е.: ил. — (Ariana Mystica). С. 413–414.

29

Bergman, Ernst. Die 25 Thesen der Deutschreligion. Ein Katechismus. 1934. S. 3.

30

Общее место (лат.).

31

IUion, Theodor. RatselhaftesTibet. Hamburg: Uranus-Verlag 1936. S. 143; Iiiion, Theodor. Tibeter ьber das Abendland. Salzburg: Ignota-Verlag 1947. S. 215;II Hon, Theodor. Darkness over Tibet. London: Rider & Co. 1933. S. 192.

32

IUion, Theodor. Tibet II — Bruecke zwischen Innenwelt und Aussenwelt. Peiting, Ed. Neue Perspektiven. 2000. S. 10.

33

Ibid. S. 89.

34

Aschoff, Jьrgen. Kommentierte Bibliographie zur tibetischen Medizin. Ulm, 1996. S. 195

35

Moon, Peter. Die Schwarze Sonne. Montauks Nazi-Tibet Verbindung. Peiting, 1999. S. 178.

36

Nagel Brigitte. Die Welteislehre. Ihre Geschichte und Rolle im «Dritten Reich». Verlag fuer Geschichte der Naturwissenschaft und Technik, Stuttgart. 2000.

37

IUion, Theodor. Tibet II — Bruecke zwischen Innenwelt und Aussenwelt. Peiting, Ed. Neue Perspektiven. 2000. S. 10

38

Ossendowski, Ferdinand. Tiere, Menschen und Goetter. Frankfurt am Mein, 1924. Немецкий перевод выполнен с издания: Ossendowski, Ferdinand. Beasts, Men and Gods, New York 1924.

39

Оссендовский А. Ф. Люди, Боги, звери. — М.: Яуза, 2005. С. 280.

40

По Оссендовскому, выход агартийцев «в силе и славе» должен произойти в 2029 году

41

Serrano, Miguel. Das Goldene Band. Esoterischer Hitlerismus. Deutsche Uebers. von F. Uttho, o.O., o.J. S. 26.

42

Д'Альвейдр Сент-Ив. Миссия Индии в Европе. // Д'Апь- вейдр Сент-Ив, Генон Р. Оракулы Великой Тайны. Между Шамбалой и Агартой. — М.: Эксмо, Яуза, 2005. С. 23, 100.

43

Hedin, Sven. Ossendowski und die Wahrheit. Berlin, 1925

44

Сидоров Серафим. Буддизм: история, каноны, культура. — М.: ДИК: Астрель: АСТ, 2005. С. 318 сл.

45

Сидоров С.А. Ук. соч. С. 319.

46

Newman, John Ronald. The outer wheel of time: Vajrayana buddhist cosmology in the Kalacakra Tantra — Madison 1987 — Ьbersetzungen des Shri Kalachakra und des Kommentars von Pundarika — Vimalaprabha.

47

Douglas, Gregory. Geheimakte Gestapo-Mueller. Dokumente und Zeugnisse aus den US-Geheimarchiven. Berg am Starnberger See, 1995. S. 50–51.

48

Douglas, Gregory. Geheimakte Gestapo-Mueller. Dokumente und Zeugnisse aus den US-Geheimarchiven. Berg am Starnberger See, 1995. S. 50–51.

49

О нем см. далее в книге А.В. Васильченко.

50

Briefwechsel Johannes Schuberts mit Bruno Beger und Ernst Schafer. Herausgegeben von Hartmut Walravens (Berlin) // NOAG, 2004. S. 174 fT.

51

Suenner, Ruediger. Schwarze Sonne. Entfesselung und Missbrauch der Mythen in Nationalsozialismus und rechter Esoterik. 3. Aufl., Freiburg im Breisgau. 2006, S. 48.

52

Основной наш источник в последующем изложении — книга великого магистра «Ордена Новых Тамплиеров» Рудольфа Мунда: Mund, Rudolf J. Wiliguts Geheimlehre. Fragmente einer verschollenen Religion. O.O., 2002.

53

Kummer Bernhard. Midgards Untergang-Germanischer Kult und Glaube in den letzten heidnischen Jahrhunderten. (Verцffentlichungen des Forschungsinstituts ftir vergleichende Religionsgeschichte an der Universitдt Leipzig, hrg. Prof. Dr. Hans Haas, II.Reihe, Heft 7). Leipzig. Verlag Pfeiffer, 1927.

54

Кондратьев А.В. Ведьмы, ритуал исты и мифологисты в религиоведении Третьего Рейха // Религиоведение, 2006, № 4, с. 3—20.

55

An Interview with Gabriele Dechend. Extracted from correspondence with Manfred Lenz (1997). // Flowers, Stephen, Moynihan, Michael. The Secret King, p. 180.

56

Сидоров С.А. у Ук. соч., с. 324.

57

Бейли Алиса. Посвящение человеческое и солнечное. — М.: Белые альвы, 1999. С. 40.

58

Rued ige г, Emil, (Dipl. Ing). Die Kraft der zwei Sonnen. Brisinga-Halsband-Mythe. Darmstadt, 1994. S. 150.

59

Greve, Reinhard. Das Tibet-Bild der Nationalsozialisten // Dodin Thierry, Raether Heinz. Mythos Tibet — Wahrnehmungen, Projektionen Phantasien. Koeln, 1997.

60

Suenner, Ruediger, Schwarze Sonne. Entfesselung und Missbrauch der Mythen in Nationalsozialismus und rechter Esoterik, Freiburg, 2006; S. 50, Lange, Hans Juergen, Weisthor — Karl Maria Wiligut. Himmlers Rasputin und seine Erben, Engerda, 1998. S. 68.

61

Hannoversches Tageblatt от 18. 06. 1937.

62

Udo Holey, Jan. Die Innere Welt. Das Geheimnis der Schwarzen Sonne. O.O., 1998, PDF.

63

Линденберг< Кристоф. Технология зла. К истории становления национал-социализма. — М.: Энигма, 1997. С. 7. См. также недавнюю книгу, автор которой также развеивает нависшую над Хаусхофером оккультную репутацию: Gugenberger, Eduard. Boten der Apokalypse: Visionaere und Vollstrecker des Dritten Reichs, Wien, 2002. S. 59 ff.

64

Равенскрофт Тревор. Копье Судьбы. — СПб.: Амфора, 2006. С. 322.

65

Линденберг Кристоф. Технология зла. К истории становления национал-социализма. — М.: Энигма, 1997. С. 13–14.

66

Детальное описание путешествия можно прочитать в приложении.

67

Горячая смесь чая, соли, молока яка и масла из того же молока.

68

Данный вариант отчета, составленный Эрнстом Шефером, был предложен научной общественности в 1943 году после демонстрации фильма «Тайны Тибета». Этим объясняется

его полулитературная форма и отсутствие некоторых деталей, которые имели политическое значение. В частности, главной цели экспедиции — визиту в Лхасу—посвящено всего лишь несколько строчек. Не исключено, что текст отчета предварительно редактировался Генрихом Гиммлером, который предпочел опустить целый ряд интересных моментов.

69

Под Тераи подразумеваются горная цепь Гималаев от Ассама на востоке до Непала на западе (здесь и далее сноски автора отчета, Эрнста Шефера).

70

С научной точки зрения, вид Equus Kiang находится где-то посередине между ослом и лошадью.

71

Скончался в 1942 году в чине генерала.

72

Падмасамбхава — фактический основатель ламаистской религии, которая являет собой смесь буддизма и шаманизма. В 747 году он прибыл в Тибет, однако кажется маловероятным, чтобы святой был в Сиккиме.

73

Шерпасы, шерпы — непальское племя, проживающее у подножия Эвереста У них ярко выражены монголоидные черты. Многие из них поселились вокруг Дарджилинга и охотно нанимаются на работу сопровождать экспедиции в горы. Отличаются надежностью, преданность и выносливостью.

74

Барасахиб переводится дословно как «большой господин». Так во время экспедиции меня назвали туземцы. Каждый из моих приятелей также получил особое имя, которое соответство- в ало их занятиям. Геер, который отвечал за продовольственные припасы (шторес), звался Шторесахиб («господин припасов»), Бегер, который оказывал медицинскую помощь, — Доктор Саиб («господин врач»), Винерт, который поддерживал радиосвязь и постоянно закидывал антенну, — Тарсахиб («господин проволоки»), а Краузе, который при каждом удобном случае припадал к кинокамере, — Пикчерсахиб («господин картинок»),

75

Именно так дословно переводится «Канченджанги»

76

Кхаси» означает аристократ.

77

«Северная школа» буддизма, так называемая Махаяна или «большой путь». В отличие от южного буддизма (например, на Цейлоне) Хинаяны или «малого пути» в пантеоне Махаяны имеется множество божеств, святых и «живых Будд».

78

«Азары» традиционно носят маски, в которых читаются индоарийские черты. Они символизируют первых индийских служителей Будды, которые, впрочем, малопочитаемы в Тибете.

79

То же самое касается различных масок и танцевальных поз.

80

Сиккимцы и тибетцы понимают под Канченджанги не только самую известную гору Канче, а всю группу снежных вершин: Синиолчу, Симву, Канче, Твинс, Тентпик.

81

Дхармакайя — тело закона, вечная мудрость, данная Будде свыше.

82

«Громовая стрела», метеоритное железо, по-тибетски «дордже», является буддийским символом власти. Даржилинг — Дорджелинг, город громовой стрелы.

83

Во время ламаистского ритуала почитаемый объект должен всегда находиться по правую руку Поэтому святыни обходят по часовой стрелке.

84

Tetraogallus tibet anus, тибетский улар, пугливая высокогорная птица, которая встречается только в горах в ареале обитания баранов голубого цвета (Pseudois nahoor).

85

Cuon alpinus, дикая собака красного цвета размером с добермана. В целом красный волк — один из самых опасных хищников на Земле. Они охотятся стаями. Могут нападать на человека. В основном питаются горными баранами. В некоторых случаях красный волк может загрызть лошадь или даже крупный рогатый скот.

86

Такин (Budorcas tibetana) — дикое животное в Восточных Гималаях и Западном Китае. Я исследовал его образ жизни и описывал в предыдущих произведениях. В данной поездке удалось уточнить ареал распространения этого редкого животного.

87

Тактика, когда от центрального лагеря, который одновременно являлся складом продовольствия и вещей, отправлялись небольшие экспедиции, полностью себя оправдала во время нашего путешествия.

88

Мука цампа (цзамба) — национальное блюдо тибетцев. Обожженная ячменная мука смешивается с маслом, чаем, солью и содой. Блюдо действительно очень вкусное, но плохо перевариваемое.

89

В Тибете все высокие государственные учреждения представлены двумя служащими: светским и духовным. Взаимный контроль должен препятствовать — вбольшинстве случаевс отрицательным результатом — коррупции.

90

Тибетцы говорят на самых разных диалектах. Но наряду с разговорной речью, которая употребляется в повседневности, они еще используют благородный, или придворный, тибетский язык. Обращаться на нем можно только к очень важным персонам. Придворный тибетский очень сильно отличается от разговорного тибетского. В нем нет почти ни одного общего слова. Но в то же время придворная речь очень богата цветистыми выражениями.

91

В силу того, что тех краях растительность является очень бедной, выпас животных находится под строгим государственным контролем.

92

Тибетский травник и крачка обыкновенная являются характерными для тибетских болот видами птиц. Обе эти птицы обитают и в Германии, но в данном случае речь идет об особых географически видах.

93

Тибетцы обычно связывают между собой лошадей, чтобы те не разбежались, почувствовав приближение волка. Но обычно их не отпускают в степь. Но здесь речь идет об исключении, так как они голодали.

94

В силу климата и специфического воздуха при ясной погоде в Тибете расстояния кажутся меньше.

95

Тибетский орлан-белохвост в отличие от беркута нередко питается только мхом. То же самое касается и воронов.

96

В отличие от тибетских крестьян, чьи женщины должны постоянно трудиться, многие девочки из благородных семей посвящают себе монашескому служению.

97

Доптра — это только летняя резиденция короля Таринга. Зимой он переезжает в Таринг, маленькую тибетскую местность.

98

Тибетские семьи восприняли во многом китайскую кулинарную культуру. Китайских поваров можно было очень часто встретить в Лхасе, Шигацзе, Гьянцзе. Нередко знатные семейства обменивались такими поварами.

99

Под бакшишем в Индии, а затем, под британским влиянием, на Тибете, понимается что-то вроде чаевых.

100

Лепчасы полагают, что убийство шапи приносит беду. Животное принадлежит к табуированных существам. Не рекомендуется даже произносить его имя. Его можно использовать только как бранное слово, чтобы грубо оскорбить кого-то другого.

101

Шапи был описан профессором Поле (Зоологический музей Берлинского университета) как Hemitragus jemlaicus — гималайский тар.

102

Птица «свежуется», то есть снимается кожа с перьями, а все мясные части заменяются ватой.

103

Горал и серау — козоподобные антилопы, которые походят на наших серн. Первое животное весит 80, а второе — 250 фунтов.

104

Благодаря экономии средств и почти спартанскому образу жизни участииков экспедиции мы смогли сэкономить треть средств; выделенных на экспедицию. На эти деньги смогли купить более 2 тысяч предметов, которые составили огромную этнографическую коллекцию.

105

Опытный охотник в состоянии отличать виды диких животных по их помету.

106

Риск кукуруза и пшено являются основными продуктами питания (наряду с дарами леса) лепчасов.

107

В целом экспедиция оснащалась так, чтобы по возможности ограничить вес нашего оборудования и избавиться от так называемого балласта.

108

В целом в Сиккиме можно найти до 30 видов рододендронов, которые растут на высоте от 1000 до 5000 метров.

109

Гекконы — маленькие степные ящерицы, которые очень часто встречаются в Индии. Они живут в домах и предпочитают вылезать из своих укрытий по вечерам. Их не прогоняют, так как гекконы уничтожают москитов.

110

Нам удалось подстрелить трех сильных самцов и несколько самок с телятами.

111

Обо — священные места, сооруженные из каменных глыб. Они украшены звериными черепами и флажками с молитвами. Они очень характерны для высокогорного Тибета и Монголии.

112

Это произошло во время военной экспедиции Френсиса Янгхасбэцда 1904 года.

113

Англичане создали между Гангтоком и Гьянцзе целую систему постоялых дворов, которыми мы охотно пользовались.

114

Ю — провинция, где располагается Лхаса, является сферой влияния Далай-ламы.

115

Цанг — провинция, где располагается Шигацзе, является оплотом Панчен-ламы.

116

По-тибетски оно называется «хадак». Имеется около двадцати разновидностей вручения хадака. Для каждой ситуации существует четко выверенный церемониал.

117

Это здание называется «Омбу-лхакан».